
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. В. Митюрин

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА:**

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2005

ББК 63.3 (2) 62
Мит66

Серия основана в 1994 г.

Митюрин Д. В.

Мит66 Великая Отечественная война: победители и побежденные. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2005. — 528 с.: 16 л. ил. —(Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-89173-318-8

Данная книга по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. необычна тем, что ее автор, владея уникальным биографическим материалом, изложил его в форме увлекательных сравнительных жизнеописаний. Пытаясь максимально объективно взглянуть на участников той войны — как на победителей, так и на побежденных, — автор сопоставляет судьбы видных деятелей противоборствующих сторон, среди которых и выдающиеся полководцы, и ближайшие сподвижники Сталина и Гитлера, и лучшие специалисты военного дела, и деятели культуры. Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

ББК 63.3 (2) 62

ISBN 5-89173-318-8

© ООО «Издательство «Полигон», 2005
© Д. В. Митюрин, 2005

Предисловие

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло 60 лет. За это время многое изменилось. Нет больше на карте страны-победительницы — Советского Союза, а вот Германия — страна побежденных — чувствует себя очень даже неплохо. Однако этот исторический парадокс отнюдь не влияет на наше отношение к Дню Победы; в России, да и в большинстве других бывших республик Союза оно остается столь же трепетным, как и раньше. Другое дело, что несколько изменился угол зрения.

Большое видится на расстоянии, и, как это ни парадоксально звучит, сегодня мы знаем о войне больше, нежели в 1945-м. Тогда каждый смотрел на события глазами их непосредственного участника, а главным чувством было ощущение торжества от победы над сильным и жестоким противником. И это была самая главная и самая важная правда...

Но тем не менее оставалось множество «почему», непременно требовавших ответа: «почему жертв было так много?», «почему мы чуть не проиграли войну?» и «почему мы ее все-таки выиграли?» Советские историки списывали наши огромные потери на жестокость, с которой фашисты истребляли мирных жителей, причину поражений видели во вражеском коварстве, а одержанную в финале победу объясняли не только, и даже не столько, героизмом народа, сколько «руководящей и направляющей ролью партии». И это тоже была правда, но уже менее правдивая...

А потом началась «перестройка», и на граждан хлынул поток новой информации. Воспоминания наших врагов и союзников, исследования западных историков, введение в научный оборот ранее неизвестных архивных документов — все это приоткрывало целые пласты прошлого, ко-

которые не только корректировали, но и в значительной степени переворачивали наши представления о нем. Советские граждане, встречавшие немцев хлебом-солью, десятки тысяч бывших красноармейцев, служивших под знаменами Рейха, и целые народы, заклеянные словом «предатели». А наши огромные и неоправданные никаким здравым смыслом людские потери? А коммунизм, силой навязываемый освобожденным народам?

Не удивительно, что в какой-то момент в публицистике начали раздаваться голоса: зря, мол, мы разгромили Германию, а так бы «умная нация покорила весьма глупую-с», пришли бы, мол, немцы, и был бы у нас «орднунг» (порядок).

К счастью, подобная точка зрения не прижилась. Народы не столько умом, сколько «нутром» почувствовали лживость этой концепции. Так что сегодня День Победы по-прежнему остается праздником с большой буквы. И еще, конечно же, «праздником со слезами на глазах», поскольку трудно найти в бывшем Союзе семью, не потерявшую в этой страшной войне хотя бы одного человека.

И здесь вновь возникают бесконечные «почему», на которые в ряде случаев так и не найдены однозначные ответы. А если и найдены, то правда зачастую оказывается слишком горькой. Так, говоря о соотношении потерь, приходится констатировать, что немцев мы в некоторой степени завалили трупами. Чем остается утешаться в данном случае? Тем, что, пускай и завалили, но все-таки победили.

Или вопрос о сходстве и борьбе двух идеологий — нацизма и коммунизма. Да, сходство, бесспорно, существовало, но это было сходство двух режимов, а не идеологий, да и оно носило отнюдь не внутренний, а внешний характер. Ведь коммунизм, даже в сталинской его интерпретации, все-таки имел целью построение некоего счастливого общества, в котором имелось место даже для представителей чуждых классов (разумеется, соответственным образом перевоспитанных). В нацизме же роль врага отводилась всем «неарийцам», и для них в обществе буду-

щего места просто не находилось. Не удивительно, что все, кто был объявлен «недочеловеками», столкнувшись с выбором «коммунизм или нацизм?», «Сталин или Гитлер?», всегда, хотя и со скрипом, выбирали коммунизм и Сталина.

Бесспорно и то, что при всей своей жестокости сталинская модель социализма проявила удивительную живучесть. Задумаемся, почему в 1917 г., находясь в гораздо более благоприятном военном, геополитическом и экономическом положении, Россия проиграла противостояние с Германией, а в 1945 г. выиграла? Неужто солдаты тогда были менее храбрыми или полководцы менее талантливыми? Да и Первую мировую войну Россия встретила в обстановке единения, чего не скажешь о Советском Союзе 1941 г. Но царский режим ухитрился растерять весь капитал народного доверия, а вот коммунисты, хотя и понаделав множество ошибок, и даже запятнав себя настоящими преступлениями, сумели все-таки сплотить общество и даже наладить сотрудничество со своими бывшими западными противниками.

Так что борьба идеологий играла во Второй мировой войне не последнее место. И то, что коммунизм, в конечном счете, оказался в одном лагере с демократией, можно считать фактом весьма показательным.

Однако перейдем от общеисторических размышлений к конкретным историческим персонажам. Долгие годы представление о враге у нас страдало некоторой безликостью. Нет, конечно же, мы знали по фамилиям многих фашистских лидеров и военачальников, но воспринимались они исключительно как некие абстрактные и гротескные фигуры однозначно черного цвета. Может быть, поэтому и стал такой сенсацией фильм «Семнадцать мгновений весны», ведь враги в нем впервые предстали перед нами как люди из плоти и крови. Мерзавцы, конечно, но все-таки люди.

Еще более удивительные вещи выяснились в 1990-е гг. Знакомясь с биографиями и мемуарами вождей Третьего рейха, читатели видели в каждом из них живого человека.

И практически тогда же, под влиянием многочисленных разоблачений, люди из «сталинской команды» в общественном восприятии начали превращаться в карикатурных злодеев.

Конечно, все это были издержки гласности. Сегодня, когда неразбериха в умах более-менее закончилась, настало время дать взвешенные оценки. Ну, а поскольку истина познается в сравнении, то нет ничего удивительного в том, что взглянуть на Вторую мировую войну автор решил через «сравнительные жизнеописания», форму которых он опробовал еще в своей предыдущей книге — «Белые и красные».

В ней, правда, речь шла о Гражданской войне в России, где все было более неоднозначно.

Если же говорить о Второй мировой и Отечественной войнах, то вопрос, кто прав и кто виноват, здесь в общем-то не вызывает особых сомнений. Да, с чисто человеческой точки зрения многие из наших врагов выглядят не хуже, а то даже и лучше, нежели их советские противники. Но дело, которому они служили, было настолько страшным, что нет и не может быть им никакого оправдания. И, наоборот, многие палачи и верные сталинские клеветы, хоть и частично, но все-таки искупили часть своих злодейств только по той причине, что и они в какой-то момент имели отношение к самой великой в нашей истории ПОБЕДЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛКОВОДЦЫ

БРАУХИЧ ПРОТИВ ТИМОШЕНКО: ПОЛКОВОДЦЫ В ТЕНИ ДИКТАТОРОВ

Едва ли не каждый диктатор воображал себя гениальным полководцем. Однако в настоящей войне ни один из них не обходился без помощи профессионалов. Сталин и Гитлер не представляли здесь исключения. Другое дело, что и тот, и другой при подборе сподвижников зачастую ориентировались не столько на способности, сколько на личную преданность того или иного из кандидатов. В результате в 1941 г. на посту командующего вермахтом оказался фельдмаршал Вальтер фон Браухич, а Красную Армию возглавил маршал Семен Константинович Тимошенко.

Карьера 1. Браухич

Вальтер фон Браухич родился 4 октября 1881 г. в Берлине в семье генерала от кавалерии. Учитывая высокий чин родителя, понятно, что уже в юности мальчик мечтал как минимум о генеральских эполетах. И надо признать, что отец сделал все, чтобы эти мечты стали реальностью.

Вальтер воспитывался при дворе, где в качестве пажа носил шлейф за самой императрицей Августой-Викторией. Здесь, рядом с монархами, юноша обзавелся связями, которые очень помогли ему в дальнейшей карьере.

В 1900 г. бывший паж Браухич получил звание лейтенанта и поступил в 3-й гвардейский пехотный полк. В профессиональном плане свой теоретический уровень Вальтеру пришлось повышать в Военной академии, а в плане практическом — на Западном фронте, в Бельгии и во Франции. Первую мировую войну он закончил в чине майора и со стан-

дартным для офицера его уровня орденским набором (Железные кресты 1-й и 2-й степени и Рыцарский крест Дома Гогенцоллернов). Местечко в рейхсвере для Браухича нашлось без труда, и вплоть до 1933 г. медленно, но верно наш герой карабкался по ступенькам служебной лестницы.

К моменту захвата власти нацистами он уже занимал достаточно важный пост командующего 1-м военным округом (Восточная Пруссия). Гитлер присвоил ему звание генерал-лейтенанта, однако Браухич частенько давал понять, что весьма неприязненно относится к новым правителям. Так, однажды он выгнал с маневров окружные части СС и вдрызг рассорился с местным нацистским гауляйтером Эрихом Кохом.

Будучи истым католиком, Браухич возмущался антицерковной политикой фюрера, а однажды, присутствуя на «триумфе воле» (нацистском съезде в Нюрнберге), заявил одному из своих коллег, что хотел бы жить за границей.

И вдруг в 1937 г. этот без пяти минут антифашист превратился в сторонника Гитлера. Причина столь разительной метаморфозы заключалась в том, что Вальтер фон Браухич влюбился. Его избранницей стала ярая нацистка Шарлотта Шмидт (урожденная Рюффер), муж которой (банкир) очень своевременно утонул в ванне во время купания.

В консервативной армейской среде развод фактически означал последующую отставку и, разумеется, крах карьеры. К тому же первая жена Вальтера соглашалась на расторжение брака только при условии выплаты крупного единовременного пособия. Но вдруг все проблемы разрешились с удивительной легкостью. Развод прошел тихо и безболезненно, бывшая супруга получила требуемую сумму, а сам генерал воссоединился с объектом своих мечтаний.

В роли «добрého волшебника», помогшего Браухичу, выступил Адольф Гитлер. Самое интересное, что на этом счастье не закончилось, и наш герой фактически возглавил все моторизованные и танковые части вермахта. А уже в следующем году грянул скандал, в ходе которого своих постов лишились военный министр Бломберг и главнокомандующий сухопутными силами Фрич.

После перестройки структуры управления вермахтом обязанности Бломберга взял на себя сам Гитлер, место главнокомандующего вооруженными силами (ОКВ) досталось Кейтелю, а пост, ранее занимавшийся Фричем, — Браухичу, который к тому же получил еще и звание генерал-полковника.

Теперь, когда Браухич был обязан Гитлеру столь многим, ему оставалось лишь оправдывать оказанное доверие. Новый командующий сухопутными войсками (ОКХ) уволил всех оппозиционно настроенных генералов и все реже и реже пытался возражать фюреру. Правда, во время кампании в Польше он еще умел принимать самостоятельные решения. Но после оккупации страны без единого возражения Браухич передал все полномочия представителям СС и полиции. Если же говорить о кампании против Франции, то здесь роль начальника ОКХ вообще свелась к минимуму, что, впрочем, не помешало ему получить высшее воинское звание генерал-фельдмаршала.

Впоследствии вместе с Кейтелем Браухич покорно принимал все распоряжения Гитлера, идущие вразрез с правилами боевых действий. Вместе они подписывали печально известный «Приказ о комиссарах» и вместе выслушивали тираду Гитлера, в которой он пытался обрисовать методы выполнения плана «Барбаросса»: «Войну против России нельзя вести по-рыцарски. Это борьба есть борьба идеологий и расовых противоречий, и она должна вестись с беспрецедентной, ни с чем не считающейся безжалостной жестокостью. Всем офицерам надлежит избавиться от устаревших и обветшалых теорий».

Карьера 2. Тимошенко

Семен Константинович Тимошенко родился 19 февраля 1895 г. в селе Фурмановка Одесской губернии, в семье крестьянина. Биографы не слишком любили касаться ранних страниц его биографии и всячески замалчивали тот факт, что, оказавшись на фронте, кавалерист Тимошенко дослужился до офицерского звания. Еще больше неяснос-

тей связано с личной жизнью будущего наркома: имеют лишь глухие упоминания, что его первая жена («турчанка из знатного рода») во время Гражданской войны скрылась в неизвестном направлении, оставив на руках мужа недавно родившуюся дочь — Екатерину.

Впоследствии девочка станет женой Василия Сталина и невесткой самого «отца народов». Однако тогда, в 1918 г., для Тимошенко она была скорее обузой, нежели радостью. Впрочем, лихой кавалерист недолго ходил в холостяках, и вскоре вторая жена родила ему сына Константина (позже женившегося на дочери маршала В. И. Чуйкова).

Военную службу бывший «золотопогонник» продолжил в Красной Армии. В 1919 г. он вступил в партию и примерно тогда же познакомился с Буденным, Ворошиловым, Сталиным. В рядах знаменитой Первой Конной Тимошенко командовал 6-й кавалерийской дивизией и даже прославился несколькими победами, наиболее заметной из которых стало лихое взятие Ростова-на-Дону (8 января 1920 г.).

После Гражданской войны Семен Константинович закончил Высшие военно-академические курсы и курсы командиров-единоначальников, затем командовал Северо-Кавказским и Харьковским военными округами. Тогдашний нарком обороны Ворошилов помнил о совместной службе в рядах Первой Конной и потому смотрел на Тимошенко как на «своего человека». В 1937–1938 гг. крупные военачальники, не связанные так или иначе с «конно-армейцами», как правило, становились жертвами репрессий. Семен Константинович относился к тем, кого можно было назвать «неприкасаемыми», и для него сталинские «чистки», по сути, открыли путь к дальнейшей карьере.

В начале 1938 г., когда волна репрессий докатилась до Украины, Тимошенко назначили командующим Киевским военным округом. В строгом соответствии с генеральной линией Семен Константинович выискивал и разоблачал «врагов народа», вследствие этого командные кадры округа понесли огромные потери.

Впрочем, сам Тимошенко не был помешан на борьбе со шпионами и, когда «чистки» закончились, воспринял

это с большим облегчением. На самом деле Семен Константинович предпочитал заниматься созидательной деятельностью. Его стараниями началось перевооружение округа, а потери, понесенные в командном составе, более или менее восполнились за счет ускоренной подготовки нового поколения «краскомов».

Забегая вперед, отметим, что эти же черты будут характерны и для деятельности Тимошенко на посту наркома обороны. Другое дело, что лучше было бы обойтись вообще без репрессий. Но тут уж ничего не поделаешь: Сталину была нужна абсолютно преданная армия...

Фамилия Тимошенко прогремела вскоре после начала Второй мировой войны — 17 сентября 1939 г. Именно в этот день польскому послу в Москве вручили ноту, в которой советское правительство утверждало, что Польша перестала существовать как государство, ее правительство исчезло, и потому Красной Армии дан «приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Белоруссии».

Фактически речь шла о разделе Польши между Советским Союзом и Германией. Освободить Западную Украину предстояло войскам возглавляемого Тимошенко Украинского фронта. И хотя польский главнокомандующий маршал Э. Рыдзь-Смиглы приказал своим войскам не вступать в бои с Красной Армией, в ряде мест дело все-таки дошло до вооруженных столкновений.

Так, неподалеку от Львова прорвавшиеся от границ Восточной Пруссии кавалеристы генерала Андерса почти начисто вырубали два полка нашей пехоты. Только пустив в бой танковые части, Тимошенко сумел выиграть сражение и, самое главное, предотвратить прорыв неприятеля на советскую территорию.

Правда, подобные эпизоды были скорее исключением, чем правилом. В Кремле даже постеснялись назвать «освободительный поход» военной кампанией и приравнивали его к «маневрам». Тем не менее какой-никакой опыт ведения современной войны у Тимошенко появился. И, видимо, с учетом этого опыта его направили решать более сложную задачу...

В конце 1939 г. советские войска накрепко застряли под линией Маннергейма. Командующий Северо-Западным фронтом К. А. Мерецков не справлялся с задачей, и тогда на его место заступил Семен Константинович. Нагнав больше войск, стянув дополнительные танковые и артиллерийские соединения, с большими потерями Тимошенко все-таки прорвал финскую оборону. Семени Константиновича наградили Звездой Героя Советского Союза и произвели в звание маршала. Более того, в мае 1940 г. он сменил Ворошилова на посту наркома обороны...

В недели, предшествовавшие гитлеровскому вторжению, Тимошенко вместе с начальником Генштаба Жуковым пытались убедить Сталина привести войска в боевую готовность. Пожалуй, наиболее бурное совещание по этому вопросу состоялось 18 июня 1941 г. В конце разговора от имени других членов Политбюро Сталин предупредил военных: «Если будете продолжать провоцировать немцев на границе передвижениями войск без нашего разрешения, полетят головы, попомните мои слова».

Вскоре тираду вождя Тимошенко пришлось вспоминать с горькой усмешкой. Немецкие войска перешли границу и устремились по трем направлениям: на Ленинград («Север»), на Москву («Центр»), на Киев («Юг»). Потрясенный Сталин целую неделю переваривал эту новость у себя на даче. И все эти дни главная тяжесть и практически вся ответственность за ситуацию на фронтах обрушилась на наркома обороны.

1941-й. Выиграть время

Только 30 июня, оправившись от потрясения, Сталин вернулся к выполнению своих обязанностей. Все вопросы, связанные с ведением боевых действий, перешли к Государственному комитету обороны. Тимошенко бросили на самый ответственный участок, назначив главнокомандующим Западного направления. Именно здесь, в центре России, действовали главные силы вермахта, и именно сюда, на Москву, направлял свой главный удар Браухич...

Можно сказать, что в начале июля практически всем нацистским военачальникам будущее представлялось в самом розовом свете. Время, которое они отводили для разгрома Советского Союза, варьировалось, по разным оценкам, от двух до трех месяцев. И, в общем-то, первые три недели все шло строго по графику. Дневниковые записи германских генералов в эти дни были заполнены сообщениями о новых победах и десятках тысяч захваченных военнопленных. Однако именно в середине июля радостные новости все чаще стали перебиваться тревожными записями: «русские ожесточенно сопротивляются», «мы не успеваем»...

Браухич и его подчиненные сходились на том, что Советский Союз нужно разбить до зимы. Для этого, по их мнению, следовало наступать на Москву и не отвлекаться на второстепенные цели. Тимошенко сразу же понял суть вражеского замысла и именно на центральный участок начал бросать все подходившие с востока резервы.

Здесь следует вспомнить еще одно правило военного искусства: резервы не стоит бросать в бой по частям, гораздо разумнее собирать их в кулак, чтобы в решающий момент кардинально переломить ситуацию. Семен Константинович знал эту истину, однако выбора у него не было. Все подходившие с востока части сразу же шли на фронт, где практически сразу же перемалывались противником. Однако их гибель не была бесполезной, поскольку темпы германского наступления постоянно снижались.

Накал боев достиг своего пика 25 июля, когда двигавшаяся до этого с рекордной скоростью танковая группа Гудериана застряла в районе Смоленска, где оборонялась 16-я армия. Дело дошло до того, что, получив очередное подкрепление, Тимошенко рискнул огрызнуться и нанес контрудар по направлению к Ельне...

Вместо того, чтобы затыкать все бреши, Семен Константинович перекрыл самую важную — у Смоленска. И хотя Смоленск немцы все-таки взяли, эта победа оставила у них горькое чувство. Советский Союз получил время, столь необходимое ему для мобилизации всех имеющихся ресурсов, Гитлер же по истечении двух месяцев с

ужасом обнаружил, что, несмотря на все одержанные победы, кампания по-прежнему далека от завершения.

В результате, отложив Москву до лучших времен, Гитлер двинул часть своих танков под Ленинград и на Киев. Эту ошибку многие военачальники, в том числе и Браухич, считали одним из тех роковых решений, которые предопределили поражение Германии. Однако сам начальник ОКХ по сути не сделал никаких попыток возразить фюреру. Если верить его заместителю Гальдеру, к тому времени Браухич уже находился на грани нервного истощения и прятался «за железной маской невозмутимости, чтобы не выдать своей полнейшей беспомощности».

Осуществив перегруппировку войск, немцы действительно сумели одержать победу под Киевом, но так и не справились с Ленинградом. Только в середине сентября, когда время уже было упущено, Гитлер снова вернул танковые группы на центральное направление. Браухич печально следил за всеми этими манипуляциями, но продолжал молчать и в конце концов слег с сердечным приступом. К работе он вернулся только в ноябре 1941 г., как раз накануне мощного контрнаступления Красной Армии.

Первую крупную победу в этой кампании советские войска одержали именно под командованием маршала Тимошенко. Возглавляемые им части Юго-Западного фронта скоординированными ударами выбили неприятеля из Ростова-на-Дону и отбросили две дивизии СС на 65 километров от города.

А уже в начале декабря под Москвой развернулась операция «Тайфун». Как только начали поступать сведения о первых неудачах вермахта, Браухич понял, что ему предназначена роль «козла отпущения», и подал в отставку. Гитлер принял ее только через две недели. Последняя встреча фюрера и фельдмаршала продолжалась два часа и закончилась истерикой Гитлера. Он начал кричать, что он лично берет на себя командование сухопутными силами, так как не знает ни одного генерала, который смог бы привить армии дух национал-социализма. «Впрочем, — внезапно смягчившись, произнес он, — мы останемся друзьями».

В дни, когда завершилась карьера Браухича, слава Тимошенко находилась в зените. Не случайно даже английский журнал «Таймс» назвал его самым популярным человеком года и лучшим полководцем союзников.

Браухич. Финал

В конце жизни Браухич оказался абсолютно сломленным человеком. Он, кадровый военный и потомок аристократов, пожертвовал своей честью, чтобы служить какому-то бывшему ефрейтору! А в результате в конце жизни превратился в больного и никому не нужного пенсионера.

Гестапо некоторое время следило за отставным фельдмаршалом, но затем, убедившись в его слабости и безволии, сняло наблюдение. Браухич, с его привычкой повиноваться, действительно даже и не думал о какой-либо оппозиции. После провала антигитлеровского заговора он даже выступил с публичным осуждением «преступников» и, что было совсем уж неуместно, одобрил назначение эсэсовца Гимmlера на должность командующего резервной армией. Но все эти выражения верноподданничества никак не повлияли на Гитлера, который даже и не думал о возвращении Браухича на службу.

Бывший начальник ОКХ был арестован англичанами в своем поместье в Шлезвиг-Гольштейне в мае (1945 г.). Практически ослепшим его держали в тюремной камере и готовили к судебному процессу. Однако процесс так и не состоялся, поскольку 18 октября 1948 г. Вальтер фон Браухич скончался в тюремном госпитале в Гамбург-Бармбеке.

Тимошенко. Изменчивость славы

Вся слава маршала Тимошенко пошла прахом весной 1942 г. Сначала ему не удалось уничтожить окруженную под Демянском группировку противника. А затем с треском провалилась доверенная ему операция по освобождению Харькова. Определенную роль в этом поражении сыграло роковое стечение обстоятельств, когда наше на-

ступление неудачно «наложилось» на готовившееся в этом же районе наступление противника. Однако бесспорно и то, что Семен Константинович испытал некоторое головокружение от успехов и действительно допустил серию стратегических просчетов.

С тех пор к самостоятельному командованию его не подпускали. При этом Тимошенко постоянно выступал в роли представителя Ставки и координировал совместные действия фронтов в различных операциях. Тем не менее и на Черном море (июнь — ноябрь 1943 г.), и в Прибалтике (февраль — июнь 1944 г.), и на территории Восточной Европы (август 1944 — май 1945 гг.) его роль сводилась скорее к роли свадебного генерала.

После разгрома Германии Семен Константинович удостоился высшего полководческого ордена «Победа». Правда, на фоне таких военачальников, как Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев, Малиновский, Говоров и др., герой Гражданской войны маршал Тимошенко смотрелся столь же архаично, как и его коллеги по Первой Конной — Ворошилов и Буденный.

В дальнейшем Тимошенко занимал почетную, но не слишком значимую должность председателя Советского Комитета ветеранов войны. К 70-летию он был награжден второй Звездой Героя Советского Союза. Скончался Семен Константинович 31 марта 1970 г. и был похоронен у Кремлевской стены на Красной площади.

И Браухич, и Тимошенко были пусть и не гениальными, но довольно неплохими полководцами-профессионалами. Однако, если Браухич к 1941 г. был уже абсолютно приручен Гитлером, то с Тимошенко произошла прямо противоположная история. Человек, некогда ходивший у Сталина «на помочах», со временем вышел из тени диктатора и даже превратился в военачальника, с чьим именем ассоциировались наиболее крупные победы Красной Армии. Впрочем, в окружении Сталина (да и на этом свете) подобные люди долго не задерживались, так что, возможно, «изменчивость славы» сыграла с ним не такую уж скверную шутку.

ГАЛЬДЕР ПРОТИВ ШАПОШНИКОВА: ВОЙНА В ТИШИ КАБИНЕТОВ

Противостояние рядовых бойцов отличается от противостояния полководцев. На передовой солдаты зачастую сталкиваются лицом к лицу, и тогда побеждает более сильный, более меткий, более ловкий. Поединок полководцев, напротив, происходит на расстоянии, когда каждый из «дуэлянтов», сидя в своем кабинете словно гроссмейстер шахматы, передвигает по карте фигурки дивизий, корпусов, армий. Однако существует особая категория военачальников, на чей счет историки редко записывают победы в сражениях. И в то же время, бесспорно, что ни одна из крупных операций не состоялась бы без их самого активного участия. Речь идет о работниках «мозга армии» — Генерального штаба. В начале Великой Отечественной войны во главе соответствующих структур вермахта стоял генерал Франц Гальдер, а РККА — маршал Борис Михайлович Шапошников. Оба они были выдающиеся стратеги.

Карьера 1. Гальдер

Франц Гальдер родился 30 июня 1884 г. в Вюрцбурге в старинной дворянской семье, большинство представителей которой служили в баварской армии. Юноша пошел по стопам предков, с той единственной разницей, что служить ему пришлось не в войсках Баварского королевства, а в армии единой Германской империи.

Еще в период обучения в кадетском корпусе Франц демонстрировал великолепные аналитические способности. В 1902 г. он был зачислен в армию лейтенантом и, отслужив необходимый минимум в строевых частях, поступил в Баварскую Военную академию. Закончил ее Гальдер

в 1914 г., как раз перед Первой мировой войной. За последующие четыре боевых года Франц последовательно прошел все уровни штабной работы — от дивизии до группы армий. Начальники были в восторге от своего подчиненного, так что после поражения в войне вопрос «оставят или не оставят в рейхсвере?» для Гальдера даже не стоял. Его не только оставили, но и продолжали продвигать по службе. С 1929 г. он работал в Военном министерстве, а в 1934 г. получил звание генерал-майора.

В Германии, как и в других странах, штабных работников время от времени назначали на строевые должности. Нашему герою также пришлось недолго покомандовать дивизией, он вновь вернулся к кабинетной работе, став обер-квартирмейстером Генерального штаба.

В 1938 г. непосредственный начальник Гальдера генерал Бек подал в отставку, так как считал, что намерение Гитлера оккупировать Чехословакию приведет к новой мировой войне и новому поражению Германии.

Место Бека во главе штаба Главного командования сухопутными войсками (ОКХ) занял его единомышленник — Франц Гальдер. Новый шеф ОКХ не стал выступать с протестами, а сразу же попытался организовать заговор против фюрера. В путче собирались участвовать командующий Берлинским округом и будущий фельдмаршал Эрих фон Вицлебен, будущий «герой Демянска» генерал Брокдорф-Аллефельдт, лидер националистической организации «Стальной шлем» Фридрих Хайнц и др.

Все уже было готово к выступлению, когда пришло известие, что Англия и Франция согласились отдать Чехословакию на растерзание. Гитлер стал «национальным героем», и пытаться свергнуть его в этот момент было бы равносильно безумию.

Еще два заговора Гальдер попытался организовать в начале Второй мировой войны, однако на фоне разгрома Польши и Франции эти планы также были неосуществимыми.

Бесспорно, авантюристичная, но очень успешная внешняя политика фюрера произвела впечатление на его оп-

понентов. Теперь им приходилось выбирать: либо по-прежнему пытаться бороться с Гитлером, либо помочь ему в достижении мирового господства. Правда, реалисты, подобные Гальдеру, догадывались, что мировое господство — это мираж. Но в 1940 г. этот мираж казался таким близким и таким достижимым...

Как писал Э. фон Манштейн, «политический деятель может играть двойную роль: ответственного советника и заговорщика. Солдаты же обычно не годятся для подобной игры. Долг Гальдера как начальника Генерального штаба состоял в том, чтобы всеми силами обеспечивать победу армии, за руководство которой он нес ответственность. В своей второй роли, однако, он не мог желать этой победы. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что генерал-полковник Гальдер разрешил эту дилемму, приняв решение в пользу своего военного долга, и приложил все свои силы для того, чтобы верно служить германской армии в этой тяжелой борьбе».

Карьера 2. Шапошников

Борис Михайлович Шапошников родился в городе Златоусте Уральской губернии. Отец его всю жизнь работал писарем в купеческой лавке. Детей в семье было много, так что существовать приходилось в режиме жесткой экономии. Именно ради экономии Борису пришлось поступить не в гимназию, а в более дешевое промышленное училище. И опять-таки из экономии, даже с очень неплохим средним балом успеваемости (4,3), вместо традиционного для разночинцев технического вуза ему пришлось выбрать Алексеевское военное училище.

В 1903 г. Шапошников получил назначение в Туркестанский стрелковый батальон, где довольно быстро оказался на хорошем счету у командования. Помимо великолепных теоретических знаний Борис мог продемонстрировать прекрасное владение практическими навыками. С особым блеском занимался он строевой подготовкой. Рассказывали, что однажды, показывая, «как нельзя

делать ружейный прием», он от ноги подбросил перед собой винтовку так, что она трижды перевернулась в воздухе, а затем быстро поймал ее на уровне груди.

В 1907 г. Шапошников попал в число счастливчиков, сдавших экзамен в Академию Генерального штаба. После ее окончания (1910 г.) Борис Михайлович прошел строевую практику в качестве командира роты и получил назначение в штаб 14-й кавалерийской дивизии. В боях Первой мировой войны Шапошников «показал хорошее знание тактики, умение быстро ориентироваться в сложной боевой обстановке, смелость и отвагу».

Осенью 1914 г. храбрый офицер получил контузию. Выйдя из госпиталя, он последовательно занимал должности от начальника штаба бригады до начальника штаба корпуса. После Февральской революции на фронте начался беспорядок. И как раз в это время Борис Михайлович попал на строевую должность командира 16-го гренадерского Мингрельского полка. Впрочем, ему удалось наладить отношения с подчиненными, и в декабре 1917 г. съезд солдатских комитетов даже избрал полковника Шапошникова начальником Кавказской гренадерской дивизии.

Как раз в это время у Бориса Михайловича начались проблемы со здоровьем: ему поставили диагноз — «недостаточное кровообращение». Он был вынужден выйти в бессрочный отпуск, ну а к моменту его выздоровления старая армия уже прекратила свое существование.

Что же заставило Шапошникова начать сотрудничество с большевиками? Скорее всего речь шла об обычной нужде. Чем в самом деле мог прокормить себя офицер как не военной службой? Создаваемая буквально «с нуля» Красная Армия отчаянно нуждалась в хороших профессионалах. И у Бориса Михайловича имелись все основания полагать, что там его будут ценить намного больше, чем в лагере белых (где генштабистов и без того было достаточно)...

В 1921 г. Шапошников стал первым помощником начальника Штаба РККА. Стремительность его карьеры

объяснялась общей линией большевистского руководства, направленной на привлечение военных специалистов. И если полевыми частями командовали, как правило, бывшие революционеры и выходцы из народа, то разрабатывать операции и корпеть над картами приходилось бывшим царским генералам и офицерам. За верную службу таким «военспецам» позволялись некоторые вольности. Шапошников, например, носил «старорежимную» прическу с пробором, обращался к коллегам «голубчик» или даже «сударь», не допускал панибратства с подчиненными. Однако на подобные мелочи закрывали глаза, поскольку они вполне искупались его профессионализмом и лояльностью к существующему режиму. Эту лояльность Шапошников лишний раз подтвердил в 1930 г., вступив в ряды большевистской партии.

С 1925 г. Борис Михайлович командовал войсками Ленинградского, Московского, Приволжского военных округов, возглавлял Военную академию им. Фрунзе. В 1929 г. Шапошников опубликовал капитальный труд «Мозг армии», посвященный анализу деятельности Генерального штаба при подготовке и ведении боевых действий. Ну а возможность реализовать все это на практике предоставилась ему в 1937 г., после того как он возглавил Генеральный штаб Красной Армии.

Сталин, ликвидировав многих способных военачальников, относился к Шапошникову с большим уважением, и даже, единственному из соратников, разрешал ему курить в своем присутствии. Однако Борис Михайлович все-таки побаивался конфликтовать с вождем. Так, в 1939 г. Генеральным штабом был разработан план войны с Финляндией, суть которого сводилась к тому, чтобы использовать против неприятеля максимально возможное количество живой силы и техники. Однако Сталин решил, что можно обойтись войсками одного Ленинградского военного округа. В результате Красная Армия надолго застряла перед линией Маннергейма, и только ценой огромных потерь войну удалось закончить с более-менее приемлемым результатом.

Сталин, видимо, обидевшись, что Шапошников не проявил настойчивости в отстаивании своего мнения, снял его с должности начальника Генштаба, но одновременно, видимо, в утешение произвел в звание маршала.

Гадание на картах: Север? Юг? Центр?

В сущности поединок советского и немецкого Генеральных штабов начался задолго до 22 июня 1941 г. Согласно разработанному Гальдером плану «Барбаросса», нападение на СССР должно было осуществляться по двум оперативным линиям — севернее и южнее Припятских болот. Действовавшая на юге группа армий фон Рунштедта наносила вспомогательный удар в направлении Киева. Части, наступавшие севернее, состояли из двух групп армий под командованием фон Бока и фон Лееба. Войска Лееба после перехода границы наносили другой вспомогательный удар — через Прибалтику к Ленинграду. Однако наибольшие силы выделялись наступавшей в центре группе фон Бока, которой и предстояло овладеть советской столицей.

Шапошников предполагал, что главный удар в случае германского нападения будет наноситься именно в центре. И именно на этом тезисе базировался разработанный им оперативный план 1940 г. Однако новый начальник Генштаба Жуков главную опасность видел на юге, что, разумеется, отразилось на оперативном плане следующего, 1941 года.

Подобные стратегические ошибки не остаются безнаказанными. И если в первые недели войны советские войска довольно удачно отбивали немцев на юге, то вот на северном и особенно на центральном направлении, положение Красной Армии было поистине ужасающим.

Таким образом, к концу июля на южном фланге советские войска образовали своеобразный выступ, который немцы при известных усилиях вполне могли бы «отрезать» и взять в окружение.

Жуков одним из первых увидел опасность и, чтобы ликвидировать угрозу котла, предложил сдать Киев. В резуль-

тате между ним и Сталиным произошло достаточно резкое объяснение, после которого Георгия Константиновича отправили на Западный фронт готовить контрудар под Ельней. Место Жукова во главе Генерального штаба вторично занял Шапошников.

Борис Михайлович, конечно же, сознавал опасность, которая таилась в киевском выступе, но если и указывал на это Сталину, то, по-видимому, очень мягко и ненавязчиво. Во всяком случае, тогдашний подчиненный и будущий преемник Шапошникова, А. Василевский в воспоминаниях о своем шефе писал, что «он руководствовался правилом, которому учил и нас: начальник Генштаба располагает обширной информацией, но Верховный Главнокомандующий оценивает обстановку с более высоких авторитетных позиций».

А вот военный противник Шапошникова Гальдер со своим Верховным Главнокомандующим спорить не стеснялся. И очередной серьезный конфликт с фюрером возник у него как раз по вопросу, хотя и косвенно, но также связанному с киевским выступом.

В августе 1941 г. темпы наступления группы армий «Центр» несколько снизились. Гальдер тем не менее по-прежнему настаивал, что овладение Москвой является приоритетной задачей и вермахту «не следует реагировать на булавочные уколы, которые русские наносят на других направлениях».

Однако захватывать только Москву Гитлеру уже казалось неинтересным: ему хотелось всего и сразу. На севере его соблазнял Ленинград, на юге — Киев. Не удержавшись, фюрер взял из «Центра» одну танковую и одну общевойсковую армии и перебросил их на соседние участки. У Гальдера этот приказ вызвал протест, который едва не завершился рапортом об отставке...

Взять Ленинград вермахту не удалось, но победа под Киевом оказалась весьма убедительной. Красная Армия потеряла на берегах Днепра более 600 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Между тем, даже по самым преувеличенным советским данным, потери немцев были

в шесть раз меньше. И все же по большому счету этот успех обернулся стратегическим проигрышем...

Теперь, когда войска на юге освободились, Гальдер настаивал на том, чтобы как можно быстрее возобновить наступление на центральном участке. Однако время уже было упущено: советский Генштаб воспользовался передышкой, чтобы перебросить к столице резервы из других районов страны, укрепить линию обороны, сформировать новые части из добровольцев и резервистов...

Битва за Москву оказалась, пожалуй, наиболее крупным сражением, в котором столкнулись Гальдер и Шапошников. Правда, непосредственно на фронте войсками руководили другие военачальники, которым, кстати, и досталась вся слава (если говорить о русских) или позор (если говорить о немцах) этой операции. А вот единоборство Гальдера и Шапошникова протекало в тиши кабинетов и осталось практически незамеченным современниками.

В сущности, роль русского и немецкого стратегов свелась к тому, чтобы подготовить победу, добившись перевеса сил в нужном месте и на решающем участке. И тот, и другой сделали все, чтобы решить эту задачу, несмотря на вмешательство своих верховных главнокомандующих. Победа осталась за Шапошниковым, однако в «оправдании» Гальдеру следует сказать, что он сделал все, что мог, и даже проявил в отстаивании своей точки зрения гораздо большую настойчивость, чем его советский коллега.

Гальдер. Отставка, концлагерь, медали

Любопытно, что даже после провала операции «Тайфун» Гитлер так и не захотел признать правоту Гальдера. Вину за поражение под Москвой фюрер, по примеру своего предшественника Наполеона, возложил на «генерала Мороза».

Однако шеф ОКХ по-прежнему не стеснялся отстаивать свое мнение и весной 1942 г. решительно раскритиковал одобренный Гитлером план «Блау». На сей раз предполагалось, что главный удар будет нанесен вермахтом

на юге. Гальдер помнил, как в 1941 г. Гитлер «погнался за тремя зайцами» (Москвой, Ленинградом и Киевом), поймал только одного из них (Киев). Теперь «зайцев» оказалось только два (Сталинград и Кавказ), однако и этого, по мнению шефа ОКХ, было слишком много.

И вновь первые операции, казалось, подтвердили правоту фюрера. 21 августа, когда солдаты 6-й армии уже вышли к Сталинграду, а фашистское знамя развевалось на вершине Эльбруса, Гальдер начал упрекать фюрера, что его стратегия далека от реальности. Гитлер, в свою очередь, занялся рассуждениями о скором крахе СССР и услышал в ответ, что подобное заявление — «полный бред», так как русские выпускают по 1200 танков в месяц. Вождь Третьего рейха не вынес подобной дерзости и приказал Гальдеру прекратить «такую идиотскую болтовню». А спустя месяц пост начальника ОКХ занял Цейтцлер.

После неудачного покушения на Гитлера (20 августа 1944 г.) гестапо узнало о связях Гальдера с некоторыми из заговорщиков. Правда, казнить генерала не стали. Вместо этого его отправили сначала в концлагерь Флессенбург, а затем в Дахау, где он содержался в более или менее сносных условиях.

В конечном счете, наказание пошло Гальдеру на пользу, так как, в отличие от многих других генералов, он оказался в почетной роли одной из жертв нацистского режима. После войны бывший шеф ОКХ принимал активное участие в создании бундесвера. Параллельно он работал в историческом управлении армии США и в 1961 г. даже был награжден Почетной медалью за службу обществу. Скончался Гальдер в ФРГ 2 апреля 1971 г.

Шапошников. Под грохот салюта

В 1942 г. здоровье Бориса Михайловича резко ухудшилось. Как констатировал один из биографов, «возраст, болезнь и особенно нагрузки, выпавшие на его долю, не позволили Шапошникову осуществлять стратегическое руководство вооруженными силами страны на самых важ-

ных и ответственных этапах Великой Отечественной войны. Зато он на своих плечах вынес первый, самый трудный этап войны».

В мае 1942 г. Шапошников сдал руководство Генштабом Василевскому. «Хозяин» подыскал ему более спокойную должность начальника Высшей военной академии имени Ворошилова. Следует отметить, что с августа 1941 г. все приказы Ставки выходили с двумя подписями — Сталина и Шапошникова, и теперь, задним числом, вождь не мог не отблагодарить того, кто разделял с ним ответственность в те трагические месяцы. Борису Михайловичу создали буквально идеальные условия для научной и преподавательской деятельности. Еще при жизни его имя было присвоено Высшим стрелково-тактическим курсам «Выстрел» и Тамбовскому пехотному училищу. Наконец, хотя маршал давно уже не участвовал в разработке операций, ему вручались все новые и новые правительственные награды.

Скончался Борис Михайлович 26 марта 1945 г. Через день его тело было торжественно захоронено на Красной площади у Кремлевской стены. Согласно приказу Верховного главнокомандующего в час погребения Шапошникова артиллерия дала в его честь салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий. А на другой день эти же пушки салютовали войскам, ликвидировавшим крупную немецкую группировку на побережье залива Фриш-Гарша. И можно сказать, что именно эти залпы стали лучшей тризной по бывшему начальнику советского Генерального штаба.

Гальдер и Шапошников не были пламенными сторонниками тех режимов, которым они служили. Однако характеры и мотивы поведения обоих наших героев в значительной степени представляют загадку для исследователей. Франц Гальдер пытался предотвратить Вторую мировую войну и трижды организовывал заговоры против Гитлера. Но вот война началась, и шеф ОКХ делает все для победы германского

оружия. Более того, нарываясь на неприятности, он пытается исправить ошибки фюрера, хотя, в сущности, мог бы их попросту «не заметить». Затем тот же Гальдер оказывается в концлагере. Чем объясняется этот поворот: ошибкой гестаповцев или проснувшись у генерала антинацистскими настроениями? Вопросы, вопросы, вопросы... Скорее всего в генерале уживались два человека — милитарист и патриот. Причем победу попеременно одерживал то один, то другой из этих двух Гальдеров...

Шапошников и словами, и письменными заявлениями и, наконец, делами доказывал свою преданность советскому государству. И это государство осыпало его милостями. Однако любопытно, что в разговорах начистоту никто из современников не считал Шапошникова убежденным большевиком. Что же мешало им поверить в искренность маршала? И почему Шапошникову при этом доверяли самые ответственные должности?

Здесь можно выдвинуть лишь одну версию. Борис Михайлович был искренним патриотом. А в годы Отечественной войны судьба СССР и судьба России так или иначе оказались связаны с судьбой большевистского режима. И в этой ситуации на Шапошникова можно было положиться. Ибо для блага своей Родины он был готов служить кому угодно. Даже большевизму.

БОК ПРОТИВ КОНЕВА: ТРИУМФ ПОБЕЖДЕННОГО

Жестокие поражения 1941 г. поставили крест на судьбах целого ряда советских военачальников. Многие из тех, кто не погиб в боях и не попал в плен, были расстреляны за действительные и мнимые промахи. Подобная участь вполне могла постигнуть и командующего Западным фронтом Ивана Степановича Конева, вчистую проигравшего противостояние с гитлеровским фельдмаршалом Федор фон Бок.

Однако прошло три с половиной года, и войска под командованием все того же Конева успешно продвигались к сердцу Германии. А изрешеченное пулями тело фон Бока в эти же дни валялось в придорожной канаве.

Карьера 1. Федор фон Бок

Федор фон Бок родился 5 декабря 1880 г. в Кюстрине в семье генерала. Все его домашнее воспитание было построено таким образом, что мальчик просто не мыслил избрать себе другую профессию, кроме как профессию военного. После окончания училища он вступил в армию младшим лейтенантом и довольно быстро начал продвигаться по карьерной лестнице.

Высокопоставленный родитель и знатное происхождение способствовали тому, что начальство сразу же обратило внимание на достоинства молодого офицера. Правда, как писали биографы, «он отличался талантами, но отнюдь не гениальностью», однако гениальности от него и не требовалось. Сдержанность, умение держать себя, энергия и, наконец, физическая сила — все это создавало портрет идеального прусского офицера.

В 30-летнем возрасте Бок был причислен к Генеральному штабу, из-за чего первые два года мировой войны ему пришлось провести в ставке кронпринца Руперта в Баварии. Только в 1917 г. он принял командование гвардейским батальоном, во главе которого отличился в битвах при Камбрэ и на Сомме.

После войны майор Бок стал помощником Секта — главнокомандующего сухопутными силами.

Но сокращенная германская армия явно не справлялась с задачами по охране границ и предотвращению беспорядков. И тогда, в обход Версальского мира, был создан нелегальный «черный рейхсвер», маскирующийся под так называемые рабочие команды. В ряде случаев наиболее ретивые офицеры попросту убивали лиц, которые пытались информировать о происходившем Союзную контрольную комиссию. Бок принял самое активное участие как в создании и обучении подобных формирований, так, по-видимому, и в ликвидации «предателей». Однако, несмотря на шум, поднятый левой прессой, никаких обвинений ему так и не предъявили.

В конце концов «черный рейхсвер» поднял мятеж против правительства, но наш герой успел вовремя дистанцироваться от этой авантюры. После того как эпопея с «рабочими командами» закончилась, его на некоторое время «сослали» в Кольберг командовать батальоном, а затем резко повысили до генерал-майора и назначили начальником кавалерийской дивизии.

Приход нацистов к власти Бок воспринял спокойно. Даже предпринятая фюрером «чистка» вермахта не вызвала у него негативных реакций, так как теперь в верхних эшелонах освободилось достаточно свободных вакансий. Правда, место главнокомандующего досталось Браухичу, но зато Боку доверили 1-ю (самую крупную) группу армий. Именно во главе этих войск он прошел польскую кампанию, овладев Варшавой и успешно дойдя до Брест-Литовска.

А вот во время вторжения во Францию части Бока выполняли всего лишь отвлекающую задачу, оккупировав по

ходу дела Бельгию и Голландию и пленив в районе Дюнкерка 40-тысячную французскую группировку. 19 июля 1940 г. Гитлер произвел его в фельдмаршалы и поручил охранять Атлантическое побережье Франции. Бок воспринял подобное назначение с недовольством, пошутив, что все, за чем ему теперь приходится следить, так это, чтобы кто-нибудь ненароком не украл береговую или демаркационные линии.

Разумеется, новоиспеченный фельдмаршал грезил о крупных операциях, но известие о подготовке плана «Барбаросса», как ни странно, не вызвало у него энтузиазма. Судя по всему, перед Бок встала тень Бисмарка, предостерегавшего от войн против России и, тем паче, от войн на два фронта. Однако масштаб будущего похода завораживал, так что сомнения не задержались в его сердце. Накануне германского вторжения Бок (наряду с Леебом и Рунштедтом) принял командование одной из трех наступающих группировок, получившей наименование — Группа армий «Центр».

Карьера 2. Иван Конев

Иван Степанович Конев родился 28 декабря 1897 г. в деревне Лодейное Вологодской губернии в семье крестьянина. Мать умерла, когда сыну было всего два года, а, поскольку отношения с мачехой не сложились, всю заботу о воспитании мальчика взяла на себя его тетка по отцу — Клавдия Ивановна.

Будущий полководец посещал двухклассную земскую школу и четырехклассное земское училище, по окончании которого получил грамоту «За выдающиеся успехи и примерное поведение». Впрочем, по части поведения Ваня отнюдь не был пай-мальчиком: так, однажды, ознакомившись с брошюрой о революции 1905 г., он настолько проникся прочитанным, что не нашел ничего лучшего, как выколотить глаза на портретах русского царя и японского микадо. Обнаружив подобное надругательство, дядя по отцу устроил племяннику взбучку. Однако семья, что называется, было посеяно...

Поработав недолго табельщиком на дровяном складе, в 1916 г. Иван был призван в армию. Получив звание унтер-офицера артиллерии, он сражался на Юго-Западном фронте, где его и застала Октябрьская революция. После демобилизации Конев вернулся в родные места и уже в начале 1918 г. вступил в партию и был избран депутатом Никольского уездного Совета. Крестьянское происхождение не мешало ему активно участвовать в продразверстке, благодаря чему вскоре он уже считался надежным и испытанным коммунистом.

Вместе с другими делегатами 5-го съезда Советов Конев принимал участие в подавлении мятежа левых эсеров, а по возвращении в родной уезд в качестве военного комиссара занимался проведением мобилизации в Красную Армию.

В «незабываемом 1919-м» Иван Степанович в качестве комиссара бронепоезда сражался против колчаковцев, семеновцев и их японских союзников. Затем его карьера сделала еще более резкий скачок, и в 1920 г. Конев уже был комиссаром в армии целого государства — Дальневосточной республики.

Но после Гражданской войны новый нарком обороны Фрунзе взял курс на введение единоначалия, и здесь выяснилось, что весь этот комиссарский опыт стоит немногого. Бывшему политработнику пришлось засесть за учебники по тактике, стратегии, оперативному искусству. Иван Степанович быстро вошел во вкус и, чтобы читать классиков в подлиннике, начал штудировать английский и немецкий. До латыни, правда, он так и не поднялся, но русские издания Тацита и Тита Ливия таскал с собой чуть ли не во всех походах.

Окончив ускоренные курсы при Военной академии им. Фрунзе, Конев стал командиром 50-го стрелкового полка 17-й дивизии. В этой должности Иван Степанович просидел целых пять лет и, кажется, начал всерьез беспокоиться о своей будущей карьере. Только в 1932 г. он наконец-то вернулся обратно в Академию уже в качестве полноценного слушателя. Здесь ему пришлось учиться у таких

корифеев военной истории, как Шапошников и Карбышев. Познакомился Конев и с приезжавшим в Москву на стажировку немецким генералом Гудерианом.

Получив диплом «академика», Иван Степанович вступил в командование дивизией, а в 1937 г., после беседы со Сталиным, был назначен военным советником в Монголию. Судя по всему, это назначение спасло жизнь Коневу. Во всяком случае чистки, унесшие в том числе и одного из его покровителей, маршала Блюхера, пронеслись как-то над головой нашего героя.

Возглавляемый им «ограниченный контингент» целый год отражал все попытки японцев вторгнуться в Монголию. Правда, апофеоз советско-японского противостояния — конфликт на Халхин-Голе — обошелся уже без Конева. Решать эту проблему пришлось его коллеге и будущему сопернику — Жукову.

Что же касается Ивана Степановича, то в 1939–1941 гг. он последовательно командовал Второй Отдельной Краснознаменной армией, Забайкальским и Северо-Кавказским военными округами. Всего за месяц до начала войны Коневу, который по-прежнему оставался командующим округом, было поручено сформировать и развернуть на Украине новую 19-ю армию.

Битва за Москву

Согласно плану «Барбаросса», группе армий «Центр» предстояло взломать советскую оборону в Белоруссии и, соединившись затем с группой армий «Север», развернуть наступление на московском направлении. Однако уже в середине июля запущенная программа начала давать сбои. Группы «Центр» и «Север» так и не смогли взять в кольцо отступающие из Прибалтики советские части. Более того, совместные действия двух групп против Москвы оказались невозможными, так как части Лееба еще только готовились ко взятию Ленинграда. Казалось бы, уже одно это давало поводы для тревоги, но загипнотизированные собственными победами гер-

манские военачальники пока еще не придавали значения отставанию от графика. В конце концов Бок считал, что группа «Центр» и сама сможет овладеть советской столицей. Однако для начала следовало овладеть «ключами от Москвы» — Смоленском.

В сражении за этот город 19-я армия и ее командующий проявили себя в полном блеске. Так, в одном из боев Конев, хотя и поневоле, выступил в роли наводчика пушки и даже подбил один из вражеских танков. Правда, потом, когда немцы пришли в себя, всю свою огневую мощь они сосредоточили на одиноком орудии. В результате генералу и его адъютантам пришлось убежать огородами, а в штаб фронта пошло ложное сообщение о гибели Конева...

Битва за Смоленск существенно задержала наступление немцев, и тогда Гитлер переключил свое внимание на северное и южное направления. К Рунштедту и Леебу перебросили отобранные у Бока пять танковых и три пехотных корпуса. Группе армий «Центр» ничего не оставалось, как перейти к обороне, а советские войска, напротив, получили столь необходимую им передышку.

Дальние подступы к Москве прикрывали три фронта — Западный, Резервный и Брянский. 12 сентября 1941 г. Конев назначили командующим Западным фронтом, и теперь именно ему предстояло нести главную тяжесть противостояния с Боком.

К сожалению, момент, когда Иван Степанович вступил в должность, лично для него оказался крайне неудачным. Вместо того чтобы образовывать сплошную линию, части Западного фронта на ряде участков, по сути, были перемешаны с частями соседей. Все это, разумеется, осложняло управление, а тут еще Сталин решил отобрать две дивизии в резерв Ставки. С оставшимися войсками Конев пытался заштопать все дыры и, может быть, у него это даже и получилось бы, но тут общая стратегическая ситуация изменилась на 180 градусов...

Окружив Ленинград и разбив наши армии под Киевом, немцы переключили свое внимание на центральный участок. Идея похода на Москву вновь приобрела актуаль-

ность, причем Боку не только вернули отобранные у него корпуса, но и подкинули дополнительные резервы.

15 сентября Браухич изложил ему план операции «Тайфун», в которой должны были принять три четверти всех германских вооруженных сил, действовавших на Востоке. Общий фронт наступления оказался необычайно широк — между расположенными на крайних флангах группами Гота и Гудериана было около 240 километров. Действовавшей в центре танковой группе Гепнера предстояло расколоть Западный фронт на две части. Немцы предполагали, что остатки наших войск начнут отступать к узлам коммуникаций в районах Вязьмы и Брянска и, в конечном счете, попадут в сети, раскинутые Готом и Гудерианом.

В сущности, так оно все и получилось. Уже на третий день наступления советские фланги были разгромлены. Немецкие танки ворвались в Орел, где по улицам все еще ходили трамваи. В центре танковая группа Гепнера оттеснила часть дивизий Западного фронта на север под удары наступающих армий Клюге и Штрауса. Дальше к северу танковые дивизии Гота, наносившие удар из района Духовщины, глубоко вклинившись в оборону наших войск и повернув на юг, вышли к Вязьме, где сомкнулись с дивизиями Гепнера. Четыре советские армии попали в окружение, а путь на Москву оказался открытым...

10 октября Конев сняли с должности командующего Западным фронтом. Ивана Степановича Сталин решил представить к суду военного трибунала. Однако здесь в дело вмешался Жуков: приняв дела, он в присутствии Конева, Рокоссовского и других военачальников позвонил «хозяину».

Что именно говорил вождь, очевидцы не слышали, зато они прекрасно слышали реплики Жукова. «Товарищ Сталин! Конев — талантливый полководец!». Пауза. «Ну, уничтожим еще одного полководца, а где взять замену». Звучало многообещающе, и можно предположить, что в этот момент все в душе Ивана Степановича оборвалось. Однако уже занесенная секира палача так и не опустилась — Сталин разрешил Жукову «действовать по собственному усмотрению».

Бок. Крах «Тайфуна» и крах карьеры

Осенний прорыв группы «Центр» дал вермахту прекрасный шанс закончить войну к концу 1941 г. Другое дело, что использовать этот шанс так и не удалось. Уцелевшие советские части продолжали сопротивляться, а в дальнем тылу неприятеля по-прежнему сражались войска, окруженные в районе Вязьмы. Кроме того, получив от разведки заверения, что нападения Японии на СССР в ближайшее время не будет, Сталин перебрал с Дальнего Востока отборные сибирские дивизии. У немцев же резервов почти не оставалось. В довершение всего наступила осенняя распутица, на смену которой пришли зимние морозы. Последним обстоятельством, впрочем, западные исследователи уделяют особое внимание, словно забывая о том, что советские войска действовали в тех же самых климатических условиях...

30 октября, когда до Москвы оставалось порядка 80 километров, Бок вынужден был приостановить наступление. Новый удар немцы нанесли через полмесяца, и здесь фельдмаршал допустил очень серьезную ошибку. Вместо того чтобы наступать на Москву по кратчайшему направлению, он попытался охватить город с севера и юга, распылив тем самым свои и без того уже порядком поредевшие силы.

Взять русскую столицу в клещи так и не удалось. Правда, ценой огромных потерь группа «Центр» вышла к пригородам Москвы, после чего с вершины одной из церквей командующий получил возможность разглядывать город в окуляры своего бинокля. 30 ноября в порыве нервного воодушевления фельдмаршал лично возглавил бросок, предпринятый от передового командного пункта. А уже на следующий день он понял, что наступление выдохлось окончательно и бесповоротно...

6 декабря 1941 г. началось контрнаступление Красной Армии. Поняв, чем это грозит, Бок стал жаловаться

на приступы язвы и через две недели выпросил у Гитлера отпуск по состоянию здоровья. Расхлебывать последствия неудач пришлось фельдмаршалу Клюге, но репутация нашего героя тоже, разумеется, оказалось подмоченной.

Фюрер тем не менее дал ему возможность реабилитироваться. 17 января 1942 г. Бок возглавил группу армий «Юг» и сумел остановить наступление маршала Тимошенко. Линия фронта стабилизировалась в районе Изюма, причем обе стороны начали весьма активно готовиться к весенне-летней кампании.

В мае началось Харьковское сражение, в ходе которого Бок сумел уничтожить крупную советскую группировку, а его войска получили возможность начать продвижение к Волге и Кавказу. Однако, по мнению Гитлера, фельдмаршал излишне беспокоился о своих флангах, что, разумеется, приводило к снижению темпов наступления. В конце концов главнокомандующему группы «Юг» порекомендовали еще разок уйти в отпуск по причине расстроенного здоровья. Бок последовал этому совету, и 15 июля 1942 г. он был зачислен в резерв фюрера.

Ход Сталинградского сражения подтвердил, что к флангам надо относиться серьезно. Тем не менее на службу фельдмаршала так и не вернули. Бок, конечно же, чувствовал себя обиженным, но, когда к нему обратились участники антигитлеровского заговора, примкнуть к ним он так и не решился.

Зато уже после смерти Гитлера, узнав о том, что адмирал Дениц формирует новое правительство, отставной военачальник тут же отправился в Гамбург, видимо, надеясь получить какое-то высокое назначение. Однако на Кильском шоссе машина, в которой он ехал с женой и дочерью, была обстреляна британским бомбардировщиком, и все находившиеся в салоне погибли. Случилось это 4 мая 1945 г., причем Бок оказался единственным гитлеровским фельдмаршалом, погибшим от вражеской пули.

Конеv. Солдаты звали его «братом»

Памятный разговор между Жуковым и Сталиным закончился тем, что Ивана Степановича отправили под Калинин (Тверь) координировать действия четырех сражавшихся там армий. Конев довольно быстро сумел организовать здесь эффективную оборону, прикрыв тем самым Москву с северо-запада. Вскоре он стал командующим новообразованным Калининским фронтом, во главе которого принял участие в зимнем контрнаступлении.

В 1942 г. основные события, как известно, разворачивались под Сталинградом, так что Коневу пришлось всего лишь наносить отвлекающие удары. Один из таких ударов был довольно удачным, но, решив «не зарываться», Иван Степанович распорядился прекратить операцию. Сталину такое решение не понравилось, и по его приказу Конев очередную раз сняли с должности. Будучи вызван в Москву, он неделю находился в подвешенном состоянии, однако и на этот раз опасность прошла мимо.

В дни Курской битвы Иван Степанович командовал Степным фронтом, который, что называется, подпирал войска первой линии. Затем были освобождение левобережной Украины и операция по взятию Харькова. Некогда опальный военачальник проявил себя блестящим мастером наступления и, кажется, окончательно реабилитировал себя в глазах «хозяина». Не случайно на одном из совещаний, касаясь конфликтов между военачальниками и партийными руководителями, Сталин в качестве примера заметил: «Вот в свое время с Коневым не разобрались, поторопились, сняли с фронта, а смотрите, как он сейчас воюет». О том, что Конев в свое время не только сняли с фронта, но и чуть не расстреляли, на совещании, разумеется, не упоминалось...

После форсирования Днепра Степной фронт был переименован во 2-й Украинский. В феврале 1944 г. вместе с 1-м Украинским фронтом Ватутина войска Конев зани-

мались ликвидацией Корсунь-Шевченковской группировки противника. Затем, после гибели Ватутина, Иван Степанович принял командование 1-м Украинским фронтом и успешно провел Львовско-Сандомирскую операцию.

В начале 1945 г., уже будучи маршалом, Конев одержал еще одну значимую победу, прорвав вражескую оборону по линии «Губертус» и вступив на территорию Германии. Теперь Красная Армия изготавилась к решающему броску на столицу Третьего рейха...

Исходя из политических соображений, решающую операцию по взятию Берлина Сталин доверил 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам под командованием Жукова и Конева. Впрочем, роль Жукова все-таки была весомее, зато именно Коневу «хозяин» доверил более важную в стратегическом отношении задачу. Часть войск 1-го Украинского фронта, обойдя столицу Германии, двинулась к Эльбе, где и состоялась памятная встреча с союзной американской армией.

После окончания войны Иван Степанович был награжден орденом Победы. В 1945–1946 гг. он был командующим Центральной группой войск, а в 1946–1950 и 1955–1960 гг. главнокомандующим Сухопутными войсками. В 1957 г., после того как Хрущев отправил в отставку маршала Жукова, Конев написал статью, в которой довольно сурово раскритиковал полководческие способности своего коллеги. Разумеется, это отразилось на отношениях между двумя военачальниками. Режиссер Григорий Чухрай вспоминал о том, как однажды он пригласил маршалов на просмотр фильма, посвященного Московской битве. Еще во время сеанса Жуков и Конев обменивались колкостями, а когда в зале вспыхнул свет, устроили самую настоящую потасовку...

Спору нет, в истории с Жуковым поведение Конева действительно выглядит не слишком благородно. Но это, как говорится, одна сторона медали. А вот, с другой стороны — Конев, по мнению большинства современников, гораздо больше, чем Жуков, дорожил жизнями своих подчиненных. Да и в войсках он пользовался намного боль-

шей популярностью. Не случайно еще во время войны в разговорах между собой солдаты называли Ивана Степановича «братом»...

В конце своей карьеры Конев был главнокомандующим группой советских войск в Германии. В 65-летнем возрасте он вышел в отставку и умер на своей даче под Москвой 21 мая 1973 г. Похоронили его у Кремлевской стены на Красной площади, там же, где вскоре похоронили и Жукова.

В первую очередь, войны выигрывают солдаты и лишь во вторую очередь — генералы. Тем не менее именно от генералов зависят солдатские жизни, жизни же самих генералов зависят от политических руководителей. Может быть, это несправедливо, но такова реальность.

Прежде чем советские военачальники научились воевать, Красной Армии пришлось заплатить за подобную школу миллионами жизней. Случай с Коневым один из наиболее известных, но далеко не самых ярких примеров. Ведь именно благодаря русским солдатам из побежденного генерала он превратился в маршала-триумфатора. И очень хорошо, что Иван Степанович, по крайней мере, сделал из случившегося нужные выводы.

ТАЛВЕЛА ПРОТИВ ГОРЕЛЕНКО: В ЛЕСАХ КАРЕЛИИ

За свою менее чем вековую историю независимая Финляндия дважды вела войны с внешним противником. И если в Зимней войне 1939–1940 гг. историческая правота была на стороне финнов, то вопрос о так называемой войне-продолжении 1941–1944 гг. вплоть до сегодняшнего дня служит предметом дискуссий.

Превращение Финляндии из страны-жертвы в страну-агрессора странным образом отразилось на ходе боевых действий. Если в Зимнюю войну финны успешно отражали превосходящие советские силы, то во время вторжения в Карелию, даже получив помощь немцев, они так и не добились решающего успеха. И это при том, что и с той, и с другой стороны действовали одни и те же войска, одни и те же генералы.

Карьера 1. Талвела

Пааво Талвела родился в 1897 г. на небольшом хуторе под Гельсингфорсом (Хельсинки) в семье крестьянина. Его юность совпала со временем, когда финны все активнее выступали за отделение от Российской империи. Талвела также мечтал о независимой Суоми и, в отличие от своих более умеренных соотечественников, ради достижения этой цели готов был прибегнуть к оружию.

В 1916 г., бросив коммерческое училище, он пробрался в Германию, где вступил в ряды финского егерского батальона. Вскоре выяснилось, что к таким, как Талвела, вполне можно приложить афоризм Суворова: «Годящийся на первые роли не подходит для вторых». Главная проблема для молодого офицера заключалась в том, что он мог подчиняться лишь тем людям, чье интеллектуальное

и моральное превосходство казалось ему бесспорным. Однако таких людей вокруг себя он не видел и, как следствие, постоянно конфликтовал с начальством...

В конце концов талантливому, но беспокойному офицеру доверили самостоятельное задание. Пааво послали в Финляндию создавать военизированные отряды для последующего свержения русского владычества. Из-за проблем с пересечением границы дорога затянулась, так что на родину он попал осенью 1917 г., буквально накануне провозглашения независимости.

В январе–мае 1918 г., во время борьбы между красными и белыми финнами, наш герой примкнул к лагерю контрреволюции. Игнорируя приказы начальства, он успешно сражался с большевиками в районе Сатакунта. Многие упрекали его в «партизанщине», и лишь главнокомандующий белой армией барон Маннергейм сумел не только укротить подчиненного, но и превратить его в своего преданного сторонника. Всю жизнь Маннергейм был для Талвелы абсолютным авторитетом. Однако после разгрома красных президентом страны выбрали умеренного политика Столберга, и тогда Талвела снова вышел из-под контроля.

Вместе с другими «ястребами» наш герой мечтал присоединить к Суоми все территории, населенные финнами и народами-соплеменниками (карелами, ингерманландцами, вепсами). Даже в самом умеренном виде эта идея предполагала завоевание Карелии и значительной части Петроградской губернии. Президент Столберг с осторожностью относился к подобным замыслам, и тогда «ястребы» решили взять инициативу в свои руки. Майор Талвела вышел в отставку и с отрядом добровольцев двинулся на русскую территорию. В 1919 г. он сражался в рядах так называемой Олонецкой армии и даже был одним из членов Олонецкой директории.

Предприятие закончилось неудачей. Талвела вернулся на родину и еще год отслужил в финской армии. Но на месте ему явно не сиделось, и, когда в 1921 г. в Карелии вспыхнуло антибольшевистское восстание, он опять вышел в отставку, собрал добровольцев и вторично отправился освобождать «соплеменников».

И на сей раз финал был аналогичным. Едва унеся ноги, Талвела вернулся в Финляндию и уже в третий раз подал заявление о зачислении в армию. И вновь его приняли, учитывая «выдающиеся боевые заслуги». К 1930 г. он уже был полковником и занимал должность начальника оперативного отдела Генерального штаба. Однако нежелание ходить «по струнке», а также стремление участвовать в политической жизни вступали в явное противоречие с армейскими правилами.

Рассорившись со своим непосредственным начальником К. М. Валлениусом, Талвела снова вышел в отставку и примкнул к крайне правому движению «лапуасцев». В 1936 г. он даже попытался попасть в парламент, но проиграл выборы. Своеобразной компенсацией за эту неудачу стали успехи, которых наш герой достиг в сфере бизнеса.

В 1930–1932 гг. он был помощником директора кинокомпании «Суоми-Фильм», затем занимал аналогичные должности в компании по производству спиртного «Алкохоликке», а также в концерне, занимающемся продажей целлюлозы. Сколотив одно из самых крупных в стране состояние, Талвела вернулся на службу осенью 1939 г. С началом Зимней войны он возглавил отдельную армейскую группу, которая прикрывала фланг действовавшего в Карелии корпуса генерала Хэглунда. Здесь ему удалось одержать поистине выдающуюся победу, с тремя батальонами разбив целых две советских дивизии. Затем Талвела принял 3-й армейский корпус и до конца войны не давал нашим войскам прорваться к Кексгольму (Приозерску). После подписания мира он в качестве доверенного лица Маннергейма налаживал связи с немецким командованием, сыграв заметную роль в складывании германо-финского альянса.

Карьера 2. Гореленко

Филипп Данилович Гореленко родился в 1888 г. на Дону в семье крестьян-иногородцев. В Первую мировую войну он был призван в кавалерию и дослужился до звания фельдфебеля. После Октябрьского переворота, когда целые ча-

сти начали уходить с фронта, Гореленко вместе со своими товарищами также оставил позиции и уехал домой «бороться за правду».

Созданный им красногвардейский отряд сражался против белых в Ростове-на-Дону, Екатеринодаре, Армави-ре. Сначала это была обычная партизанская вольница, но весной 1918 г. большевики приступили к созданию регулярной армии. Соединение Гореленко получило название 1-го советского полка и приняло участие в боях против казаков под Ростовом-на-Дону и Новочеркасском.

После захвата белыми Дона и Кубани остатки полка вышли к Царицыну и присоединились к защитникам города. Здесь в «красном Вердене» Филипп Данилович впервые увидел Сталина. Здесь же состоялось еще одно полезное знакомство: в одном из боев, когда Гореленко был ранен, из-под огня его вытащил не кто иной, как будущий нарком обороны Ворошилов.

С тех пор «красный маршал» смотрел на него как на своего «крестника». Однако, сказать, что своей карьерой Филипп Данилович обязан покровительству Ворошилова, было бы не совсем правильно. Несмотря на нехватку образования, Гореленко обладал бесспорными способностями и со временем имел все шансы превратиться в крупного военачальника.

Гражданскую войну он закончил в должности командира 1-й Стальной дивизии. Как писал Г. Н. Куприянов, «Гореленко в совершенстве владел искусством чувствовать пульс боя. Он был на редкость выдержанным, тактичным и уравновешенным человеком. Даже в самой трудной обстановке я никогда не видел его растерянным».

В 1920-х гг. Филипп Данилович учился на Высших военных курсах «Выстрел», а также на особом факультете высшего комсостава при Академии им. Фрунзе. Зимнюю войну Гореленко встретил в должности командующего 50-м стрелковым корпусом. Соединение действовало на Карельском перешейке и понесло значительные потери при попытке штурмовать «линию Маннергейма». К концу первого месяца боев противник осмелел настолько, что даже

рискнул перейти в контрнаступление. Филипп Данилович в этот день обходил позиции вместе со своим начальником — командующим 7-й армией К. А. Мерецковым. Нападение финнов стало для них неприятным сюрпризом, но Гореленко сразу же организовал оборону и отразил атаку неприятеля, который понес значительные потери.

В феврале 1940 г. советские части вновь ринулись на «линию Маннергейма». 50-й корпус шел в авангарде и, прорвав главную полосу, сумел захватить три укрепленных района противника. Упорные бои продолжались вплоть до 12 марта, причем даже в день подписания перемирия войска Гореленко овладели еще одним важным пунктом — мызой Анискаала.

Хотя Зимняя война вскрыла множество недостатков в подготовке Красной Армии, Филипп Данилович оказался на высоте положения и был награжден Звездой Героя Советского Союза. Кроме того, он получил звание генерал-лейтенанта и стал заместителем командующего Ленинградского военного округа.

В январе 1941 г. его перебросили в Карелию, доверив командование находившейся здесь 7-й армией. Прибыв в край, Гореленко совершил серию инспекционных поездок, по результатам которых составил план новых укрепленных позиций. На их строительство тут же были мобилизованы тысячи жителей республики. И хотя многие из них поминали командующего не самым добрым словом, его работа стала очевидной уже через полгода, когда именно на этих рубежах были остановлены наступающие финские и немецкие части.

Талвела и Гореленко.

Первая встреча

Военные действия против СССР финны начали через три дня после немцев — 26 июня 1941 г. Войскам Гореленко пришлось отражать натиск 6-го и 7-го финских корпусов, а также 163-й немецкой дивизии. Вторжение в Карелию ве-

лось под лозунгами возвращения к старой границе и «освобождения соплеменников от большевистского ига».

На самом деле финны, карелы и вепсы составляли едва ли не половину численности 7-й армии и вовсе не просили о каком-либо освобождении. И хотя ни на одном другом участке Восточного фронта численное превосходство противника не было столь подавляющим, именно в Карелии его успехи оказались самыми скромными.

С самого начала бои приняли затяжной и упорный характер. Так, 29 июня 6-й корпус Талвелы ворвался на территорию крупного целлюлозно-бумажного комбината в городе Энсо. Рабочие, эвакуировавшие оборудование, взялись за оружие и продержались до прибытия подкреплений. Совместными усилиями пограничников и регулярной армии финны были отброшены и на некоторое время отказались от своих замыслов.

Однако генерал Талвела не привык к поражениям, и уже 10 июля мощным ударом расчленил фронт 7-й армии. Этот момент был, пожалуй, наиболее опасным для Гореленко. Чтобы заткнуть дыры, Филиппу Даниловичу пришлось прибегать к мерам экстраординарного характера. Появляясь на самых опасных участках, в ряде случаев он пускал в бой свой последний резерв — охранный батальон штаба армии. Из мужчин, не подлежавших призыву в армию, наскоро сколотили 3-ю дивизию народного ополчения, которая, ко всеобщему удивлению, продемонстрировала на редкость высокие боевые качества.

Самое интересное, что по сравнению с положением на других направлениях ситуация в Карелии выглядела еще неплохо, и Ставка даже забрала у Гореленко две дивизии, которые были переброшены на помощь Ленинграду. В результате финны заняли станцию Лаймола, получив тем самым возможность развернуть наступление к Олонцу и Петрозаводску.

Талвела хорошо знал эти места еще по событиям 1919–1922 гг. И теперь он успешно использовал свои знания, нанося сильные удары по войскам Гореленко.

В ответ Филипп Данилович весьма удачно использовал специфику местности, выстраивая все новые и новые оборонительные линии. Леса и болота Карелии зачастую оказывались непроходимыми для противника, так что вместо сплошного фронта Гореленко имел возможность держать войска лишь на самых угрожаемых участках. Правда, еще в Зимнюю войну финны продемонстрировали, что они сражаются в подобных условиях лучше, чем бойцы Красной Армии. Но теперь все было по-другому: ведь в Карелии они находились на чужой земле, а их противниками были местные уроженцы — охотники, рыбаки, лесорубы.

Что касается немцев, то они и вовсе оказались не на высоте положения. 30 июля один из полков 163-й германской дивизии попал в окружение и практически полностью был уничтожен под Толваярви — примерно в тех самых местах, где всего полтора года назад Талвела одержал свою самую знаменитую победу. Видимо, это был один из первых в начале войны, когда советским войскам удалось захватить около сотни пленных. Красные комиссары тут же взялись за их обработку, и через несколько дней над позициями врага начали раскидываться листовки с написанным пленниками обращением: «Нас бросили из Норвегии в бессмысленную и гибельную войну против Советской России в северные леса и болота. Мы не хотим умирать ради того, чтобы Маннергейм и его приспешники приобрели карельские колонии. Финский народ нас ненавидит, русский народ встречает губительным огнем. Гитлер погибнет, незачем вам связывать свои судьбы с судьбой этого обреченного авантюриста».

Враг выдыхается

В сущности, успехи Талвелы оказались настолько скромными, что правительству Финляндии пришлось сделать хорошую мину при плохой игре и заявить, что войска уже выполнили свою задачу, выйдя к линии старой гра-

ницы. Однако, на сей раз взбрыкнули немцы. Гитлер настоял на продолжении наступления и выдвинул новый стратегический замысел. Теперь финнам следовало повернуть на юг и, форсировав Свирь, соединиться с наступающими на Тихвин частями вермахта. В случае реализации этого плана вокруг Ленинграда замкнулось бы еще одно — внешнее кольцо блокады.

Сталин вовремя осознал эту опасность и, подчинив 7-ю армию непосредственно Ставке, назначил ее командующим К. А. Мерецкова. Впрочем, для Гореленко это не было понижением, так как ему пришлось решать самую важную на тот момент задачу — любой ценой задержать противника у Петрозаводска.

Пока Мерецков выстраивал оборону по Свири, Филипп Данилович оборонял столицу Карелии. По самым оптимистичным советским прогнозам, Петрозаводск должен был пасть 1 октября 1941 г. На самом деле он продержался до 3-го. Для того чтобы корпус Хэглунда смог взять город, Талвеле пришлось двинуть на помощь две своих дивизии. Форсировать Свирь с оставшимися частями ему оказалось не под силу. Вероятно, чтобы утешиться, он развернулся на восток и продвинулся до Масельской. Однако при попытке форсировать Беломорско-Балтийский канал наши саперы взорвали шлюзы, и вода буквально смыла авангард финнов вместе со всеми их танками и артиллерией. А уже в декабре 1941 г. советские войска выбили немцев из Тихвина, после чего идея создания «второго кольца» стала неосуществимой. Линия советско-финского фронта замерла по Свири, и в таком виде почти без изменений просуществовала вплоть до лета 1944 г.

Талвела и Гореленко.

Встреча вторая

В 1942 г. Талвела принял командование армейской группой «Карелия», но, поскольку военные действия здесь фактически прекратились, вскоре его отправили в Германию укреплять дружбу с нацистами. В 1944 г., когда Ман-

нергейм стал все чаще заговаривать о мире, в Берлине подумывали о смещении маршала и замене его кем-нибудь из пронемецки настроенных генералов. Талвела считался в этом случае наиболее подходящей кандидатурой, но никто и ничто не могло заставить его выступить против своего идола.

На Родину Талвела вернулся в июне 1944 г., как раз перед самым советским наступлением. Возглавив Олонецкую группу войск, он вновь столкнулся с Гореленко, который командовал в это время 32-й армией.

На сей раз их поединок был менее упорным и завершился гораздо быстрее. Войска Гореленко форсировали Беломорско-Балтийский канал и, овладев первой линией обороны, устремились на запад. При отступлении финны минировали лесные тропы, взрывали мосты, устраивали завалы на дорогах. В тылу русских неприятель оставлял снайперов, которые отстреливали офицеров и по радиосвязи информировали свое командование о складывающемся положении. Но все эти булавочные уколы не спасали положения. Главные силы финны сосредоточили на Карельском перешейке, а на Карелию смотрели как на потерянную территорию. 29 июня советские части овладели Петрозаводском, а еще через неделю вышли к новой границе Финляндии. Расстояние, которое в 1941 г. Талвела прошел за пять месяцев, войска Гореленко одолели за вдвое меньшее время.

Вместо эпилога.

Генералы в отставке

Сам Талвела делал все, чтобы выправить положение, однако судьба Финляндии решалась не на фронте, а на дипломатической сцене. Рассорившись очередной раз с начальством, он был отослан в Германию, видимо, для того, чтобы усыпить бдительность Гитлера, который все больше подозревал финнов в стремлении к сепаратному миру.

Судя по всему, с этой задачей Талвела справился. Во всяком случае выход Финляндии из войны стал для Гитлера хотя и ожидаемым, но все же неприятным сюрпризом. Не исключено, что под горячую руку немцы могли бы расправиться с соратником Маннергейма. И все же до этого не дошло. Талвела благополучно вернулся на родину, где ему пришлось наблюдать за тем, как финская армия силой выставляет части вермахта со своей территории. Это зрелище наполнило его такой скорбью, что он в четвертый и уже в последний раз подал в отставку.

Окончательно сняв форму, Талвела с успехом занялся коммерцией. Но, когда по настоянию Кремля, в Финляндии начались процессы над так называемыми поджигателями войны, он, на всякий случай, решил переехать в Латинскую Америку. Теперь бывший генерал торговал целлюлозой в Бразилии и Аргентине. В 1949 г. Талвела вернулся в Суоми и через 10 лет вышел на пенсию. Скончался он в Хельсинки 30 сентября 1973 г.

Его старый противник Филипп Данилович Гореленко после войны был назначен помощником командующего войсками Беломорского военного округа. В 1949–1950 гг. он был председателем комитета ДОСАРМ Карело-Финской ССР. Он по-прежнему был довольно известной фигурой в Карелии, однако его известность, в общем-то, не выходила за пределы этой республики. В 1951 г., когда Сталин предпринял очередную кадровую перетасовку, Гореленко с почетом выпроводили на пенсию. Вплоть до своей смерти Филипп Данилович регулярно избирался депутатом Верховного Совета Карело-Финской ССР, а также выполнял различные общественные обязанности. Скончался он в 1956 г., и его именем была названа маленькая школа в Суоярви, в которой в самые трагические дни 1941 г. располагался штаб 7-й армии.

Хотя Талвела и Гореленко так и не достигли высших ступеней в армейской иерархии, это обстоятельство вряд ли ставит под сомнение их полко-

водческие способности. Парадоксальней другое. Сегодня генерал Талвела считается едва ли не национальным героем Финляндии. И это при том, что практически всем известны и его пронемецкие настроения, и его дружеские отношения с Кейтелем, Герингом, Гитлером. А вот в России имя генерала Гореленко практически неизвестно, хотя именно он, в сущности, в 1941 г. вынес на себе всю тяжесть противостояния на Карельском участке советско-германского фронта Великой Отечественной войны.

КЛЮГЕ ПРОТИВ РОКОССОВСКОГО: ВЫРЕЗАННЫЕ ИЗ РАЗНОГО ДЕРЕВА

Незадолго до поражения Германии, ознакомившись с биографиями советских военачальников, Йозеф Геббельс записал следующее: «Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они — убежденные коммунисты, весьма энергичные люди, и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т. п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная...» Бесспорно, речь в этой записи шла о вполне конкретных германских и советских военачальниках. Таких, например, как фельдмаршал Гюнтер Ганс фон Клюге и маршал Константин Константинович Рокоссовский.

Карьера 1. Клюге

Гюнтер Ганс фон Клюге родился 30 октября 1882 г. в прусском (впоследствии — польском) городе Познани в дворянской семье. В 18-летнем возрасте его произвели в младшие лейтенанты и направили служить в артиллерию. Затем он поступил в Военную академию, после окончания которой работал в германском Генеральном штабе.

В Первую мировую войну Клюге сражался на Западном фронте и в 1918 г. был ранен под Верденом. Умение руководить войсками на поле сражения удачно сочеталось в нем с великолепной штабной подготовкой. Не удивительно, что после войны Клюге стал одним из немногих счас-

тливчиков, кому удалось остаться в сильно сокращенном рейхсвере.

В мирное время очередные звания присваивались медленно, и к 1933 г. наш герой дослужился разве что до полковника. Однако с приходом нацистов к власти вооруженные силы быстро увеличились и на офицеров посыпались новые звания. Всего за три года Ключе стал генералом артиллерии и командующим 6-м военным округом в Мюнстере. В 1938 г. он отправился в отставку после предпринятой Гитлером чистки вермахта. Но уже через полгода опального военачальника вернули на службу и назначили командующим 4-й армией. Правда, многие влиятельные нацисты считали его «подозрительным типом», и теперь ему предстояло доказывать свою благонадежность.

С этой задачей Ключе справился довольно успешно. При нападении на Польшу его армия захватила так называемый Данцигский коридор и ударила на Варшаву с северо-запада. В самый разгар боев Ключе попал в авиакатастрофу, однако полученное от фюрера звание генерал-полковника способствовало его быстрому выздоровлению.

Во время французской кампании 4-я армия действовала на второстепенном участке, и все же по ее окончании Ключе был произведен в генерал-фельдмаршалы. С этого момента стремление сделать карьеру, судя по всему, подавило в нем всякие оппозиционные настроения. Как считал С. Митчем: «Своим проницательным умом Ключе понимал всю чудовищность нацистского режима, но при этом видел значительную личную и профессиональную выгоду от сотрудничества с ним». Более того, в дальнейшем фельдмаршал не брезговал интригами для того, чтобы избавиться от некоторых своих соперников. Другой английский историк А. Ситон писал: «Если возникала необходимость в “козлах отпущения”, их мог найти фон Ключе; если требовалось снести несколько голов, фон Ключе умел неплохо позаботиться о том, чтобы его головы среди них не было». Подобные «таланты» очень пригодились нашему герою во время русской кампании.

Карьера 2. Рокоссовский

Константин Константинович Рокоссовский родился 21 декабря 1896 г. в Великих Луках в семье железнодорожника. Его отец был поляком, мать — русской. Вскоре семья переехала в Варшаву, и здесь, оставшись в 14-летнем возрасте полным сиротой, мальчик был вынужден самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Однако начавшаяся Первая мировая война избавила его от забот о хлебе насущном.

Попав в армию, Рокоссовский понял, что военное дело будет для него подходящей профессией. Офицеры Каргопольского драгунского полка нарадоваться не могли на храброго и дисциплинированного кавалериста. Его дважды награждали Георгиевскими крестами и вскоре произвели в унтер-офицеры. Подписание мира с Германией на некоторое время прервало столь удачно складывающуюся карьеру. Впрочем, без дела Рокоссовский мыкался недолго и вскоре поступил на службу в Красную Армию.

В 1919 г. во главе кавалерийского дивизиона он сражался против колчаковцев. Однажды его отряд совершил налет на штаб Омской группы белогвардейцев. В ночном бою командующий этой группой генерал Воскресенский прострелил плечо Рокоссовскому, но сам пал от руки красного командира. Константин Константинович за этот бой получил свой первый орден Красного Знамени. Вторым орденом Рокоссовского наградили за участие в операциях против барона Унгерна.

После Гражданской войны он окончил кавалерийские курсы и Военную академию. В 1929 г. Рокоссовский сражался с китайцами на КВЖД, причем в ряде случаев ему довелось участвовать в операциях, подробности которых до сего дня покрыты грифом секретности. И все же безукоризненный послужной список не спас нашего героя от ареста по обвинению в связях с польской разведкой. На свободу Константин Константинович вышел только в 1940 г. вместе с несколькими тысячами дру-

гих командиров, выпущенных по воле нового наркома госбезопасности Л. П. Берии. После реабилитации Рокоссовского назначили командующим 9-м механизированным корпусом и направили служить на западную границу.

Год 1941-й

Впервые судьбы Клюге и Рокоссовского пересеклись еще в июне 1941 г. Немецкий фельдмаршал в это время наносил удар в Белоруссии, сумев устроить русским крупный котел в районе Минска. Среди тех частей, которые смогли избежать окружения, был и 9-й механизированный корпус. Совершив 200-километровый марш, Рокоссовский прорвался на соединение с главными силами. Под Луцком его танки и артиллерия были врыты в землю и на несколько дней задержали продвижение противника. Затем с остатками корпуса он отошел к Смоленску, где с миру по нитке создал отдельную оперативную группу.

В результате Клюге надолго застрял под Смоленском, причем, когда ситуация для защитников города стала совсем скверной, Рокоссовский вновь ускользнул из ловушки. В качестве поощрения его назначили командующим 16-й армией, обороняющейся на подступах к Волоколамску. И здесь Рокоссовскому вновь пришлось сдерживать фон Клюге, в подчинении которого теперь находились едва ли не все пехотные части группы армии «Центр».

Впрочем, дело уже шло к зиме, и германский фельдмаршал наступал вперед с большой неохотой. Вся тяжесть боев он пытался переложить на плечи танкистов, что, разумеется, раздражало его партнера — генерала Гудериана.

То, что попытка овладеть Москвой была авантюрой, подтвердилось во время контрнаступления советских войск, начавшегося в декабре 1941 г. Разочарованный фюрер сместил фон Бока и поставил во главе группы армий «Центр» фон Клюге, а тот, в свою очередь, попросил убрать Гудери-

ана. Избавившись от столь опасного конкурента, фельдмаршал дрался за каждую деревню и в конце концов сумел стабилизировать линию фронта. Что касается Рокоссовского, то его части продвинулись дальше многих других и в конце января 1942 г. захватили город Сухиничи. Во время этих боев Константин Константинович был ранен и около полугода находился в тылу на излечении.

Год 1942-й

Кампания 1941-го года убедила Гитлера, что из трех возможных направлений (Север, Центр, Юг) все-таки следует выбрать одно — приоритетное. В 1942 г. «сломоть хребет» Советскому Союзу фюрер решил на юге — на Дону и на Кавказе. Сталин тем не менее решил, что главного удара следует ожидать в центре и именно здесь сосредоточил как главные силы Красной Армии, так и лучших своих полководцев, вроде Рокоссовского.

Ключе в такой ситуации оставалось одно — как можно дольше поддерживать в Сталине эту иллюзию. И надо признать, что со своей задачей он справился довольно успешно. Боязнь нового наступления на Москву настолько нервировала Сталина, что весной Брянскому фронту пришлось, что называется, «пощупать» противника. Кавалерийский корпус П. А. Белова прорвал оборону немцев, но вместо удачного рейда по тылам неприятеля был почти полностью уничтожен под Кировом (город Песочня Калужской области). Сходная история повторилась с 39-й армией и 11-м кавалерийским корпусом в районе Белого. Эти успехи так порадовали фюрера, что он на некоторое время даже перестал думать о Сталинграде. По его настоянию, Ключе пришлось самому перейти в наступление и попытаться отсечь выступ, который советские войска образовывали в районе г. Сухиничи.

Однако как раз накануне операции во главе Брянского фронта встал Рокоссовский, который устроил своему

«знакомому» хорошую встречу. Клюге понадобилась всего пара недель, чтобы понять, что ничего ему здесь не светит. Свернув наступление, фельдмаршал отправился в ставку Гитлера, где ему пришлось выслушать множество «комплиментов». Впрочем, успехи под Сталинградом выглядели впечатляюще, и гнев фюрера продолжался недолго. Вскоре он даже «утешил» фон Клюге чеком на 250 тысяч рейхсмарок.

Год 1943-й

Во время Сталинградской битвы Рокоссовский командовал Донским фронтом и руководил ликвидацией окруженной группировки противника. Успешно решив задачу, он вернулся в «родные места» и возглавил Центральный фронт, защищавший так называемый северный фас Курского выступа.

Фюрер в это время вынашивал замысел операции «Цитадель» и мечтал устроить русским «Сталинград в зеркальном отражении». Войска Клюге должны были прорвать оборону Центрального фронта и, соединившись с наступающими с юга войсками Манштейна, окружить советские части, находившиеся на Курском выступе.

Сам Клюге считал план «Цитадель» невыполнимым, мечтая настоять хотя бы на отсрочке операции. Именно для этого в начале мая он и прибыл в ставку Гитлера. Здесь, к его удивлению, выяснилось, что фюрер и без того перенес наступление на июль. И тогда в «хитром Гансе» взял верх царедворец. Желая угодить воинственным настроениям Гитлера, фельдмаршал стал настаивать на как можно скорейшем начале реализации плана «Цитадель». Фюреру это очень понравилось, и он даже не заметил, что всю тяжесть ответственности Клюге изящно переложил на плечи своего подчиненного — Вальтера Моделя.

В результате именно Модель и стал одним из «козлов отпущения». Заранее подготовившись к вражескому на-

ступлению, войска Рокоссовского измотали немцев в оборонительных боях, а затем ответили сокрушительным контрударом...

Клюге наблюдал за разгромом подобно Пилату, умывающему руки. Теперь он настолько уверился в неизбежном поражении Германии, что даже установил связь с противниками Гитлера, согласившись поддержать их своими войсками. Правда, свое участие в заговоре он оговаривал одним условием — смертью Гитлера.

А фюрер между тем был живее всех живых и требовал любой ценой остановить наступление русских. Одновременно Гитлер забрал у фельдмаршала несколько дивизий, которые отправились на помощь Манштейну. Тогда Клюге с чистой совестью отошел до Белоруссии и занял оборону на так называемой «линии Пантеры».

Дальнейшие события на этом участке фронта происходили уже без него. 28 октября автомобиль, в котором ехал фельдмаршал, занесло на обледеневшей дороге. Клюге получил несколько переломов и угодил в госпиталь, где ему пришлось провести целых восемь месяцев.

Клюге. Год 1944-й

2 июля 1944 г. выздоровевший фон Клюге был назначен главнокомандующим всеми войсками на Западе. Союзники к тому времени уже высадились в Нормандии и быстрыми темпами развивали наступление в глубь побережья. Предшественник Клюге — Роммель, по мнению фюрера, плохо справлялся со своими обязанностями, и новоявленный командующий при первой же встрече начал ораторствовать на легендарного «лиса пустыни», как на провинившегося школьника. Генерал Блюментритт писал, что поначалу Клюге «был преисполнен оптимизма и уверенности, подобно всем только что назначенным командирам. Он вначале полагал, что степень опасности сильно преувеличена, но его точка зрения вскоре изменилась». Фельдмаршал, как всегда, попытался переложить ответственность за разработку операций на своего подчиненного,

т. е. на Роммеля, но тот, как на грех, 17 июля был тяжело ранен во время авиационного налета. Обескураженный Клюге совершенно опустил руки, и тут последовал удар, который оказался для него последним.

20 июля в Берлине группа военных предприняла неудачное выступление против Гитлера. Связанный с заговорщиками военный губернатор Франции генерал Штюльпнагель, получив ложное известие о смерти фюрера, тут же арестовал находившихся в Париже гестаповцев и эсэсовцев. Затем он отправился к фон Клюге и от него узнал, что Гитлеру удалось избежать гибели. Штюльпнагель все же пытался убедить своего начальника выступить против нацистов, но потерпел неудачу. Более того, Клюге тут же приказал выпустить арестованных и заменил Штюльпнагеля генералом Блюментриттом. И все же о связях «хитрого Ганса» с заговорщиками довольно быстро стало известно Гитлеру.

Фон Клюге еще надеялся искупить вину, добившись решительного перелома на фронте. Однако предпринятая им попытка разгромить 1-ю американскую армию закончилась тем, что почти 100-тысячная немецкая группировка попала в котел в районе Фалеза. Вывести их из окружения предстояло Моделю, который 17 августа и сменил Клюге на должности главнокомандующего. «Хитрого Ганса» отозвали в Берлин, причем насчет своего будущего у него уже не оставалось никаких иллюзий. Неудивительно, что до Берлина он так и не доехал. 19 августа в Меце Клюге принял ампулу с цианистым калием. В своей предсмертной записке он выражал надежду на успех нового контрнаступления и на пресловутое чудо-оружие, однако в случае если эти надежды окажутся несостоятельными, призывал Гитлера заключить мир с союзниками. Заканчивалось это послание славословием в адрес фюрера, который, по мнению фельдмаршала, «вел прекрасную и достойную битву». Возможно, эти слова польстили Гитлеру. Во всяком случае похоронили Клюге, хоть и скромно, но с воинскими почестями, а в качестве официальной причины смерти было указано «кровоизлияние в мозг».

Рокоссовский.

Дважды маршал

В 1944 г. советские войска занялись Белоруссией. Едва ли не решающая роль в будущей операции «Багратион» отводилась частям 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского. При этом, вопреки мнению Ставки, Константин Константинович планировал нанести не один, а два главных удара. Сталину такая идея не понравилась и во время совещания в Кремле он предложил Рокоссовскому «выйти подумать». Константин Константинович вышел, но, когда вернулся, заявил, что остается при своем мнении. «Хозяину» такое упрямство понравилось, и план Рокоссовского был принят.

Наступление, которое 1-й Белорусский фронт повел прямо через леса и болота, стало для немцев большой неожиданностью. За полтора месяца войска Рокоссовского достигли государственной границы и вышли на польскую территорию. 29 июня Константину Константиновичу присвоили звание маршала. Казалось, что впереди его ждут только успехи, благо, наши войска уже вышли к предместью Варшавы — Праге...

И здесь произошло нечто неожиданное. В Варшаве сторонники лондонского эмигрантского правительства подняли восстание против немцев. Повстанцы, конечно же, рассчитывали на скорый подход Красной Армии, однако это не значит, что советские войска они собирались встречать с распростертыми объятиями. Дипломатические отношения между Москвой и эмигрантским правительством были разорваны, а в качестве законного правительства Польши Кремль признавал только Люблинский комитет, созданный из польских коммунистов...

Историки до сего дня спорят о том, что именно помешало Рокоссовскому прийти на помощь Варшаве. По первой версии, Сталин приказал ему «притормозить» и дать немцам возможность перебить тех, кто со временем мог бы помешать установить в Польше советское влияние.

С другой стороны, нельзя отрицать, что силы 1-го Белорусского фронта были на исходе, а германскому фельдмаршалу Modelю действительно удалось выстроить сильную оборону по линии Вислы. Так или иначе, но войска Рокоссовского застряли под Варшавой до января следующего года. За это время восстание было подавлено, а на месте города остались одни только развалины...

От Варшавы 1-й Белорусский фронт дошел до Берлина, сыграв решающую роль во взятии столицы Германии. Но командовал им уже не Рокоссовский, а Жуков. Рокоссовский же в это время возглавлял 2-й Белорусский фронт, выполняя тяжелую и неблагодарную задачу по прикрытию Жукова от возможного удара со стороны Померании. Конечно, это не способствовало теплоте отношений между двумя военачальниками. Однако Парадом Победы они командовали на пару — два бывших кавалериста, два маршала...

Вероятно, 1945-й год был самым счастливым для Рокоссовского. Он был популярен в стране, его любили женщины и ему покровительствовал «хозяин». В Москве много судачили о романе военачальника с актрисой Валентиной Серовой (женой К. Симонова), но это была лишь одна из многих побед маршала на любовном фронте. Рассказывают, что однажды Молотов обратился с вопросом к Сталину: «Говорят, будто у Рокоссовского много женщин. Что делать с ним будем?» — «Что делать, что делать, — передразнил Сталин, — завидовать будем товарищу Рокоссовскому».

Вопрос о моральном облике маршала потерял актуальность после того как «хозяин» отправил его в Польшу создавать новую «народную армию». В «братской социалистической стране» Рокоссовский занял пост министра обороны и вторично получил звание маршала. Правда, поляки так и не признали в нем соотечественника, и в 1956 г. новое руководство страны после препирательств с Кремлем все-таки отправило его в отставку. Вернувшись в Москву, Константин Константинович стал заместителем министра обороны СССР и одновременно командую-

щим Закавказским военным округом. Здесь он прослужил еще пять лет, удалившись на покой лишь по достижении пенсионного (65 лет) возраста. Скончался Рокоссовский 3 августа 1968 г. и был похоронен в Москве на Красной площади.

Внешне Клюге и Рокоссовский выглядели полными противоположностями. Суховатый и невзрачный германский вояка, несомненно, сильно проигрывал своему более молодому и гораздо более красивому советскому коллеге. Довольно сильно отличались и их характеры, их взгляды. Как военачальник Клюге придерживался оборонительной стратегии, Рокоссовский, напротив, — был сторонником активных наступательных действий. В плане же политическом они действительно были «вырезаны из разного дерева». Клюге вечно метался между неприязнью к нацистскому режиму и стремлением сделать карьеру любыми средствами. Подобные метания были типичны для многих германских военачальников, однако для Клюге они закончились особо трагически. Рокоссовский, напротив, никогда не терзался подобными сомнениями, и если в военных вопросах еще мог поспорить с самим Сталиным, то в вопросах политических целиком доверялся воле «хозяина». Может быть, это и не говорит в его пользу, но жить таким образом было гораздо проще.

МАНШТЕЙН ПРОТИВ ПЕТРОВА: У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Одной из наиболее известных работ о Второй мировой войне считается книга Э. фон Манштейна «Утерянные победы». Мировая история знает много случаев, когда военачальники приобретали репутацию великих полководцев не столько реальными боевыми успехами, сколько благодаря удачно написанным мемуарам. Случай с Манштейном прекрасный тому пример.

Достаточно вспомнить, пожалуй, наиболее яркую из его «побед» — взятие Севастополя. Войска, столь необходимые на других участках фронта, бились о черноморскую твердыню и в конце концов взяли ее. Но какой ценой... А ведь противником «гениального» Манштейна был здесь не Жуков, не Рокоссовский и не Ватутин, а всего лишь генерал с достаточно распространенными именем и фамилией Иван Петров.

Карьера 1. Манштейн

Эрих фон Левински родился 24 ноября 1887 г. в Берлине в дворянской семье, которая имела польские корни. Еще в детстве он лишился отца (генерала артиллерии) и был усыновлен генерал-лейтенантом Георгом Манштейном. (Эрих был десятым ребенком в семье Левински, жена Г. Манштейна, сестра матери Эриха, была бездетна.) Так, вместо славянской фамилии Левински Эрих обзавелся чисто немецкой фамилией — Манштейн.

В 1906 г. юноша закончил кадетский корпус и поступил в качестве соискателя офицерского звания в элитный гвардейский полк. В 1907 г. получил первый офицерский чин. В 1913–1914 гг. учился в военной академии, где удо-

стоился похвального отзыва генштаба. В Первую мировую войну Эриха постоянно перебрасывали с Западного на Восточный фронт и обратно. Он принимал участие в завоевании Бельгии, затем сражался в Восточной Пруссии. В Польше Манштейн был ранен и после выздоровления отправился в Сербию. С Балкан Эрих угодил в «верденскую мясорубку», в 1917 г. оказался в Прибалтике, а после выхода России из войны вернулся на Запад, где принял участие в наступлении немецких войск под Реймсом.

После поражения Германии капитан Манштейн едва не остался без работы, но пересидел трудное время на посту начальника штаба погранзащиты «Юг» во Вроцлаве. Вскоре он оказался в рейхсвере и в 1931 г. вместе с коллегами даже посетил СССР, где проходил стажировку.

Тогдашний денщик Манштейна и будущий восточногерманский агент Бруно Винцер вспоминал, что, не желая потеть на учениях, его начальник обзавелся покрашенной под сталь каской из папье-маше. Однако, если не считать этой маленькой хитрости, Эрих был образцовым офицером. К 1935 г. он дослужился до чина генерал-майора и должности начальника оперативного управления Генштаба. Его восхождению способствовал тогдашний глава военного ведомства фон Фрич. Правда, после того как Фрича со скандалом отправили в отставку, Манштейна перекинули в провинцию — командовать 18-й пехотной дивизией. Но он вновь обратил на себя внимание при оккупации Судет, а в 1940 г. сделал стремительный рывок в карьере, представив фюреру смелый план разгрома союзнических войск во Франции.

Другие генералы раскритиковали этот проект как авантюрный, но здесь в дело вмешался случай. Самолет, на котором немецкие офицеры везли первоначальный план проведения кампании, совершил вынужденную посадку в Бельгии, и все документы оказались в руках союзников. Гитлеру ничего не оставалось как утвердить план Манштейна. В результате Франция была разгромлена, а британские войска с трудом смогли эвакуироваться через Ла-Манш. Командование вермахта не забы-

ло, кто был автором этого успеха, присвоив ему звание генерала от инфантерии и наградив Рыцарским крестом.

Во время вторжения в Советский Союз Манштейн командовал 56-м танковым корпусом, действовавшим на северо-западном направлении. Но в сентябре 1941 г. при вынужденной посадке самолета на минном поле погиб командующий 11-й армией генерал фон Шоберт. Манштейн занял его место и отбыл на юг руководить операцией по завоеванию Крыма.

Карьера 2. Петров

Иван Ефимович Петров родился 30 сентября 1896 г. в небольшом городке Трубчевске в семье кустика-сапожника. В 10-летнем возрасте он лишился отца и, благодаря сестре, поступил в мужскую прогимназию. Затем юноша перебрался в соседний город Карачев, где стал студентом учительской семинарии. После ее окончания Ивана перевели на краткосрочные юнкерские курсы, где присвоили звание прапорщика.

К тому времени уже полыхала Первая мировая война. Но поучаствовать в ней Петрову не пришлось. Прибыв к месту службы в Астрахань, он объелся незрелых фруктов, заболел дизентерией и вскоре был отчислен из армии по состоянию здоровья. Помыкавшись без дела, Иван Ефимович вступил в Красную Армию и уже после месяца службы подал заявление в партию.

Новой власти Петров служил добросовестно и, по-видимому, искренне: он сражался с чехами в Поволжье, с белоказаками на Урале, с поляками на Западном фронте. Любопытно, что на Урале его женой стала Зоя Ефтифеева, отец и братья которой воевали на стороне белых.

В 1922 г. Ивана Ефимовича перебросили в Туркестан. Первая же его самостоятельная операция — против банды Абду-Саттар-хана — закончилась блестящим успехом. Неприятельский отряд в 800 сабель был окружен и разбит наголову. Предводитель басмачей отстреливался до последнего и упал с рассеченной головой у своей юрты.

В 1933 г. Петрова назначили начальником Объединенной Среднеазиатской краснознаменной школы (переименованной в 1937 г. в Ташкентское Краснознаменное военное училище им. Ленина). Внешне от многих своих коллег Иван Ефимович отличался тем, что носил пенсне. Кроме того, на его груди красовался редкий комплект из трех орденов Красного Знамени — общесоюзного, бухарского и туркменского.

С началом Отечественной войны Петрова отправили под Одессу, где поручили сформировать новую кавалерийскую дивизию. С задачей он справился, но накал боев был настолько высок, что уже в августе дивизию пришлось реформировывать.

Для защищавшей Одессу Приморской армии Г. П. Софронова ситуация облегчалась тем, что ее противниками были не столько германские, сколько румынские части. Тем не менее врагу удалось серьезно потрепать 25-ю Чапаевскую дивизию. Петрову пришлось спасти положение, после чего он принял командование над Южным сектором обороны города.

Бои продолжались до конца сентября, причем положение выправилось настолько, что командование Приморской армии стало подумывать о контрударе. Однако на востоке немцы уже подобрались к Крыму, и тогда, чтобы избежать окружения, Ставка решила перебросить защищавшие Одессу войска в Севастополь. Накануне эвакуации города, узнав о гибели сына, Софронов слег с инфарктом, и командование перешло к Петрову. В этой драматической ситуации Иван Ефимович с блеском решил все стоявшие перед ним задачи. Ночью советские войска тихо снялись с позиций, погрузились на суда и спокойно отплыли в Севастополь (16 октября).

Для румын случившееся стало приятным сюрпризом. При этом и они, и немцы предпочитали не замечать главного — советские войска ушли не побежденными, по сути оставив противника с носом. Ведь проведенная в аналогичных условиях и стоившая англичанам огромных потерь эвакуация из Дюнкерка расценивается почти всеми исто-

риками как успешная. Петрову же удалось перебросить по морю крупную группировку, не оставив врагу ни одного пленного, ни одной винтовки.

Теперь Приморской армии предстояло защищать Крым и иметь дело с противником более серьезным, нежели руины. Этим противником была 11-я армия Манштейна.

Битва за Севастополь

В начале Отечественной войны советские стратеги частенько игнорировали одно из главных правил военного искусства, суть которого сводилась к необходимости сосредотачивать силы на направлении главного удара. Эту же ошибку допустило и командование защищавшей Крым 51-й армии, которое раскидало свои части по периметру всего полуострова, вместо того, чтобы собрать их у наиболее угрожаемого участка — у Перекопа. Впоследствии Манштейн с гордостью отмечал, что при наступлении на Крым его 11-й армии противостояли две советских армии — 51-я и Приморская. При этом он скромно умалчивает, что Приморская армия еще только завершала эвакуацию из Одессы, а из 51-й армии у Перекопа находилась одна только дивизия П. И. Батова. Другое дело, что Манштейн умело сыграл на опережение, не дав противникам собрать силы в кулак.

В результате советские войска оказались отброшены к Ишуньским позициям. Петрову пришлось с ходу двигать туда свои части, не имея при этом серьезного прикрытия — ни авиационного, ни артиллерийского. Разумеется, положения это не спасало. Ворвавшись в центр полуострова, Манштейн отбросил 51-ю армию к Керчи, откуда ей вскоре пришлось эвакуироваться на Тамань. Что касается Приморской армии, то ей представлялось две возможности: либо также идти на восток к Керченскому полуострову, либо на Запад — к Севастополю. Петров выбрал второй вариант...

В главной базе Черноморского флота приводились в боевую готовность форты и батареи, из сошедших на берег

экипажей создавались пехотные батальоны. В сущности, повторялась ситуация 90-летней давности, когда англо-французские войска, разбив русскую сухопутную армию, попытались с ходу овладеть городом. Однако имелись и отличия. Тогда защитить город удалось силами моряков, которые были лишь незначительно усилены пехотными частями. Теперь же превосходство противника было слишком подавляющим, а Севастополь оказался отрезан от Большой земли и единственная связь с ним осуществлялась только по морю. Петров вполне справедливо решил, что остатки Приморской нужнее там, в городе. И в этом отношении он не ошибся..

30 октября немцы попытался с ходу взять Севастополь и сразу же встретили мощное противодействие. Морские батальоны слились с полками Петрова и заняли глухую оборону. Манштейн одновременно наступал на нескольких направлениях, делая это, впрочем, отнюдь не по недомыслию, а в надежде нащупать слабое место в позициях русских. И ничего у него не получалось. Ощущая угрозу, Петров оперативно перекидывал резервы с одного угрожаемого участка на другой и в ряде случаев даже наносил контрудары.

Поняв, что импровизация не удалась, Манштейн решил взяться за дело посерьезнее. Новый, уже более подготовленный штурм начался 17 декабря. На сей раз главной целью немцев был не сам город, а так называемая Северная бухта, захват которой позволял перерезать единственную связь Севастополя с Большой землей. Но и советская сторона времени не теряла. Бои вновь приняли упорный и кровопролитный характер. В решающий момент советскому командованию удалось переправить с Кавказа 79-ю бригаду, прибытие которой оказалось как нельзя более своевременным.

Любопытно, что именно в самые напряженные дни боев Петрову пришлось пережить стресс, уступив командование Приморской армии прибывшему из Москвы генералу С. И. Черняку. Тот сразу же начал готовить общее контрнаступление, которое, учитывая немецкое превосход-

ство в силах, было обречено на неудачу. К счастью, уже хорошо сработавшиеся с Иваном Ефимовичем черноморские адмиралы забомбардировали Ставку протестами и добились его возвращения. Идея контрнаступления была похоронена, зато и немецкий штурм Севастополя потерпел неудачу.

В эти же дни в районе Феодосии высадилась 44-я армия, а в районе Керчи — 51-я. Однако противник отреагировал мгновенно, и две армии разве что закрепились на Керченском полуострове. Следует признать, что поражения не могли сломить Манштейна. Ему удалось уничтожить еще два советских десанта, высаженных под Евпаторией и Судаком. Затем, плотно обложив Севастополь, германский командующий начал операцию «Охота на дроф» против 44-й и 51-й армий.

8 мая под прикрытием тяжелых бомбардировщиков его войска перешли противотанковый ров и двинулись к Керчи. Через неделю сражение закончилось. Немцы захватили 170 тысяч пленных, 1100 орудий и 250 танков.

Теперь никто не мешал Манштейну начать операцию «Лов осетра» и вплотную заняться Севастополем. Его план сводился к тому, чтобы двумя клиньями (с севера и юго-востока) прорвать оборону и захватить город. Очередной и последний штурм начался 7 июня 1942 г. В течение последующих 10 дней германская пехота ценой огромных потерь овладела фортами «Сталин», «ЧК», «ГПУ», «Сибирь» и «Волга». 18 июня немцы вышли к Северной бухте, Инкерману и Сапун-горе. Через неделю 11-я армия полностью блокировала крепость.

Пока один из немецких корпусов продолжал демонстративно атаковать с фронта, другой корпус ночью переправился через Северную бухту и с тыла овладел Сапунгорой и Малаховым курганом. Вместо того чтобы входить в город и втягиваться в уличные бои, Манштейн использовал авиацию, обрушившую на Севастополь массу бомб и фугасов. 1 июля остатки советского гарнизона начали отступление к мысу Херсонес. Здесь они держались еще три дня, надеясь, что их эвакуируют корабли

Черноморского флота. Однако господство на воде и в воздухе уже перешло к противнику. Советской стороне удалось вывезти небольшое число раненых, а также штаб Приморской армии. Судьба оставшихся на Херсонесе сложилась трагично. Они либо сдались в плен, либо сражались до последнего и погибли.

Иван Ефимович оказался в числе эвакуированных. Впоследствии ему пришлось отбиваться от обвинений в том, что он бросил войска и ссылаться при этом на категоричный приказ Ставки. Здесь, правда, следует отметить, что, например, комкор Петровский в аналогичной ситуации приказ Ставки проигнорировал и пал в бою, прорываясь вместе со своим корпусом из окружения. Однако судить Петрова слишком строго, наверное, не стоит. В конце концов, он действительно сделал все, что мог, а требовать от него еще и героической, но бессмысленной гибели мы, современники, вряд ли имеем моральное право.

Манштейн. Не виноватый в поражениях

За взятие Севастополя Манштейн получил звание фельдмаршала. С этого момента фюрер преисполнился к нему глубокого уважения и в дальнейшем предпочитал использовать на наиболее кризисных и опасных участках. Однако, следует признать, что к его советам стратегического характера Гитлер не слишком прислушивался, по-прежнему полагаясь на свою интуицию. Так, хотя Манштейн и предлагал перебросить свою 11-ю армию на Кубань, фюрер предпочел использовать ее севернее — под Ленинградом, где советские войска предприняли очередную попытку прорвать блокаду.

Управиться здесь смогли бы и без Манштейна. На самом деле 11-я армия больше пригодилась бы именно на Кубани, что и выяснилось со всей очевидностью в дни Сталинградской битвы. А когда катастрофа разразилась, сделать что-нибудь было уже поздно. Манштейну из со-

бранных «с бору по сосенке» частей пришлось создавать группу армий «Дон», чтобы прорваться на выручку к Паулюсу. Но широко разрекламированная операция «Зимняя гроза» все-таки провалилась, и единственное, что удалось сделать фельдмаршалу, — это удержать фронт на линии от Таганрога от Белгорода. Впрочем, не один здравомыслящий человек не стал бы требовать от Манштейна большего, так что дубовые листья к Рыцарскому кресту стали для него вполне заслуженной наградой.

Если верить последующим воспоминаниям фельдмаршала, то он предостерегал Гитлера и от Курской битвы, и от попыток закрепиться на левобережье Днепра, однако то ли фюрер его плохо слушал, то ли сам Манштейн плохо настаивал, но все эти советы не возымели никакого действия. Следует отметить, что при оставлении левобережной Украины вермахт уводил жителей и уничтожал запасы продовольствия, оставляя за собой так называемые зоны пустыни. Впоследствии за использование тактики «выжженной земли» Манштейн предстал перед английским военным трибуналом, а тогда в своих письмах домой немецкие офицеры писали, что «во имя собственного спасения армия имеет право делать все, что угодно».

Последний раз полководческий талант фельдмаршала блеснул в феврале 1944 г., когда ценой невероятных усилий ему удалось вывести из котла часть окруженной Корсунь-Шевченковской группировки. Но затем последовал удар Жукова, который сумел выйти к отрогам Карпат и окружить 1-ю немецкую танковую армию. По не совсем ясным причинам фюрер отказался дать согласие на операцию по ее деблокированию. Но Манштейн не отступил, и фюрер дал все-таки требуемое разрешение, однако уже 30 марта Манштейн был переведен в резерв, получив от Гитлера на прощание мечи к Рыцарскому кресту.

1-я танковая армия вырвалась из окружения, а фельдмаршал отправился в свое поместье, где в конце войны и был арестован англичанами. В 1948 г. за военные преступления он был приговорен к 18-летнему тюремному заключению, но уже в 1953 г. вышел на свободу.

В своей книге «Утерянные победы» все победы фельдмаршал приписал себе, а вот ответственность за их утрату переложил на фюрера. Предложенная им версия выглядела весьма убедительно и, бесспорно, повлияла на суждения многих современных историков. В дальнейшем Манштейн работал советником по перевооружению в бундесвере, но вскоре окончательно ушел на покой. Скончался он в небольшом городке Иршенхаузене 10 июня 1973 г.

Петров. Не ставший маршалом

После эвакуации из Севастополя Петров вступил в командование заново сформированной 44-й армией, на которую возлагалась оборона нефтяных промыслов Баку и Грозного. Войска фон Листа в эти дни штурмовали Кавказский хребет, надеясь выйти к Ирану, Ближнему Востоку и Индии. Неизвестно, к чему бы привели эти замыслы, но все смешала битва под Сталинградом. После поражения Паулюса следующий котел мог образоваться именно на Кавказе, и Листу ничего не оставалось, кроме как оперативно отвести свои войска на соединение с Манштейном.

К северу от Кавказа немцы попытались закрепиться в районе Тамани и Кубани, создав так называемую Голубую линию. Не сумев взять ее с ходу, советскому командованию пришлось использовать морские десанты, большинство из которых проводились Черноморской группой войск Петрова. Иван Ефимович действовал довольно удачно и вскоре стал командующим всем Северо-Кавказским фронтом. Правда, немецкая оборона оказалась крепкой, так что выбить противника с их плацдармов удалось лишь в сентябре 1943 г.

Следующим этапом был Крым, уже хорошо знакомый Ивану Ефимовичу. Соединения Северо-Кавказского фронта частично перебросили на другие участки, частично преформировали в Отдельную Приморскую армию, порученную все тому же Петрову. Им удалось зацепиться на Керченском полуострове, однако операцию по полному

освобождению Крыма из-за сильного сопротивления неприятеля пришлось отложить до весны 1944 г.

Сталин, бесспорно, был недоволен «топтанием под Керчью», и именно этим, видимо, следует объяснить перевод Ивана Ефимовича в Белоруссию на пост командующего 33-й армией. Затем последовал очередной взлет — назначение командующим 2-м Белорусским фронтом (апрель 1944 г.) и очередное понижение — снятие с должности и отправка на «лечение» (июнь 1944 г.).

Тщательно исследовавший биографию Ивана Ефимовича писатель В. В. Карпов не нашел никакого объяснения этим внезапным перемещениям и ограничился лишь предположением, что Петров стал жертвой доноса какого-то бдительного товарища. Вообще, карьеру Ивана Ефимовича можно признать феноменальной: вполне удачно командуя войсками на самых ответственных участках, он так и не получил звание маршала. Однако и репрессирован он также не был, из чего можно сделать заключение, что всем сигналам Сталин так и не давал ходу.

И все же «хозяин» ему, видимо, не доверял. Во всяком случае, сделав Петрова командующим 4-м Украинским фронтом (август 1944 г.), к нему в качестве надсмотрщика приставили доверенного человека вождя — Я. З. Мехлиса. Здесь Ивану Ефимовичу пришлось прорываться через Дуклинский перевал, чтобы прийти на помощь восставшей Словакии. Однако помочь союзникам он так и не смог. Причин здесь несколько: переброска некоторых соединений к «соседям» Петрова, труднодоступность Карпат, мощь вражеских укреплений, упорство немецкого сопротивления и, наконец, действия в советском тылу отрядов украинских националистов. Словакию удалось освободить лишь в апреле 1945 г., но на фоне других событий это уже не имело большого значения.

Вторую мировую войну Иван Ефимович закончил на сравнительно невысокой (для военачальника его уровня) должности начальника штаба 1-го Украинского фронта (командующий — маршал И. С. Конев). После войны Петрову присвоили звание Героя Советского Союза и назна-

чили командующим Туркестанским военным округом. Там же служил и его сын Юрий, убитый мародером во время ашхабадского землетрясения 1948 г. Эта трагедия подкосила Ивана Ефимовича, и вскоре он вышел в отставку. Скончался генерал армии Петров в Москве в 1958 г.

Битва за Севастополь стала пускай не самым заметным, но, вероятно, наиболее драматичным эпизодом в военных биографиях Манштейна и Петрова. И хотя с формальной точки зрения победа осталась за Манштейном, оборона города более чем на полгода сковала одну из наиболее боеспособных германских армий. Подобное положение, конечно же, не могло не сказаться на других фронтах, и прежде всего на смежных участках — на Кавказе и особенно на Волге, где уже закладывался фундамент будущей Сталинградской победы.

ВЕЙХС ПРОТИВ ВАГУТИНА: ИСКУССТВО ДЕЛАТЬ КОТЛЫ

О Сталинградской битве написаны тысячи художественных произведений и научных исследований. И русские, и германские авторы, как правило, делают акцент на обороне города и гибели окруженной 6-й германской армии. При этом из поля зрения выпадают действия тех войск и военачальников, которые создавали Сталинградский котел, и тех, кто пытался пробить его.

Карьера 1. Вейхс

Максимилиан фон Вейхс родился 12 ноября 1881 г. в городе Дессау в старинной аристократической семье. В 19-летнем возрасте он вступил в армию в качестве фаненюнкера и через два года был произведен в звание младшего лейтенанта. Послужив в различных кавалерийских частях, Вейхс в 1910 г. был послан в Берлин, где прошел дополнительную подготовку по линии Генерального штаба. Во время Первой мировой войны он периодически прикомандировывался к различным штабам, но по окончании боевых действий вновь вернулся в кавалерию.

В 1928 г. барон фон Вейхс был произведен в подполковники и назначен полковым командиром. В это же время наш герой обзавелся семьей, что, по общему мнению, никак не повлияло на его образ жизни. Полностью посвящая себя делам службы, он не слишком интересовался политикой, но как истый католик и настоящий аристократ с известным подозрением относился к нацистским лозунгам. Однако со временем идеи фюрера казались ему все более привлекательными. Приход Гитлера к власти ознаменовал собой резкое усиление военной мощи Гер-

мании. Формирование новых соединений автоматически означало появление новых вакансий для офицеров, которые по несколько лет прозябали в одном и том же звании.

Вейхс довольно быстро почувствовал на себе благотворные перемены. С 1933 г. он командовал сначала кавалерийской, а затем танковой дивизией. В 1937 г. наш герой возглавил 13-й военный округ в Нюрнберге и тогда же обратил на себя внимание фюрера. Во время съезда НСДАП Вейхс отвечал за организацию военных парадов и, по собственному признанию, «играл на плацу роль, среднюю между ролью унтер-офицера и кинорежиссера». Судя по всему, роль получилась, поскольку Вторую мировую войну он встретил в звании генерала от кавалерии.

Во время вторжения в Польшу его корпус принимал участие в захвате равнинной части страны и в штурме Варшавы. Вернувшись в Германию, Вейхс возглавил 2-ю армию, с которой принял участие во французской кампании. Здесь он подоспел лишь к концу «пиршества», что, впрочем, не помешало ему получить звание генерал-полковника.

Первым действительно серьезным полководческим достижением Вейхса стала кампания против Югославии. В апреле 1941 г. его войска прорвали пограничную оборону и овладели главным городом Хорватии Загребом. Продолжив наступление, Вейхс дошел до Белграда, где от имени Германии принял безоговорочную капитуляцию югославской армии.

Кампания в России протекала намного менее гладко. Хотя 2-я армия появилась здесь только в июле, работы у ней оказалось более чем достаточно. Вместе с соседями войска Вейхса ликвидировали окруженные советские группировки в районе Белостока, Киева, Брянска. И, хотя после каждой из этих операций в лагеря отправлялись десятки тысяч военнопленных, сопротивление Красной Армии становилось все ожесточеннее. В конце концов Вейхс слег с нервным приступом, избавившись тем самым от необходимости участвовать в неудачном для немцев Московском сражении.

На фронт он вернулся лишь в январе 1942 г., когда его армия уже более менее оправилась от поражений. Теперь новый удар Гитлер решил нанести по направлению к Кавказу и Сталинграду. Для этого группу «Юг» разделили на две группы армий — «А» и «Б». Командование наступавшей на Кавказ группой «А» досталось фельдмаршалу Листу, группу «Б» фюрер доверил генерал-полковнику Вейхсу.

Карьера 2. Ватутин

Николай Федорович Ватутин родился 16 декабря 1901 г. в селе Чепухино Воронежской губернии в крестьянской семье. Кроме него у родителей было еще восемь детей, и, разумеется, в материальном отношении ни о каком благополучии не было и речи. Окончив начальную школу, Николай должен был помогать семье по хозяйству, но учитель, заметив его способности, сумел выбить у земства небольшую стипендию. На эти деньги мальчик четыре года учился в коммерческом училище. Затем выплату стипендии прекратили, и Николай вернулся обратно в деревню.

В 1920 г., будучи призван в Красную Армию, Ватутин принимал участие в боях с махновцами. Революция дала ему шанс выбиться из бедности и сделать карьеру, однако многим его родственникам повезло меньше. Так, например, его отец и один из братьев умерли во время голода 1921 г. Николай в это время находился далеко от родных мест, проходя курс обучения в Полтавской школе красных командиров.

Свою офицерскую карьеру Ватутин начал с должности командира взвода в 23-й стрелковой дивизии. Бесспорно, наш герой очень хорошо справлялся со своими обязанностями, однако имелась у него одна черта, которая выделяла его из числа сверстников. Уже в 20 лет он стал коммунистом и с тех пор постоянно демонстрировал свою преданность партии. Была ли эта преданность искренней — судить трудно. Трагическая судьба родственников вряд ли могла распо-

ложить его в пользу Советской власти. С другой стороны, Советская власть помогла ему «выбиться в люди», избавив от нелегкой крестьянской доли. Так что скорее всего истина лежала где-то посередине. Бесспорно лишь то, что внешне Николай Федорович действительно был образцом настоящего коммуниста. И куда бы ни бросала его служба, он всегда таскал с собой чемоданчик с сочинениями Маркса, Энгельса, Ленина. Никто, правда, не видел, как он их читал, но то, что они у него были, знали все, в том числе и начальство. Знали и, разумеется, делали нужные выводы...

В 1938 г., уже имея за плечами Академию Генерального штаба, Ватутин стал начальником штаба Киевского военного округа. Именно в этом качестве он участвовал в «освобождении» Западной Украины и, как сказано в служебной аттестации, «показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

Отечественную войну он встретил в должности первого заместителя начальника Генерального штаба. Правда, с началом боевых действий многим штабным работникам пришлось отправиться непосредственно на передовую. Коснулось это и Ватутина. В июле 1941 г. он сумел более или менее ликвидировать хаос, начавшийся на Северо-Западном фронте, а затем лично возглавил группу войск, оборонявшую Новгород.

В следующем 1942 г. Ватутина назначили командующим Воронежским фронтом. Здесь его войска подверглись мощному удару со стороны группы армий «Юг» под командованием фон Бока. 8 июля после упорных боев немцы смогли овладеть городом. Гитлер тем не менее остался недоволен, считая, что под Воронежом его войска потратили слишком много времени. Бока отправили в отставку, а основные усилия перенесли с воронежского на сталинградское направление. Советская Ставка также отреагировала на действия противника и по соседству с Воронежским создала новый Юго-Западный фронт, который, собственно, и должен был противостоять наступлению группы Вейхса. Командовать этим участком поручили Ватутину.

Котел

В начале битвы в распоряжении Вейхса имелось пять армий (две немецких, одна итальянская, одна венгерская и одна румынская). Его войска двигались вперед клином, на острие которого находилась 6-я армия Паулюса.

Удача в этот период сопутствовала германскому оружию. В начале августа группа «Б» смогла разгромить две советские армии и захватить плацдармы на левом берегу Дона. Обезопасившись (как ему казалось) от возможного флангового удара, Вейхс бросил главные силы к Сталинграду, чем, разумеется, ослабил свои войска на других направлениях.

Все в этот момент оказалось поставленным на одну карту. Мечта овладеть городом имени Сталина превратилась в своеобразную идею-фикс Гитлера. И Вейхс вместо того чтобы призвать фюрера к осторожности, всего лишь добросовестно следовал его замыслу.

Втянув немцев в уличные бои в Сталинграде, советское командование получило время для того, чтобы собрать резервы и подготовиться к контрудару. Переломить ситуацию предстояло частям Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Ударив по растянутым флангам Вейхса, они должны были отсечь и взять в котел армию Паулюса. Соединиться войскам двух фронтов следовало в районе Калача, причем Ватутину до места встречи нужно было пройти 120 километров, а его коллеге Еременко — 100 километров.

Вся операция готовилась в большой секретности. Дивизии сосредотачивались в глубоком тылу, вдали от места будущего прорыва. Все части перемещались только по ночам, а днем прятались в лесах и оврагах. Чтобы запутать разведку противника, переменили даже номера полевой почты, а все командующие получили псевдонимы (Ватутин, например, превратился в Федорова).

Вейхс, видимо, чувствовал, что на его флангах творится что-то неладное и попытался сформировать резервную группу войск под командованием генерала фон Гейма. Но

сил у него было слишком мало. Обещанные Гитлером подкрепления еще находились в пути, а «сталинградский молох» требовал все новых и новых человеческих жертв. В результате обеспечение флангов группы «Б» легло на союзников — румын, венгров, итальянцев...

18 ноября фактически захлебнулся последний из принятых Вейхсом штурмов Сталинграда. А уже на следующий день войска Ватутина ринулись на румынские позиции. Пехота поначалу наступала очень медленно, но, когда вперед двинулись два танковых корпуса, в румынской обороне появилась брешь длиной в целых 16 километров. Пять вражеских дивизий были окружены в районе Серафимович. Генерал Гейм попытался прийти на помощь союзникам, и, хотя ему действительно удалось выручить одну румынскую дивизию, его собственная группа после этого прекратила свое существование...

Начавшееся на другой день наступление Сталинградского фронта было столь же сокрушительным, как и удар Ватутина. Описывая ситуацию тех дней, один из соратников Вейхса писал: «Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт — нанесенные на них жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы». На самом деле катастрофа еще только начиналась...

23 ноября войска Юго-Западного фронта вышли к Калачу и соединились с частями Сталинградского фронта. В этот же день румынские дивизии генерала Стэнеску сдались Ватутину у Серафимович. Армия Паулюса оказалась в котле. Вейхс со своими потрепанными войсками еще мог попытаться деблокировать 6-ю армию, но для этого Паулюс также должен был пробиваться ему навстречу. Однако фюреру очень не хотелось отказываться от Сталинграда, и он приказал Паулюсу остаться на прежних позициях.

На помощь 6-й армии двинулись танковые части Манштейна, но пробиться они так и не сумели. Котел, сделанный на скорую руку, лишь «закалился» и стал крепче пос-

ле ожесточенного сражения на берегах Мышковы. Тогда немцы постарались наладить воздушный мост с окруженными. В ближайшем тылу Вейхса, у Тацинской, устроили аэродром, с которого началось снабжение 6-й армии. Однако и эта попытка была сорвана стремительным и неожиданным ударом Ватутина.

17 декабря танковый корпус генерала В. М. Баданова прорвал вражеские позиции и дошел до Тацинской. Ворвавшись на аэродром, наши машины прямо на земле уничтожили около 300 вражеских самолетов. Устроив немцам «кровавую баню», танкисты выполнили свою задачу и благополучно соединились с главными силами.

О новых попытках выручить Паулюса всерьез после этого никто и не думал. Пока наши войска добивали Паулюса в Сталинграде, его несостоявшиеся спасители — Вейхс и Манштейн — были вынуждены сами перейти к обороне.

К моменту капитуляции 6-й армии у Вейхса осталась всего одна дивизия, которой он безуспешно пытался прикрыть оголенный левый фланг группы Манштейна. Чтобы хоть как-то подбодрить своих военачальников, 31 января 1943 г. Гитлер присвоил Паулюсу и Вейхсу звания фельдмаршалов. Паулюс на следующий день сдался в плен русским. Вейхсу повезло немногим больше: 10 июля группа «Юг» была официально ликвидирована, а ее командующий переведен в резерв фюрера.

Вейхс. Лебединая песня на Балканах

Вынужденный отдых Вейхса оказался очень недолгим. Уже 26 июля он был назначен командующим германскими войсками на Балканах. В распоряжении фельдмаршала оказалось целых две группы армий («Ф» и «Е»), и, следует признать, что теперь он действовал с гораздо большим успехом, чем во время Сталинградского сражения.

Задача Вейхса заключалась в том, чтобы ликвидировать местное партизанское движение и одновременно не допус-

тить высадки англо-американских войск на Балканском полуострове. Еще одна неожиданная проблема появилась после того как Италия заключила сепаратный мир с союзниками. Благодаря быстрым и решительным действиям Вейхса многие итальянские соединения были разоружены, а их личный состав отправился работать на благо Рейха. Тем не менее в ряде случаев дело оборачивалось не столь гладко. В Албании на сторону партизан перешла дивизия «Фиренце», другая дивизия «Акви» героически оборонялась на острове Кефалония и практически полностью была уничтожена недавними «братьями по оружию». Аналогичная судьба постигла и дивизию «Бергамо», защищавшуюся в Сплите. В подобных случаях итальянцев в плен не брали, а просто расстреливали на месте из пулеметов...

Затем Вейхс занялся партизанами и в 1943 г. дважды предпринял масштабные операции против армии Тито. В мае 1944 г. немцы едва не поймали югославского лидера, однако в последний момент он был эвакуирован советскими летчиками.

Для борьбы с мелкими партизанскими отрядами Вейхс успешно использовал мобильные бронированные патрули и группы карателей, состоявшие преимущественно из местных предателей или бойцов так называемого Русского охранного корпуса. И хотя фельдмаршал так и не смог ликвидировать движение Сопротивления, ему действительно удалось «превратить жизнь партизан в сплошные мучения». По крайней мере, до того момента, пока на помощь к ним не пришла Красная Армия.

В августе-сентябре 1944 г. советские войска заняли Румынию и Болгарию. Обе страны примкнули к антигитлеровской коалиции, и тогда Вейхс понял, что с Балкан ему придется уносить ноги. Сделать это он смог быстро и с минимальными потерями, но по мере отступления Гитлер отбирал у него то одно, то другое соединение. Таким образом, к концу 1944 г. в распоряжении Вейхса осталось всего несколько недоукомплектованных дивизий. Группы «Ф» и «Е» упразднили за ненадобностью, а на их базе создали так называемую Резервную армию. Вейхс

рассчитывал стать ее командующим, но тут фюрер вспомнил о глубокой религиозности фельдмаршала и, по-видимому, заподозрил его в каких-то изменнических настроениях. В результате командующим стал рейхсфюрер СС Гиммлер, чьи полководческие способности, конечно же, оставляли желать лучшего. Вейхс отправился в отставку и после войны был арестован союзниками. Выйдя в 1947 г. из тюрьмы по болезни, он старался не привлекать к себе внимания и вел очень уединенный образ жизни. Скончался Вейхс 27 сентября 1954 г. в Ресберг-Кельне.

Ватутин.

Освобождение Украины

Летом 1943 г., командуя частями Воронежского фронта, Ватутин успешно отразил наступление немцев против южного фаса Курского выступа. Именно его войска выдержали величайшую танковую битву под Прохоровкой, а затем, перейдя в контрнаступление, выбили противника из Белгорода. Этот успех (наряду со взятием Орла) был отмечен первым в Москве победным салютом.

После вступления на территорию Украины Воронежский фронт переименовали в Первый Украинский. Быстрыми темпами Ватутин дошел до Днепра и даже сумел овладеть двумя крупными плацдармами к северу и югу от Киева. Последующее взятие города стало его главным полководческим шедевром. После того как наступление с южного Букринского плацдарма потерпело неудачу, все свои силы Ватутин тайно перекинул на северный Лютежский плацдарм. На Букринском плацдарме вместо боевых машин расставлялись макеты танков, оборудовались ложные огневые позиции. Радиостанции продолжали радиобмен, хотя ни войск, ни штабов там уже не было.

Благодаря этим хитростям удар с севера стал для противника полной неожиданностью. После упорных боев немцам пришлось оставить Киев. 6 ноября 1943 г. Николай Федорович получил возможность прогуляться по го-

роду, в котором он когда-то работал в качестве начальника штаба округа. На улицах его приветствовали редкие группы мирных жителей и в ряде случаев дело дошло до импровизированных митингов.

Тем не менее далеко не все украинцы встречали Красную Армию с радостью и энтузиазмом. На Правобережье советским войскам пришлось бороться не только с немцами, но и с националистами-бандеровцами, создавшими так называемую Украинскую повстанческую армию. Поначалу советское командование не придавало им серьезного значения, и лишь гибель Ватутина заставила посмотреть на ситуацию другими глазами...

Вечером 29 февраля 1944 г. Николай Федорович возвращался из Ровно со штабного совещания. Примерно на полпути он предложил свернуть с шоссе и проехать напрямик по проселочной дороге. Сначала все было нормально, однако на окраине села Милятин его автомобиль и три машины с охраной наткнулись на бандеровскую засаду. Вовремя заметив опасность, командующий, его охранники и адъютанты (всего около 15 человек) укрылись в кювете и стали отстреливаться. В этот момент Николай Федорович был ранен в бедро шальной пулей. Генерала смогли вывезти в безопасное место, и уже ночью над ним колдовали лучшие медицинские специалисты. Но все их усилия оказались напрасными. В ночь на 15 февраля 1944 г. генерал армии Ватутин умер в Киеве от начавшегося заражения крови.

Вейхс и Ватутин не очень соответствовали традиционному представлению о том, как именно должен выглядеть настоящий полководец. Однако «штатская» внешность не мешала им хорошо разбираться в военном деле и успешно проводить крупнейшие стратегические операции. И тому, и другому всегда сопутствовала удача, но если выбирать, кто из них был более талантлив как военачальник, то первенство все-таки следует отдать советскому генералу. Во всяком случае, в тот единственный раз, когда они сошлись на поле сражения, победа осталась за Ватутиным.

КЮХЛЕР ПРОТИВ ГОВОРОВА: РАЗОРВАННОЕ КОЛЬЦО

К концу 1941 г. стало ясно, что германские войска застряли под Ленинградом всерьез и надолго. Теперь дело зависело не столько от способности обмениваться ударами и контрударами, сколько от мужества и упорства участников противостояния.

Меняющийся характер борьбы предопределял и перемены в командном составе противоборствующих сторон. Поскольку и советские, и германские войска успели обзавестись под Ленинградом мощными долговременными укреплениями, многое в этих условиях зависело от «бога войны» — артиллерии. И, видимо, не случайно в январе 1942 г. место фельдмаршала фон Лееба на посту командующего группы армий Север занял генерал-артиллерист Георг фон Кюхлер. А еще через полгода, когда советская Ставка всерьез занялась планами прорыва блокады, во главе Ленинградского фронта встал другой артиллерист — герой битвы под Москвой генерал армии Леонид Александрович Говоров.

Карьера 1. Кюхлер

Георг фон Кюхлер родился 10 мая 1881 г. в замке Филлипсруэ в старинной прусской дворянской семье. После окончания военной школы в 19-летнем возрасте он вступил в армию, где служил сначала в артиллерийских, а затем в кавалерийских частях. В 1913 г., отучившись в академии, обер-лейтенант Кюхлер был назначен в топографический отдел Генерального штаба. В Первую мировую войну он находился на Западном фронте, однако, уже после поражения Германии неведомыми путями оказался в При-

балтике и занял одну из штабных должностей в корпусе генерала фон дер Гольца.

В 1919 г. немцы, русские белогвардейцы и латышские националисты совместно сражались против наступающей Красной Армии. Затем, когда большевистская угроза была ликвидирована, победители перессорились. Эстонцы и латыши при помощи Антанты выгнали корпус фон Гольца из Прибалтики. Вернувшись на родину, многие ветераны оказались без средств к существованию. Тем не менее Кюхлеру удалось добиться зачисления в новую сильно сокращенную германскую армию — рейхсвер.

Не участвуя ни в каких политических склоках, он спокойно тянул свою лямку и к 1934 г. дослужился до генерал-майорского звания. С приходом к власти нацистов Кюхлер, несмотря на свою аполитичность, нашел с ними общий язык и в 1937 г. стал генералом от артиллерии и командующим 1-м военным округом. Сам округ размещался на территории Восточной Пруссии — немецкой области, отделенной от остальной Германии польскими землями. Требования Гитлера обеспечить свободную сухопутную связь (так называемый Данцигский коридор) между Рейхом и восточно-прусским анклавом, собственно, и послужили одним из поводов для развязывания Второй мировой войны. В качестве первого шага к решению проблемы в марте 1939 г. войска Кюхлера оккупировали литовский порт Клайпеду (Меммель), однако дальше дело застопорилось из-за упорства поляков. Вторая мировая война стала неизбежной...

Во время кампании против Польши (в сентябре 1939 г.) 3-я армия Кюхлера пробилась через Данцигский коридор, дошла до Варшавы и, развернувшись на восток, соединилась с частями Красной Армии на линии новой советско-германской границы.

Затем, чтобы запутать разведку противника, 3-я армия была переименована в 18-ю и переброшена на Запад. В июне 1940 г. части Кюхлера всего за пять дней завоевали Нидерланды, после чего двинулись к Дюнкерку, где захватили в плен остатки французской армии (около 40 тысяч).

Участие бравого генерала в наступлении против Парижа было скорее символическим, однако получилась так, что именно войска 18-й армии первыми вошли в столицу Франции и промаршировали под Триумфальной аркой...

Согласно плану «Барбаросса» захват Прибалтики и Ленинграда возлагался на группу армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба. Кроме 18-й армии Кюхлера в нее входили 16-я армия фон Буша и 4-я танковая группа фон Хепнера. 18-я армия довольно быстро управилась с Прибалтикой, после чего занялась Ленинградом. Однако в начале сентября 1941 г. Гитлер приказал отказаться от штурма и ограничиться блокадой второй столицы России.

Вопрос о мотивах такого решения до сего дня остается открытым. Возможно, дело заключалось в упорстве ленинградцев, возможно — в том, что танки фон Хепнера в тот момент больше были нужны немцам под Москвой, а не на берегах Невы. Возможна и еще одна версия: согласно расчетам немецких экономистов, завоеванная Россия могла бы снабжать Германию зерном в достаточном количестве только при условии сокращения собственного городского населения на 30 млн человек. Не исключено, что, организовав голод в Ленинграде, Гитлер одним махом рассчитывал избавиться от 2–3 млн лишних «недочеловеков».

Если это и так, то профессиональные военные Лееб и Кюхлер, видимо, не догадывались о существовании подобных планов. Лееб, во всяком случае, слишком часто выражал свое недовольство по поводу упущенной возможности овладеть Ленинградом. В конце концов он лишился своей должности, а его место занял более сдержанный Кюхлер.

Наследство новому командующему досталось не слишком хорошее. Взяв Ленинград в блокаду, группе «Север» приходилось отбивать атаки советских войск как изнутри кольца, так и снаружи (со стороны Волховского фронта). При этом, явно не соизмерив силы, Гитлер настаивал на наступательных действиях, в результате чего две крупных группировки германских войск оказались окруженными в районах Холма и Демянска. Чуть позже 2-я ударная

армия Волховского фронта пыталась пробиться к Ленинграду через район Любань–Чудово. Подведя резервы с других участков, Кюхлер дождался, когда советские войска втянутся в «мешок», после чего нанес мощные фланговые удары. В результате 2-я армия попала в окружение и к июлю-месяцу была почти полностью уничтожена. Вдобавок еще до этого немцы нанесли удары в направлении Холма и Демянска и к концу апреля — началу мая сумели деблокировать осажденные гарнизоны. Обрадованный Гитлер произвел командующего группы «Север» в звание генерал-фельдмаршала.

В общем, в лице Кюхлера советская Ставка обрела весьма серьезного и опасного противника, сумевшего, несмотря на неравенство сил, свести на нет все успехи, ранее достигнутые советскими войсками. Город по-прежнему находился в осаде, и, чтобы решить эту проблему, требовался военачальник как минимум с аналогичными дарованиями.

Карьера 2. Говоров

Леонид Александрович Говоров родился 22 февраля 1897 г. в селе Бутырки Вятской губернии в семье бывшего бурлака, сумевшего выбиться в люди и стать писемководителем. Отец работал в Елабужском реальном училище, и это же училище окончил его сын. Затем 19-летний юноша подрабатывал репетиторством и поступил в столичный Политехнический институт. Однако из-за начавшейся Первой мировой войны он почти сразу же был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. На глазах юнкера Говорова разворачивались события Февральской и Октябрьской революций, однако, судя по всему, в то время политикой он не интересовался.

Едва Говоров получил звание подпоручика, как Советское правительство подписало мир с немцами, и молодому офицеру ничего не оставалось, как уехать в родную Елабугу. Именно здесь политика его и настигла. Леонида

Александровича мобилизовали в колчаковскую армию и назначили командиром батареи во Втором Уфимском корпусе.

Трудно сказать, насколько искренне Говоров сочувствовал Белому движению, но в октябре 1919 г., когда колчаковский фронт затрещал по всем швам, вместе со своей батареей он перешел на сторону красных. Хотя и не слишком доверяя, большевики поручили ему сформировать артиллерийский дивизион, во главе которого он и принял участие в боях против Врангеля. Дважды, под Каховкой и при штурме Перекопа, Леонид Александрович был ранен и даже получил от командования орден Красного Знамени.

Колчаковское прошлое «дамокловым мечом» висело над Говоровым. И все же карьера его двигалась своим чередом. Пять лет (1925–1930) Леонид Александрович командовал артиллерийским полком, затем был начальником артиллерии 15-го стрелкового корпуса. В 1936 г. он стал слушателем Академии Генерального штаба, но в разгар сталинских чисток был исключен оттуда и едва не стал жертвой репрессий. Правда, в 1938 г. на смену Ежову пришел Берия, и карательная машина резко сбавила свои обороты. В результате Говоров не только не пострадал, но и наоборот — пошел вверх, став преподавателем Артиллерийской академии им. Дзержинского. В 1939 г. Леонид Александрович даже опубликовал свой первый научный труд, посвященный атаке и прорыву укрепленного района противника.

Тема оказалась на редкость своевременной, и командование тут же предоставило ему возможность на практике проверить собственные теоретические построения. При прорыве финских укреплений на Карельском перешейке Говоров успешно руководил действиями артиллерии 7-й армии и был вне очереди произведен в звание комдива.

В первые полгода Отечественной войны уровень да и круг обязанностей Говорова практически не менялись. Последовательно он был начальником артиллерии Западного стратегического направления, Резервного фронта, Можайской линии обороны.

В боях под Ельней Леонид Александрович обратил на себя внимание Жукова и именно по его рекомендации был назначен командующим 5-й армией (вместо раненого генерала Д. Д. Лелюшенко). Войскам Говорова довелось сдерживать врага на знаменитом Бородинском поле, а затем, уже во время контрнаступления под Москвой, выбить неприятеля из Можайска (январь 1941 г.).

К началу 1942 г. Леонида Александровича знали не только в Советском Союзе, но и на Западе, где он наряду с Власовым, Панфиловым и Доватором считался одним из главных героев Московской битвы. Однако, когда в апреле 1942 г. Говоров возглавил группу войск Ленинградского фронта, в городе на Неве к нему поначалу отнеслись с некоторым недоверием. Так, едва вступив в должность, он поспешил вывести войска с плацдарма у Невской Дубровки, заявив, что «там можно ожидать только кровавую баню». Ленинградцы очень гордились этим политым кровью участком и встретили такое решение с явным недовольством.

Затем, уже став командующим Ленинградским фронтом, Говоров не слишком успешно действовал при очередной попытке деблокировать город. 8 сентября 1942 г. его войска форсировали Неву и сразу же попали под сокрушительный огонь вражеской артиллерии. Наступление захлебнулось, и, хотя командующий подтянул резервы и даже пустил в дело танки-амфибии, вторая попытка (предпринятая 26 сентября) также окончилась неудачей. Леониду Александровичу пришлось отвести войска, сохранив за собой лишь небольшой плацдарм в районе Московской Дубровки.

Оправданием Говорову может служить то, что его постоянно подталкивали из Москвы и он просто не имел возможности тщательно подготовить операцию, да и ведущая роль в этих событиях отводилась все-таки не Ленинградскому, а рвущемуся к нему навстречу Волховскому фронту.

Вновь начались изматывающие позиционные бои. Главную ставку Говоров сделал на контрбатареинные удары по

противнику. Его артиллерия не дожидалась, пока немцы сами начнут огонь, а систематически разрушала их огневые позиции одну за другой.

В ноябре 1942 г., когда фашисты попали в Сталинградский котел, рассчитывать на подкрепление войскам Кюхлера уже не приходилось. Советская Ставка со своей стороны прекратила форсировать события и серьезно помогла Ленинграду людскими и другими ресурсами. Все это дало Говорову возможность тщательно спланировать новую операцию, вошедшую в историю под названием «Искра».

Место противостояния — Ленинград

Операция готовилась в обстановке строжайшей секретности. В документах Ставки Говоров фигурировал как «Леонидов», командующий Волховским фронтом Мерецков — как «Афанасьев», а прибывший в Ленинград маршал Ворошилов, как «Ефремов». Все приказы командирам частей писались от руки и в одном экземпляре, войска выдвигались на позиции только по ночам, почти прекратились разведывательные вылазки, а интенсивность артиллерийского огня резко снизилась.

Тем сокрушительней оказался удар, обрушившийся на фашистов 12 января 1943 г. После шестидневных боев соединения Ленинградского и Волховского фронтов встречными ударами между Шлиссельбургом и Синявино пробили коридор шириной 8–11 км. На освобожденной территории по болотам были проложены железнодорожная и автомобильные трассы, получившие название «Дорога победы».

Для Кюхлера все случившееся стало полной неожиданностью. Однако каких-либо оргвыводов в его адрес не последовало. Внимание гитлеровского командования было поглощено катастрофой на Волге, а поражение под Ленинградом выглядело на этом фоне мелкой неприятностью.

Хуже для Кюхлера было то, что о нем не вспоминали и позже. На протяжении всего 1943 г. фюрер периодически забирал у него дивизии, не давая ничего взамен. Действовавшие в составе группы «Север» всевозможные союзнические части (испанские, норвежские, румынские, венгерские, французские, латышские, эстонские) никак не могли спасти положение. А в тылу немцев между тем активизировали свои действия партизаны.

Советское командование, впрочем, тоже не очень вспоминало о Ленинграде. Главные события разворачивались сначала под Курском, затем — на Украине, а на долю Говорова и его коллеги Мерецкова, по сути, выпала весьма скромная задача сковывать как можно большее количество сил неприятеля. Между тем, хотя снабжение города уже не внушало серьезных опасений, ниточка, связывавшая город с Большой землей, по-прежнему оставалась еще очень тонкой...

Внимание Сталина обратилось к Ленинграду лишь осенью 1943 г. По указанию вождя Говоров начал готовить очередную операцию, целью которой было не просто отогнать противника от города, но и задать серьезную трепку всей вражеской группировке.

Согласно плану «Нева-2» войска Ленинградского фронта должны были нанести удар с Пулковских высот, а также соединиться с частями, защищающими Ораниенбаумский плацдарм. На долю Волховского фронта доставался вспомогательный удар в сторону Новгорода.

К моменту решающих событий Говоров и Мерецков располагали группировкой в 1 млн 240 тыс. человек. Противостоящая ей группа «Север» состояла из двух армий (18-й и 16-й) общей численностью 741 тыс. человек.

На сей раз Кюхлер заранее почувствовал грядущие неприятности. Во время совещания у Гитлера он попросил разрешения отвести свои войска к так называемой линии Пантеры (примерно совпадающей с восточной границей нынешних прибалтийских республик). Фюрер решил вызвать в качестве эксперта генерала Линдемманса — командующего осаждавшей Ленинград 18-й армии. Тот выска-

зал именно то, что Гитлер и ожидал от него услышать: «18-я армия выдержит любой удар противника». Кюхлер тем не менее не успокоился и в личной беседе умолял Линдеманса отказаться от своих слов. Но все было тщетно: Линдеманс очень не хотел огорчать фюрера.

Через 10 дней после этой беседы повод для оптимизма появился, но уже не у немецкой, а у советской стороны. 14–20 января 1944 г. в ходе Красносельско–Ропшинской наступательной операции армии Ленинградского фронта соединились с войсками, сражавшимися на Ораниенбаумском плацдарме. За эти же дни войска Волховского фронта дошли до Новгорода. Наконец 20 января части Ленинградского фронта изгнали оккупантов из ближайших пригородов Ленинграда — Урицка и Стрельны. 21 января была освобождена Мга, 24-го — Пушкин и Павловск, 26-го — Гатчина и Тосно. 27 января в 19 ч 59 мин диктор Ленинградского радио объявил: «Говорит Ленинград! Говорит Ленинград! Наш микрофон в центре города, на Невском проспекте...» Так начался праздник на берегах Невы...

Два полководца: побежденный и победитель

30 января 1944 г. Кюхлер отдал приказ отступить к «линии Пантеры». Гитлер утвердил это решение и тут же отправил фельдмаршала в отставку. Любопытно, что новым командующим группы армий «Север» стал тот самый Линдеманс, чей оптимизм, в общем-то, и привел к катастрофе...

Что касается Кюхлера, то он полностью разочаровался в стратегическом гении фюрера и уединился в своем поместье. Когда доктор К. Герделер попытался привлечь его к антигитлеровскому заговору, фельдмаршал ответил отказом, и с тех пор его не тревожили вплоть до весны 1945 г.

После войны Кюхлер был арестован и предстал перед трибуналом. 27 августа 1948 г. его приговорили к 25 годам тюрьмы за «жестокое и безжалостное обращение»

с партизанами и мирным населением на территории России. В 1955 г. Кюхлер вышел на свободу и с тех пор исчез с глаз. О его дальнейшей жизни известно лишь то, что в 1961 г. вместе с женой он проживал в ФРГ в деревне неподалеку от Гармиш-Партенкирхена. Известен и год его смерти — 1969 г..

А вот дальнейшая жизнь его военного противника Говорова отлично прослеживается даже по энциклопедиям. Еще накануне прорыва блокады Леонид Александрович вступил в партию, и с тех пор награды посыпались на него как из рога изобилия. Впрочем, бесспорно, дело здесь было не в одной только партийности. Так, в июне 1944 г. Говоров руководил Карельской операцией, результатом которой стал разгром Финляндии и разрыв этой страны с нацистской Германией. Наградой за это ему стало звание маршала Советского Союза. Затем осенью, продолжая командовать Ленинградским фронтом, он одновременно координировал действия Второго и Третьего Прибалтийских фронтов. Под руководством Леонида Александровича была освобождена территория Эстонии, а также острова Моонзундского архипелага.

После разгрома Германии Говоров был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и высшим полководческим орденом «Победа». Войска его, возвращаясь в Ленинград, проходили под специально сооруженными триумфальными арками, и едва ли не больше всего оваций со стороны горожан в эти дни досталось именно ему — полководцу-победителю...

Вполне естественно, что затем Говоров командовал войсками Ленинградского военного округа, но вскоре был отозван в Москву на пост главного инспектора и заместителя министра Вооруженных сил СССР. Возможно, он мог бы стать и военным министром, но на его карьере, вероятно, отразилось «ленинградское дело».

В общем-то, из всех ленинградцев, находившихся на руководящих должностях, очередной чистки избежали лишь двое — патриарх Алексей I и маршал Говоров. Пока исход борьбы в Кремле был еще не совсем ясен, Леонида

Александровича назначили командующим ПВО страны. Затем (в 1950 г.) вновь сделали заместителем министра обороны, но уже без четко очерченного круга обязанностей. Со смертью Сталина его карьера вновь пошла вверх, и, сохранив прежнюю должность, он вторично возглавил ПВО Советского Союза. Фактически Говоров стал вторым человеком в армейской иерархии, но последовавшая в 1955 г. смерть прервала это восхождение.

Два полководца — два человека

Из всех фельдмаршалов Гитлера Кюхлер был самым неряшливым. Он всегда ходил в мятом, засаленном мундире, однако, если забыть его о внешности, это был образцовый прусский военный — умный, храбрый, дисциплинированный. Полководцы старых времен водили войска в бой верхом на коне, Кюхлер тоже всегда был со своими бойцами, передвигаясь в мотоциклетной коляске. Время от времени он подбирал раненых и отводил их до ближайшего госпиталя.

Подчиненные любили и уважали своего командира. Однако фельдмаршал не был соткан из одних только достоинств. Как писал английский исследователь С. Митчем, «он никогда не сотрудничал с отрядами уничтожения СС и СД и несколько раз жестоко спорил с Эрихом Кохом по поводу бесчеловечной политики этого нацистского гауляйтера. Осенью 1943 г. Кюхлер приостановил принудительную эвакуацию граждан из Восточной Эстонии, поскольку она вызвала слишком большие страдания гражданского населения противника. Но к партизанам он относился как к террористам и бандитам, каковыми многие из них и являлись».

К сожалению, многие нацистские военачальники скопом заносили в бандиты не только «народных мстителей», но и население, проживавшее в районе действий партизанских отрядов. Кюхлер здесь не представлял исключения, и во многом именно благодаря ему оккупационный режим на Северо-Западе СССР был ничуть не мягче, чем

в Белоруссии или на Украине. Не случайно даже весьма снисходительный трибунал союзников приговорил его к 25 годам тюремного заключения. Как же нужно было постараться, если даже предшественник Кюхлера по командованию группой «Север» фон Лееб получил всего три года?

Говоров был не менее образцовым военным, чем Кюхлер, однако в его боевой биографии не было темных пятен, связанных с карательными акциями против мирного населения.

Почти все современники отмечали, что вопреки своей фамилии Леонид Александрович вовсе не был склонен к многословию и производил при первой встрече впечатление очень сурового, замкнутого человека. Его любимым ругательством было «бездельник», однако в устах Говорова это слово было скорее ироничным определением: именно так еще в юности, подрабатывая репетиторством, он привык называть своих воспитанников из богатых семей.

От многих других военачальников Леонид Александрович отличался полным отсутствием позерства, но в тех случаях, когда требовала обстановка, он появлялся в самых опасных местах, проявляя под пулями удивительное хладнокровие. Шофер Говорова А. Ф. Клепов рассказывал, что едва ли не перед каждой рискованной поездкой с ним беседовал начальник Ленинградского УНКВД П. Н. Кубаткин и убеждал поберечь командующего. «Нельзя ему туда ехать, что хочешь делай, хоть шины прокалывай». Как-то я проколол — в самое пекло он ехал. Так он вышел из машины, ни слова не сказал, остановил бронетранспортер, сел. Докладываю Кубаткину. Однажды только видел я у Кубаткина такую улыбку, добрую и растерянную».

Хотя поначалу ленинградцы и встретили Говорова как чужака, со временем он завоевал огромный авторитет как у жителей города, так и у бойцов Ленинградского фронта. Почти всегда Леонид Александрович тщательно разрабатывал будущие операции, и в тех случаях, когда Ставка его не подталкивала, подобная тщательность давала нужные результаты. Правда, Говоров практически никог-

да не рисковал вступать в споры со Сталиным, однако, за исключением Жукова (да и то с большой осторожностью), подобное себе не позволял, пожалуй, никто из советских военачальников.

И Кюхлер, и Говоров были далеки от политики. Первый из них держался на удалении от нацистов, второй — вступил в коммунистическую партию только тогда, когда оставаться вне рядов ВКП (б) ему как военачальнику крупного ранга стало просто невозможно. И тот, и другой как профессионалы-военные хорошо знали себе цену и продвигались вверх благодаря собственным заслугам, а не каким-либо придворным интригам.

Возможно, именно эта разумная удаленность от власти позволила им не «сгореть» во время чисток, которые проводили Гитлер и Сталин среди своих военачальников. Однако, не имея связей в германской верхушке, Кюхлер после поражения под Ленинградом был удален из армии. Говоров же оказался на гребне славы и впоследствии, даже в случае серьезного недовольства «хозяина», его устранение просто не смогло бы пройти незамеченным.

В сущности, советский маршал и германский фельдмаршал были примерно равными по силе противниками. Однако Говоров как человек, прорвавший кольцо блокады вокруг Ленинграда, навсегда вошел в плеяду самых знаменитых советских военачальников. Кюхлер же, по выражению С. Митчема, остался «самым неизвестным из фельдмаршалов» Гитлера. Впрочем, ничего удивительного здесь нет, и человеку, самоотверженно служившему неправому делу, не стоит рассчитывать на благодарную память потомков.

ГОТ ПРОТИВ РОТМИСТРОВА: БРОНЯ КРЕПКА, И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ...

12 июля 1943 г. под Прохоровкой произошло крупнейшее в мировой истории танковое сражение. Именно здесь, на Курской дуге, выяснилось, что за два года боевых действий немецкие генералы из «панцерваффе» кое-чему научили своих советских коллег-противников. Научили на свою голову...

Карьера 1. Гот

Один из лучших полководцев-танкистов Второй мировой войны Герман Гот родился 12 апреля 1885 г. в Нойруппине. В 19-летнем возрасте вступил в армию и, отучившись год в офицерской школе, получил звание лейтенанта. До определенного момента он ничем не выделялся из среды сверстников, что, впрочем, не мешало ему медленно, но верно подниматься по ступенькам карьерной лестницы. Вполне достойно проявив себя в Первой мировой войне, Гот был оставлен в рейхсвере и к осени 1934 г. дослужился до звания генерал-майора. Его безразличие к политике и полная лояльность к нацистскому режиму были по достоинству отмечены фюрером, который в 1936 г. присвоил ему чин генерал-лейтенанта, а еще через два года произвел в генералы вермахта.

К началу Второй мировой войны Гот командовал 15-м танковым корпусом в 10-й армии генерала Рейхенау. После вторжения в Польшу его соединение прорвало оборону польской армии «Краков», окружило под Радомом еще одну польскую группировку «Прусы» и приняло участие в штурме Варшавы. Получив от Гитлера Рыцарский крест, Гот со своим корпусом отправился на Западный фронт.

Здесь его войска приняли участие в завоевании Бельгии, затем прорвали оборону французов южнее Соммы, в Ренне захватили в плен штаб 10-й армии противника и завершили свой победоносный поход в Бресте на берегах Атлантического океана. Готу французская кампания принесла чин генерала-полковника. Теперь всего один шаг отделял его от звания фельдмаршала. Правда, сделать этот шаг ему так и не удалось...

Весной 1941 г. корпус Гота был переброшен на Восток, где превратился в 3-ю танковую группу группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока. В первые месяцы Отечественной войны именно части Гота и другого выдающегося танкового военачальника Гудериана как нож сквозь масло проходили через оборону Красной Армии, беря в котлы многотысячные группировки неприятеля.

Уже в первую неделю войны 3-я танковая группа захватила столицы двух союзных республик — Вильнюс и Минск. Не обходилось, правда, и без трудностей. Во всяком случае согласно рапорту самого Гота, «моральный дух личного состава подорван огромной территорией и пустынностью страны, а также плохим состоянием дорог и мостов, не позволяющим использовать всех возможностей подвижных соединений. Значительное влияние на состояние морального духа личного состава оказывает также упорное сопротивление противника, который неожиданно появляется повсюду и ожесточенно обороняется. Но, несмотря на это, немецкий солдат чувствует свое превосходство над противником. Русские не могут организовать твердое управление войсками». Очередной раз свое превосходство над противником Гот, вероятно, почувствовал в середине июля 1941 г., когда ему удалось замкнуть кольцо окружения вокруг Смоленска (за этот успех фюрер наградил его дубовыми листьями к Рыцарскому кресту). И, наконец, именно Готу довелось разрабатывать и руководить операцией, в ходе которой в октябре под Вязьмой в котел попало более 600 тыс. советских солдат. Наряду с катастрофой под Киевом (месяцем ранее) это было самое крупное за всю войну поражение Красной Армии.

Судьба милостиво обошлась с Готом: еще до поражения немцев под Москвой он отбыл на юг командовать 17-й полевой армией. К лету 1942 г. его войска дошли до Воронежа. Здесь советское командование впервые за всю войну попыталось использовать собственную танковую армию (5-ю), но первый блин, что называется, вышел комом. Разгромив ее наголову, Герман Гот повернул на юг и совместно с войсками Клейста в июле овладел Ростовом. Развивая успех, он тогда же мог бы взять и Сталинград, но немецкое верховное командование этим шансом не воспользовалось. А еще спустя месяц было уже поздно. Советское командование подтянуло резервы, и разгорелась «битва на Волге».

После того как армия Паулюса угодила в котел, войска Гота оказались южнее внешнего кольца окружения и неоднократно пытались прийти на помощь своим коллегам из 6-й армии. Однако все попытки прорваться к Сталинграду из района Котельникова закончились неудачей. Советские войска успешно отбивали все наскоки Гота, причем особенно удачно действовал в этих боях танковый корпус под командованием тогда еще малоизвестного военачальника Павла Ротмистрова...

После победы под Сталинградом Красная Армия двинулась на Запад и даже овладела Харьковом. Однако «специалист по кризисам» фельдмаршал Манштейн сумел восстановить положение, а действовавший под его командованием Герман Гот отбил Харьков обратно. Вермахт немного пришел в себя, и гитлеровское командование стало подумывать о том, чтобы устроить противнику «свой Сталинград». Подходящая для реализации подобного замысла ситуация, на взгляд немцев, сложилась под Курском...

Карьера 2. Ротмистров

Павел Алексеевич Ротмистров родился 23 июля 1901 г. в селе Сковорово Тверской губернии в семье кузнеца. С началом Гражданской войны в деревню начали наведываться продотряды, выгребавшие у крестьян «излишки» хлеба. Еды в семье стало не хватать, и отец послал Павла в Мос-

кву к старшему брату. Однако столица тоже не купалась в изобилии, и тогда крестьянский паренек подался в «хлебную» Самару. Там он некоторое время работал в артели грузчиков, а в марте 1919 г., когда к городу очередной раз подошли белые, записался добровольцем в Самарский рабочий полк.

Вскоре молодой инициативный боец был послан на Самарские военно-инженерные курсы. Правда, поучиться толком ему так и не удалось. Сначала Ротмистров участвовал в подавлении голодных крестьянских бунтов, затем отправился на войну с Польшей.

Впрочем, к моменту, когда он прибыл на фронт, с поляками уже было подписано перемирие. Павла зачислили в 3-ю Смоленскую пехотную школу командиров, но и на сей раз вместе с другими курсантами его выдернули из-за парты и послали на ликвидацию Кронштадтского восстания. При штурме мятежной крепости Ротмистров сильно отличился. Его наградили орденом Красного Знамени и сделали ротным политруком в 149-м стрелковом полку.

20-летний орденосец... Даже по временам Гражданской войны такое встречалось нечасто. Павла без проблем приняли в престижную «Военную объединенную школу им. ВЦИК», в числе других «кремлевских курсантов» он стоял в карауле у гроба Ленина. Предполагалось, что такие, как Ротмистров, составят элиту будущей Красной Армии, сумеют совместить опыт Гражданской войны с новейшими теоретическими разработками военной мысли Запада.

Наш герой действительно двигался именно в этом направлении. После школы ВЦИК была Академия им. Фрунзе в Ленинграде. После ее окончания молодой красный командир был направлен на штабную работу в Забайкалье. Старание, с которым он усваивал новые знания, принесло ему репутацию широкообразованного специалиста, и в 1937 г. Павлу Алексеевичу предложили должность преподавателя тактики в только что созданной Военной академии моторизации и механизации. Формирование специальных бронетанковых частей находилось в Красной Армии еще в зачаточном состоянии, и Ротмистров

с увлечением взялся прорабатывать связанные с этим теоретические вопросы.

Он увлеченно изучал не только труды западных авторов, но и опыт боев в Испании и на Халхин-Голе. Сам написал несколько работ, став кандидатом наук и доцентом. Бывший крестьянин превратился в профессионала-военного с внешностью потомственного интеллигента. Однако теория без практики мертва, и в ноябре 1939 г. Павла Алексеевича направили попрактиковаться на Карельском перешейке.

Следует признать, что ничего хорошего из этого первого опыта не получилось. Холодным осенним утром танки «Т-26» под командованием Ротмистрова двинулись на укрепленные финские позиции. Шедшие впереди саперы не смогли взорвать гранитные надолбы, так как были перебиты вражескими снайперами. Шквальным огнем финны отрезали пехоту от танков и занялись ее истреблением. Некоторые машины попадали в ямы-ловушки либо становились жертвами неприятельской артиллерии. Один из снарядов угодил в командирский танк Ротмистрова и, пробив броню, убил наводчика. Сам Павел Алексеевич был ранен, но сумел развернуть машину и вывести танк из боя.

Впрочем, на соседних участках советским войскам досталось не меньше, так что неудачу Ротмистрова особенно не заметили. Начальство даже похвалило нашего героя за храбрость и назначило его командовать танковой бригадой.

В начале Отечественной войны, памятуя собственный горький опыт, Павел Алексеевич действовал достаточно осторожно. И хотя в боях с танковыми группами Гудериана и Моделя добиться успехов ему не удалось, он все же сумел сохранить костяк своего соединения.

В результате, пока другие генералы гибли в боях, лишались чинов и шли под расстрел, Ротмистров получал все более высокие назначения. После бригады ему доверили дивизию, затем корпус. Под Киевом он спасал из котла остатки разбитого Юго-Западного фронта, а уже под Сталинградом действовал наступательно и, прорвав оборону противника, внес большой вклад в окружение вра-

жеской группировки. Затем вместе с соседями корпус Ротмистрова отразил наступление Гота, пытавшегося деблокировать армию Паулюса.

Ставка снова отметила Павла Алексеевича, и к лету 1943 г. он уже командовал 5-й гвардейской танковой армией, действовавшей в составе Воронежского фронта.

Курская дуга

Идея разработанной в штабе вермахта операции «Цитадель» сводилась к тому, чтобы фланговыми ударами с юга и севера отсечь так называемый Курский выступ и окружить несколько советских армий. Собственно, одного взгляда на карту было достаточно, чтобы догадаться, что подобная мысль рано или поздно появится у германского командования. Однако кроме догадок советская Ставка располагала еще и агентурными сведениями, раскрывавшими не только общий замысел, но и дату начала операции.

Благодаря этому Красная Армия сумела хорошо подготовиться, создав крепкую, глубоко эшелонированную оборону. Южный фас Курского выступа защищал Воронежский фронт генерала Ватутина, и именно сюда должна была ударить 4-я немецкая танковая армия Германа Гота.

Здесь необходимо уточнить, что организационная структура вермахта не соответствовала организационной структуре Красной Армии: по своей мощи немецкие дивизии фактически равнялись советским корпусам, корпуса — армиям, армии — фронтам. К тому же армия Гота состояла из отборных соединений — 3-й моторизованной дивизии «Гроссдойчланд», 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 2-й танковой дивизии СС «Рейх», 3-й танковой дивизии СС «Тотенкампф» и еще трех армейских танковых дивизий. Впрочем, и задача перед этой силищей стояла серьезная — изменить весь ход борьбы на Восточном фронте...

4 июля 1943 г. немецкие войска изготовились к наступлению. Но с самого начала все пошло наперекосяк. В 10 часов вечера заговорила артиллерия Воронежского фронта. Мощ-

ному обстрелу подверглись места сосредоточения германских частей, склады горючего и артиллерийские батареи. Таким образом, первый удар Гота получился сильно ослабленным. Тем не менее танки 4-й армии, построившись клином, двинулись вперед. На острие атаки шла самая мощная техника — «тигры», за ними более легкие — «пантеры» и «Т-IV». Основание клина составляли штурмовые артиллерийские орудия «фердинанды», пушки которых, впрочем, управлялись даже со знаменитыми «тридцатьчетверками».

Заранее подготовившиеся советские войска стойко держали удар, но в последующие пять дней немцам все-таки удалось прорвать две первых линии обороны. Гот медленно, но упорно двигался к Обояни, надеясь вырваться на оперативное пространство. За это время дивизии «Гроссдойчланд» и 3-я танковая были совершенно обескровлены и были вынуждены отойти в тыл на переформирование. Не легче приходилось и другим германским соединениям.

9 июля фюрер приказал Готу собрать все силы в кулак и прорвать третью оборонительную линию Воронежского фронта. Отборные дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» справились с этой задачей и утром 12 июля вышли к деревне Прохоровке. Однако в рукаве у Ватутина имелся еще один козырь — 5-я гвардейская танковая армия...

Гот, видимо, уже предвкушал, как его танки, погуляв по советским тылам, двинутся на Курск и победоносно завершат операцию. Однако, еще даже не зная о всей степени нависшей опасности, дивизии Ротмистрова уже спешили к наиболее угрожаемому участку — т. е. к Прохоровке.

Танковая мясорубка

Для обоих противников происшедшее столкновение стало неожиданностью. Однако позиции, на которых находились советские войска, оказались более выгодными, и, когда две армады столкнулись, советские танки прошли немецкий «клин» диагональным сквозным ударом. Около 1200 единиц техники смешались на сравнительно небольшом поле, и в ближнем бою тяжелые германские

танки лишились того преимущества, которое им давали более толстая броня и более мощные орудия.

Самого Гота не было под Прохоровкой, так что непосредственное руководство немецкими частями осуществлял командующий 2-м танковым корпусом СС генерал-полковник Хауссер. Что касается Ротмистрова, то он лично руководил войсками с командного пункта расположенного на одном из близлежащих холмов.

Вопрос о точном количестве машин, участвовавших в сражении, остается открытым. Ориентировочно можно предположить, что после ввода в бой всех резервов с советской стороны действовало порядка 850 танков, из которых треть была тяжелыми «Т-70». Немецких танков было порядка 750, включая около 100 тяжелых.

Кроме бронированных машин в битве участвовали и небольшие пехотные подразделения. С обеих сторон к месту сражения устремилась авиация, но, поскольку в поднявшейся туче дыма и пыли различить своих было почти невозможно, «сталинские соколы» и «асы люфтваффе» начали выяснять отношения друг с другом.

Здесь тоже было множество подвигов и ярких эпизодов, однако судьба Курской битвы в этот момент решалась все-таки на земле. Там сотни танков сошлись в смертельной схватке, били друг в друга в упор из орудий, шли на таран. Некоторые очевидцы рассказывали, что в ряде случаев экипажи подбитых танков, выбравшись из своих машин, продолжали драться как пехотинцы, и даже сходились друг с другом врукопашную.

О степени упорства и взаимного ожесточения свидетельствует лишь один из эпизодов. Несколько германских танков готовились открыть огонь с места, но были атакованы группой советских машин под командованием капитана Скрипкина. Управляемый им «КВ-1» первым же снарядом поразил борт противника, затем развернулся и еще тремя выстрелами поджег вторую вражескую машину.

Немцы не остались в долгу и, в свою очередь, подожгли танк Скрипкина. Стрелок-радист вытащил раненого командира и положил его в воронку от снаряда. Однако одна

из «пантер» двинулась в их сторону с явным намерением «отутюжить» это укрытие. И тогда механик-водитель Алексей Николаев вскочил в свой горящий «КВ», быстро развернул танк и ринулся на неприятеля. Немец еще успел выстрелить, но промахнулся. «КВ» пошел на таран, врезался в борт «пантеры» — и обе машины взлетели на воздух вместе с танкистами...

К вечеру сражение закончилось с «ничейным» результатом. В темноте противники, практически не мешая друг другу, занимались эвакуацией раненых. Правда, немецкие мемуаристы настаивают на том, что поле битвы осталось за ними, но тогда, среди груды трупов и искореженного металла, об этом никто не думал.

По советским данным, под Прохоровкой фашисты потеряли около 400 танков, наши же потери оцениваются в 350 машин. Немцы приводят прямо противоположные цифры, из чего можно сделать вывод, что потери были практически равными. Правда, германские исследователи напирают на то, что советская сторона изначально располагала бóльшими силами, но в таком случае нужно учитывать еще одно обстоятельство. Сумев свести поединок с Готом «вничью», Ротмистров фактически достиг главного — он по-прежнему надежно перекрывал дорогу противнику, у немцев же сил для дальнейшего наступления было теперь явно недостаточно.

Собственно, это признал и сам Гот, он отстранил Хауссера от командования и 15 июля начал отступление. Через неделю его армия находилась на исходных позициях. Операция «Цитадель» провалилась.

Герман Гот. Последние битвы

После Прохоровки началась вторая фаза Курской битвы, ознаменовавшаяся убедительным триумфом Красной Армии. Уже в начале августа, развивая успех, советское командование приступило к операции «Полководец Румянцев», которая завершилась взятием Харькова. Гот пытался закрепиться на левобережье Днепра, но в этот

момент фюрер забрал у него потрепанный под Прохоровкой 2-й танковый корпус СС, подсластив эту пилюлю очередной наградой — мечами к Рыцарскому кресту.

С такой компенсацией Готу ничего не оставалось как отойти на правый берег и попытаться отстоять хотя бы Киев. Около месяца он упорно дрался за столицу Украины и оставил ее 6 ноября, сделав советской стороне хороший подарок к очередной годовщине Октябрьской революции.

И все же матерый вояка так просто не сдавался. Увлечшись, части 1-го Украинского (бывшего Воронежского) фронта рванули вперед аж на 130 км и взяли Житомир. Воспользовавшись тем, что они растянули свои коммуникации, Гот тут же нанес контрудар и отбил Житомир. Он уже нацеливался по-новой взять Киев, но, как выяснилось, это была «лебединая песня» знаменитого военачальника...

На сей раз советская Ставка быстро ликвидировала свой промах и подтянула резервы. После десяти дней боев армия Гота потеряла до 70 % личного состава, а переброшенная недавно из Европы 25-я танковая дивизия генерала Шелла, одурев от кошмаров Восточного фронта, попросту бежала с поля сражения в состоянии психологического шока.

Фюрер не простил своему подчиненному, что он не смог совершить невозможного. Гота отстранили от командования под предлогом переутомления. В строй его вернули только в апреле 1945 г., назначив командующим оборонительным районом в Рудных горах. Но к тому времени все уже было кончено. Гот попал в плен к американцам и в 1948 г. на процессе в Нюрнберге получил 15 лет тюремного заключения. На свободу он вышел досрочно — в 1954 г., а еще через три года на свет появилась его книга «Танковые операции». Труд этот считается классическим, причем на русский язык его перевели еще в советское время. Что же касается самого автора, то скончался Герман Гот в нижнесаксонском городе Госларе 25 января 1971 г.

Павел Ротмистров. Дорога в маршалы

После битвы под Прохоровкой пути Ротмистрова и Гота больше не пересекались. При взятии Харькова и форсировании Днепра 5-я гвардейская танковая армия сражалась несколько южнее. Весной 1944 г. войска Ротмистрова принимали участие в Корсунь-Шевченковской операции, сначала удерживая внешний фронт окружения, а затем ликвидируя вражескую группировку уже внутри самого котла.

Затем 5-ю гвардейскую танковую армию передали в состав 3-го Белорусского фронта генерала Черняховского. Здесь его войска вновь блеснули во время операции «Багратион» (по освобождению Белоруссии). 23 июня 1944 г. части Ротмистрова атаковали противника на Витебском направлении, обогнули город с юга и, соединившись с соседями, окружили и уничтожили крупную вражескую группировку.

Затем Ротмистров атаковал Минск и 3 июля вошел в столицу Белоруссии. Быстро продвигаясь вперед, его танки рассекали оборону вермахта и не давали немцам перегруппироваться до тех пор, пока в места прорывов не вводилась наша пехота. Та же пехота брала противника в окружение и добивала его, а танкисты опять шли вперед, постоянно находясь на острие удара.

Отметим, что именно таким образом немцы громили Красную Армию в роковом 1941 г. Теперь пришло время расквитаться за поражения...

Осенью 1944 г. Павел Алексеевич стал заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. После разгрома Германии он сначала был командующим бронетанковыми и механизированными частями группы советских войск в Германии, а затем занял аналогичную должность на Дальнем Востоке.

В 1948 г. Сталин решил показать своим военачальникам, «кто в доме хозяин». Среди советского генералитета

прошла волна чисток, причем одним из арестованных стал непосредственный начальник Ротмистрова главный маршал бронетанковых войск Богданов. Павел Алексеевич отделался сравнительно легко и был всего лишь переведен на хорошо ему знакомую преподавательскую работу — заместителем начальника Военной Академии Генштаба. После смерти вождя опала закончилась, и в 1958 г. Ротмистров стал начальником Военной Академии бронетанковых войск. В 1962 г. ему присвоили звание главного маршала бронетанковых войск, а в 1964 г. назначили заместителем министра обороны СССР по военно-учебным заведениям. Наконец, по случаю празднования 30-летия Победы, Павла Алексеевича наградили Звездой Героя Советского Союза. Но, по неизвестным причинам, к реальным командным должностям его уже не допускали и в 1968 г. фактически отправили на почетную пенсию, назначив в Группу генеральных инспекторов министерства обороны СССР.

Однако и в конце жизни Ротмистров много работал. Его перу принадлежат научные труды, а также книги мемуарного характера («Время и танки», «Стальная гвардия»). Умер Павел Алексеевич в 1982 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

В 1920–1930-х гг. вопрос о возможности боевого применения танков тщательно изучался военными теоретиками как в России, так и в Германии. Однако Отечественную войну вермахт и Красная Армия начали с разных стартовых позиций. И если по количеству, да и по качеству, машин советская сторона не только не уступала, но и превосходила немцев, то в плане боевого опыта и подготовки личного состава бесспорное лидерство было за «панцерваффе».

В 1941–1942 гг. именно танковые войска обеспечили вермахту наиболее громкие и эффектные победы над Красной Армией. Однако к 1943 г. советские танкисты уже многому научились, свидетельством чему и стала битва под Прохоровкой. При незначительном

численном преимуществе 5-й гвардейской танковой армии пришлось иметь дело с отборными танковыми частями СС. А противником советского генерала Ротмистрова стал один из опытнейших и талантливейших военачальников «панцерваффе» Герман Гот.

В сущности, под Прохоровкой русские и немецкие танкисты впервые выступили как равные по уровню противники. Ну, а с учетом того, что численное преимущество и без того было за Красной Армией, дальнейшие победы стали теперь уже вопросом времени.

Битва на Курской дуге ознаменовала собой начало конца «панцерваффе». И начало конца полководческой карьеры Германа Гота. Вместо его звезды над прохоровским полем возшла другая звезда — советского генерала Павла Ротмистрова.

ЙЕНЕКЕ ПРОТИВ ТОЛБУХИНА: ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА

В одной из глав уже рассказывалось о том, ценой каких усилий в 1942 г. вермахту удалось овладеть Крымским полуостровом. В 1944 г. ситуация кардинально изменилась, и на одном из совещаний фюрер признался: «Для того чтобы вести войну, мне прежде всего нужны две вещи — румынская нефть и турецкий хром. Если я сдам Крым, потеряем и то и другое».

Впрочем в реальности дело было не только в нефти и хrome. Овладение Крымом и особенно его главной морской базой — Севастополем — имело еще и огромное психологическое значение. На сей раз речь шла о втором и решающем этапе русско-немецкого противостояния, начатого Манштейном и Петровым. Правда, теперь на первый план вышли другие игроки — Эрвин Йенеке и Федор Иванович Толбухин.

Карьера 1. Йенеке

Эрвин Йенеке родился во Фререне в 1890 г. Армейскую службу он начал в 1911 г., в 10-м инженерном батальоне в чине фаненюнкера. Поскольку до этого Эрвин учился в институте, уже через несколько месяцев ему присвоили первое офицерское звание. Затем началась Первая мировая война, большую часть которой Йенеке провел на Западном фронте.

Почти весь начальный этап его карьеры оказался связан с инженерными войсками. И лишь в 1936 г. Эрвину доверили достаточно сложное задание в Испании. В качестве начальника специального штаба «W» он возглавлял группу немецких военных советников, оказывавших помощь мятежникам генерала Франко.

Миссия была достаточно важной, и в 1938 г., после возвращения в Германию, Йенеке сразу же повысили по службе, назначив начальником штаба крепостной инспекции. В дальнейшем в качестве военного инженера ему довелось участвовать в покорении Польши, Бельгии и Франции. После производства в чин генерал-лейтенанта (1 ноября 1941 г.) Йенеке пришлось оставить уютный Париж и отбыть в «менее цивилизованную» Прагу, где он принял командование 389-й пехотной дивизией. Однако и Прага, видимо, показалась ему раем по сравнению с «ужасной» Россией.

Правда, новым начальником Йенеке стал его добрый знакомый — командующий 6-й армией Паулюс. 389-я дивизия вошла в состав 4-го корпуса, однако возглавлявший это соединение генерал Швельдер лишился своей должности за то, что обратился к фюреру с призывом остановить Сталинградскую операцию как недостаточно подготовленную.

Паулюс тут же протолкнул своего друга на освободившуюся вакансию и даже выхлопотал ему очередное звание — генерала инженерных войск. Через пару недель армия оказалась в котле. Йенеке без особого успеха попытался покомандовать своим корпусом, после чего был эвакуирован в тыл на самолете.

Разрешение на отъезд давалось только раненым и, согласно официальной версии, на теле генерала имелось целых 16 шрапнельных ранений. Однако злопыхатели утверждали, что на самом деле при артиллерийском обстреле на голову Йенеке всего лишь упал кусок штукатурки. Рана оказалась пустячной, но генерал ее расцарапал, чтобы попасть в число эвакуированных. Затем, оказавшись на Большой земле, он сумел договориться с врачами и был выписан лишь весной 1943 г., уже после окончания сталинградской эпопеи.

Гитлер, видимо, не знал об этих слухах. К Йенеке фюрер отнесся достаточно тепло и 1 апреля 1943 г. назначил его командующим дислоцированным на юго-западе Франции 86-м пехотным корпусом. Пару месяцев генерал ле-

чил нервы на побережье Бискайского залива. Затем он вернулся на Восточный фронт и возглавил 17-ю армию, которая размещалась в таком «курортном регионе», как Крымский полуостров. Правда, возможность и дальше лечить нервы на этом курорте Йенеке так и не представилась.

Карьера 2. Толбухин

Федор Иванович Толбухин родился в 1894 г. в деревне Андрониково Ярославской губернии в многодетной крестьянской семье. Отец вскоре умер, и мальчика забрал в Петербург его старший брат — Александр. В столице Федор закончил торговую школу, после чего устроился на работу бухгалтером. Одновременно он продолжал учиться и перед самой мировой войной экстерном сдал экзамены в Петербургском коммерческом училище. Будучи призван в армию (декабрь 1914 г.), Толбухин недолго служил мотоциклистом на Северо-Западном фронте, затем он был направлен в Ораниенбаумскую офицерскую школу.

Уже в звании прапорщика Федор Иванович получил назначение на Юго-Западный фронт, где довольно быстро дослужился до командира батальона и получил два ордена — Св. Анны и Св. Станислава. Будучи сам крестьянином, он неплохо ладил с солдатами. После Февральской революции подчиненные даже избрали его председателем полкового комитета. Однако с заключением Брестского мира штабс-капитану Толбухину пришлось вернуться в родную деревню.

В августе 1918 г. общее собрание граждан Сандыревской волости выбрало его военным руководителем. Бывший офицер оказался зачислен в Красную Армию и в качестве начальника военкомата приступил к набору и обучению резервистов. Сам Федор Иванович оказался на фронте летом 1919 г. За участие в боях с поляками он получил орден Красного Знамени и после окончания Гражданской войны остался на армейской службе.

Толбухин окончил Военную академию им. Фрунзе, был начальником штаба стрелкового корпуса, командовал ди-

визией. К бывшему «военспецу» благоволил тогдашний начальник Генштаба Б. М. Шапошников. В 1938 г. он даже представил его Сталину, причем беседа с вождем закончилась для Федора Ивановича нервным стрессом. После нескольких вопросов о предыдущей службе Иосиф Виссарионович резюмировал: «Так-так, штабс-капитан с Анной на груди и женатый на графине».

Толбухин, видимо, уже представлял, как его волокут в подвалы Лубянки, однако вместо этого Сталин назначил его начальником штаба Закавказского военного округа. По явному испугу Федора Ивановича вождь догадался, что подвохов с его стороны ожидать не придется. Да и поставить на место человека с такой биографией в случае чего будет очень нетрудно...

После начала Отечественной войны Толбухин последовательно занимал должности начальника штаба Закавказского, Кавказского и Крымского фронтов. Летом 1942 — весной 1943 г. успешно командовал 57-й армией, сражавшейся с немцами южнее Сталинграда, под Красноармейском. Как вспоминал один из бойцов: «Мы называли ее армией порядка и организованности и любили командование за исключительно внимательное и бережное отношение к людям, к воинам, в каком бы звании они ни были».

Хотя Федор Иванович сражался на второстепенном направлении, Ставка отметила его действия, назначив командующим всем Южным (впоследствии 4-м Украинским) фронтом. Весной-осенью 1943 г. войска Толбухина освободили Донецкий бассейн, взломали германскую оборону на реке Молочной и, овладев Мелитополем, отрезали Крым от других оккупированных немцами территорий.

«Последняя крепость готов»

На рубеже античности и Средневековья древнегерманские племена готов держали в страхе всю Европу. Именно они взяли Рим, долго воевали с Византией и создали королевство, ставшее зародышем будущей Испании. Но

впоследствии готы растворились среди соседних народов. Только маленький осколок их государственности сумел продержаться в Крыму вплоть до XVI века.

Гитлер всегда был чувствителен к историческим ассоциациям. И называя Крым «последней крепостью готов», он подразумевал, что именно здесь потомкам древних германцев предстоит остановить «азиатское нашествие». Впрочем, сколько их было таких «последних крепостей», и все они рухнули...

Еще осенью 1943 г., на волне общего наступления, Красная Армия попыталась ворваться в Крым на плечах противника. Войска Толбухина даже оказались на Перекопе и едва не овладели стратегически важным пунктом — Армянском. Однако Йенеке успел перегруппировать силы, так что попытка окончилась неудачей.

Правда, 10-му корпусу удалось вброд перейти через Сиваш. Любопытно, что в роли проводника выступил тот самый старичок, который в 1920 г. уже проводил по этому же маршруту войска Фрунзе. Однако с точностью повторить опыт Гражданской войны не удалось: Йенеке и здесь пустил в ход резервы, так что советские войска оказались блокированными на сравнительно небольшом плацдарме. Сиваш (в переводе — Гнилое море) полностью оправдывал свое название: те, кому довелось искупаться в здешней воде, тут же подхватывали целый букет болезней и надолго выходили из строя. Таким образом, для снабжения войск на плацдарме брод приходилось использовать лишь в самых крайних случаях. Большая часть поставок шла по двум специально сооруженным дамбам, которые постоянно подвергались ударам вражеской авиации и артиллерии.

Не повезло советским войскам и в восточной части Крымского полуострова. Высадившаяся здесь Отдельная Приморская армия генерала Петрова застряла под Керчью.

Когда стало очевидным, что попытка овладеть Крымом с ходу провалилась, в советском генштабе решили отложить операцию. Однако Йенеке, имея за плечами опыт Сталинграда, предчувствовал, что нового удара ему не

выдержать. Он активно настаивал на эвакуации 17-й армии из Крыма по морю и по воздуху. Но все было бесполезно, фюрер приказал стоять насмерть и, видимо, чтобы подбодрить своего подчиненного, присвоил ему очередное звание — генерал-полковника...

К весне 1944 г. советский Генштаб разработал новый план взятия Крыма. В основных чертах он повторял предыдущий, за исключением того, что и войск, и времени для подготовки теперь выделялось гораздо больше. Действовавшей со стороны Керчи Приморской армии предстояло нанести вспомогательный удар, главная же роль отводилась 4-му Украинскому фронту Толбухина. Со стороны плацдарма у Сиваша в бой должна была идти 51-я армия Крейзера. Прорвав немецкую оборону, ей предстояло овладеть Джанкоем и, выйдя на оперативный простор, помочь наступавшей на Перекопе 2-й гвардейской армии Захарова. Общее количество советских войск к этому моменту составляло 470 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов, 550 танков, 1,2 тыс. самолетов. Противостоящая им 17-я армия имела в своем распоряжении 195 тыс. человек, 3,6 тыс. пушек и минометов, 215 танков и 148 самолетов.

Успех наступления Толбухина в значительной степени предопределила блестяще проведенная артиллерийская подготовка. За пять дней до начала операции тяжелые орудия стали утюжить позиции противника. Утром 8 апреля к этому хору присоединились пушки более мелкого калибра. Обычно, если интенсивность огня резко усиливалась, немцы оставляли передовые окопы и прятались в блиндажах. Затем, когда артобстрел прекращался, они занимали прежние позиции и с успехом отбивали русскую пехоту. Однако на сей раз традиционный сценарий был сломан.

В течение 80 минут советские пушки уничтожали все засеченные на немецкой стороне цели. Затем еще 5 минут артиллерия била по переднему краю, после чего перенесла огонь в глубину вражеских позиций. Немцы решили, что сейчас в атаку пойдет пехота, и, выскочив из

своих укрытий, заняли места в окопах. И в этот момент артиллерия снова ударила по переднему краю. Те, кто уцелел, разбежались по блиндажам. Через полчаса пушки опять перенесли огонь в глубину, а наши пехотинцы подняли из окопов 1,5 тыс. чучел, наряженных в каски и потрепанные мундиры. Решив, что на этот раз советская пехота точно пошла в атаку, немцы снова выскочили из блиндажей и снова попали под огонь нашей артиллерии.

Наконец, после массированного 3-часового артобстрела 4-й Украинский фронт двинулся в атаку. К утру следующего дня на Перекопе 2-я ударная армия овладела Армянском. Одновременно группировка, наступавшая со стороны Сиваша, захватила Джанкой и, вырвавшись в тыл немцам, поставила под угрозу их коммуникации. Поняв, что запереть перед Толбухиным «входную дверь в Крым» так и не удалось, Йенеке начал отход к Симферополю.

Успехи на севере полуострова повлияли и на ситуацию под Керчью. Стоявшие здесь немецкие войска, опасаясь окружения, также начали отступать в центр Крыма.

13 апреля в районе Карасубазара произошла встреча наступавших с севера соединений 4-го Украинского фронта и двигавшихся с востока частей Отдельной Приморской армии. После этого «приморцы» утратили свою самостоятельность и перешли под начало Толбухина.

За первую неделю боев немцы потеряли убитыми и пленными около 13 тыс. человек, а их союзники румыны — около 16,5 тыс. Йенеке ничего не оставалось, как отойти на юго-запад и попытаться сохранить хотя бы цитадель «последней крепости готов» — Севастополь.

Штурм цитадели

Попытку советских войск с ходу овладеть Севастополем немцы успешно отбили. Неприятель неплохо использовал уцелевшие с 1942 г. советские укрепления, добавив к ним собственные новинки. Линия обороны состояла из трех полос, а ее наиболее важными узлами считались три пункта — Макензиевы горы, Сахарная Голова и Сапун-гора.

Тем не менее Йенеке по-прежнему был настроен пессимистично и, пользуясь малой активностью нашего Черноморского флота, потихоньку эвакуировал свою армию. Узнав об этом, фюрер вызвал его в свою ставку и пообещал «щедрое подкрепление». И действительно, из Румынии в Севастополь на самолетах перебросили около 6 тыс. солдат и офицеров. Однако, увидев, что речь идет всего лишь о недоученных новобранцах, Йенеке предложил поручить оборону Крыма командованию германскими сухопутными войсками (ОКХ). Гитлер, вполне справедливо увидев в этом стремление избавиться от ответственности, снял Йенеке с должности и заменил его генералом Альмендингером.

Новый командующий 17-й армией вступил на свой пост в праздничный для его врагов день — 1 мая. Тут же был издан приказ, в котором он требовал, «чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова, чтобы никто не отходил, удерживая каждую траншею, каждую воронку, каждый окоп».

Спустя четыре дня 2-я гвардейская армия нанесла отвлекающий удар на Макензиевы горы. Немцы клюнули на приманку и перекинули сюда почти все резервы. Воспользовавшись этим, 51-я армия ринулась на Сапун-гору и захватила ее после жестокого боя. Именно сюда Толбухин начал подтягивать главные силы, все больше и больше расширяя брешь во вражеской обороне.

В ночь на 8 мая советские бойцы вышли к Северной бухте. Переправляться через нее им пришлось на подручных средствах, в числе которых оказались и заготовленные немцами деревянные гробы.

На следующее утро наши войска оказались в восточной части города. 9 мая, когда последние очаги вражеского сопротивления были уже подавлены, кто-то пустил слух, что война закончилась (любопытно, что война действительно закончилась 9 мая, но произошло это ровно через год, в Берлине). На радостях солдаты и моряки расстреляли в воздух почти все снаряды и патроны.

Если бы остатки 17-й немецкой армии ринулись в контратаку, то положение, скорее всего, сложилось бы крайне неприятное. Однако немцам в этот момент было уже

не до контрударов. Потрепанные вражеские части отступили к мысу Херсонес, где они держались еще больше двух суток — до утра 12 мая.

Фактически зеркально повторилась ситуация двухгодичной давности. Однако следует отдать немцам и румынам должное. Если в 1942 г. советский флот почти ничем не помог войскам, запертым на Херсонесе, то на сей раз противник сумел эвакуировать более половины окруженцев (12 тыс. человек).

Всего же за время Крымской операции неприятель потерял убитыми и пленными около 65 тыс. человек. Что касается советских потерь, то они лишь ненамного превосходили, а (по некоторым данным) даже и уступали потерям противника. И это при том, что сам по себе Крым считался сильнейшей крепостью...

Эпилог 1. Йенеке

Гитлер отказался назначать Йенеке на командные должности до тех пор, пока военный трибунал не докажет, что он сделал все возможное для спасения Крыма. Но трибунал так и не собрали, и, в конце концов, видимо, устав от неопределенности, в январе 1945 г. Йенеке отправил письмо фюреру. В нем он обрисовывал положение Рейха, делал вывод, что война проиграна, и советовал Гитлеру подумать над сложившейся ситуацией. Единственное, что Гитлер надумал — это отправить Йенеке в отставку.

Генерал поселился в своем поместье в Восточной Пруссии, где в июне 1945 г. и был арестован советской контрразведкой. Йенеке судили в Севастополе и приговорили к 25 годам тюремного заключения. Затем его отправили в Чехословакию, где он получил еще столько же. Тем не менее отсидеть ему пришлось всего десять лет. В 1955 г. после визита в Советский Союз канцлера ФРГ Аденауэра последние германские военнопленные были возвращены на родину. Йенеке получил амнистию, и с этого момента его следы теряются. Достоверно известно лишь то, что еще в 1958 г. он проживал в Кельне в полной безвестности.

Эпилог 2. Толбухин

После освобождения Крыма Толбухин принял командование 3-м Украинским фронтом. Его предшественник в этой должности Р. Я. Малиновский перешел на 2-й Украинский и уже вместе они провели знаменитую Ясско-Кишиневскую наступательную операцию. Затем Федор Иванович участвовал в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. В каждой из этих стран имела своя специфика, так что Толбухину зачастую пришлось выступать в роли не только военачальника, но и дипломата. Особенно хорошую память о себе он оставил в Болгарии, где в его честь переименовали город Добрич и назвали один из бульваров Софии. Сталин ценил своего подчиненного, присвоив ему звание маршала и наградив высшим полководческим орденом «Победа». После окончания войны Федор Иванович командовал находившейся на Балканах Южной группой войск, а после ее вывода (в 1947 г.) вернулся в уже знакомое ему Закавказье на должность командующего войсками округа. На этом посту он и скончался 17 октября 1949 г.

Тело маршала было похоронено со всеми воинскими почестями. В 1960 г. на Самотечной площади Москвы Толбухину установили памятник, а в 1965 г. ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Битва за Крым и штурм Севастополя вошли в историю под названием «Третьего сталинского удара». В сущности с самого начала этой операции Йенеке думал лишь об одном — об эвакуации. Он добился того, что 17-я армия отделалась сравнительно небольшими потерями, однако очевидно, что при таком подходе ни о какой возможности отстоять Севастополь не могло быть и речи. Толбухин же в отличие от своего военного противника Йенеке, продемонстрировавшего низкий боевой дух, проявил себя как талантливый полководец. Именно благодаря ему Крым перестал быть «последней крепостью готов», а Севастополь вернул себе положение «города русской славы».

ХЕЙНРИКС ПРОТИВ МЕРЕЦКОВА: СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

60 лет назад советские войска развернули наступление, известное под именем «Четвертого Сталинского удара». На самом деле удар этот предназначался не немцам, а их тогдашним союзникам финнам. Да, и сами операции преследовали не столько стратегическую, сколько политическую цель — заставить Хельсинки разорвать свои «противоестественные отношения с Берлином».

В принципе, правители Суоми и сами уже склонялись к подобному решению. Однако вопрос о том, насколько предстоящий мир будет тяжел для Финляндии, определялся именно событиями на фронте. А здесь в очередной раз скрестили шпаги противники, знакомые друг с другом еще по событиям 1939–1940 гг., — генералы Кирилл Афанасьевич Мерецков и Аксель Эрик Хейнрикс.

Карьера 1. Хейнрикс

Аксель Эрик Хейнрикс родился 21 июля 1890 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) в семье состоятельного землевладельца. Еще во время учебы в университете он примкнул к радикалам и решил с оружием в руках бороться за независимость своей Родины.

С началом Первой мировой войны Аксель пробрался в Германию, где вступил в 27-й прусский егерский батальон. В 1918 г. в составе экспедиционного корпуса фон дер Гольца эта часть примала участие в боях с красными финнами.

После разгрома большевиков Хейнрикс перешел из германской в финскую армию и при этом был произведен в зва-

ние майора. В 1928 г. он закончил Военную Академию в Париже и по возвращении в Финляндию около года командовал Саволакской бригадой. Затем его перевели на кабинетную должность, назначив начальником финской Военной Академии. Но и здесь наш герой задержался немногим дольше и уже в 1931 г. вернулся к строевой службе в качестве командира 1-й дивизии.

По общему мнению, Хейнрик был храбрым, умным и дисциплинированным офицером. Разумеется, он не любил коммунистов и являлся сторонником буржуазной республики, но при этом, в отличие от многих своих коллег, никогда не выступал с профашистскими или пронемецкими заявлениями. Судя по всему, Хейнрик был сторонником сближения с Англией и Францией — державами, которые, по его мнению, могли бы гарантировать сохранение независимости Финляндии.

Но до 1939 г. в Хельсинки пытались держаться на равном удалении и от СССР, и от Германии, и от Запада. Больше всего это раздражало Кремль, и в 1939 г. Сталин решил силой втянуть финнов в орбиту своего влияния...

Карьера 2. Мерецков

Кирилл Афанасьевич Мерецков родился 7 июня 1897 г. в деревне Назарьево Ярославской губернии в семье крестьянина. В 1912 г. он окончил четырехлетнюю земскую школу и устроился ремонтником аппаратуры на скипидарном заводе. Здесь молодой рабочий сблизился с социал-демократами и несколько раз принял участие в организованных ими акциях. После Февральской революции Мерецков стал одним из руководителей местной большевистской ячейки, а уже в мае был избран секретарем уездного комитета партии.

В период Гражданской войны рабочие Петрограда и Центральной России были главной опорой Советской власти. Именно из них формировались наиболее надежные части Красной Армии, то в числе которых был и 1-й Владимирский народный полк. Кирилл Мерецков был в

нем комиссаром, но, когда рабочий паренек продемонстрировал хорошие организаторские способности, его перевели на командирские должности.

В 1919 г. наш герой служил в 1-й Конной, что впоследствии также сыграло роль в его восхождении. Затем Мерецков повышал свой профессиональный уровень в Военной академии РККА и при этом дважды отрывался от учебы, чтобы поучаствовать в боях с поляками и Врангелем.

К 1931 г. Кирилл Афанасьевич дорос до должности начальника штаба Московского военного округа. Именно в это время он недолго стажировался в Германии, где изучал «организацию и систему штабной службы». Тогдашний нарком обороны Ворошилов активно продвигал бывших конноармейцев, и, видимо, благодаря его покровительству, по возвращении на родину никто так и не обвинил Мерецкова в сотрудничестве с немецкой разведкой. Более того, в 1936 г. Кирилл Афанасьевич совершил еще одну зарубежную командировку, возглавив советскую делегацию на армейских маневрах в дружественной нам Чехословакии. И, наконец, в 1936–1937 гг. в качестве военного советника наш герой находился в Испании, где принял участие в обороне Мадрида и битве под Гвадалахарой.

Обе операции закончились победой республиканцев, так что по возвращении на родину Мерецкова вновь начали продвигать по карьерной лестнице. Впрочем, вакансий в то время было более чем достаточно, так как в РККА очень активно занимались разоблачением вражеских агентов и предателей.

Всего за два года Кирилл Афанасьевич сменил три руководящих кресла — заместителя начальника Генерального штаба, а также командующего войсками Приволжского и Ленинградского военных округов. Именно на последней должности Мерецков занимался подготовкой к нападению на Финляндию, а уже в первые дни боевых действий он же возглавил и действующую на главном (выборгском) направлении 7-ю советскую армию.

1939–1940 гг. Выборг

Зимняя война началась для советских войск крайне неудачно. Уже в зоне так называемого предполья красноармейцам пришлось ощутить на себе все «прелести» народной войны — с внезапными засадами, заминированными домами и снайперами — «кукушками». Однако настоящий кошмар начался на самой «линии Маннергейма».

К удивлению командования, выяснилось, что различные рода войск практически не умеют взаимодействовать друг с другом. Наша авиация бомбила нашу пехоту; пехота, в свою очередь, не успевала прийти на помощь танкистам. Пропуская через позиции, а затем отсекая советские моторизованные части, финны уничтожали их буквально до последней машины при помощи бутылок с зажигательной смесью («коктейлем Молотова»).

Хейнрикс в это время командовал 3-м корпусом, защищавшим восточную часть Карельского перешейка. Западную часть перешейка оборонял 2-й корпус Эквиста, а вместе они составляли армию «Карельский перешеек» под командованием генерала Эстермана.

Довольно успешно Хейнриксу удалось отразить многократно превосходящие советские силы на кексгольмском (приозерском) направлении. Однако главные события разворачивались южнее — там, где Мерецков словно лбом об стену бился о позиции генерала Эквиста.

Потери советской 7-й армии были настолько значительными, что финны даже нанесли контрудар, который, впрочем, окончился неудачей. Окончательно обессилев, противники отказались от активных действий и последующие полтора месяца «зализывали раны».

Только в начале февраля 1940 г., подтянув резервы и основательно обработав врага артиллерией, советские войска вновь решили попытать счастья. Хейнриксу в основном удалось удержать свои позиции, а вот его соседи на сей раз не смог отбить Мерецкова. 7-я армия прорвала первую оборонительную линию, после чего командующий «Карельским перешейком» генерал Эстерман лишился

своей должности. Хейнрикс занял его место, передав командование корпусом генералу Талвелле.

Правда, в один момент ситуация от этих перемещений, конечно же, не изменилась. Продолжая вгрызаться в «линию Маннергейма», Мерецков прорвал вторую и третью оборонительные позиции и оказался на подступах к самому Выборгу. Однако взять город с ходу не удалось, и тогда Кирилл Афанасьевич предложил обойти его по льду Ботнического залива.

В сущности, эта затея повторяла маневр, совершенный Багратионом в кампании 1808 г., но на сей раз все закончилось гораздо печальнее. Генерал Хейнрикс использовал все свои резервы и советский десант был уничтожен до последнего человека. Тогда Мерецков попытался обойти город с северо-запада, но финны открыли шлюзы и затопили прилегающую территорию...

В Москве между тем уже шли переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора. Выборг переходил к Советскому Союзу, однако, видимо, из соображений престижа 7-я армия безуспешно штурмовала город вплоть до окончания боевых действий — 13 марта 1940 г. Это рационально необъяснимое упорство стоило нашим войскам еще нескольких сотен погибших...

1941 год. Карелия

После Зимней войны ни одна из сторон не чувствовала себя проигравшей. Советский Союз выполнил свою программу-минимум, так как граница на Карельском перешейке отодвинулась от Ленинграда в среднем с 30 до 150 км. Финны же смогли отстоять независимость и нанести русским потери, которые в 7–10 раз превосходили их собственные.

Главные герои — Хейнрикс и Мерецков — резко пошли на повышение, причем и тот, и другой (каждый в своей стране) заняли одну и ту же должность — начальника Генерального штаба.

Впрочем, Мерецков очень недолго был в фаворе и уже в январе 1941 г. уступил свое место более напористому кон-

куренту — Георгию Жукову. Хейнрикс продержался несколько дольше, да и его роль в предвоенных событиях оказалась более значительной. Трижды он ездил в Берлин вести переговоры о борьбе с «общими врагами». В конце концов финны предоставили немцам военные базы и право транзита по своей территории, а также пообещали обратиться за помощью в случае еще одной советской агрессии.

25 июня 1941 г. наша авиация нанесла бомбовые удары по германским базам в Финляндии. Президент Рюти, разумеется, тут же объявил войну Советскому Союзу. На сей раз силы финнов оказались более значительными, а вот их успехи более скромными. На севере 3-й корпус генерала Сииласвио и германский горнострелковый корпус «Норвегия» так и застряли на дальних подступах к Мурманску. На Карельском перешейке войска Маннергейма почти не продвинулись дальше линии старой границы...

Задним числом финские историки любят доказывать, что в 1941 г. их соотечественники руководствовались лозунгом: «Чужой земли не надо нам ни пяди, но и своей вершка не отдадим». На самом деле все было сложнее: переварить такой «кусочек», как Ленинград, финнам оказалось не под силу, и тогда они пропустили вперед немцев. Однако ограничиваться простым восстановлением попранной справедливости в Хельсинки также не хотели, и потому решили взять реванш в Ладожской Карелии...

Именно на этих землях в сентябре 1941 г. в очередной раз пересеклись пути русского и финского генералов. Хейнрикс руководил наступавшей здесь «Карельской армией», а Мерецков только что возглавил 7-ю советскую армию (которой он уже командовал в 1939–1940 гг.). На фронт Кирилл Афанасьевич прибыл напрямик из застенков Лубянки, где его в течение трех месяцев усиленно обрабатывали как возможного германского шпиона. Неизвестно, что больше вдохновляло Мерецкова — патриотизм или боязнь снова оказаться на Лубянке, но он все-таки сумел избежать главных опасностей. Хейнрикс так и не продвинулся дальше Свири, а 7-я армия отошла со сравнительно небольшими потерями...

В декабре 1941 г., выбив немцев из Тихвина, Мерецков принял командование Волховским фронтом, который был создан специально для прорыва блокады вокруг Ленинграда. Впрочем, первая попытка выручить город закончилась неудачей. Следует отметить, что Кирилл Афанасьевич довольно активно возражал против проведения Волховской и Синявинской операций, за что, в сущности, и лишился своей должности (февраль 1942 г.).

Потеряв несколько десятков тысяч красноармейцев, Ставка убедилась в правоте Мерецкова, после чего он вновь возглавил Волховский фронт и командовал им вплоть до окончательного снятия блокады Ленинграда (в феврале 1944 г.). А вот его военный противник Хейнрикс еще в январе 1942 г. оставил Карелию и вернулся на прежнюю должность начальника Генерального штаба.

И лишь в июне 1944 г. пути старых врагов пересекутся снова, причем на сей раз это будет их последний поединок...

1944 год. И снова Карелия

Задачу разгрома Финляндии предстояло выполнить двум фронтам — Ленинградскому (Л. А. Говорова) и Карельскому (К. А. Мерецкова). Первый удар нанесли «ленинградцы». 9 июня они перешли в наступление и 20-го овладели Выборгом. Оттуда советские войска могли рвануть напрямик на столицу Финляндии, так что генералу Хейнриксу пришлось принимать срочные меры. Из Карелии были выведены две дивизии и один корпус, в результате чего количество финских войск в этом районе сократилось более чем вдвое.

Тем не менее задача Мерецкова оставалась достаточно сложной. Прежде всего требовалось форсировать Свирь, по берегам которой враг создал достаточно мощную эшелонированную оборону. Поперек реки возвышалась плотина ГЭС «Свирь-3», и, видимо, помня собственные неудачи четырехлетней давности, Кирилл Афанасьевич сообразил, что враг может разрушить ее как раз во время попытки советских войск осуществить переправу. И тогда Мерецков первым призвал на помощь стихию...

20 июня советская авиация бомбовыми ударами разрушила плотину. Двухметровый водяной вал буквально смыл финские укрепления, расположенные ниже по течению. Утром следующего дня началась артподготовка, а затем вся река оказалась усеяна сотнями лодок и плотов с чучелами красноармейцев. С уцелевших вражеские точки открыли огонь, но тут же были накрыты еще одним залпом нашей артиллерии.

Между тем несколько десятков бойцов, которые толкали все эти «игрушечные» лодочки, вплавь перебрались через реку и завязали бой с финнами. Впрочем, особого сопротивления противник уже не оказывал. Переправившись на северный берег Свири, генерал Х. Д. Харазия застал следующую картину: «Все вокруг горит и дымится. Вражеская оборона от реки километров на пять в глубину изрыта бомбами и снарядами. Орудия и минометы, исковерканные и обгоревшие, валяются на своих огневых позициях. Траншеи и ходы сообщения разрушены. Немногие оставшиеся в живых солдаты и офицеры противника настолько потрясены, что лишились способности к какому-либо сопротивлению. Стоят с поднятыми руками и трясутся. Траншеи буквально завалены телами вражеских солдат и офицеров. А в дотах, к нашему немалому удивлению, мы обнаружили трупы солдат противника, на которых не было никаких следов ранений. Но все — синие. Их поубивало взрывной волной от наших реактивных снарядов, которая проникала через амбразуры и дзоты».

Форсировав Свирь, части 7-й армии устремились на север. Одновременно, пытаясь перерезать противнику пути отступления, с востока наседали 32-я армия. Тем не менее финны успели выскользнуть из ловушки и довольно благополучно отошли к тем рубежам, с которых три года назад они начинали свое вторжение. Боясь лишиться одного из немногих своих союзников, Гитлер подбросил на помощь артиллерийскую бригаду, авиацию и боеприпасы. Больше он дать не мог — самому было слишком плохо.

В одном окне

Фронт постепенно стабилизировался, но в Хельсинки отлично понимали, что дальнейшее продолжение борьбы может привести страну к национальной катастрофе. 7 сентября 1944 г. генералы А. Хейнрикс и К. Вальден, а также министр иностранных дел К. Энкель вылетели в Москву просить о прекращении боевых действий. Через 12 дней было подписано «Соглашение о перемирии между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой».

Устав от борьбы с этими упрямыми финнами, Кремль продемонстрировал удивительную мягкость. В общих чертах, все возвращалось к условиям мирного договора 1940 г. Кроме того, Советский Союз получал район Петсамо, право аренды полуострова Порккала-Удд (вместо Ханко) и репарации на сумму 300 млн долларов.

Больше всего проблем доставил пункт, согласно которому финны обещали разоружить все находившиеся на их территории германские части. Речь в данном случае шла не больше и не меньше как о ликвидации целой 20-й горной армии, причем ее командующий генерал Рендулич, разумеется, ни о каком разоружении не желал даже слышать.

В результате бывшие противники превратились в союзников. Генерал Хейнрикс возглавил силы обороны Финляндии и начал теснить немцев в Лапландии. Войска Мерецкова в это же время развернули наступление на севере Норвегии. Фактически Рендулича попытались зажать в клещи, но он выскользнул и сумел эвакуировать свои части из Нарвика в Германию.

Хейнрикс за эту операцию получил американский орден, а его коллега Мерецков — норвежский «Крест святого Олафа» и звание маршала Советского Союза. С этого момента пути двух военачальников уже никогда не пересекались. Генерал Хейнрикс вскоре вышел в отставку и умер в Хельсинки 16 ноября 1965 г. А вот Мерецкова впереди ждала еще одна крупная операция...

После расформирования Карельского фронта вместе со своим штабом он отправился во Владивосток, где следующие полгода готовил операцию по разгрому Японии. Сталин, отправляя его на этот участок, заметил: «Хитрый ярославец найдет способ, как разбить японцев. Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой».

В августе 1945 г. во главе 1-й Дальневосточного фронта Мерецков провел так называемую Харбино-Гиринскую операцию, в ходе которой были освобождены Восточная Маньчжурия и Северная Корея. Наградами ему стали высший советский полководческий орден «Победа», американский «Легион заслуг» (тот самый, что имелся у Хейнрикса), китайское «Облачное знамя».

После войны Кирилл Афанасьевич командовал Приморским, Московским, Беломорским и Северным военными округами. В 1955–1964 гг. он занимал должность помощника министра обороны по высшим военно-учебным заведениям. В последние годы жизни, как и другие военачальники его ранга, Мерецков числился в Группе Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Скончался Кирилл Афанасьевич 30 декабря 1968 г. в Москве и был похоронен в Кремлевской стене на Красной площади.

За время своего «знакомства» два военачальника Хейнрикс и Мерецков многому научились друг у друга. И при этом ни один из них так и не смог разгромить другого, добываясь успеха лишь в тех случаях, когда на их стороне было подавляющее численное превосходство...

В некотором смысле история четырехлетней (с перерывами) борьбы советского и финского полководцев предопределила характер последующих отношений между двумя странами.

После 1944 г. в Хельсинки перестали спорить по мелочам со своим великим соседом, а в Москве поняли, что Финляндия никогда не станет советской республикой. На том и помирились.

МОДЕЛЬ ПРОТИВ ЧЕРНЯХОВСКОГО: В ОБОРОНЕ И В НАСТУПЛЕНИИ

Есть военачальники, которые одерживают победы, а есть те, которым приходится расплачиваться за чужие ошибки. Фельдмаршала Моделя коллеги называли «пожарником», поскольку именно его Гитлер посылал на самые трудные участки фронта.

И. В. Сталин был неравнодушен к талантливому молодому полководцу генералу Ивану Даниловичу Черняховскому: он закрывал глаза на его не совсем идеальный моральный облик, выделял дополнительные резервы. Судя по всему, вождь считал, что именно о таких, как Черняховский, со временем будут говорить — «Сталинские маршалы». Этот молодой (все-го 37 лет) советский полководец тоже успел познать горечь поражений, но для бойцов его образ ассоциировался, прежде всего, с понятиями «наступление» и «победа». В 1994 г. в Белоруссии пути любимцев Гитлера и Сталина пересеклись...

Модель

Для германского офицерского корпуса, с его кастовой ограниченностью, Вальтер Модель все время оставался чужим человеком. В отличие от других гитлеровских фельдмаршалов (если не считать Шернера), он происходил не из дворян, а из среды, которую в России принято было называть «разночинцами»...

На свет будущий полководец появился 24 января 1891 г. Отец его был учителем музыки и, хотя семья жила в совершенной бедности, все-таки сумел дать сыну хорошее образование. В 1909 г. Вальтер вступил в армию и через пять лет встретил начавшуюся Первую мировую войну в звании лейтенанта. Без денег, без знатно-

го происхождения, без связей, карьеру ему делать было очень сложно. Правда, на войне у таких, как он, честолюбцев шансов получить повышение имеется намного больше, чем в мирное время. Модель делал все, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к офицерам, а его храбрость и командная хватка вызывали всеобщее восхищение.

В 1918 г. без прохождения курса в Академии Вальтер был причислен к Генеральному штабу, что по тем временам являлось делом совершенно исключительным. После войны он оказался одним из немногих офицеров, выходцев не из дворян, сумевших получить место в стотысячном рейхсвере.

Теперь, когда бранные подвиги отошли в прошлое, для дальнейшего продвижения вновь требовались деньги и связи. Ни того, ни другого у Моделя по-прежнему не было, и тогда, видимо, надеясь хоть как-то обратить на себя внимание, он занялся историческими изысканиями. Однако написанная им биография фельдмаршала Гнейзенау хотя и принесла автору определенную известность, особого влияния на карьеру не оказала.

С трудом Вальтер дорос до подполковника, хотя выполняемая им работа оказывала очень существенное влияние на укрепление военной мощи Германии. Так, возглавляя технический отдел генштаба, он не раз ездил в СССР, где принимал участие в создании таких совместных объектов, как авиашкола в Липецке и танковая школа в Казани.

В 1933 г. сотрудничество было свернуто, но для Моделя это не имело значения. В пришедших к власти «коричневых» он почувствовал «родственные души» — таких же выходцев из низов, карабкающихся к вершинам власти. Если большинство германских военных относились к фюреру с определенной сдержанностью, то Модель сразу же стал ярким нацистом. Естественно, на него обратили внимание и для начала произвели в полковники. Затем состоялось знакомство с Гитлером, и в 1938 г. перспективного военного уже собирались назначить начальником штаба во время намечавшегося вторжения в Чехословакию.

Чехословакия сдалась без боя, но все еще только началось. Вальтер слишком долго находился в тени, и теперь ему предстояло наверстывать упущенное. В Польше он был начальником штаба корпуса, во Франции — начальником штаба армии. Кампанию против СССР Модель встретил в звании генерал-лейтенанта и должности командира 3-й танковой дивизии.

Следует признать, что танкисты любили его примерно так же, как фанаторийские гренадеры в свое время любили Суворова. Энергичный и вездесущий немецкий генерал всегда появлялся в самых опасных местах и, самое главное, всегда (по крайней мере в 1941 г.) одерживал победы.

Со своей 3-й танковой дивизией Модель взял Бобруйск, принимал участие в сражениях у Минска и Смоленска, а затем, действуя на острие танковой группы Гудериана, сыграл заметную роль в создании крупнейшего за всю войну котла под Вязьмой.

Переломить ход Московской битвы Моделю было не под силу. Тем не менее фюрер отметил мастерство, с которым он выкручивался из кризисных ситуаций. Отметил и сделал надлежащие выводы...

В январе 1942 г. над действовавшей в районе Ржева 9-й германской армией нависла угроза окружения. Модель принял командование, когда ситуация считалась почти безнадежной, и почти сразу же перешел от обороны к наступлению.

Именно во время этой операции между фюрером и его генералом произошел спор по вопросу об использовании резервного корпуса. В конце концов Модель холодно посмотрел на Гитлера сквозь монокль и задал вопрос: «Кто командует 9-й армией, вы или я?» Фюрер впал в ступор и уступил, а последующие события вполне подтвердили правоту Моделя.

Скорее всего, другому генералу Гитлер не простил бы подобного обращения, но к «дорогому Вальтеру» у него было особое отношение. Фюрер видел в нем человека, близкого ему как по происхождению (мелкобуржуазному), так и по вере (нацистской).

Модель четырнадцать месяцев удерживал Ржевский выступ и лишь весной 1943 г. отвел свои войска на пятьдесят километров. Собственно, он мог бы держаться и дольше, но благодаря своевременно предпринятому отступлению вермахту вдвое удалось сократить линию фронта. В результате у Гитлера освободилась 9-я армия, которую предполагалось использовать в операции, призванной изменить весь ход борьбы на Востоке.

Эта операция, названная немцами «Цитадель», более известна как битва под Курском. Моделю ударом на северном фланге предстояло отсечь выдвинувшуюся советскую группировку, и затем, соединившись с наступавшими на юге войсками Манштейна, взять ее в окружение.

Однако с самого начала все пошло не так, как следовало. Советские войска заранее создали глубоко эшелонированную оборону и, измотав противника, сами перешли в наступление. Даже апологеты признают, что битва под Курском была, в первую очередь, битвой Моделя, и именно он несет львиную долю ответственности за поражение.

Впрочем, доверие фюрера к своему любимцу несколько не уменьшилось, тем более, что генерал старался свести ущерб от поражения к минимуму. При отступлении его войска применяли тактику выжженной земли, угнав с собой 250 тысяч гражданских жителей. Гитлеру как яркому стороннику «беспощадной революционной войны» такие методы очень импонировали.

Закрепившись на линии «Хаген» (восточнее Брянска), Модель отбыл в заслуженный отпуск. Однако время, когда можно было отдыхать спокойно, для немецких военачальников давно закончилось. В январе 1944 г. он возглавил отброшенную от Ленинграда группу армий «Север». Моделю, уже имевшему репутацию «специалиста по отступлениям», предстояло лишь повторить то, что он уже проделывал после Ржева и Курска. В течение февраля ему действительно удалось привести дезорганизованные соединения в порядок и отступить к заранее подготовленной линии «Пантера». Наградой за это стало звание фельдмаршала.

Мемуаристы отмечают, что Модель оказывал на фюрера какое-то гипнотическое влияние. Если в других случаях Гитлер в штыки воспринимал идею отступления на каком-либо участке фронта, то аналогичные предложения «дорогого Вальтера» проходили без сучка и задоринки. Более того, он почти всегда получал требуемые соединения и к тому же непрочь был «утащить» части у своих соседей.

Так, составляя отчет по группе армий «Север», Модель признал, что готов поделиться двумя дивизиями с группой «Юг», которая как раз переживала очередной кризис. На другой день он узнал, что именно его и собираются поставить во главе группы «Юг». Модель тут же переделал отчет, указав, что «Север» готов поделиться уже не двумя, а целыми шестью дивизиями.

Его назначение на новый участок фронта совпало с переименованием группы «Юг» в группу «Северная Украина». Имея вполне достаточное количество резервов, фельдмаршал доказывал, что именно здесь следует ожидать очередного наступления русских. Однако главный удар Красная Армия нанесла по группе «Центр», в Белоруссии.

Операция «Багратион» оказалась для немцев едва ли не более страшной катастрофой, нежели Сталинградская и Курская битвы. Во всяком случае, утверждают, что именно тогда фюрер перестал верить в победу.

С наибольшим успехом здесь действовали войска 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского. Именно они окружили и уничтожили крупную немецкую группировку в Витебске, заняли Оршу и, наконец, во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом освободили Минск — столицу республики.

Именно тогда Модель превратился из просто «специалиста по отступлениям» в «пожарника фюрера». Вступив в командование группой «Центр», он, по мнению С. Митчема, «избрал очень простую стратегию: быстрый отход и спасение того, что еще осталось, до тех пор, пока у русских возникнут проблемы со снабжением армии, а он, в свою очередь, сможет пополнить войска новыми дивизиями, в это время формируемыми в Германии».

Так или иначе, но фельдмаршал действительно сумел удержаться на линии Вислы. Фюрер назвал Моделя «спасителем Восточного фронта» и направил его выравнивать ситуацию на Западе. Здесь фельдмаршал «барахтался» до самого конца войны и зачастую совершал вещи почти невозможные. И все же к весне 1945 г. бессмысленность дальнейшей борьбы стала очевидной. Оказавшись в Рурском котле, он распустил армию и несколько дней скитался вместе со своим штабом. Судя по всему, Модель боялся, что за военные преступления его выдадут Советскому Союзу. В конце концов, фельдмаршал выбрал единственный казавшийся ему достойным выход. 21 апреля, находясь в лесу, он попросил адъютанта застрелить его. Офицер отказался, и тогда Модель достал пистолет и со словами: «Нет ничего хуже, чем попасть в руки русских» сам пустил себе пулю в голову.

Черняховский

Если в германской армии большинство офицеров принадлежало к дворянству и аристократии, то в Советском Союзе явное предпочтение отдавалось выходцам из народа. Ивану Даниловичу Черняховскому в этом отношении повезло, хотя и в его происхождении имелись кое-какие компрометирующие обстоятельства...

Родился он на Украине 29 июня 1907 г. в семье конюха, состоявшего при богатом помещике пане Новинском. В 1918 г. помещик бежал, а Данила Черняховский роздал коней односельчанам, не забыв и себя, грешного. Спустя несколько месяцев нагрянувшие в деревню петлюровцы занялись выяснением судьбы помещичьих лошадок. Какое им, собственно, было до этого дело — неизвестно, но Данила Черняховский после «разговора» с ними лишился здоровья и вскорости помер. Вдова пережила его всего на неделю, и пятеро детей остались круглыми сиротами.

12-летний Ваня нашел приют у друга отца — машиниста Цешковского, и именно с его помощью устроился рабочим на станцию Верболово. Получаемого жалования хватало на

то, чтобы брать частные уроки, которые вполне заменили курс неполной средней школы. К 15 годам юноша уже неплохо разбирался в «тонкостях политического момента» и даже был принят в местную комсомольскую организацию.

Вместе со своими товарищами Черняховский в масштабах села «боролся с классовыми врагами» и, разумеется, обзавелся кое-какими недоброжелателями. В 1923 г. Ваня переехал в Новороссийск и поступил бондарем на цементный завод «Пролетарий». Оттуда по комсомольской путевке он отправился в Одесское пехотное училище, где довольно быстро выбился в число лучших курсантов.

Надо сказать, что и в деревне, и на заводе, и в училище Черняховский всегда избирался в бюро местной комсомольской ячейки и кроме выполнения своих непосредственных обязанностей «вел активную общественную работу». В 1928 г. он стал коммунистом и с тех пор, как правило, совмещал обязанности командира с обязанностями руководителя партийной ячейки своего соединения.

Молодой, умный, красивый, политически грамотный Черняховский выглядел идеальным представителем нового типа командиров — тех командиров, которые должны были сменить военспецов, доставшихся от старой русской армии, и лихих рубах времен Гражданской войны.

Однако столь удачно складывающаяся карьера едва не рухнула из-за сущего пустяка. Уже в то время, когда Иван Данилович учился в Ленинградской Военно-технической академии, некий бдительный товарищ просигнализировал, что курсант Черняховский скрыл свое социальное происхождение. Из послания следовало, что отец его был вовсе не крестьянином, а «доверенным лицом помещика». И самое главное, что с этим действительно было трудно поспорить — конечно же, его отец пользовался доверием Новинского, если ходил у него в конюхах, ну а то, как он впоследствии распорядился помещичьими лошадками, так это, что называется, вопрос вторичный!

Оправдания Черняховского оказались довольно сбивчивыми, но у командования он был на хорошем счету, а потому для выяснения всех обстоятельств дела на Ук-

раину направили дополнительные запросы. Кроме того, «обвиняемый» обратился к сестре Ленина, Марии Ильиничне Ульяновой, возглавлявшей в то время Бюро жалоб при Рабоче-крестьянской инспекции. После ее вмешательства дело приняло иной оборот, и в 1936 г. Иван Данилович получил «красный» диплом об окончании Академии.

А дальше, видимо, сработало правило, согласно которому снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает. Сумев один раз доказать свою благонадежность, в дальнейшем Черняховский уже не привлекал внимание органов. И хотя его возвращение на строевую службу совпало с самым пиком репрессий в армии, Ивана Даниловича они уже не коснулись. Более того, гибель примерно 40 тыс. офицеров привела к страшной нехватке командирских кадров. Не удивительно, что в такой обстановке Черняховский, с его явно незаурядными способностями, всего за три года прошел путь от командира танкового батальона до командира танкового полка.

Во время «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию вместе со своей частью он отличился при взятии Барановичей. Действия танкистов были настолько стремительными, что и без того деморализованный польский гарнизон (около 2 тыс. человек) практически без сопротивления сложил оружие.

Черняховскому дали дивизию, причем к началу Великой Отечественной войны в ней насчитывалось около 200 танков, 100 бронемашин и примерно 10 тыс. человек личного состава. В бой с немцами соединение вступило под Шауляем (Литва) утром 23 июня.

У Черняховского в тот момент было 40 танков, у немцев — вдвое меньше, но они были подкреплены примерно 30 орудиями и полком пехоты. Советские машины атаковали двумя группами: с фронта ударили 23 танка, возглавляемые командиром полка С. Ф. Онищуком, а с фланга неприятеля обошли 17 танков во главе с его заместителем Б. П. Поповым. Черняховский лично руководил боем и сам возглавил решающую атаку.

Потери противника составили 14 танков, 20 орудий и до батальона пехоты. Судя по всему, это было наиболее ошутимое поражение, понесенное вермахтом в этот день на всем Восточном фронте. На всех остальных направлениях серьезного сопротивления противник не встретил...

Однако торжество Черняховского оказалось недолгим. Уже на следующий день к немцам подошли подкрепления. Дивизия совершала чудеса героизма, но выправить общее положение было невозможно. В боях смертью героев погибли Б. П. Попов (посмертно удостоен звания Героя Советского Союза), С. Ф. Онищук и многие другие.

К началу сентября, когда позади были бои в Прибалтике и оборона Новгорода, в соединении осталось всего около 500 человек и несколько танков, которые держали исключительно «для эмблемы». Дивизию отвели в тыл, переформировали в пехотную и бросили в район озера Ильмень. Здесь в январе 1942 г. советские войска окружили крупную немецкую группировку под Демянском. Однако довести операцию до победного конца так и не получилось. Немцы пробили к окруженным так называемый рамушевский коридор, через который обеспечивали их всем необходимым.

В мае Черняховского произвели в генерал-майоры и направили на Воронежский фронт командовать 40-м танковым корпусом. В упорных боях он, хотя и уступил противнику Воронеж, но так и не допустил переправы противника через одноименную реку.

Правда, и цену за это пришлось заплатить слишком большую. Не случайно, когда Черняховский прибыл на Военный совет 60-й армии, командарм М. А. Антонюк накинулся на него со словами: «Генерал Черняховский, доложите, как это случилось, что мы остались без танкового корпуса!» И здесь произошло нечто невероятное. Вошедший адъютант сообщил, что Сталин вызывает Антонюка к телефону. Еще через пару минут тот же адъютант сообщил, что к телефону требуют Черняховского. Вернувшись, Иван Данилович занял место во главе стола и объявил: «Товарищи! Приказом Верховного главноко-

мандующего я назначен командующим 60-й армией. Военный совет продолжает свою работу».

С этого момента Сталин взял на заметку талантливого молодого полководца. Он закрывал глаза на его не совсем идеальный моральный облик, выделял дополнительные резервы, осыпал наградами. Судя по всему, вождь считал, что именно о таких, как Черняховский, со временем будут говорить — «сталинские маршалы».

Впрочем, Иван Данилович стоил того, чтобы быть на особой заметке. Его проницательность порой граничила с интуицией, а в наступлении он почти всегда обгонял своих соседей. В битве под Курском, а также в боях на Правобережье Днепра Черняховский доказал, что его потенциал намного превышает то, что требуется от командира армии. Сталин это прекрасно понимал, и в апреле 1944 г. Иван Данилович стал командующим 3-м Белорусским фронтом — самым молодым среди советских командующих фронтами.

Ставка в этот период планировала новую операцию, общий замысел которой сводился к тому, что войска четырех советских фронтов должны были сокрушить фланги так называемого «Белорусского балкона», а затем наносить сходящиеся удары по направлению к Минску. Черняховскому и его соседу И. Х. Баграмяну (1-й Прибалтийский фронт) предстояло обрушиться на северный фланг Белорусского выступа. Тщательно обдумав положение, Иван Данилович решил нанести на своем участке не один, а два главных удара. Сталин после небольшого спора с ним согласился и даже похвалил: «Товарищ Черняховский, вы умеете не только просить, но и аргументировать».

Расчет действительно оказался верным. В ходе наступления войска 3-го Белорусского фронта было взято несколько десятков тысяч пленных. Именно эти пленные, в основном, и составили ту 50-тысячную колонну, которая 17 июля 1944 г. «промаршировала» по советской столице.

Черняховский со своими войсками в это время уже сражался в Литве, т. е. примерно в тех самых местах, где он находился в июне 1941 г. Теперь, правда, не обходи-

лось без дипломатических сложностей. Так, еще до подхода Красной Армии польские отряды Армии крайовой попытались самостоятельно взять Вильнюс. Штурм закончился поражением, и тогда полякам пришлось присоединиться к войскам Черняховского. Однако никакого равноправного партнерства не получилось. Командир местного округа Армии крайовой полковник Крижановский был арестован в штабе 3-го Белорусского фронта, а его подчиненным пришлось выбирать — либо сражаться в просоветском Войске Польском, либо вернуться в леса и воевать не с немцами, а с русскими...

После Литвы 3-й Белорусский фронт начал борьбу за Восточную Пруссию. Гитлер предписывал удерживать эту область до последнего, рассчитывая использовать ее в качестве плацдарма для нового мощного удара против России.

Наступления, предпринятые Черняховским в октябре 1944 и январе 1945 г., закончились лишь частичным успехом. С большими потерями удалось захватить Тильзит и Инстербрук и выйти на кенигсбергское направление. Немецкие войска оказались прижатыми к морю и разделенными на три части. Земландской (4 дивизии) и кенигсбергской (5 дивизий) группировками предстояло заниматься Баграмяну. На долю Черняховского выпала борьба с самой крупной (20 дивизий) — хельсбергской группировкой.

18 января 1945 г., в преддверии очередного наступления, Иван Данилович на своей машине ехал в 3-ю армию Горбатов. Внезапно позади автомобиля раздался взрыв вражеского снаряда. Осколок попал Черняховскому в спину, и его порученец успел лишь услышать: «Душа Алеша, умираю...» Генерала армии, так и не ставшего маршалом, торжественно похоронили в освобожденном его войсками Вильнюсе. Правда, после обретения прибалтийскими республиками независимости выяснилось, что ни в каком освобождении литовцы не нуждались, и тогда останки полководца были перенесены в город его имени — Черняховск (бывший Инстербрук) на территории Калининградской области (бывшая Восточная Пруссия).

Модель и Черняховский вышли на первые роли в 1943 г., когда исход противостояния между СССР и Германией уже не вызывал особых сомнений. Можно сказать, что самой судьбой советский военачальник оказался в положении нападающего, а немецкий фельдмаршал был обречен превратиться в «специалиста по отступлениям».

Уровень их полководческого мастерства примерно равноценен, а вот по человеческим качествам германский фельдмаршал, запятнавший себя военными преступлениями и пустивший пулю в висок из страха перед русскими, вряд ли и близко может сравниться с генералом, который погиб в бою, но так и остался для своих соотечественников одним из «генералов Победы».

КЛЕЙСТ И ЕРЕМЕНКО: РОГАМИ ПРОТИВ ХОЗЯИНА

Трудно найти в истории полководца, который в своей жизни ни разу бы не конфликтовал со «штатскими» и, в первую очередь, с собственными верховными главнокомандующими (речь, конечно, не идет о монархах-полководцах вроде Александра Македонского или Наполеона Бонапарта). Подобные конфликты имели место и во время Второй мировой войны, когда германские фельдмаршалы отстаивали свою позицию перед фюрером, а советские военачальники возражали самому Сталину.

В числе многих полководцев, не боявшихся иметь собственное мнение, можно назвать Эвальда фон Клейста и Андрея Ивановича Еременко.

Клейст

Эвальд фон Клейст родился 8 августа 1881 г. в Браунфельсе в старинном аристократическом семействе, давшем Германии трех фельдмаршалов. На то, что Эвальд станет четвертым, его отец (школьный преподаватель), видимо, не рассчитывал, а потому возражал против желания сына вступить в армию. Юноша тем не менее проявил настойчивость и, отслужив год фаненюнкером, был произведен в первое офицерское звание.

В Военной академии Клейст получил подготовку «генштабиста», но по своей первой «специальности» числился в гусарах. Именно как гусар в 1914 г. он участвовал в битве с русскими при Танненберге, закончившейся разгромом 2-й армии генерала Самсонова. Затем его перевели на штабную работу, так что Первую мировую войну он закончил в должности начальника штаба дивизии.

В период Веймарской республики Клейст не считал нужным скрывать свои монархические взгляды. Это не мешало ему расти в чинах быстрее всех своих сверстников, и к сорока годам он уже имел звание генерал-майора. А вот отношения с пришедшими к власти нацистами у него складывались неоднозначно.

Эвальду неоднократно давали понять, что, кроме фюрера, никаких королей и императоров в Германии быть не может. Но он по-прежнему стоял на монархических позициях и в 1938 г. был отправлен в отставку. Официально увольнение мотивировалась тем, что Клейст был кавалеристом, а в условиях проводимой механизации армии все конные части подлежали расформированию. Другое дело, что большинство других офицеров благополучно переводились в танкисты, и только его одного выставили на улицу, разрешив в качестве утешения носить желтые кавалерийские погоны вместо полагающихся по новым правилам красных.

Полтора года он спокойно прожил в своем поместье, но, поскольку его профессионализм никогда не подвергался сомнениям, с началом Второй мировой войны Клейста вновь призвали на службу. В Польше возглавляемый им 22-й корпус двигался навстречу частям генерала Гудериана, причем после их соединения страна фактически оказалась рассечена надвое. С этого момента Гудериан и Клейст станут постоянными партнерами и соперниками. Так, осенью 1941 г., повторяя свой польский опыт, они вновь пробьются друг к другу, результатом чего станут разгром войск Еременко и окружение киевской группировки Красной Армии.

Однако умение действовать вместе не мешало двум военачальникам соперничать друг с другом. Эвальд в данном случае изначально занимал более выгодные позиции, поскольку именно ему во время Французской кампании Гитлер доверил командование 1-й танковой группой (а фактически — первой в мире танковой армией), в состав которой включили и корпус Гудериана. Клейст, который имел репутацию консерватора и по-прежнему предпочитал коня танку, должен был удерживать своего более молодого коллегу от опрометчивых действий, причем, как видно из

дальнейших событий, они действительно прекрасно дополнили друг друга...

Форсировав Маас, германская танковая армия пересекла Францию и, выйдя к Ла-Маншу, блокировала на побережье крупную группировку союзников. То, что британскому флоту все-таки удалось провести эвакуацию из Дюнкерка, объясняется умышленным бездействием Гитлера, очень желавшего склонить англичан к миру. Однако подавляющее большинство западных историков признают, что отдай фюрер соответствующий приказ — и «панцерваффе» быстро покончили бы с окруженным противником...

За свои победы во Франции Эвальд был произведен в генерал-полковники, после чего отправился на Балканы, где Гитлер собирался устроить «показательную порку» грекам, обидевшим его лучшего друга Муссолини. Однако вместо Греции 1-й танковой группе пришлось заняться Югославией. 27 марта 1941 г. к власти в этой стране пришло антинемецкое правительство Симовича, а уже через 17 дней, высунувшись из башни своего танка, Клейст ехал по притихшим улицам Белграда. Это был его третий (после Польши и Франции) «блицкриг», а впереди уже маячил четвертый — в России...

Начало Восточной кампании складывалось для Клейста вполне успешно. Не доходя до Днепра, его танковая группа повернула на юг и, соединившись с 17-й армией генерала Штюльпнагеля, устроила советским войскам первый за всю войну крупный котел под Уманью (в плен попали более 100 тыс. человек). Затем, уже переправившись на восточный берег Днепра, Клейст создал мощный «кулак» и развернул наступление на Ромны. Результатом стал самый крупный за всю Вторую мировую войну котел под Киевом (667 тыс. пленных).

1-я танковая группа уже официально была переименована в 1-ю танковую армию и направилась к Ростову-на-Дону «штурмовать ворота Кавказа». Но здесь наши войска нанесли успешный контрудар, после чего, ссылаясь на нехватку горючего и зимние морозы, немцам пришлось откатить обратно.

Собственно, приказ об отступлении Клейст отдал на свой страх и риск, прямо нарушив запрет Гитлера. Однако его прямой начальник — фельдмаршал Руншtedт — взял всю ответственность на себя, сполна получив порцию «высочайшего гнева».

Взяв в мае–июне 1942 г. реванш под Харьковом, 1-я танковая армия вновь развернула наступление на Кавказ и 8 августа овладела Майкопом. Хотя город был полностью разрушен отступающими советскими частями, но все-таки немцы впервые овладели крупным советским нефтеносным районом. Далее были Грозный, Баку, а в перспективе — выход к нефтяным приискам Ирана и Ближнего Востока.

Для вермахта, который, в сущности, вел войну на одной только румынской нефти, подобный оборот событий означал окончательное разрешение проблем с топливом. Кроме того, появлялась реальная возможность разжечь антианглийское восстание в Азии. Не случайно рядом с солдатами 1-й танковой группы маршировали и бойцы так называемого Арабского легиона, состоявшего главным образом из мусульман Индии и Ближнего Востока.

Но если Арабский легион был детищем самого Гитлера, то именно Клейст начал создавать формирования из «угнетенных русскими народов Кавказа» — чеченцев, карачаевцев, осетин, кабардинцев, ингушей и т. д. Кроме того, в свой штаб он взял бывшего германского военного атташе в Москве генерала Нидермайера, который сформировал и возглавил 162-ю дивизию, состоявшую из уроженцев закавказских и среднеазиатских республик.

Почти все исследователи отмечают, что в районах расположения войск Клейста оккупационный режим был самым мягким, а игра на национальных противоречиях — самой тонкой. Отчасти это объяснялось личными пристрастиями германского военачальника. Так, будучи профессиональным кавалеристом, он буквально преклонялся перед казаками, оказывая им особое покровительство. Но, в первую очередь, «гуманизм» Клейста объяснялся чисто прагматическими соображениями. Не случайно в своем дневнике он записал: «Эти обширные пространства угне-

тают меня. А эти бесчисленные людские орды! Если мы не перетянем их на свою сторону, то погибнем».

В любом случае мягкая оккупационная политика Клейста ничего не изменила в ходе всей Второй мировой войны, отчасти по причине несознательности самих «орд», а прежде всего потому, что она была не более чем частным экспериментом. К тому же испортилась и общая обстановка на фронте.

Еще в августе 1942 г. горные егеря водрузили флаг Рейха на Эльбрусе, а германские танковые части дошли до Моздока. Однако уже в сентябре группа армий «А» фельдмаршала Листа основательно завязла на Кавказе. Чтобы ускорить события, Гитлер сам принял командование этими войсками, но через два месяца, поскольку никаких изменений к лучшему не произошло, посадил на свое место Клейста.

Сразу же после Сталинграда опытный вояка понял, что с Кавказа надо уносить ноги. Фюрер, как обычно, настаивал на том, чтобы не отдавать ни пяди, и Клейсту пришлось проявить завидную настойчивость. В конце концов одна часть его войск (1-я танковая армия) выскользнула из ловушки буквально в последний момент, перейдя через Дон и успев взорвать переправы. Другая часть войск (17-я армия) отошла на Кубань и закрепилась на так называемой Голубой линии.

Сумев продержаться здесь с февраля по сентябрь 1943 г., Клейст получил звание фельдмаршала. Советским войскам на этом участке удалось добиться лишь одного частного успеха, захватив при помощи морского десанта небольшой плацдарм в районе Новороссийска (так называемую Малую землю). И только к осени, когда Гитлер окончательно примирился с потерей Кавказа, войска с Голубой линии были эвакуированы в Крым, а сам Клейст сосредоточился на удержании обороны по Южному Бугу.

Весной 1944 г. во время очередного советского наступления Клейст прямо нарушил приказ Гитлера и отвел свои войска к Днестру, заявив: «Кто-то должен сложить голову на плахе». С. Митчем писал: «Это была последняя капля. Клейст вызывал раздражение фюрера своими настойчивы-

ми призывами к эвакуации Крыма; своим отношением к “недочеловекам”; своими промонархическими взглядами».

30 марта 1944 г., вручив Клейсту и Манштейну мечи к Рыцарским крестам с дубовыми листьями, Гитлер заявил, что отправляет их обоих в отставку. По его мнению, для специалистов по наступательным действиям в ближайшее время работы не предвидится, и на Восточный фронт следовало направить военачальников, которые «могли бы заставить свои войска держаться до последней возможности».

Клейст поселился в Силезии в своем поместье, которое он взорвал при приближении Красной Армии. Отправившись на Запад, он был арестован союзниками и в 1946 г. выдан югославам, которые приговорили его к 15-летнему тюремному заключению. Югославы в свою очередь передали его Советскому Союзу. Здесь Клейста обвинили в ведении подрывной работы среди населения и промытарили по тюрьмам вплоть до самой смерти, последовавшей 15 октября 1954 г. Как ни парадоксально, военачальник, чей предок-фельдмаршал сражался с русскими против Наполеона, оказался единственным германским фельдмаршалом, скончавшимся в плену у потомков тех же самых русских.

Еременко

Андрей Иванович Еременко родился 2 октября 1892 г. в селе Марковка Донецкой губернии в семье крестьянина. Мать его рано овдовела, и воспитывавшемуся без отца мальчику пришлось бросить церковно-приходское училище, поступив в услужение к местному купчишке.

В 20 лет Андрей ушел в армию, где и находился к началу войны с Германией. В первом же бою он заменил раненого командира взвода, но вскоре был сам ранен и оказался в госпитале. Выздоровев, Еременко сражался против австрийцев и дослужился до командира взвода.

В период между Февральской и Октябрьской революциями лихой кавалерист вошел в состав полкового комитета, а после демобилизации уехал в родную деревню. Впрочем, мирной жизни у него здесь не получилось.

В Донбассе развернулась борьба против немцев и украинских «самостийников», в которой Еременко принял самое активное участие. Сформировав довольно крупный партизанский отряд, он прошелся по тылам «гетманцев» и в конце 1918 г. присоединился к 14-й кавалерийской дивизии Пархоменко.

Следует отметить, что это соединение имело репутацию едва ли не самой лихой, но одновременно и самой недисциплинированной дивизии 1-й Конной армии, что, конечно же, наложило определенный отпечаток на личность Андрея Ивановича.

Почти все командиры-конармейцы имели одни и те же сильные и слабые стороны. С одной стороны, они были смелы, энергичны, не гнулись перед начальством, с другой — слабовато разбирались в стратегии и явно недооценивали значение техники. Однако после Гражданской войны именно такие рубаки оказались на гребне, поскольку должность наркома обороны СССР занял бывший комиссар 1-й Конной Климент Ворошилов.

Из сказанного, впрочем, не следует, что Еременко вовсе не знал военной теории. В 1920–1930-х гг. ему довелось поучиться и на Высших кавалерийских курсах, и в Военно-политической академии и, наконец, в Военной академии им. Фрунзе. В 1935 г. он даже поучаствовал в потрясших воображение иностранных наблюдателей маневрах Харьковского и Киевского военных округов, во время которых впервые отрабатывались крупные наступательные операции с использованием бронетехники, авиации и воздушных десантов.

И все-таки, по сути, Андрей Иванович оставался все тем же лихим рубакой. В 1939 г., будучи командиром корпуса, он участвовал в «освобождении» Западной Белоруссии и с такой ретивостью несся вперед, что всего за три дня ухитрился дважды побывать в плену у поляков. Хорошо, что поляки почти не оказывали сопротивления, и подчиненные оба раза отбивали командира обратно.

О том, что именно представляет из себя война в современных условиях, Андрей Иванович задумался только после того, как в декабре 1940 г. побывал на совещании, на

котором подводили итоги не слишком удачного конфликта с Финляндией. Еременко из услышанного сделал необходимые выводы, благодаря чему и сумел удержаться в обойме высшего генералитета Красной Армии...

Известие о начале Отечественной войны застало его на Дальнем Востоке, где он командовал 1-й Краснознаменной армией. Прибыв по срочному вызову в Москву, Андрей Иванович принял командование Западным фронтом, сменив в этой должности расстрелянного чуть позже генерала Павлова.

Чтобы хоть как-то сдержать германские танки, Еременко приказал использовать широко применяемое финнами изобретение — бутылки с зажигательной смесью (финны называли их «коктейлем для Молотова», а в русском варианте они превратились в «коктейль Молотова»). Затем прибыл новый командующий — маршал Тимошенко, при котором Андрей Иванович остался в роли первого заместителя.

После проведенного ими Смоленского сражения германское наступление на центральном участке было приостановлено. Однако танковая группа Гудериана уже готовилась нанести удар в тыл смежному Юго-Западному фронту. В Москве вовремя разглядели эту угрозу и, чтобы прикрыть опасное направление, решили создать новый Брянский фронт во главе с Еременко.

Перед назначением Андрею Ивановичу устроили своеобразные смотрины, во время которых присутствовали все члены Комитета обороны. Еременко, по воспоминаниям Василевского, «держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Да, сказал он, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но бить его, конечно, можно, а порою и не так-то сложно. Надо лишь уметь это делать». Вождю такие речи понравились, и после того как Андрей Иванович вышел из кабинета, товарищ Сталин констатировал: «Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях»...

Увы, данное Еременко обещание «разбить подлца Гудериана» так и осталось невыполненным. 2-й танковой

группе удалось не только соединиться с танкистами Клейста, но и потрепать Брянский фронт, овладев Орлом, Брянском, Мценском.

Поняв, что за обещание придется ответить, Еременко постоянно находился на передовой, не раз подвергая свою жизнь смертельной опасности. Ему даже удалось нанести контрудар, выбив врага из Мценска, однако 13 октября 1941 г. Андрей Иванович был тяжело ранен и эвакуирован в Центральный военный госпиталь. Буквально через день здесь его посетил Сталин, отечески пожуривший за небрежное к себе отношение.

В отличие от Павлова, Еременко не расстреляли, а дали шанс искупить вину в качестве командующего 4-й ударной армией. Успешное наступление на Торопец, вкупе с еще одним героическим ранением, позволили Андрею Ивановичу выйти на прежний уровень. Летом 1942 г. он уже возглавлял части Юго-Восточного (впоследствии Сталинградского) фронта, выдержавшего главную тяжесть Сталинградской битвы.

Именно тогда Андрей Иванович близко сошелся с еще одним будущим вождем — Никитой Хрущевым. Были они почти земляками (полурусскими-полуукраинцами) и к тому же обладали сходными темпераментами. Не удивительно, что впоследствии каждый из них будет рекламировать другого как главного героя Сталинграда. На самом деле вклад Еременко в победу на Волге был не больше, нежели вклад Чуйкова, Рокоссовского, Ватутина. Не больше, но и не меньше...

Именно его войскам довелось остановить наступление Гота, пытавшегося прорваться к окруженной армии Паулюса. Когда эта задача была выполнена, части Сталинградского фронта перенацелились на другое направление, что вызвало ярые протесты Андрея Ивановича. Товарищ Сталин, как мог, его успокаивал: «Чего вы волнуетесь, вы в Сталинградской битве сыграли главную роль... Мы на вас возлагаем более важную задачу: ударом на Ростов отрезать Кавказскую группировку противника».

Однако и добивать Паулюса, и отрезать Кавказскую группировку пришлось без Еременко. В конце января 1943 г. у него открылись старые раны, и он отправился в Цхалтубо на лечение. После выздоровления Андрей Иванович стал командующим Калининским фронтом и именно к нему Сталин совершил свою единственную за всю войну фронтовую поездку.

В связи с этим визитом Андрей Иванович сделал в своем дневнике следующую любопытную запись: «Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии. Вот почему он, прежде чем начать заслушивать план предстоящей операции, перевел разговор на тему о кадрах, чтобы прошупать меня... В ходе этого разговора товарищ Сталин неоднократно говорил о многих генералах, которые были освобождены из мест заключения перед самой войной и хорошо воевали. “А кто виноват, — робко задал я вопрос Сталину, — что эти бедные, ни в чем не повинные люди были посажены?” — “Кто, кто... — раздраженно бросил Сталин. — Те, кто давал санкции на их арест, те, кто стоял тогда во главе армии”. И тут же назвал товарищей Ворошилова, Буденного, Тимошенко». Заметим, что все это писалось в январе 1943 г. Невольно приходишь к выводу, что Андрей Иванович не очень-то трепетал перед «хозяином»...

И все же способность Еременко откровенно высказывать свои мысли отнюдь не означает, что в чисто военных вопросах он сам всегда стоял на правильной точке зрения. Во всяком случае, и в дальнейшей карьере Андрея Ивановича блестящие победы по-прежнему перемежались с неудачами.

Так, вовсе не идеальными следует признать проведенные им Духовщенско-Демидовскую и Невельскую операции. Затем были освобождение Крыма, взятие Риги и долгое топтание перед Курляндским плацдармом.

Последней крупной операцией Еременко стала Моравско-Оставская (март 1945 г.). Здесь возглавляемый им 4-й Украинский фронт долго не мог добиться успеха, и только после перенесения главного удара на левый фланг

неприятеля наши войска смогли выйти к центральной части Чехословакии.

Именно в Чехословакии Еременко и встретил известие о капитуляции Германии. После войны он командовал войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского, Северо-Кавказского военных округов и в 1955 г. получил звание маршала Советского Союза.

Хрущев, придя к власти, покровительствовал Еременко больше, нежели кому-либо другому из известных военачальников. Но все изменилось в 1960 г. после заседания Совета обороны, на котором многие наши маршалы в резкой форме раскритиковали проводимую Никитой Сергеевичем политику сокращения армии. Реплики Еременко оказались, пожалуй, наиболее язвительными: «Я в Великую Отечественную войну восемью фронтами командовал. Был тяжело ранен. Ты не дави меня. Не иди на меня рогами. Бо с рогами пойдешь — от рогов получишь тэж рога... Рано, рано, и еще раз кажу, рано сокращать Вооруженные Силы».

После таких речей Андрея Ивановича отправили в отставку. Как ни парадоксально, человек, который безнаказанно возражал самому Сталину, вылетел в отставку именно после того, как рискнул возразить одному из самых либеральных советских руководителей.

Скончался маршал Еременко в ноябре 1970 г. и был похоронен в Москве на Красной площади.

Многие полководцы Второй мировой войны были склонны возлагать ответственность за проигранные ими сражения на Гитлера и Сталина. А вот победы они, разумеется, приписывали исключительно собственному гению. Примеры Клейста и Еременко показывают, что отнюдь не всегда все было так однозначно. Другое дело, что в условиях тоталитарного государства сама по себе способность отстаивать собственное мнение порой была сродни подвигу. Хотя в большинстве случаев рисковали они все-таки не столько своими жизнями, сколько карьерами.

ДИТРИХ ПРОТИВ МАЛИНОВСКОГО: ГОРШОК С ОРДЕНАМИ

13 февраля 1945 г. войска маршала Родиона Яковлевича Малиновского окончательно овладели Будапештом. Пытаясь отбить венгерскую столицу, немцы бросили в бой отборные части под командованием Йозефа Дитриха. Однако последнее в истории Второй мировой войны наступление вермахта закончилось неудачей. Разгневанный Гитлер приказал лишить эсэсовские дивизии специальных нарукавных повязок. Узнав об этом, Дитрих сложил свои ордена в туалетный горшок, перевязал его лентой дивизии «Гетц фон Берлихинген» и все это отослал фюреру. Смысл данного жеста был совершенно понятен: Гитлер, конечно же, читал драму Гете «Гетц фон Берлихинген» и прекрасно знал, что самой известной крылатой фразой из этой пьесы была реплика главного героя: «Поцелуй меня в задницу!».

Карьера 1. Дитрих

Йозеф Дитрих родился 28 мая 1892 г. в деревне Хаванген в Баварии. В отличие от отца мальчик не желал быть мясником, но и учиться ему тоже не хотелось. После окончания средней школы на свои скромные сбережения он отправился путешествовать по Европе, а в тех случаях, когда деньги заканчивались, подрабатывал швейцаром и официантом в различных гостиницах.

«Косить» от армии Йозеф не собирался и, как только пришло время призыва, сразу же вернулся в Германию. Успев отслужить всего полгода, он свалился с лошади и был демобилизован по инвалидности. Тем не менее с началом Первой мировой войны требования медицинской

комиссии несколько смягчились, и Дитрих отправился на фронт добровольцем.

Трижды он был ранен и попадал в госпитали, но всякий раз возвращался на передовую. В 1917 г., после очередной отлежки, Йозеф получил направление в одну из первых в немецкой армии танковых частей, что в значительной степени и предопределило его дальнейшую карьеру. Правда, после разгрома Германии еще только начавшие создаваться «панцерваффе» были расформированы. Дитрих тем не менее успел повоевать и в 1919 г.: в рядах так называемого Добровольческого корпуса он сражался против поляков, пытавшихся отобрать у немцев Силезию. Часть области удалось отстоять, но в 1920 г. Добровольческий корпус также расформировали, и Йозеф устроился в Баварскую земельную полицию.

Подобно многим другим ветеранам наш герой тяжело переживал поражение Германии. Будучи членом ультраправого союза «Оберланд», он вместе с нацистами участвовал в «Пивном путче», что, разумеется, было абсолютно несовместимо со службой в полиции. В 1924 г. Дитриха уволили из «органов», и в течение последующих пяти лет он успел поработать продавцом сигарет, служащим на бензоколонке, официантом и т. д. Именно в этот период своей жизни Йозеф вступил в НСДАП, где довольно быстро стал заметной фигурой. Чтобы не путать с другим видным нацистским деятелем, ему придумали прозвище — Зепп, под которым он и вошел в историю.

Стройный, физически сильный, немного туповатый, но уже не раз успевший пролить свою кровь за Германию, Йозеф Дитрих в глазах Гитлера был идеальным представителем «расы господ» — истинных арийцев. Фюрер сделал его сначала своим шофером и телохранителем, а затем, когда нацисты вышли на общегерманскую арену, поручил сформировать специальное подразделение личной охраны. После прихода Гитлера к власти отряд стал называться «Особым соединением “Берлин”», а чуть позже был переименован в «Лейбштандарт “Адольф Гитлер”».

В 1934 г. «лейб-гвардейцы» приняли участие в «Ночи длинных ножей», причем Дитрих лично расстреливал командиров штурмовиков до тех пор, пока его не вытошнило. Гитлер после этого эпизода еще больше уверился в его преданности, и, хотя номинально «Лейбштандарт» входил в состав СС Гиммлера, Зепп, на правах старого товарища, всегда имел возможность апеллировать к самому фюреру.

Для поддержания соответствующего профессионального уровня Дитрих прогнал своих подчиненных через все без исключения военные кампании — начиная от бескровного занятия Саарской области (1935 год) и кончая вторжением в Россию. Его люди везде демонстрировали отличные боевые качества, и после разгрома Франции «Лейбштандарт» был развернут в моторизованную бригаду.

Что касается Зеппа, то он имел репутацию энергичного, но малообразованного командира, а его начальник штаба жаловался, что однажды полтора часа пытался разъяснить своему шефу обстановку при помощи штабной карты. «Это было совершенно бесполезно. Он совершенно ничего не понимал».

Подобная безграмотность не мешала Дитриху быть хорошим командиром-практиком, который вполне удачно перекладывал все «теоретические» вопросы на плечи штабных работников.

Карьера 2. Малиновский

Родион Яковлевич Малиновский родился в 1898 г. в Одессе. Еще в раннем детстве он лишился отца, так что все заботы о ребенке легли на мать, которая работала кухаркой в земской школе. Получив начальное образование, Родион, благодаря протекции дяди, устроился мальчиком на побегушках в галантерейную лавку. Здесь ему не понравилось, и в 1914 г. под влиянием патриотического порыва юноша решил пойти в армию. Однако до призывного возраста ему не хватало два года, и тогда Малиновский попросту запрыгнул в один из иду-

щих к фронту эшелонов. Гнать его не стали и, слегка подправив дату рождения, зачислили пулеметчиком в пехоту.

В 1916 г. в составе Русского экспедиционного корпуса Родион отправился во Францию. Вскоре пришло известие о революции, и товарищи избрали его председателем солдатского комитета пулеметной команды. Впоследствии Малиновский рассказывал, что уже тогда он сочувствовал большевикам и активно выступал против «развязанной империалистами мировой бойни». Касаясь же знаменитого восстания в Ла-Куртин, Родион Яковлевич изображал себя чуть ли не главным организатором этого революционного выступления. Однако в отличие от многих своих товарищей он вовсе не погиб при подавлении мятежа французскими войсками и даже не подвергся судебному преследованию. В том же 1917 г. Малиновский дважды был ранен в боях с немцами, что вроде бы не свидетельствует о его желании «воткнуть штыки в землю». Более того, после расформирования Русского экспедиционного корпуса он вместе с теми, кто выступал за «верность союзническому долгу», записался в так называемый легион чести.

Но вот война закончилась, и теперь перед Малиновским встал выбор: остаться во Франции или вернуться в Россию? В августе 1919 г. Родион вместе с несколькими товарищами сошел с парохода во Владивостоке. На перекладных друзья добрались до Иртыша и, перейдя линию фронта, присоединились к красным. Любопытно, что Малиновского с его французскими медалями и французским военным билетом поначалу хотели расстрелять, но потом все-таки пощадили и зачислили в полк пулеметчиком.

В 1920–1923 гг. на Дальнем Востоке Родион Яковлевич участвовал в последних боях с белыми и постепенно дошел до должности командира взвода. В служебной характеристике того времени отмечается, что он «обладает твердой командирской волей и энергией, дисциплинирован и решителен в своих действиях. С твердостью и

строгостью по отношению к подчиненным умело совмещает элемент товарищеского подхода и выдержанности. Военного образования не имеет, является в этой области талантом-самоучкой. Благодаря своему упорству и настойчивости путем самоподготовки приобрел необходимые знания в военном деле». Чтобы ликвидировать пробелы в образовании, Малиновского командировали в Военную академию им. Фрунзе, которую он благополучно закончил (1930 год). Поработав на штабных должностях, Родион Яковлевич отправился в Испанию военным советником.

На Пиренеях, под именем полковника Малино, он участвовал в обороне Мадрида и боях на Хараме, разрабатывал Брунетскую операцию. В СССР в это время полным ходом шла «большая чистка», жертвами которой стали в том числе и многие «добровольцы-интернационалисты». После того как Малино вернулся на родину (май 1938 г.), органы им тоже интересовались, но здесь во главе наркомата обороны встал С. К. Тимошенко, у которого он когда-то служил начальником штаба. Родион Яковлевич снова пошел в гору и в начале 1941 г. принял командование только что сформированным 48-м стрелковым корпусом. Отечественную войну он встретил на реке Прут, сражаясь против частей группы армий «Юг» фельдмаршала Рунштедта.

1941-й. От Прута до Ростова

На юге Красная Армия располагала самой мощной войсковой группировкой, так что продвижение немцев и их союзников было здесь наименее значительным. Однако в августе 1941 г. приоритеты германского командования несколько изменились. Рунштедт получил дополнительные резервы, а действовавший в авангарде наступления «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» вышел на территории, прилегающие к Крымскому полуострову.

Именно тогда отступавшие из Молдавии части Малиновского угодили в окружение в районе Николаева. Выр-

ваться удалось буквально чудом, после чего корпус в течение трех недель держал линию фронта в районе Днепропетровска. В конце концов немцы решили не прорываться на этом участке и перебросили свои силы южнее, туда, где эсэсовские дивизии одерживали все новые победы.

В начале октября 1941 г., овладев Запорожьем, Дитрих взял курс на берега Дона. Остановить его удалось лишь на подступах к Ростову, где держали оборону войска Южного фронта. Возглавляемые им эсэсовские части 21 ноября все-таки заняли город, но уже через восемь дней Ростов-на-Дону был освобожден советскими войсками. Это была первая наша крупная победа, несколько затерявшаяся в тени шедшей полным ходом Московской битвы...

Гитлер был настолько травмирован случившимся, что немедленно снял Рунштедта с поста командующего группой «Юг». Аналогичная судьба едва не постигла другого видного германского военачальника — командующего 1-й танковой армией фон Клейста.

В момент, когда в Берлине полным ходом шел разбор полетов, перед фюрером предстал его любимец Йозеф Дитрих. С солдатской прямоотой он объявил Гитлеру, что тот сам виновен в поражении, поскольку не оказал вовремя помощь резервами. Перевязанная рука (с отмороженными пальцами) придавала убедительность его доводам, и Гитлер прекратил искать крайних. Клейста оставили в прежней должности, Рунштедта, немного погодя, вернули на службу, а самого Дитриха (чтобы не слишком кричал) наградили дубовыми листьями к Рыцарскому кресту (полученному еще за Французскую кампанию).

Восстановив таким образом справедливость, Дитрих вернулся на фронт, где стал свидетелем еще одной неудачи. Новый командующий Южным фронтом Малиновский нанес удар в направлении Барвенково и Лозовая. Поняв, что теперь придется думать только об обороне, командир «Лейбштандарта» отпросился на лечение и вплоть до середины 1942 г. находился в одном из берлинских госпиталей.

Дитрих. От командира корпуса до командующего армией

Вслед за своим командиром в тыл отвели и его бригаду, которая разрослась до размеров дивизии. Дитрих, в свою очередь, после выздоровления принял командование вновь сформированным 1-м танковым корпусом СС, состоявшим из 9-й танковой дивизии «Гогенштауфен», 10-й танковой дивизии «Фрундсберг», 12-й танковой дивизии «Гитлерюгенд» (формировалась из латышских добровольцев) и 17-й мотодивизии «Гетц фон Берлихинген» (формировалась из немцев).

Если среди эсэсовских дивизий самой крутой считался «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», то среди эсэсовских корпусов самым престижным был 1-й танковый. В начале 1943 г. на Украине это соединение сыграло заметную роль в операциях, благодаря которым вермахт на некоторое время вернул себе стратегическую инициативу. Однако, рассматривая корпус Дитриха в качестве последнего резерва, Гитлер пытался не использовать его без крайней необходимости. Весной 1944 г. фюрер даже перебросил это соединение во Францию для отдыха и переформирования.

В Нормандии со дня на день ожидали высадки союзников, причем даже если англо-американцы смогли бы закрепиться на побережье, то у фюрера оставалась надежда, что «отдыхавшие» здесь эсэсовские танкисты всегда смогут сбросить противника в море.

Сам Дитрих, судя по всему, не разделял эти надежды. Всей своей жизнью он был связан с нацистами, но вовсе не собирался идти на дно вместе с Рейхом. Уже после высадки союзников в беседе с одним из участников антигитлеровского заговора — фельдмаршалом Роммелем — Зепп пообещал, что в «решающий день» 1-й танковый корпус будет исполнять только его (Роммеля) приказы. Однако за трое суток до «решающего дня» (20 июля 1944 г.) тяжелораненный Роммель фактически впал в кому,

и Дитриху ничего не оставалось как «сохранять верность присяге».

То, что Зепп замешан в неудавшемся путче, так и не стало достоянием гласности. Нельзя, впрочем, исключать и другую версию: Гитлер попросту не поверил в измену своего любимца, тем более что на фронте Дитрих действительно делал все возможное, пытаясь остановить наступление союзников.

Так, в начале августа он нанес контрудар между Фалезом и Аржантаном. Казалось, судьба вновь улыбнулась немцам, но американцы подтянули резервы и взяли противника в клещи. В результате части вермахта угодили в так называемый Фалезский котел, из которого Дитрих с его корпусом едва смогли выскользнуть.

Столь же неудачно закончилось и предпринятое в декабре 1944 г. наступление в Арденнах. На сей раз Дитрих командовал 6-й танковой армией, причем действовал он гораздо менее удачно, нежели его соседи. Гитлер тем не менее по-прежнему покровительствовал своему любимцу и после того как наступление выдохлось, перебросил 6-ю армию на восток — в Венгрию.

Малиновский.

От Кавказа до Дуная

1942 год оказался, вероятно, самым тяжелым в биографии полководца. Летом немцы предприняли мощное наступление, дойдя по Волги и предгорий Кавказа. Южный фронт Малиновского был фактически разгромлен противником, а его остатки влились в состав Кавказского фронта Буденного.

Родиона Яковлевича понизили в должности, но уже в декабре он сумел полностью реабилитироваться. Возглавляемая им 2-я гвардейская армия остановила войска Манштейна, рвавшиеся на помощь окруженной армии Паулюса. Действия Малиновского в эти дни порой балансировали на грани фола. Так, во время боя под Громослав-

кой его танкам вовремя не успели подвезти горючее, а противник между тем уже ввел в дело крупные моторизованные соединения. На последнем бензине Родион Яковлевич вывел в поле все свои машины, число которых оказалось настолько значительным, что немцы так и не решились продолжать наступление. А ведь прояви враг чуть больше решительности, и вся эта обездвиженная техника запросто была бы уничтожена...

Так или иначе, но 2-й гвардейской армии удалось выстоять, а уже в феврале 1943 г. наши войска вторично выбили немцев из Ростова-на-Дону. Родион Яковлевич стал командующим Юго-Западным фронтом, во главе которого принял участие в освобождении Украины. Среди проведенных им здесь операций особо следует выделить взятие Запорожья: город был занят ночным штурмом, причем путь наступающим войскам указывали лучи танковых фар и трассирующие пулеметные очереди.

Весной 1944 г. части 2-го Украинского (бывшего Юго-Западного фронта) форсировали Южный Буг и освободили Николаев и Одессу.

Ростов-на-Дону, Запорожье, Николаев — в 1941 г. все эти города были заняты войсками Йозефа Дитриха. Теперь Малиновский шел по его маршруту, но в прямо противоположном направлении. Война приближалась к своему финалу, и пути двух военачальников неизбежно должны были пересечься.

Медаль за город Будапешт

В мае 1944 г. Родион Яковлевич сменил Конева во главе соседнего 2-го Украинского фронта. 3-й Украинский фронт принял генерал Толбухин. Войска двух соседних фронтов вместе провели Яско-Кишиневскую операцию, прямым следствием которой стало освобождение Румынии, Болгарии, Югославии.

Однако по мере продвижения с юга на север сопротивление противника постоянно нарастало. Венгрия не успела вовремя переметнуться на сторону союзников, и к вла-

сти пришли местные фашисты, решившие до последнего сохранить верность Гитлеру. Малиновский тем не менее сумел освободить треть территории страны, причем в одном из занятых городов — Дебрецене — было сформировано новое просоветское правительство Венгрии.

Однако Сталину этого было мало: он настаивал на штурме венгерской столицы. Малиновский не соглашался и выпрашивал всего пять дней для того, чтобы подтянуть резервы. После бурной дискуссии Верховный «категорически приказал» начать немедленное наступление на Будапешт, но попытка разгромить врага кавалерийским наскоком имела самые неприятные последствия.

Столкнувшись с мощной германской обороной, Малиновский и Толбухин целых полтора месяца маневрировали своими войсками, прежде чем смогли окружить 180-тысячную неприятельскую группировку. 29 декабря, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, советское командование направило к немцам двух парламентариев (венгерского капитана Штейнмеца и майора Остапенко), но они оба были расстреляны. Еще полтора месяца наши войска вели кровопролитные бои за город, потеряв около 80 тыс. убитыми. Войска генерала Пфедфер-Вильденбурга дрались до последнего, надеясь на приход обещанной Гитлером помощи...

Фюрер в эти дни буквально заиклился на идее удерживать Венгрию. Переброшенная из Бельгии армия Дитриха, с соблюдением всех правил дезинформации, скрытно выдвинулась в район озера Балатон и в январе 1945 г. пришла на помощь окруженцам. Удержать натиск эсэсовцев предстояло 3-му Украинскому фронту, а войскам Малиновского в максимально короткие сроки следовало очистить венгерскую столицу. Счет времени пошел на сутки...

Стороны обменивались ударами и контрударами, вводили в бой все новые резервы и постоянно маневрировали своими силами. В этой свистопляске Малиновский, с его академическими знаниями, действовал намного удачнее, и к началу февраля последние очаги сопротивления в Будапеште были ликвидированы. Спасать Дитриху было

уже некого, но, выполняя приказ фюрера, он по-прежнему гнал и гнал вперед свои части, в нелепой надежде отбить город обратно. Все было тщетно: отборные танковые дивизии СС были обескровлены и уже не представляли из себя серьезной боевой силы.

Гитлеру пришлось констатировать, что Венгрия потеряна, причем он даже заговорил об «исторической вине Зеппа Дитриха». Фюрер продолжал сводить все к талантам и просчетам отдельных личностей, не желая признавать, что выиграть битву за Будапешт у его любимца не было никакой возможности. Именно тогда и произошел знаменитый эпизод с орденами, сложенными в ночную вазу. Бесспорно, в другой обстановке подобная выходка закончилась бы для Зеппа печально, но на сей раз Гитлеру пришлось утереться. Сделав вид, что ничего не случилось, фюрер приказал 6-й танковой армии передислоцироваться к Вене.

Чуть позже туда же устремились и войска Малиновского, освободившие город 13 апреля. Части Дитриха практически не участвовали в обороне Вены, а сам он объяснил свое бездействие следующим замечанием: «Мы называем себя 6-й армией, потому что у нас осталось всего шесть танков». Наплевав на очередные распоряжения Гитлера, Зепп отвел свои войска на Запад и 8 мая сдался американцам.

В этот же день части 2-го Украинского фронта спешили на помощь восставшей Праге, куда и вступили утром 9 мая 1945 г.

Эпилог. Ордена в горшке и на подушечках

После войны Дитрих предстал перед судом военного трибунала и был осужден к 25 годам за соучастие в расправе над несколькими десятками американских военнопленных, захваченных в Арденнах. Правда, уже через несколько месяцев Зепп вышел на свободу, после того как

было доказано, что он и близко не знал о совершенном преступлении. На этом его судебные мытарства не закончились: в 1957 г. Дитриха осудили за убийства, совершенные во время «Ночи длинных ножей». На сей раз он просидел немногим дольше, будучи освобожден по состоянию здоровья.

Жена и сын почти не общались с Дитрихом, так что в последние годы жизни он сосредоточился на работе в Обществе взаимопомощи бывших военнослужащих войск СС (ХИАГ). В отличие от других отставных эсэсовцев Зепп практически не имел возможности щеголять наградами, поскольку все его ордена в свое время были отосланы Гитлеру в ночной вазе. Умер бывший оберстгруппенфюрер (генерал-полковник) СС Дитрих от инфаркта 21 апреля 1966 г.

Маршал Малиновский после разгрома Германии отправился на Дальний Восток, где во главе Забайкальского фронта участвовал в разгроме японской Квантунской армии. Затем он командовал войсками Дальневосточного округа, а в 1956 г. стал 1-м заместителем министра обороны СССР Г. К. Жукова. Спустя год Родион Яковлевич «подсидел» своего шефа и занял его место. Однако надежда Хрущева на то, что в лице Малиновского он получил абсолютно послушного главу военного ведомства, явно не оправдывалась. В 1964 г. Родион Яковлевич способствовал приходу Брежнева к власти, благодаря чему сохранил свое кресло. Министром обороны он оставался до самой смерти.

Скончался Малиновский 31 марта 1967 г. Во время похорон награды, которые маршал обычно носил на мундире, его подчиненные несли на алых подушечках. Можно предположить, что была среди этих наград и скромная медаль «За взятие Будапешта».

ПАНВИЦ И ПЛИЕВ: КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Благодаря большевикам казаки утратили все привилегии и едва не подверглись полному физическому уничтожению. Не удивительно, что в период Великой Отечественной войны многие «сыны Тихого Дона, Вольной Кубани и Буйного Терека» выступили против своих соотечественников, встав под знамена Третьего рейха. Как результат, и в рядах Красной Армии, и в рядах вермахта сражались люди, считавшие себя истинными наследниками казачьей славы. Вот только командовали ими не атаманы Платов или Бакланов, а персонажи несколько иного калибра.

Панвиц

Гельмут фон Панвиц родился 14 октября 1899 г. в Силезии в семье профессиональных военных. Как и отец, он избрал карьеру кавалерийского офицера и по окончании Прусского кадетского корпуса был зачислен в уланский полк императора Александра II.

Здесь следует отметить, что на протяжении всего XIX века семейства Романовых и Гогенцоллернов связывала сердечная дружба, так что сама практика присоединения германским частям имен русских императоров или, напротив, русским полкам — имен германских кайзеров считалась делом обычным. Тем не менее тот факт, что Панвиц угодил в полк, названный в честь русского царя-освободителя, был своего рода знаковым: ведь именно освобождение России он впоследствии будет называть своей главной целью и именно в России он найдет свою гибель...

Впрочем, никаких особо теплых чувств к восточному соседу будущий офицер поначалу не испытывал. Гельму-

ту было 15 лет, когда сердечная дружба кончилась, и две страны обратили оружие друг против друга. Именно тогда Панвицу присвоили лейтенантское звание и отправили на фронт, где он получил свои первые награды — Железные кресты 1-й и 2-й степени. Затем были поражение в мировой войне, революция в Германии, демобилизация и вступление в Добровольческий корпус, сражавшийся против вторгнувшихся в Силезию поляков.

В 1920 г. ситуация в Германии несколько стабилизировалась, но вписаться в новые реалии для Гельмута оказалось трудновато. В армии места ему не нашлось, хотя, как можно предположить, офицеру-монархисту не очень-то и хотелось служить чуждой ему по духу Веймарской республике.

Панвиц выбрал стезю коммерсанта и на протяжении нескольких лет работал торговым представителем различных немецких фирм в странах Восточной Европы (в первую очередь, в Венгрии и Польше). Но после захвата власти нацистами Гельмут решил вновь надеть военную форму.

Во главе разведывательного моторизованного батальона он участвовал в польской (1939) и французской кампаниях (1940). Здесь моторизованные части играли роль, которую в прошлом играла конница; именно им приходилось вести разведку, громить вражеские тылы, преследовать отступающего противника. Гельмут отлично зарекомендовал себя в подобного рода операциях и в августе 1941 г. получил Рыцарский крест за бои против русских в районе Буга и под Брестом.

Именно в этот период Панвиц впервые познакомился с отважными и ужасными казаками, легенды о которых ходили среди немцев еще со времен Фридриха Великого. Как и другие офицеры, далекие от расовых предрассудков, он решил, что Германии следует привлечь на свою сторону «сынов степей», некогда спасших Европу от наполеоновского нашествия. Впрочем, эта идея не расходилась и со взглядами самого фюрера, который считал казаков потомками древнегерманского племени готов.

Сами казаки на родство с готами не претендовали, но, пострадавшие от большевиков, зачастую встречали нем-

цев как освободителей. Так, в самом начале войны на их сторону перешел полк под командованием донского казака и бывшего конноармейца Ивана Кононова. В 1942 г., еще до подхода вермахта, был создан Штаб освобождения Дона во главе с бывшим полковником царской армии Сергеем Павловым. Несколько позже появился Штаб Добровольческих войск Кубани и Терека.

Не отставали и эмигранты, из которых были созданы три казачьих полка, воевавших против партизан Югославии. Огромное желание послужить Рейху изъявили бывшие белогвардейские генералы Петр Краснов, Андрей Шкуро и другие. Все это навело Панвица на идею создать отдельное казачье войско. Получив «добро», в сентябре 1942 г. он отправился в поездку по югу России.

В самом начале своей миссии Панвиц столкнулся с огромным количеством трудностей. Многие немецкие командиры уже создали отдельные казачьи части, но и Гитлер, и Гиммлер боялись, что, объединившись, эти формирования станут силой, которая попытается выдвинуть свою собственную программу. Собственно, такая программа уже существовала и заключалась она в создании некоего казачьего государства («Казаккии»), союзного нацистской Германии. Впрочем, довольно громко звучали и голоса тех, кто выступал за возрождение единой России, что, разумеется, никак не входило в планы Гитлера и его компании.

Так или иначе, но, вместо того чтобы работать с казаками, в декабре 1942 г. Панвицу пришлось принять командование германо-румынской конно-механизированной группой, брошенной на самый угрожаемый участок фронта. Здесь он сумел закрыть брешь в обороне и получил к своему Рыцарскому кресту дубовые листья.

Кризис германской военной мощи, вызванный поражениями под Сталинградом и Курском, вынудил нацистскую верхушку более благосклонно взглянуть на идею создания казачьего войска. В ноябре 1943 г. главнокомандующий Кейтель и министр восточных территорий Розенберг выпустили декларацию, в которой казаки признавались

«особым народом», с гарантией им права «на самостоятельность». Панвиц к тому времени уже сформировал в Югославии 1-ю казачью дивизию, в которую, кроме трех эмигрантских полков, вошел полк Кононова и еще пять полков, сформированных из донских, кубанских, терских и сибирских казаков.

Панвиц стал командиром дивизии, но воевать ему пришлось не против русских, а против все тех же партизан Тито. Судя по всему, германское командование боялось, что при столкновении с соотечественниками казаки повернут оружие не в ту сторону. А вот опасность того, что они найдут взаимопонимание с югославскими коммунистами, видимо, казалась несерьезной.

Взаимопонимания здесь действительно и не могло быть. Во всяком случае, если основываться на показаниях самого Панвица, летопись его соединения включала в себя следующие «подвиги»: «В конце 1943 г. в районе Фрушка-Гора казаки 1-го кавалерийского полка повесили в деревне пять или шесть (точно не помню) крестьян. Казаки 3-го, 4-го и 6-го кавалерийских полков в этом же районе учинили массовое изнасилование югославских женщин. В декабре 1943 г. подобные же экзекуции и изнасилования были в районе города Брод (Босния). В мае 1944 г. в Хорватии, в районе южнее города Загреб, казаки 1-го полка сожгли одну деревню. Этим же полком в июне 1944 г. было совершено массовое изнасилование жителей города Метлика» и т. д. и т. п.

А Красная Армия, между тем, все ближе подбиралась к Балканам...

Осенью 1944 г. дивизия Панвица была развернута в корпус и перешла в подчинение рейхсфюрера СС Гиммлера. Между тем общее положение Германии становилось все более безнадежным, так что нацисты решили любой ценой привлечь к себе новых союзников. Тем, кто ранее выступал за казачью «самостийность», посоветовали присоединиться к Власову и возглавляемому им Комитету освобождения народов России (КОНР). В первую очередь это относилось к начальнику Управления казачьих войск

Краснову, ну, а поскольку тот проявлял строптивость, германское командование решило предложить казачеству нового лидера.

24 марта 1945 г. депутаты собравшегося в Вировитице (Хорватия) Всеказачьего съезда выступили за объединение с КОНРОм и избрали походным атаманом казачьих войск Панвица. Тот немедленно отправил телеграмму Власову: «Я искренне рад тому, что казачьи части вошли под Ваше командование. К этому всегда стремились все казаки и все командиры нашего корпуса, и только обстоятельства военного времени не давали нам возможности осуществить это раньше... Весть о том, что казачество на Всеказачьем съезде избрало меня своим Атаманом, и утверждение этого решения Германским Правительством и Комитетом освобождения народов России я встретил с великим волнением, ибо я знаю, что этим самым на меня возложена большая ответственность за судьбу казачества, которое, как и весь русский народ, дорого моему сердцу. Надеюсь, что то высокое доверие, которое оказали мне казаки, я оправдаю».

Последующие полтора месяца казаки Панвица с боями отходили на север и в конце концов оказались в Лиенце, на территории Австрии. Здесь же обосновались состоявший главным образом из детей, стариков и женщин Казачий Стан, а также несколько соединений, укомплектованных представителями северокавказских народностей.

Поскольку Лиенц должен был войти в английскую зону оккупации, все они рассчитывали воспользоваться статусом политических беженцев. Однако британцы не желали ссориться с Советским Союзом и решили рассматривать их как пособников нацистов. Около 40–50 тыс. человек, среди которых были как бывшие советские граждане, так и белоэмигранты, никогда советскими гражданами не являвшиеся, подверглись принудительной депортации.

В первую очередь англичане арестовали всех казачьих предводителей, причем в момент выдачи некоторые из них предпочли броситься с моста в реку. Еще более душераздирающие сцены разыгрывались, когда очередь дошла до

основной массы. Тысячи людей сгрудились вокруг помоста, на котором шло богослужение. Солдаты британской Палестинской бригады, среди которых было много русских евреев, силком начали затаскивать казаков в машины. Затем, чтобы разбить толпу на мелкие группы, медленным ходом двинулись танки. Боевые машины опрокинули помост со святыми дарами. И тогда начался полный апокалипсис: некоторые казаки вскрывали себе вены, а матери убивали детей, чтобы только не попасть к «Красному Молоху».

Выдаче подвергся даже кавалер ордена Бани атаман Шкуро, а вот выдавать Панвица англичане вроде бы не собирались. Тем не менее, согласно преданию, он сам вызвался разделить судьбу своих подчиненных, заявив: «Я пережил с моими казаками много радостных дней, хочу быть с ними и в тяжелое время. Мы заключили договор дружбы на жизнь и на смерть». Если это предание соответствует действительности, то в определенной степени Панвиц был человеком чести. Однако не исключено, что никакого выбора у него не было...

Так или иначе, «батяко фон Панвиц» угодил в лапы советской Фемиды и 16 января 1947 г. был повешен вместе с другими руководителями прогерманских казачьих формирований. В 1996 г., перед очередной встречей президента Ельцина с канцлером ФРГ Колем, Главная военная прокуратура реабилитировала «походного атамана» как «жертву политических репрессий», но еще через пять лет это решение отменили и вновь объявили Панвица военным преступником.

Плиев

Исса Александрович Плиев родился 25 ноября 1903 г. в селе Старый Батакоюрт в Северной Осетии. До революции многие осетины служили в Терском казачьем войске, получая за это освобождение от налогов и дополнительные земельные наделы. Но семья Плиевых не могла вырваться из бедности, так что отец мальчика решил уехать

в Канаду на заработки. В 1908 г. он погиб во время аварии на шахте, а затем, лишившись еще и матери, Исса был взят на попечение русской учительницей Елизаветой Пахомовой.

Чем именно будущий полководец занимался в Гражданскую войну, не совсем ясно. События следовали с калейдоскопической скоростью, но еще только вступающий в жизнь молодой человек вряд ли мог принимать в них заметное участие. В сущности, все, что мы знаем об этом периоде жизни Плиева, сводится к тому, что в 15 лет он закончил пятый класс Владикавказского реального училища, а спустя четыре года вступил в Красную Армию.

Советская власть еще только закреплялась на Кавказе, пытаясь играть на традиционных противоречиях между казаками и горскими народами, причем, поскольку казачество считалось «контрреволюционным классом», преимущество априори отдавалось последним. Казаков лишали гражданских прав, отбирали у них землю, выселяли, а их земля и дома отдавались представителям «бывших угнетенных народностей».

Можно сказать, что как осетин Исса был на две трети горцем и на треть казаком. И, конечно же, он был отличным кавалеристом. В 1923 г. Плиев был направлен в Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу горских национальностей. Следующими заметными вехами его карьеры стали вступление в партию (1926) и окончание Военной академии им. Фрунзе (1933).

Отслужив три года на должности начальника оперативного отделения штаба дивизии, Исса Александрович отправился советником в Монголию. Здесь он наглядно познакомился с потомками Чингис-хана — самого великого кавалерийского военачальника всех времен и народов. Однако боевую практику Плиев получил не в ходе конфликта на Халхин-Голе, а во время «освободительного похода» в Западную Белоруссию. Впрочем, и здесь дело обошлось без большой крови: возглавляемый им кавалерийский полк имел всего лишь одну незначительную стычку с поляками. Начальство тем не менее высоко оценило ус-

пехи Иссе Александровича, направив его на учебу в Москву в Академию Генерального штаба (сентябрь 1940 г.).

Сразу же после начала войны Плиев начал проситься на передовую, и хотя ему все-таки хотели дать доучиться, нехватка командных кадров к концу 1941 г. стала слишком острой. Иссе Александровичу доверили сформированную на Кубани 50-ю кавалерийскую дивизию, которая, в свою очередь, вошла в состав кавалерийской группы генерала Доватора. Здесь следует отметить, что в Красной Армии части из уроженцев казачьих областей начали создавать только в 1936 г., однако, как это видно на примере еврея Доватора или осетина Плиева, во главе их ставили отнюдь не казаков.

Впрочем, и Доватор, и Плиев оказались достойными наследниками Платова. Их действия во время Московской битвы оказались настолько удачными, что вопрос о ликвидации кавалерии как самостоятельного рода войск вплоть до конца войны уже не поднимался.

Отсюда, конечно, не следует, что роль конницы на войне не была пересмотрена. Вечная угроза со стороны авиации заставляла крупные массы всадников совершать марши в ночное время, в метель и туман, по проселочным дорогам. Возросшая огневая мощь пехоты ограничила тактическое использование кавалерии рамками пешего боя. Сближение с противником теперь производилось обычно в конном строю, но по достижении намеченного рубежа всадники спешивались и развертывались в боевой порядок. Атаки в конном строю применялись очень редко и, как правило, только в тех случаях, когда противник не успевал закрепиться на новом рубеже обороны.

Плиев был одним из тех, кто учитывал все эти нюансы. В сущности, во время Московской битвы он не только получил звание генерал-майора, но и стал «третьей шашкой Советского Союза» — после Доватора и Белова. Однако Доватор погиб еще в декабре 1941 г., а весной 1942 г., на Брянском фронте был разбит корпус Белова. Можно сказать, что соперников у Плиева не осталось, и в июле

1942 г. он уже командовал направленным под Сталинград 3-м гвардейским кавалерийским корпусом.

Это соединение участвовало в окружении армии Паулюса, но после того как кольцо замкнулось, борьба приняла позиционный характер, и необходимость в использовании больших масс конницы отпала. Иссе Александровича вызвали с фронта и через пять месяцев перевели в 5-ю танковую армию заместителем командующего.

В принципе, подобное перемещение было по тем временам делом достаточно обычным. И в СССР, и в Германии количество танковых частей росло примерно в такой же пропорции, в какой сокращалась численность конницы; кадры «перетекали» из одного рода войск в другой, и, соответственно, именно из числа командиров-кавалеристов вышло подавляющее большинство танковых военачальников.

В отличие от большинства своих коллег, которые просто пересели с коня на машину, Плиев предложил создать некий симбиоз танков и конницы — так называемые конно-механизированные группы (КМГ). Идеи Исы Александровича были учтены при проведении в 1943 г. реорганизации кавалерии. На место легких дивизий пришли более крупные соединения с более высокой огневой мощностью. Кроме того, при проведении наступательных операций стали создаваться временные конно-механизированные группы в составе одного-двух конных и одного танкового или механизированного корпуса.

В марте 1944 г. Плиеву поручили создать одну из таких КМГ на базе 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса. Кроме того, в состав конно-механизированной группы вошли 4-й гвардейский механизированный корпус и 5-я отдельная мотострелковая бригада.

Итак, Исса Александрович вновь принял командование над казаками, и с этого момента начался звездный этап его карьеры. Во время Березновато-Снегиревской операции части Плиева вошли в брешь, пробитую в неприятельской обороне войсками 8-й гвардейской армии Чуйкова (6 марта). Рванув прямо в глубокий тыл противника, к ис-

ходу вторых суток КМГ овладела крупным железнодорожным и шоссе́йным узлом — городом Новым Бугом. Ночная атака казаков была столь неожиданной, что начальник германского гарнизона, не поняв в чем дело, выругал коменданта за недопустимый шум в городе в часы, когда «господа генералы» отдыхают.

В результате 6-я немецкая армия генерала Холлидта оказалась рассечена на две части, причем южная группировка едва не попала в полное окружение. Любопытно, что свой номер эта армия получила в память погибшей под Сталинградом армии Паулюса, за которую она вроде бы должна была «рассчитаться». Сам Гитлер называл ее «армией мстителей», однако цифра «6», видимо, оказалась роковой для германского оружия. Хотя Холлидту все-таки удалось отвести свои войска за реку Южный Буг, командованию вермахта фактически заново (уже в третий раз) пришлось создавать 6-ю армию.

Менее чем через месяц конно-механизированная группа вновь совершила рейд по вражеским тылам и в завершение приняла участие в штурме Одессы, атаковав город в конном строю с развернутыми знаменами (9 апреля).

16 апреля 1944 г. Исса Александрович был награжден Звездой Героя Советского Союза, после чего вместе со своими войсками отправился на другой фронт, в Белоруссию. Правда, в лесах и болотах использование конницы было, конечно, менее масштабным, нежели в степях Северного Причерноморья. Тем не менее войско Плиева очень неплохо проявило себя и во время операции «Багратион» и при освобождении Румынии и Венгрии.

Постепенно КМГ разрослась до размеров общевойсковой армии, а приказом Сталина от 5 ноября 1944 г. за ней был закреплен статус единственной в советских вооруженных силах штатной конно-механизированной группы. Личный состав некоторых соединений комплектовался из казаков и представителей бывших кочевых народов, но национальный принцип не имел решающего значения (особенно если говорить о «механизированной» части группы).

Осенью 1944–1945 гг. КМГ приняла участие в освобождении таких крупных городов, как Дебрецен и Брно, но своеобразной вершиной полководческой карьеры Плиева стала проведенная в августе 1945 г. операция против Квантунской армии.

На сей раз в его подчинение вошли не только советские, но и монгольские части, а роль комиссара при Иссе Александровиче исполнял Цеденбал — будущий лидер социалистической Монголии. Сражаться же конно-механизированной группе пришлось не только с японцами, но и с их союзниками — войсками маньчжурского императора Пу-И и правителя Внутренней Монголии — Дэвана.

Впрочем, не менее опасным противником оказалась сама природа. При переходе через пустыню Гоби советские бойцы страдали от зноя и жажды. Неприятельские диверсанты отравляли колодцы, и, чтобы помешать им, Плиев заранее высылал вперед «летучие отряды». Кроме того, воду везли с собой во всех возможных емкостях, начиная от фляг и кончая надувными саперными лодками. Зато наша конница отыгралась, выйдя в тыл вражеской обороны. Взятые с минимальными потерями города, десятки тысяч пленных и огромное количество трофейного оружия сполна компенсировали перенесенные испытания.

Исса Александрович второй раз стал Героем Советского Союза, а чуть позже и героем Монгольской Народной Республики. Правда, для дальнейшего продвижения наверх Плиеву не хватало теоретических знаний, и тогда он отправился доучиваться в Академию Генштаба, после которой окончил еще и Высшие Академические курсы.

В дальнейшем Исса Александрович командовал армией, был первым заместителем, а затем и командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. По роковому стечению обстоятельств, именно Плиеву в 1962 г. пришлось подавлять выступление рабочих в бывшей донской столице Новочеркасске, причем, судя по опубликованным в последнее время материалам, решить эту задачу он мог бы и меньшей кровью.

Советское руководство тем не менее оценило его решительность, и в том же году Иссе Александровичу поручили руководить операцией «Анадьрь» по высадке и развертыванию советских войск на Кубе. Операция, как известно, едва не привела к ядерному конфликту, но с чисто военной точки зрения спланирована и проведена она была блестяще. Плиеву присвоили звание генерала армии, а в 1968 г. его назначили на обычную для военачальников такого уровня синекуру — в Группу генеральных инспекторов министерства обороны. Скончался Исса Александрович 6 февраля 1979 г. и был похоронен во Владикавказе на Аллее Боевой славы.

«Батьку фон Панвица» трудно признать крупным кавалерийским военачальником, так как в этом качестве он воевал только с партизанами, и отметился не столько победами, сколько карательными акциями. И, сколь бы ни была трагична судьба «походного атамана», кара, постигшая его, была вполне заслуженной.

Что же касается генерала Плиева, то его успехи были более впечатляющими. Проведенные им Березновато-Снегиревская и Хингано-Мукденская операции стали блестящим эпилогом в практически уже завершенной истории военной кавалерии. Если же судить по событиям 1962 г., то Исса Александрович неплохо вписался и в новую эпоху — эпоху, когда «горячие» войны сменились войной «холодной».

ГУДЕРИАН ПРОТИВ АНТОНОВА: ОТЛИЧНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ПРОТИВ ШТАБНОГО ГЕНИЯ

Генеральный штаб принято называть «мозгом армии». Именно здесь осуществляется планирование кампаний и отдельных операций, анализируется информация и распределяются резервы.

Работа в такой структуре требует определенной подготовки, причем часто случалось, что полководцы, блиставшие на полях сражений, не очень-то подходили для штабной работы.

Гудериан

Гейнц Вильгельм Гудериан родился 17 июня 1888 г. в городе Кульме в Западной Пруссии в семье землевладельцев. Все его предки были либо помещиками, либо юристами, и лишь отец мальчика выбрал военную карьеру, дослужившись, впрочем, всего лишь до звания обер-лейтенанта.

Гейнц пошел по стопам отца и по окончании двух кадетских корпусов (для младшего и старшего возраста) вступил в армию фенрихом. Отслужив в унтер-офицерском звании положенное время, он стал обер-лейтенантом и уже в 19 лет сравнялся в чинах со своим родителем.

Поначалу Гудериан был приписан к отдельному егерскому батальону, но уже в 1913 г. молодого офицера отправили на стажировку к телеграфистам. Здесь довольно быстро выяснилось, что Гудериан неплохо разбирается в новейших изобретениях, и в дальнейшем командование пыталось использовать его технические способности.

В 1914 г. Гейнц окончил Военную академию, а в начале Первой мировой войны занимал должность начальника радиостанции на русско-германском фронте. Позже его перебросили во Францию, где он также зарекомендовал себя в качестве отличного специалиста.

Можно сказать, что по родовитости Гудериан уступал большинству кадровых офицеров, но его знания и организаторские способности были столь выдающимися, что дальнейшее продвижение по службе проходило нередко без какой-либо протекции.

К концу войны, когда поражение уже нависло над Германией, начальство отзывало в тыл наиболее перспективных офицеров, чтобы уберечь их от возможной гибели на фронте. Нечто подобное произошло и с Гудерианом: сначала его отправили на курсы Генерального штаба, а затем назначили военным представителем на оккупированной части Италии.

После капитуляции и Ноябрьской революции в Германии Гейнц вернулся на родину и, в отличие от других, оказавшихся за бортом офицеров, нашел себе место в частях пограничной стражи. Поскольку собственно армейские части фактически были распущены, именно пограничникам, да еще бойцам из всевозможных добровольческих корпусов пришлось вынести на себе всю тяжесть немецкого смутного времени. В 1918–1920 гг. ближайшие соседи явочным путем стремились оттяпать кусочки германской территории, а внутри страны местные левые пытались устроить социалистическую революцию. Часть, в которой служил Гейнц, сражалась и с внешними врагами, и с внутренними. Только в одном 1920 г. Гудериан участвовал в подавлении беспорядков в городах Хальдесхайм, Фридрихсфельд, Дессау и Биттерсфельд.

Постепенно ситуация стабилизировалась, и тогда группа офицеров приступила к созданию новой военной доктрины. Гейнц вошел в эту группу и фактически занялся строительством бронетанковых войск Германии. Так как иметь танки рейхсверу запрещалось, подготовка танкистов осуществлялась в секретной танковой школе, расположен-

ной на советской территории. Гудериан оказался одним из тридцати офицеров, закончивших курсы танкистов на объекте «Кама» под Казанью.

В Германию он вернулся вместе с начальником школы генералом Лутцем, который в 1930 г. был назначен инспектором подвижных войск рейхсвера. Гудериан занял при Лутце должность начальника штаба и продолжил работу по созданию будущих «панцерваффе». 1 апреля 1933 г., уже после прихода Гитлера к власти, он был произведен в полковники, а «подвижные» войска официально были переименованы в бронетанковые.

Фюрер демонстративно отказался соблюдать военные статьи Версальского договора, предусматривавшие ограничения для вооруженных сил Германии, и теперь ничто не мешало Гудериану вполне легально заниматься своим делом. В 1937 г. он написал книгу «Внимание! Танки!», которая до сих пор считается одной из основополагающих работ по данному вопросу.

Тем не менее, в отличие от англичанина Фуллера, Гудериан не был одним только кабинетным теоретиком и уже в 1938 г., командуя первым в Рейхе танковым корпусом, принимал участие в захвате Австрии и Судетской области. Собственно, никакого сопротивления немцам здесь не оказывалось, но на Гитлера произвела огромное впечатление стремительность, с которой «панцерваффе» продвигались вглубь вражеской территории.

Наш герой стал генерал-инспектором танковых войск вместо заподозренного в неблагонадежности Освальда Лутца. Во время Польской кампании Гудериан наконец-то опробовал новую тактику, атакуя неприятельские укрепления ударными танковыми частями при поддержке пехотных дивизий эсэсовцев. Подобная тактика хотя и приводила к значительным потерям, но зато позволяла сохранять стремительный темп наступления.

Ставка на быстроту и натиск полностью оправдала себя и во Французской кампании, причем здесь Гудериан пошел на открытый конфликт с командованием, совершив незапланированный бросок к Седану. Но победителей, как

известно, не судят, и кроме Рыцарского креста Гейнц получил звание генерал-полковника.

В начале вторжения Гудериан возглавлял танковую группу собственного имени, действовавшую в составе группы армий «Центр». Здесь его войска устроили Красной Армии несколько котлов, а после форсирования Днепра он получил к Рыцарскому кресту дубовые листья. Однако уже в августе, во время Смоленского сражения, Гудериан впервые почувствовал, насколько опасным бывает отрыв танковых частей от пехоты. Почувствовал, но должных выводов не сделал. В результате во время битвы за Москву наступил час расплаты.

В оправдание Гудериана следует сказать, что сам Гитлер подгонял его. Но после поражения никакие оправдания, разумеется, не принимались. В результате отца «панцерваффе» зачислили в резерв фюрера и вернули на службу лишь в марте 1943 г., на прежнюю должность генерал-инспектора. В условиях войны пост этот был в значительной степени номинальным, подлинное же возвращение Гудериана произошло несколько позже...

20 июля 1944 г. в Берлине произошло антигитлеровское выступление, которое едва-едва не завершилось успехом. Один из моментов, когда судьба режима висела на волоске, имел место в середине дня, когда танковая бригада заняла Фербеллинскую площадь в Берлине, причем командир части заявил, что он подчиняется только Гудериану, и пообещал, что всех, кто откажется повиниться, будет расстреливать на месте. Геббельс и все, кто руководил восстановлением порядка, растерялись и стали названивать в штаб «панцерваффе». К их огромному облегчению, выяснилось, что Гудериан намерен сохранить верность фюреру.

Не удивительно, что уже на следующий день его назначили начальником Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) — т. е. структуры, руководившей ведением всей военной кампании против России. Однако торжество, которое испытывал Гудериан, оказалось недолгим. Дело в том, что его непосредственным начальником (команду-

ющим сухопутными войсками) был сам Адольф Гитлер. Очень быстро выяснилось, что взгляды кадрового офицера и бывшего ефрейтора на способы ведения боевых действий кардинально отличаются.

Гитлер категорически отказывался санкционировать любые отходы, да и самого Гудериана назначил на этот пост, прежде всего, потому что знал его как мастера наступательной стратегии. Следует признать, что в отступлениях генерал действительно был не силен, но как профессионал-военный он прекрасно понимал, что время активных действий уже закончилось. Кроме того, ситуация осложнялась наличием так называемого Верховного командования вермахтом (ОКВ), руководители которого (Кейтель и Йодль) хотя и занимались, в основном, Западным фронтом, но периодически обращали внимание и на Восток, выступая с разными инициативами «в духе последних указаний фюрера».

Наконец, дело заключалось и в личных способностях самого Гудериана. Следует признать, что если во главе «панцерваффе» он действительно проявил себя как выдающийся военачальник, то на должности начальника Генштаба его достижения оказались намного скромнее. Гудериан слабо разбирался в вопросах обороны и планирования крупных операций, а по части кабинетных интриг и вовсе оказался сущим дилетантом.

Впрочем, немногие на его месте сделали бы больше. Союзники к тому времени уже высадились во Франции, Красная Армия завершила операцию «Багратион» и готовилась вступить на территорию Восточной Европы. Гудериану оставалось только выстраивать оборону и, по возможности, отводить войска с явно безнадежных плацдармов, которые Гитлер, вопреки очевидности, рассчитывал использовать для будущих контрнаступлений.

Именно из-за одного такого плацдарма между фюрером и начальником Генштаба и произошло самое бурное столкновение (январь 1945 г.). Гитлер упорно не желал эвакуировать войска из Курляндии, а Гудериан настаивал на том, что эти же части с гораздо большим успехом могут быть использованы для обороны Германии.

Перед совещанием генерал напился sake в японском посольстве, и спиртное, видимо, развязало ему язык, и он начал рубить правду-матку. Под конец ссоры его усы гневно топорщились, и он уже практически кричал: «Люди не должны погибать зря. Время не ждет! Нужно срочно приказать солдатам грузиться на корабли!»

Все было бессмысленно. Гитлер стоял на своем, но, когда Красная Армия все-таки вступила на территорию Германии, он обвинил в этом именно Гудериана. 28 марта 1945 г. генерала вторично и уже окончательно отравили в резерв фюрера. 10 мая 1945 г. он был взят в плен американцами, которые поспешили привлечь его к работе по обобщению опыта боевых действий «панцерваффе».

В результате Гудериан благополучно избежал судебных преследований и в дальнейшем принимал участие в создании новой германской армии — бундесвера. Уже находясь на покое и получая от правительства ФРГ довольно значительную пенсию, один из наиболее известных полководцев Второй мировой войны написал мемуары, названные скромно и без претензии — «Воспоминания солдата». Скончался Гейнц Гудериан 15 мая 1954 г. в городе Швангау в Баварии.

Антонов

Алексей Иннокентьевич Антонов родился 15 сентября 1896 г. в Гродно в семье офицера-артиллериста, служившего в местном крепостном гарнизоне. Отец скончался, когда Алексею было 11 лет, а в 1914 г. мальчик лишился матери. С ее смертью власти прекратили выплачивать пенсию, которая полагалась вдове умершего офицера, так что сироте пришлось самому думать о выживании. Он перебрался в Петроград, где, как неимущий сын офицера, бесплатно закончил гимназию. Более того, Антонов даже поступил в университет, но из-за материальных проблем бросил учебу и пошел на завод рабочим.

Впрочем, физическим трудом он занимался недолго. Шла мировая война, и Алексея призвали в армию. Бывшего студента направили в Павловское училище, которое ему пришлось заканчивать по ускоренному курсу. В конце 1916 г. прапорщик Антонов оказался на фронте. Он принимал участие в так называемом наступлении Керенского, был ранен и награжден орденом за храбрость. Но после Февральской революции армия разваливалась, и перспектива военной службы выглядела не очень-то радужной.

Желая подчеркнуть «кровную связь Антонова с революцией», биографы отмечали, что солдаты выбрали его полковым адъютантом, и именно в этом качестве он принимал участие в подавлении мятежа генерала Корнилова. Ради справедливости следует отметить, что вопрос о том, кто именно займет должность полкового адъютанта, мало интересовал солдат-выборщиков, а само подавление корниловского мятежа прошло фактически без единого выстрела.

Можно предположить, что анархия на фронте вряд ли нравилась нашему герою, однако он сам был на тот момент слишком малозначительной фигурой, чтобы пытаться хоть как-то влиять на события. В сущности, Антонову приходилось думать лишь о том, как выжить в начавшемся хаосе. Весной 1918 г. старая армия прекратила свое существование, и Алексей Иннокентьевич устроился работать в продовольственный комитет Петрограда.

Но быть чиновником прирожденному военному явно не хотелось, и в апреле 1919 г. он вступил в Красную Армию. В 1919–1920 гг. Антонов сражался против Деникина и Врангеля, а по окончании Гражданской войны продолжил службу в вооруженных силах. В 1930 г. он был направлен на командный факультет Военной академии им. Фрунзе. Вступление в партию было в то время залогом успешной карьеры. Алексей Иннокентьевич отлично понимал и в том же году стал коммунистом. Впрочем, как любой профессиональный военный, Антонов был человеком в значительной степени аполитичным. Он благопо-

лучно окончил командные курсы, затем поработал в штабе дивизии и в 1933 г. вернулся в Академию уже в качестве слушателя оперативного факультета. Обладая аналитическим складом ума, Антонов с увлечением занимался исследовательской работой, и по окончании учебы начальник факультета Г. С. Иссерсон дал ему следующую характеристику: «Отличный оперативно-штабной работник. Готов для работы в высших штабах».

Именно по штабной линии и развивалась вся дальнейшая карьера Антонова. Пройдя практику на уровне округа, он в 1936 г. поступил в только что открывшуюся Академию Генерального штаба. Начавшиеся в это же время сталинские чистки обескровили Красную Армию, и Антонов был одним из тех, кто занялся массовой подготовкой нового поколения советских офицеров.

Отечественная война застала его на должности заместителя начальника штаба Киевского военного округа. В очень короткие сроки Алексей Иннокентьевич создал на базе управления округа новый орган — штаб Южного фронта, причем эта структура не просто существовала на бумаге, но и действительно пыталась осуществлять руководство войсками. В хаосе первых недель войны подобное достижение стоило многого. Однако беда заключалась в том, что соединения Красной Армии зачастую уничтожались противником еще до того, как они успевали получить какие-либо приказы. Нечто подобное произошло и на Южном фронте. Во всяком случае, вступление Антонова в должность начальника штаба фронта практически совпало с началом разгрома наших войск под Киевом. В результате Алексей Иннокентьевич довольно долго находился не у дел и лишь в июле 1942 г. занял аналогичную должность на Северо-Кавказском (позже — Кавказском) фронте. О деятельности Антонова на этих фронтах принято говорить с большим пиететом. Но на самом деле ничего особенно выдающегося в плане стратегии здесь не происходило. В сущности, все наступление немцев на Кавказ завершилось после того, как действовавшая севернее 6-я армия угодила в котел в районе Сталинграда. Опасаясь

попасть в сходное положение, фельдмаршал Лист начал отвод своих войск, что, в свою очередь, сняло нагрузку с обороняющихся здесь частей Красной Армии.

Освободившиеся соединения перебросили на более опасные участки. Что касается Антонова, то его решили «попробовать» на должности начальника оперативного отдела Генштаба. Место это имело репутацию «проклятого». Дело заключалось в том, что генерал А. М. Василевский, сменивший заболевшего маршала Шапошникова в кресле начальника Генштаба, большую часть времени разъезжал по фронтам в качестве представителя Ставки. Собственно же штабная работа ложилась на плечи начальника оперативного отдела, причем за каких-нибудь полгода в этой роли успели побывать генералы А. И. Бодин, А. Н. Боголюбов (дважды), В. Д. Иванов, плюс «исполняющие обязанности» — П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный и Ш. Н. Гениатуллин.

Кадровая чехарда закончилась только в декабре 1942 г. с приходом Антонова. Новый «начопр» понравился Верховному, но для начала и его Сталин отправил на передовую «ознакомиться с обстановкой». С января по март 1943 г. Алексей Иннокентьевич побывал на Воронежском, Брянском и Центральном фронтах. По возвращении он сделал очень дельный и конкретный доклад, после чего подобные командировки больше не повторялись. С этого момента Василевский так и продолжал кочевать по фронтам, а вся кабинетная работа легла на плечи Антонова.

Подобная практика положительно отразилась на общем руководстве войсками. Если раньше те или иные операции носили полуимпровизированный характер, то теперь наконец-то начала налаживаться координация между фронтами. «Мозг армии» (Генштаб) действительно стал тем центром, куда скапливалась и где анализировалась поступающая с разных направлений информация. Наступательные операции теперь взаимно дополняли друг друга таким образом, чтобы переброска противником резервов с одного фронта на другой неизбежно влекла за собой удар наших войск по ослабленно-

му участку. Наиболее полно эта концепция воплотилась в серии операций, получивших название «десяти сталинских ударов».

В период с января 1944 по февраль 1945 г. Красная Армия провела десять наступлений, каждое из которых в свою очередь складывалось из менее крупных фронтовых операций. В результате были освобождены Правобережная Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика, Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, часть Польши, Словакии и Норвегии. Красная Армия научилась «бить врага не числом, а умением», если же говорить о полководческом мастерстве, то советские военачальники явно превосходили своих немецких противников.

Разумеется, слава каждой из операций (если не говорить о простом русском солдате), в первую очередь, принадлежит командующим соответствующими фронтами и армиями, но, бесспорно, что ни одна из них не была бы возможна без аналитической и организационной помощи «мозга армии»...

Можно сказать, что 1944 год оказался переломным для нашего высшего командования. Лозунг «Мы за ценой не постоим» постепенно уступал место более бережному отношению к солдатским жизням. Вражеские группировки зачастую просто блокировались и оставались в тылу наступающих. Лобовые атаки осуществлялись либо в форме стремительных танковых прорывов, либо заменялись всевозможными фланговыми и обходными маневрами. В сущности, составляет только исключение Берлинская операция, но здесь ситуация определялась стремлением любой ценой захватить столицу Рейха раньше союзников.

Алексей Иннокентьевич к этому времени уже был полноценным начальником Генерального штаба (с февраля 1945 г.). После войны Антонов участвовал в Потсдамской конференции, работая в различных комиссиях, занимавшихся решением военных вопросов. Как писал его подчиненный генерал С. М. Штеменко, он «хорошо излагал свои мысли устно и письменно, обладал даром мало говорить,

а больше слушать, что представляет несомненное достоинство при всяких переговорах».

В 1946 г. маршал Василевский вернулся в Генштаб, а Антонов стал его первым заместителем. Как ни странно, Алексей Иннокентьевич так и не получил звание маршала, зато он оказался единственным советским генералом, удостоенным высшего полководческого ордена «Победа».

Последующая карьера Антонова имела свои взлеты и падения. Некоторое время он занимал сравнительно скромные для военачальника такого уровня должности, но в разгар «холодной войны» его вновь выдвинули на авансцену и назначили начальником штаба армий стран Варшавского договора. В этой должности он и проработал до самой смерти. Скончался генерал армии Антонов 18 июня 1962 г.

И Гудериан, и Антонов возглавляли штабные структуры вооруженных сил на завершающем этапе великого противостояния. И если отличный фронтовой генерал Гудериан оказался весьма посредственным начальником Генштаба, то находившийся на аналогичном посту генерал Антонов просто идеально подходил для своей должности. Впрочем, в оправдание германского военачальника следует сказать, что руководить «мозгом армии» ему довелось в то время, когда ничего изменить уже было невозможно.

РЕДЕР ПРОТИВ КУЗНЕЦОВА: МОРСКИЕ СТРАТЕГИ

Военная мощь Германии и Советского Союза традиционно основывалась на силе их сухопутных армий. Если же говорить о флоте, то здесь бесспорное первенство принадлежало Великобритании.

Однако накануне Второй мировой войны и Гитлер, и Сталин мечтали о том, чтобы сломить английское морское владычество. Поэтому в обеих воюющих странах начали разрабатывать новые концепции развития флота. Наибольших успехов на этом поприще достигли два прославленных адмирала: в Германии — Эрих Редер, а в СССР — Николай Герасимович Кузнецов.

Редер

Эрих Редер родился 24 апреля 1876 г. в курортном местечке Вансбек в семье учителя. Поскольку отец его не был дворянином, после окончания гимназии юноша поступил в морское училище, вполне справедливо решив, что на менее престижной морской службе карьеру ему сделать будет гораздо проще.

Благодаря успехам в учебе Эрих сразу же обратил на себя внимание. В 1897 г., получив звание младшего лейтенанта, он был назначен на один из кораблей, входивших в состав своеобразной «придворной флотилии». Вскоре Редер попал в окружение брата германского императора — принца Генриха, командира Восточной эскадры. Благодаря этому «сильнейшему» покровителю Эрих быстро обогнал многих своих сверстников и к началу Первой мировой войны уже имел звание корветенкапитэна (капитана 3 ранга).

В 1914–1918 гг. Редер разрабатывал несколько крупных операций и лично участвовал в морских битвах. В Ют-

ландском бою штурманскую рубку, где он находился, разнесло на куски прямым попаданием английского снаряда. Любимец принца Генриха не пострадал, но сражение закончил уже на борту другого судна.

Будучи ярым монархистом, Редер тяжело переживал свержение кайзера и в 1920 г. вместе с другими офицерами поддержал неудачный мятеж генерала Каппа. После провала путча его выгнали из центрального бюро ВМФ, переведя на скромную должность в военно-морском архиве. Поразмыслив над своим положением, Редер перекрасился в республиканца и уже в 1924 г. в знак прощения был назначен командующим крейсерскими силами Северного моря.

В 1927 г., в ходе так называемого скандала Ломана, выяснилось, что командование Кригсмарине (ВМФ) располагало секретными фондами, которые использовались для перевооружения флота. Поскольку, в отличие от многих других адмиралов, Редер не был формально замешан в этом деле, именно его назначили новым начальником военно-морского командования.

На самом деле Редер ничего не имел против нарушений условий Версальского мира и даже разработал собственную концепцию так называемого сбалансированного флота. Суть его взглядов сводилась к тому, что Германии нужно было обладать всеми типами боевых судов, однако преимущество следовало отдавать «карманным линкорам» — легким линейным крейсерам, «которые могли уйти от любого, кто захочет их потопить, и потопить любого, кто сможет их догнать».

Эта идея показалась вполне убедительной Гитлеру, который, став канцлером, доверил решение всех вопросов, связанных с ВМФ, именно Редеру. Сам адмирал, хотя и был ревностным католиком, ничего не имел против национал-социалистов и даже оказался единственным высокопоставленным военным, от корки до корки прочитавшим «Майн кампф» фюрера.

В результате tandem Редера–Гитлера просуществовал вплоть до 1943 г. И это при том, что отношения между диктатором и его флотоводцем складывались далеко не гладко...

Адмирал так и не отдал «на съедение» ни одного из служивших во флоте офицеров-«неарийцев». Еще большее раздражение нацистов вызывала борьба Редера за нравственность своих подчиненных. Так, в 1931 г. из Кригсмарине со скандалом был уволен лейтенант Гейдрих, «чрезвычайно возмутительным способом» расторгший помолвку со своей невестой. (Впоследствии, став шефом гестапо, Гейдрих усиленно «копал» под своего бывшего начальника, но ничего не добился, поскольку компромата на безукоризненного семьянина Редера просто не существовало.) Однако наибольший резонанс вызвала другая история.

В 1938 г., едва получив высшее на флоте звание гросс-адмирала, Редер уволил со службы военно-морского адъютанта Гитлера капитана Путткамера. Причиной этого послужила женитьба Путткамера на «женщине легкого поведения». Фюрер дрался как лев за своего адъютанта, в результате чего дело едва не закончилось отставкой самого Редера. Конфликт разрешился лишь после того, как жена Путткамера убежала со своим любовником, подтвердив тем самым правоту Редера.

Однако главная причина, так сказать, непотопляемости гросс-адмирала крылась в том, что он действительно был нужен Гитлеру. Слабо разбираясь в морских вопросах, фюрер попросту не имел другой концепции развития флота, кроме той, что была предложена ему Редером. Весной 1939 г. гросс-адмирал представил свои проекты в виде так называемого плана Z, согласно которому к 1947 г. Германия должна была иметь флот, способный на равных выступить против британского. Однако война с Англией грянула не в 1947 г., а тогда же — в 1939 г.

И здесь выяснилось, что правота была не на стороне Редера, а на стороне его подчиненного — адмирала Деница, командующего подводными силами Кригсмарине. Другое дело, что выяснилось это далеко не сразу...

Прекрасно понимая, что тягаться с англичанами в открытых сражениях абсолютно бесперспективно, и Гитлер, и Редер рассчитывали взять Великобританию «измором».

Для этого следовало перерезать морские пути, связывавшие Соединенное королевство с США и своими собственными колониями. На первый взгляд, сделать это можно было как при помощи крейсеров, так и при помощи подводных лодок, которые должны были пиратствовать на торговых коммуникациях. Что же касается операций крупных эскадр, то здесь и Гитлер, и Редер предпочитали действовать очень осторожно.

Собственно, единственной за всю войну крупной стратегической операцией с участием Кригсмарине стала операция по завоеванию Норвегии («Везерюбунг-Норд»). Согласно плану, подготовленному в штабе Редера, буквально под носом у британцев немецкие транспортные суда благополучно переправили в Скандинавию крупные пехотные подразделения.

Однако далее все протекало не так гладко. Норвежские береговые батареи затопили тяжелый крейсер «Блюхер» и повредили легкий крейсер «Кенигсберг». Затем в дело вступили англичане: британская авиация добила «Кенигсберг», а британские подлодки отправили на дно легкий крейсер «Карлсруэ» и повредили «карманный» линкор «Лютцов». Но подлинная катастрофа произошла после того, как английские надводные корабли дважды напали на отряд контрадмирала Бонте в гавани Нарвика. В боях 9 и 12 апреля 1940 г. немцы потеряли 12 эсминцев, что составило более половины имеющихся у Кригсмарине судов этого класса.

Кроме того, выяснилось, что торпеды, выпущенные немецкими субмаринами, не взрывались из-за дефектов конструкции. Редера в свое время предупреждали о возможных недоработках, но гросс-адмирал попросту не обратил на это внимания. В результате весь подводный флот постиг так называемый торпедный кризис, из которого удалось выбраться только через несколько месяцев.

Впрочем, и 1941 г. не принес Редеру облегчения. В мае второй по мощности линкор Кригсмарине «Бисмарк» неосторожно вышел из своей гавани и был потоплен англичанами. Слова гросс-адмирала, сказанные им в первый

день военных действий: «Теперь флоту ничего не остается, кроме как доблестно умирать», оказались пророческими. Но сделал ли сам Редер все возможное, чтобы это пророчество не исполнилось?

Почти все тогдашние аналитики отмечали, что и по уровню подготовки личного состава, и по боевым качествам самих кораблей немцы не только не уступали, а даже превосходили британцев. Уступали они только по количеству судов, но и эту разницу вполне можно было бы компенсировать, если бы Кригсмарине обладали более совершенной организацией. Возможно, вместо того, чтобы просто копировать структуру английского флота, Редеру следовало бросить все ресурсы на строительство подводных лодок? Ведь в 1940–1942 гг. германские субмарины смогли нанести противнику такие потери, что количество потопленных английских судов едва ли не в два раза превышало количество вновь построенных. Однако к тому времени, когда Редер уяснил для себя эту возможность, британцы разработали новые, эффективные способы борьбы с подводными лодками, и вскоре соотношение потерь изменилось в прямо противоположную сторону.

Имелся у Редера и еще один шанс. Весной 1940 г. Кригсмарине успешно использовали мины новой конструкции. Но гросс-адмирал, заиклившись на своих «карманных» линкорах, вновь упустил нужный момент, дав англичанам (а затем и русским) возможность перехватить инициативу.

Уже с самого начала войны главные силы немецкого флота заняли в Балтике своеобразную круговую оборону. Последующие неудачи только утвердили Гитлера в правильности такой тактики, и в декабре 1941 г. он приказал возвратить в Германию все военные суда, действовавшие в Северной Атлантике. Благодаря невнимательности англичан эти корабли благополучно проскочили Ла-Манш, хотя Редер считал подобный прорыв самоубийственным. Разумеется, авторитет гросс-адмирала после этого пошатнулся еще более...

В сущности, единственным районом, где германские эскадры могли действовать без боязни попасться более крупным силам английского флота, были воды Северно-

го и Баренцова моря. Гавани оккупированной Норвегии служили хорошим укрытием для надводных судов Кригсмарине. И именно отсюда, из норвежских фьордов, в 1941–1943 гг. германские корабли нападали на идущие в СССР «полярные конвои» союзников.

Тем не менее и здесь Редер действовал не слишком удачно. Так, 31 декабря 1942 г. немецкая эскадра в составе «карманного» линкора «Лютцов», тяжелого крейсера «Хиппер» и 6 эсминцев неудачно атаковала караван «JW-51B». В ходе боя каждая из сторон потеряла по одному эсминцу, а «Хиппер» к тому же получил тяжелые повреждения. Весть об этом вызвала у Гитлера приступ истерики. Фюрер пообещал распилить все крупные надводные корабли, а их экипажи пересадить на подводные лодки. Редера вызвали «на ковер», и хотя в течение пяти дней он прикидывался больным, от нагоняя его это не избавило.

Встреча с Гитлером состоялась 6 января 1943 г. После бурного объяснения гросс-адмиралу не оставалось ничего иного, кроме как подать в отставку. Фюрер, внезапно смягчившись, уговаривал его остаться, однако Редер был непреклонен: слишком много ему пришлось выслушать...

В мае 1945 г. бывший командующий Кригсмарине был взят в плен советскими войсками. Потрясение оказалось столь сильным, что закончилось для Редера инфарктом. Гросс-адмирала срочно доставили в Москву и, немного подлечив, представили международному трибуналу в Нюрнберге. Здесь Редера приговорили к пожизненному заключению, но в 1955 г. освободили по состоянию здоровья. Вместе с женой он поселился в Киле, где и скончался 6 ноября 1960 г.

Кузнецов

Николай Герасимович Кузнецов родился 24 июля 1902 г. на берегах Северной Двины в деревне Медведки. В 13-летнем возрасте, потеряв отца, мальчик отправился в ближайший крупный город — Котлас, где поступил в услужение к хозяину чайной. Впрочем, мыть посуду

и возиться с пьяными посетителями ему быстро наскучило. Вскоре Николай переехал в Архангельск и устроился рассыльным в администрацию порта. Но с началом Гражданской войны в городе стало беспокойно, и тогда он решил перебраться поближе к родным местам — обратно в Котлас.

В сущности, будущий главком советского флота был тогда еще очень далек от политики, и вполне возможно, что судьба могла занести его в лагерь контрреволюции. И вот здесь-то в дело вмешался случай: встретившиеся ему на пути моряки-балтийцы совершенно потрясли крестьянского паренька своими бескозырками, тельняшками, клешами.

Летом 1919 г. Николай добровольцем поступил на Северо-Двинскую флотилию. Вместе со своей канонерской лодкой он участвовал в боях против белых и интервентов. В феврале 1920 г. (после взятия Архангельска) флотилию расформировали. Но в отношении Кузнецова командование решило, что такие, как он, созданы для морской службы.

А достоинств у него действительно было много — и сравнительно большой (для 17 лет) боевой опыт, и социальное происхождение (из крестьян), и, наконец, рост (190 см). Правда, образование Николая ограничивалось всего тремя классами церковно-приходской школы, но как раз этот недостаток устранить было проще простого.

В 1922 г., окончив специальные курсы, Кузнецов поступил в Военно-морское училище им. Фрунзе. Через три года он уже служил на крейсере «Червона Украина», сначала командиром батареи, а затем вахтенным начальником. Вскоре перспективного офицера отправили в Ленинград в Военно-морскую академию, после окончания которой он был награжден именовым пистолетом (1932). Кузнецову даже предложили хорошее место в штабе морских сил Балтики, но он предпочел вернуться обратно на Черное море.

Став старпомом на крейсере «Красный Кавказ», Николай Герасимович быстро вывел корабль из «штрафников»

в «отличники». После этого его вновь перебросили на «Червону Украину», но уже на капитанскую должность.

В 1935 г. во время учений на крейсере находился один из руководителей ВМФ — Панцержанский. Ночью ему довелось лично наблюдать за тем, как Кузнецов в сплошной темноте идеально пришвартовал свой корабль. Судя по всему, именно от Панцержанского о молодом капитане стало известно самому Сталину.

И в следующем году уже Николай Герасимович был назначен морским атташе в Испанию. На Пиренеях в это время разгоралась борьба между фашистами и республиканцами. И если фашистам оказывали поддержку Германия и Италия, то республиканцы получали помощь от Советского Союза. Кузнецову предстояло наладить контакт с морским министром доном Индой и обеспечить прием прибывающих из СССР транспортов с оружием.

В целом Николай Герасимович отлично справился с этой задачей, но его деятельность в Испании все-таки не обошлась без скандала. В мае 1937 г., чтобы отвлечь внимание от находившегося на подходе транспорта «Мегаальянес», Кузнецов предложил атаковать франкистов в порте Ивиса. На беду в гавани оказался еще и «нейтральный» германский линкор «Дойчланд», которому тоже досталось от республиканцев. «Дойчланд», в долгу не остался, что не помешало немецкой дипломатии поднять шум по поводу «ничем не спровоцированного бандитского нападения».

Тогда Кузнецова убрали с «глаз долой», но в верхах его поступок одобрили, и он получил повышение. Николай Герасимович стал командующим самым маленьким из советских флотов — Тихоокеанским.

Удивительно, но на Дальнем Востоке советские ВМФ в это время вообще не имели ни одного линкора или крейсера, хотя наши главные соперники в регионе, японцы, уже обладали одним из сильнейших флотов в мире.

Кузнецов, конечно, отставание не ликвидировал, но, по крайней мере, частично сократил разрыв по морской авиации и субмаринам. В сущности, этого было достаточно

для того, чтобы во время конфликта на Хасане (1938) советские суда обеспечили бесперебойное снабжение сражающейся Дальневосточной армии. Прервать наши коммуникации силами летчиков или подводников японцам оказалось не под силу, а использовать для этих же целей тяжелые корабли было просто бессмысленно...

Деятельность Кузнецова вызвала в Кремле полное одобрение, и весной 1939 г. его назначили наркомом военно-морского флота. Столь стремительное восхождение в значительной степени объяснялось репрессиями, выбившими других, более именитых флотоводцев. И все же бесспорно, что для того, чтобы стать министром (наркомом) в 37-летнем возрасте, следовало обладать поистине выдающимися способностями...

Разумеется, положение Кузнецова в Кремле было поначалу не слишком-то прочным. Зачастую его просто забывали приглашать на совещания, да и сам флот, по сравнению с армией, находился в СССР на положении «бедного родственника».

Тем не менее где настойчивостью, а где и хитростью Кузнецов добивался все большего внимания к своему ведомству. Так, ему, например, удалось достигнуть того, чего так и не смог добиться его военный противник гросс-адмирал Редер — создания при ВМФ собственной авиации...

Осенью 1939 г. Николаю Герасимовичу пришлось решать проблемы, связанные с началом войны в Европе. Так, в течение двух недель после начала боевых действий в Мурманске попросили разрешения войти в порт 18 судов под германским флагом. Пытаясь добраться до «бошей», рядом с Мурманском рыскали англичане, причем два британских эсминца даже заскочили в наши территориальные воды и были обстреляны советской береговой батареей.

Позже немцы попросили предоставить им морскую базу на русском севере — в губе Западная Лица. Совнарком, по совету Кузнецова, пошел на эту сделку, запросив в качестве платы недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов» и контракт на изготовление в Германии брони для новых советских линкоров.

Правда, после завоевания Норвегии надобность в морской базе у немцев отпала. Однако, чтобы получить представление об уровне германского судостроения, Николай Герасимович буквально загорелся идеей приобрести у немцев крейсер «Лютцов». И он его все-таки получил, хотя в качестве компенсации нашим морякам пришлось перебрасывать по Северному морскому пути вспомогательный германский крейсер «Комет». (Впоследствии, желая скрыть сделку, Гитлер переименовал в «Лютцов» хорошо знакомый Кузнецову линкор «Дойчланд».)

Но вполне плодотворное сотрудничество между советским ВМФ и Кригсмарине где-то с осени 1940 г. начало давать трещину. Раньше многих других наркомов Николай Герасимович почувствовал, что дело идет к войне с Германией. Еще 19 июня 1941 г., получив информацию о тревожном положении на границе, он приказал ввести на флоте «готовность №2» (базы затемнить, корабли рассредоточить). Поздним вечером 21 июня, узнав о том, что в советских портах не осталось ни одного немецкого судна, Кузнецов решил больше не медлить и ввел «готовность №1». Через пять часов, когда немецкие самолеты атаковали наши морские базы, флот отбил их с максимальным эффектом...

И все же, даже с учетом того, что главные силы Кригсмарине по-прежнему были заняты борьбой с Англией, действовать наступательно нашим морякам оказалось не под силу. Не было у них ни «карманных» линкоров, ни таких «монстров», как «Тирпиц». Плюс все наиболее удобные гавани и проливы, от Северного моря до Средиземного, также контролировались немцами и их союзниками. В сущности, Кузнецову ничего не оставалось, как занять оборону и использовать те виды оружия, по которым у русских было преимущество (минно-торпедную авиацию, минные заграждения, подводные лодки), и, наконец, жертвуя зачастую своими интересами, оказывать посильную помощь сухопутной армии.

Впоследствии, полемизируя с одним из немецких историков, Николай Герасимович отмечал, что, «по мнению

Руге, в этом сказалась... слабость нашего флота, якобы неспособного выполнять свои боевые задачи. На самом же деле в этом была сила нашего флота. В Одессе и в Севастополе, в Таллине и на Ханко моряки действовали в соответствии с общей стратегией: сражаться с врагом, где бы ни довелось — на море, в воздухе или на суше. Именно поэтому наша флотская авиация часто видела главную задачу в подавлении сухопутных объектов, оставляя в стороне чисто флотские объекты. Когда потребовалось, флоты дали сотни тысяч человек, сформировав части морской пехоты, дравшейся — и как дравшейся! — почти на всех фронтах. Такая “пассивность” нанесла гитлеровцам немалый урон».

Подводя итоги, Кузнецов доказывал, что за время войны было высажено 110 десантов (немцы провели не больше пяти подобных операций), потоплено 1300 судов противника и уничтожено 5500 вражеских самолетов. При этом, правда, Николай Герасимович не акцентировал внимание на собственных потерях и просчетах (не слишком удачный Таллинский переход и абсолютно провальная эвакуация из Севастополя). Однако в целом утверждения Кузнецова соответствовали действительности. И уж, во всяком случае, толку от его стратегии было гораздо больше, нежели от пассивности германских адмиралов, которые не желали снисходить до «задач, несвойственных флоту»...

В сентябре 1945 г. Николай Герасимович получил звание Героя Советского Союза. Тогда же в Кремле состоялось совещание, на котором рассматривалась новая кораблестроительная программа. Учитывая японский и американский опыт, Кузнецов настаивал на ускоренном строительстве авианосцев. Сталин тем не менее отдал предпочтение менее дорогостоящим проектам.

Через год Николай Герасимович оказался в опале, поводом для которой стало его выступление в защиту коллег — В. А. Алафузова, А. М. Степанова, Л. М. Галлера. Адмирал опубликовал статью, доказывающую, что парашютная торпеда, в рассекречивании которой их обви-

нили, давно уже не является тайной. В результате Кузнецова разжаловали до вице-адмирала и назначили начальником военно-морских учебных заведений. С 1948 г., вновь оказавшись на Дальнем Востоке, он служил сначала заместителем, а затем и командующим Тихоокеанским флотом.

В 1951 г. Кузнецов вернулся в Москву и вторично занял пост военно-морского министра. В 1953 г., после реорганизации военного ведомства, Николай Герасимович стал адмиралом флота Советского Союза, главнокомандующим ВМФ и первым заместителем министра обороны Жукова. С этого момента началась упорная борьба между Жуковым и Кузнецовым, отразившая в определенной степени традиционное соперничество между флотом и сухопутными силами. Победа в конечном счете осталась за Жуковым, который на тот момент был нужнее Хрущеву.

В 1956 г., после взрыва на линкоре «Новороссийск», Николая Герасимовича вторично разжаловали до вице-адмирала и отправили на пенсию (любопытно, что и сегодня многие считают, будто взрыв был организован советской военной разведкой специально для того, чтобы избавиться от Кузнецова). В дальнейшем, хотя Николай Герасимович пользовался всеми правами почетного пенсионера, советские историки предпочитали замалчивать его имя. Впрочем, среди моряков он по-прежнему был популярен, а его книги «Накануне» и «Курсом к победе» после выхода в свет вызвали, пожалуй, не меньший резонанс, нежели «Воспоминания и размышления» его главного соперника — Г. К. Жукова.

Скончался Николай Герасимович Кузнецов 6 декабря 1974 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Если английский флот намного превосходил флот Рейха, то Кригсмарине в свою очередь намного превосходили флот Страны Советов. В то же время структура советских ВМФ, да и место, которое от-

водилось им в общей стратегии, были продуманы намного лучше, чем у противника.

Гитлер и Редер все время метались между осторожностью и попытками выиграть войну силами одного флота. Подобная непоследовательность вела к новым авантюрам, распылению средств и ложным надеждам.

Сталин и Кузнецов, в свою очередь, вовремя отказались от борьбы за морское владычество. Избранная ими оборонительная стратегия помогла избежать лишних жертв и одновременно идеально соответствовала реальным возможностям флота. Ну, а тот факт, что флот, в сущности, был лишь «помощником армии», не помешал нашим морякам внести достойный вклад в разгром неприятеля.

КЕЙТЕЛЬ ПРОТИВ ЖУКОВА: МОМЕНТ ИСТИНЫ

8 мая 1945 г. в пригороде Берлина Карлхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Свидетели исторического события рассказывали, что подписывавший документ с немецкой стороны фельдмаршал Вильгельм Кейтель ни на кого не смотрел так пристально, как на советского представителя маршала Георгия Константиновича Жукова.

До этого оба военачальника никогда не встречались друг с другом, но знали они друг друга лучше, чем самые близкие приятели. На протяжении четырех лет войны ум и воля Кейтеля сталкивались с умом и волей русского полководца. И теперь для них обоих настал момент истины, момент, когда каждому должно было воздасться по заслугам.

Кейтель

Вильгельм Кейтель родился 22 сентября 1882 г. в поместье Хебльмшерод в Западном Брауншвейге в семье землевладельца. Не будучи дворянином, он, подобно предкам, мечтал жить на земле и заниматься сельским хозяйством. Однако, чтобы не дробить участок, отец решил передать его старшему сыну, Вильгельм же был младшим.

Юноше, не испытывавшему особой тяги к воинской службе, пришлось поступить в армию. В 1901 г. он стал фаненюнкером 46-го полка полевой артиллерии, а спустя год получил звание лейтенанта. Еще через семь лет Кейтель женился на дочери пивовара Лизе Фонтэн — умнице и красавице, которая только и мечтала, чтобы ее муж дослужился на генерала. Начавшаяся Первая мировая война предоставила ему шанс реализовать эти желания.

Правда, Вильгельм был только одним из многих карабкавшихся вверх молодых офицеров. Но, в отличие от многих коллег, ему посчастливилось не только блеснуть своей храбростью, но и уцелеть в этой грандиозной бойне.

Еще в 1914 г., во время кампании в Бельгии, он был ранен в руку, а после возвращения из госпиталя занял освободившееся место командира батареи. Однако в новых сражениях Вильгельм испытывал судьбу очень недолго, поскольку уже весной 1915 г. он был отозван в тыл и приписан к Генштабу.

В Берлине Кейтель познакомился и подружился с будущим военным министром Вернером фон Бломбергом. Знакомство это еще сыграет свою роль, но тогда Кейтель был всего лишь капитаном, а Бломберг — майором. Последовавший вскоре разгром Германии едва не поставил крест на карьере обоих офицеров, однако и тому и другому посчастливилось найти место в сильно сокращенном рейхсвере. Послужив на второстепенных должностях, Вильгельм был переведен в Организационное управление войск, и в 1931 г., в порядке обмена опытом, побывал в Советском Союзе.

Приход к власти нацистов обозначил тот поворот в судьбе Кейтеля, который вознес его сначала на самую вершину армейской иерархии, а несколько позже — на виселицу. Став новым главой германского правительства, Гитлер назначил военным министром фон Бломберга. Тот вспомнил о старом товарище и перевел его поближе к столице — заместителем командира квартировавшей в Потсдаме 111-й пехотной дивизии.

Любопытно, что сам Кейтель поначалу не сознавал важность тех перемен, которые происходили в его жизни. Более того, унаследовав в 1934 г., после смерти отца и старшего брата фамильное поместье, он чуть не подал в отставку и остался на службе исключительно по настоянию своей супруги. Тот факт, что через пару месяцев Вильгельма назначили командиром 22-й пехотной дивизии, казалось, полностью оправдывал принятое решение.

На самом деле его карьера только начиналась. Спустя год Бломберг предложил ему пост руководителя управ-

ления вооруженными силами, сделав тем самым Кейтеля одной из ключевых фигур в немецком Генштабе.

В 1938 г. альянс двух старых товарищей вылился в брак между сыном Кейтеля Карлом и дочерью военного министра Доротеей фон Бломберг. За первым свадебным торжеством последовало и второе, когда сам фельдмаршал фон Бломберг женился на некоей Еве Грюн, одной из своих стенографисток.

А несколько позже грянули два скандала, которые до самых основ потрясли командные структуры вермахта.

Выяснилось, что Ева Грюн имела далеко не безупречное прошлое, и Бломберг, как человек, связавший себя с «особой легкого поведения», был вынужден подать в отставку.

Следом за ним в отставку вынудили уйти и главнокомандующего сухопутными силами фон Фрича. И он, и Бломберг не устраивали Гитлера тем, что достаточно сдержанно относились к его завоевательным планам. А поскольку все высшие офицеры вермахта в той или иной степени были связаны с двумя отставниками, их отношение к происходящему, по мнению фюрера, равнялось своеобразному «тесту на лояльность».

Кейтель сдал этот «тест» на «отлично». Даже многолетняя дружба и родственные узы так и не заставили его выступить в защиту фон Бломберга. Гитлеру, видимо, понравилось подобное поведение, и, когда на базе военного министерства было создано Верховное главное командования вермахта (ОКВ), руководителем новой структуры стал именно Кейтель.

Свое ведомство он разбил на три крупных подразделения: оперативный отдел во главе с генералом Йодлем, военную разведку (абвер) во главе с адмиралом Канарисом и экономический отдел во главе с генералом Томасом. Однако сами полномочия ОКВ оказались настолько расплывчатыми, что каждому из его подразделений приходилось вести борьбу со смежными структурами: оперативному отделу — со штабами сухопутных войск (ОКХ), авиации и флота; экономическому отделу — с орга-

низацией Тодта и Управлением по пятилетнему плану; абверу — со службой безопасности (СД), которая его в конце концов и проглотила.

Вся эта борьба отнимала силы, и, если говорить о собственнo полководческой деятельности Кейтеля, то первой операцией, в планировании которой он действительно принимал участие, стала кампания против Дании и Норвегии (апрель 1940 г.).

Его личный вклад в разгром Франции оказался ничтожен, но Гитлер все-таки наградил Кейтеля званием фельдмаршала и премией в 100 тыс. рейхсмарок. Можно сказать, что со стороны фюрера это была своего рода плата за услужливость. Во всяком случае, многие коллеги уже дали начальнику ОКВ прозвище «лакейтель».

И все же один раз «лакейтель» взбунтовался. Узнав о готовящемся нападении на Россию, он подал Гитлеру меморандум, в котором доказывал всю бесперспективность подобной затеи. Ознакомившись с документом, фюрер закатил истерику, посоветовав его автору ограничиться ролью простого исполнителя. Не выдержав подобного тона, шеф ОКВ подал в отставку, но Гитлер заявил, что он сам решает, кого оставить на службе, а кого выгнать. Получив эту последнюю пощечину, фельдмаршал щелкнул каблуками и вышел. С тех пор он никогда больше не осмеливался возражать Гитлеру...

Как писал о своем начальнике генерал Варлимонт, Кейтель был «искренне убежден, что его назначение предписывало ему отождествлять себя с пожеланиями и указаниями Верховного главнокомандующего даже в тех случаях, когда он лично с ними не согласен, и честно доводить их до сведения всех нижестоящих».

Можно сказать, что поддакивание оправдывало себя до тех пор, пока стратегические указания фюрера действительно вели вермахт к победам. Так, во многом именно благодаря Кейтелю Гитлер сумел убедить других своих генералов с такими спорными, но, в конечном счете, оказавшимися верными решениями, как нанесение основного удара через Белоруссию (июнь 1941 г.) или перенос

всей тяжести борьбы с центрального на южное направление (весна 1942 г.).

Однако моменты подобных просветлений у Гитлера случались все реже. И, наоборот, все чаще он «закусывал удила», абсолютно не прислушиваясь к разумным советам. А Кейтель продолжал поддакивать, и даже пошел еще дальше: следуя указаниям фюрера о том, что «война на Востоке не может вестись обычными средствами», шеф ОКВ издавал приказы явно преступного содержания.

Все началось с подготовленного еще до нападения на СССР «приказа о комиссарах», согласно которому взятые в плен политработники Красной Армии подлежали немедленному уничтожению. С июля 1941 г. документы подобного характера начали выходить из ОКВ сотнями. Наибольшую известность приобрела инструкция, согласно которой за каждого погибшего на оккупированной территории германского солдата следовало казнить от 50 до 100 мирных жителей, а также приказ от 7 декабря 1941 г. о том, что все «лица, представляющие угрозу для безопасности Рейха, должны бесследно исчезнуть во мраке и тумане».

Однако выиграть войну при помощи подобных приказов Германии было не под силу. Уже с 1943 г. начала складываться практика, когда все штабные разработки, касающиеся Восточного фронта, делались ни в ОКВ, а в ОКХ что, конечно же, раздражало Кейтеля. В сущности, он прекрасно понимал, что его собственное влияние зависит исключительно от поддержки фюрера, и именно с ним связывал теперь все свое будущее.

Так, фельдмаршал стал одной из «теней» Гитлера. Он даже находился с ним рядом на совещании 20 июля 1944 г. и после взрыва заложенной полковником Штауфенбергом бомбы, подобно фюреру, отделался контузией.

Едва придя в себя, Кейтель бросился к Гитлеру, помог ему подняться и, придерживая за плечи, вывел из разрушенного конференц-зала. С этого дня фельдмаршал, можно сказать, кровью породнился со своим фюрером. Впрочем, в отличие от Гитлера, он не стал кончать жизнь са-

моубийством и незадолго до полного падения Берлина бежал во Фленсбург-Мюрвик — резиденцию нового канцлера Деница. Именно Кейтелю как самому высокопоставленному из находившихся там военных предстояло отправиться в Карлхорст, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Фельдмаршал во время этой церемонии сохранял полное хладнокровие и после окончания всей процедуры с удовольствием принял участие в небольшом фуршете. Шпеер писал: «Кейтель с упоением рассказывал нам, что советские генералы, которых геббельсовская пропаганда представляла какими-то презирающими обычай цивилизованных стран варварами, после этой торжественной церемонии пригласили немецкую делегацию на прием, поражавший воображение изобилием шампанского и икры. Кейтель явно не сознавал, что после совершения такого акта, означавшего крах рейха и отправку в плен миллионов немецких солдат, ему следовало просто утолить голод, но не прикасаться к шампанскому со стола победителя. Восторженный отзыв о его великодушии свидетельствовал о полном отсутствии у Кейтеля чувства собственного достоинства и вкуса».

Как выяснилось, у Кейтеля отсутствовал еще и здравый смысл, поскольку он даже не догадывался о собственной печальной участи. Во время Нюрнбергского процесса его обвинили в военных преступлениях, предъявив в качестве улики все те документы, которые он некогда с такой легкостью подмахивал. Бывший начальник ОКВ твердил, что он лишь «выполнял приказы», являясь передаточной инстанцией между фюрером и войсками. Смотрелось это очень жалко, и другой подсудимый (тот же Шпеер) обозвал его «почтальоном с министерским окладом».

На трибунал подобная линия защиты впечатления не произвела, и Кейтель оказался единственным гитлеровским фельдмаршалом, приговоренным к повешению. Казнили его вместе с девятью другими нацистскими преступниками 16 октября 1946 г.

Жуков

Георгий Константинович Жуков родился 1 декабря 1896 г. в деревне Стрелковка под Калугой в семье крестьянина. Родители мечтали видеть его «человеком» и отправили в Москву учиться скорняжному делу. Сообразительный паренек приглянулся хозяину и к восемнадцати годам он фактически уже совмещал в себе и подмастерье, и приказчика. Работать в магазине ему даже нравилось, а вот на фронт он отправился воевать не очень-то охотно.

Впрочем, солдатом Жуков оказался вполне справным. За проявленную в боях смелость его наградили двумя Георгиевскими крестами и произвели в унтер-офицеры. Сам Георгий Константинович впоследствии писал, что не скрой он сведения о своем четырехклассном образовании, то вполне мог бы стать и офицером. А с офицерскими погонами, как знать, может быть, примкнул бы во время Гражданской войны и к белым? И тогда «доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции».

Однако «если бы да кабы» не произошло: Февральскую революцию Жуков встретил, будучи «нижним чином», что и позволило ему быстро определиться с политической ориентацией. Товарищи выбрали его членом сначала эскадронного, а затем и полкового солдатского комитета. Затем было вступление в Красную Армию, бои Гражданской войны и направление на курсы краскомов.

Последовательно проходя ступень за ступенью, Жуков служил в кавалерии и командовал ротой, эскадроном, полком. В Академии Генштаба он учился вместе с Говоровым, Рокоссовским, Баграмяном.

Если же говорить о представителях старшего поколения, то с большим пиететом Жуков относился к Тухачевскому, Уборевичу, Якиру, Корку. Позже, когда все они будут казнены как «враги народа», для него это станет большим потрясением.

А вот самого Георгия Константиновича чистки практически не коснулись. Правда, в 1937 г., по явному наговору, его собирались проработать по партийной линии. Жу-

ков тут же отбил телеграмму товарищу Сталину, где просил защитить его от несправедливости. Обращение от какого-то обычного комдива настолько озадачило «отца народов», что он не только запомнил его фамилию, но и дал приказ объективно разобраться в деле.

От Георгия Константиновича не только отстали, но и начали продвигать по службе. В 1938 г. ему доверили корпус, а чуть позже назначили командующим Белорусским военным округом. Затем начался конфликт с японцами на Халхин-Голе. Решив, что возглавляющий нашу группировку комбриг Фекленко явно не справляется, Сталин направил в Монголию именно Жукова. Тот сумел измотать противника в оборонительных боях, а затем нанес сильный удар по его флангам. В результате японцы запросили перемирия, потеряв порядка 60 тыс. солдат против втрое меньших потерь Красной Армии.

Теперь фамилию способного военачальника запомнили не только в Кремле, но и за границей. Георгий Константинович стал командующим очень престижного Киевского военного округа. На совещаниях, прошедших после малоудачной «зимней кампании», он сумел обобщить и проанализировать опыт боевых действий в Европе в 1939–1940 гг. и сделал целый ряд прогнозов относительно современных наступательных операций.

Еще более интересной оказалась командно-штабная игра, прошедшая в январе 1941 г. Жуков на ней играл за «синих» (немцев) и фактически разгромил «красных» (наших), за которых играл его оппонент Д. Г. Павлов. Через полгода реальные немцы примерно также будут громить реальных красных, во главе которых будет все тот же Павлов. В общем, никаких реальных выводов из игры сделано не было, за исключением того, что Жукова назначили начальником Генерального штаба. И именно на этой должности он встретил 22 июня...

В 4 утра именно Жуков позвонил Сталину и сообщил толком еще не проснувшемуся вождю о начале боевых действий. Чтобы хоть как-то наладить централизованное управление войсками в первые сутки войны, была созда-

на Ставка Главного командования в составе Сталина, Молотова, Жукова, маршалов Тимошенко, Ворошилова и Буденного, а также наркома ВМФ Кузнецова. Однако хаос в обороняющихся частях Красной Армии достиг такой степени, что распоряжения из Кремля либо не доходили до адресатов, либо никак не вязались с реальной обстановкой. Пришлось рассылать в разные стороны эмиссаров, причем Жуков отправился на Юг разбираться с ситуацией, сложившейся на Украине.

Здесь ему удалось организовать несколько контрударов, которые существенно замедлили наступление противника. Не случайно начальник штаба ОКХ Гальдер, скрупулезно отмечавший в своем дневнике все важные события, первую тревожную запись, связанную с русской кампанией, сделал 25 июня: «На фронте противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твердое руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина».

Ради справедливости следует отметить, что советская группировка на Украине была посильнее, а войска вермахта и его союзников — послабее, нежели на других направлениях. И все-таки не исключено, что если бы не жуковские контрудары, немцы взяли бы Киев еще в июле 1941 г.

Однако имелись в этом успехе и свои плохие стороны. Продвинувшись в центре, враг навис над Украиной и при желании мог отрезать оборонявшиеся там советские части. Жуков вовремя разглядел эту опасность и на одном из совещаний в Москве предложил выровнять линию фронта, сдав Киев. В качестве компенсации он предлагал организовать контрудар в центре под Ельней, но товарищ Сталин не захотел даже и слушать: «Какие там еще контрудары! Что за чепуха? Опыт показал, что наши войска не могут наступать... И как вы могли додуматься сдать врагу Киев». Тут уж взорвался Жуков. «Если вы считаете, что я как начальник Генштаба могу только чепуху молоть, то мне на этом посту делать нечего». Затем Георгий Константинович попросил направить его на фронт, где, видимо, мог

принести больше пользы. Столь неожиданное сопротивление, видимо, ошарашило Сталина: «Вы не горячитесь. Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся... Идите работайте, мы тут посоветуемся и тогда вызовем вас».

Спустя сорок минут с заметным облегчением он выслушал отнюдь не самый страшный из возможных приговоров: должность начальника Генштаба сдать Шапошникову, а самому принять командование Резервным фронтом и нанести контрудар под Ельней.

Прекрасно понимая, как много поставлено на карту, Георгий Константинович сделал все, чтобы контрудар у него получился. В сущности, эта была первая успешная наступательная операция Красной Армии в кампании 1941 г. Вот только этот первоначальный успех был сведен на нет катастрофой под Киевом...

Так или иначе, но Георгий Константинович снова оказался в чести у Сталина. Теперь на все самые опасные участки он посылал именно Жукова. Так было и в дни, когда решалась судьба Ленинграда (сентябрь 1941 г.), и во время Московской битвы (ноябрь-декабрь 1941 г.). Готовил Жуков и Сталинградскую операцию, но в самый решающий ее момент почему-то оказался на Центральном фронте подо Ржевом. Историки выдвигают две версии того, почему так получилось. Согласно одной — именно подо Ржевом, а не под Сталинградом русские собирались нанести главный удар, да вот не получилось. Согласно другой — Жукова послали туда специально, чтобы отвлечь внимание противника от решающего направления. Если верна последняя версия, то свою задачу Георгий Константинович выполнил. Другое дело, что слишком уж большие жертвы пришлось принести для того, чтобы «отвлечь внимание».

Вообще, вопрос о том, какую цену платил Жуков за свои победы, судя по всему, так и не будет решен окончательно: с одной стороны, он не раз посылал людей на верную смерть, а с другой — погибая, они либо задерживали врага (в 1941–1942-м), либо, напротив, не давали неприятелю

телю закрепиться (в 1943–1945-м). И тогда получается, что, не загуби Жуков сотни тысяч солдатских жизней, возможно, наши потери были бы еще больше. Сложная арифметика...

Так или иначе, но без его участия не обходилась практически ни одна крупная операция. Зато и награды ему были соответствующие. Еще в августе 1942 г. Георгий Константинович стал заместителем Верховного Главнокомандующего. В условиях войны это означало — случись что с товарищем Сталиным, и вся реальная власть окажется именно у Жукова. А ведь в то время он был еще только генералом армии.

Звание маршала Георгий Константинович получил в январе 1943 г., после прорыва блокады Ленинграда. Орденом «Победа» №1 его наградили в апреле 1945 г., после освобождения Правобережной Украины, и он же оказался первым из тех, кто был награжден орденом дважды (наряду со Сталиным и Василевским). А вот Звезда Героя Советского Союза украсила его грудь четырежды, но никого это не удивило. Как бы ни относились к Жукову в войсках, в народе, и даже за границей, но его вклад в победу все считали исключительным. И то, что именно он принимал Парад Победы, также посчитали вполне естественным. Конечно, сам Верховный Главнокомандующий смотрелся бы в этой роли более логично, но товарищ Сталин не умел ездить на лошади и вынужден был взирать на происходящее с трибуны мавзолея...

Возможно, именно тогда «отец народов» решил, что Георгий Константинович слишком вознесся. Как и у всякой крупной фигуры, у Жукова появилось собственное окружение. Жена генерал-лейтенанта В. В. Крюкова (одного из сподвижников маршала) певица Лидия Русланова однажды назвала его «Георгием Победоносцем»; прозвище начало приживаться. И тогда в 1946 г. Сталин издал приказ №009, в котором указывалось, что «Маршал Жуков, потеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе в разговорах с под-

чиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая те операции, к которым он не имел никакого отношения».

Попутно на Жукова завели дело, связанное с германскими трофеями, в чем маршал, судя по всему, действительно был не безгрешен. Серьезных кар в его адрес, впрочем, не последовало. Георгия Константиновича отправили командовать второстепенным Одесским, а затем еще менее престижным Уральским военным округом.

В Москву он вернулся только в 1952 г. делегатом XIX съезда партии. Готовясь избавиться от нескольких, ставших излишне самостоятельными соратников, Сталин решил противопоставить им Жукова, назначив его министром обороны. Однако последовавшая в марте 1953 г. смерть вождя перевела проблему борьбы за власть в несколько иную плоскость.

Жуков действительно стал министром обороны, и теперь именно от него во многом зависело, кто именно будет новым лидером партии и государства. Так, на июньском пленуме 1957 г. Георгий Константинович решительно поддержал Хрущева и тем самым помог ему избавиться от всех более или менее серьезных соперников. Однако брошенная тогда маршалом фраза: «Танки двинутся только по моему приказу», видимо, накрепко засела в уме Никиты Сергеевича. А кто его знает, куда министр обороны решит завтра направить советские танки?

И вот уже в октябре 1957 г., обвинив Жукова чуть ли не в подготовке переворота, его с треском снимают с поста министра обороны. На самом деле обвинения были абсолютно надуманными, и лучше всего это подтверждает тот факт, что мнимому заговорщику оставили все положенные ему при выходе на пенсию привилегии. Однако остаток жизни «Георгий Победоносец» прожил под колпаком спецслужб, а его книга мемуаров «Воспоминания и размышления» вышла в свет только после долгих цензурных мытарств.

Даже во времена Брежнева личность и деяния Жукова трактовались далеко не однозначно, как в исторических

работах, так и в произведениях искусства. И все же отношение народа к опальному маршалу со временем становилось все теплее, чему, видимо, способствовал сложившийся вокруг него ореол несправедливо обиженного.

Скончался Георгий Константинович Жуков 18 июня 1974 г. и был похоронен в Москве на Красной площади.

Для того чтобы сопоставить полководческие таланты двух военачальников, достаточно взглянуть, кто именно из них оказался победителем, а кто — побежденным. Если же говорить об их нравственных качествах, то весьма показательными являются прозвища — «лакейтель» и «Георгий Победоносец». Это и есть те оценки, которые Кейтель и Жуков получили от своих соотечественников.

ЯМАДА ПРОТИВ ВАСИЛЕВСКОГО: ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Через три месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступил в борьбу против Японии. Эта молниеносная кампания стала своеобразным эпилогом к Великой Отечественной войне, причем советские солдаты и военачальники в полном блеске продемонстрировали здесь все, чему они научились за предыдущие четыре года. Буквально за несколько дней части под командованием маршала Василевского уничтожили миллионную Квантунскую армию — самую мощную из японских сухопутных группировок.

Карьера 1. Ямада

Отодзо Ямада родился в 1881 г. в довольно состоятельной семье, гордившейся несколькими поколениями предков-самураев. Его юность пришлась на тот бурный период, когда Япония превращалась из захолустной страны в великую мировую державу. Подобно большинству соотечественников 14-летний юноша с восторгом внимал сообщениям о победах над Китаем. А вот в войне с Россией он уже и сам участвовал в звании лейтенанта. Именно там, на полях Маньчжурии, под Ляояном и Мукденом, начинали свою карьеру те самые японские генералы, которые в 1940–1942 гг. покажут свою силу французам, голландцам, англичанам, американцам.

Среди этих будущих «тигров» и «драконов» Ямада отнюдь не считался самым многообещающим дарованием. Однако родовитое происхождение и умение выбирать влиятельных покровителей способствовали успешному продвижению по службе. Попав в один из самых привилегированных родов войск — кавалерию, Ямада к сорокалетнему

возрасту стал командиром полка, а в 1926 г. занял должность начальника штаба гарнизонной армии в Корее.

Страна эта была, по сути, единственной крупной колонией Японии, однако милитаристские круги уже вынашивали замыслы создания империи. В 1931 г., воспользовавшись Гражданской войной в Китае, японцы захватили одну из провинций — Маньчжурию. На оккупированной территории было создано марионеточное государство Манчжоу-Го, а его правителем стал Пу-И — последний китайский император, лишившийся престола еще в семилетнем возрасте.

Ямада в этой кампании не участвовал. В последующие шесть лет он занимал должности начальника учебного отдела кавалерийской школы, командира 4-й кавалерийской бригады, начальника саперной школы, начальника управления кадров Генштаба и, наконец, суперинтенданта Военной академии. Однако в 1937 г. началась полномасштабная война с Китаем, в которой наш герой принял самое непосредственное участие.

Главной ударной силой японцев считалась расположенная в Маньчжурии Квантунская армия. В ее состав входили самые боеспособные соединения, и именно в ней служили самые талантливые и агрессивные военачальники. Внутри японских вооруженных сил офицеры-«квантунцы» составляли нечто вроде привилегированной касты, а их влияние на политическую жизнь страны постоянно усиливалось.

Именно благодаря их поддержке карьера Ямады резко пошла по нарастающей. В 1937–1938 гг. он командовал сначала 3-й Маньчжурской, а затем Экспедиционной армиями. Его войскам удалось одержать несколько крупных побед над китайцами, однако гигантская страна, чье население в семь раз превышало население Японии, оказалась слишком большим куском для самураев. Более того, под влиянием внешней угрозы «белые» китайцы Чан-Кайши объединились с «красными» китайцами Мао Цзэдуна. На помощь им пришли русские и американцы, вследствие чего окончательное завоевание Китая затянулось на неопределенное время.

Ямада, учитывая накопленный им огромный опыт, отозвали в Японию, назначив генерал-инспектором боевой под-

готовки. Кроме того, в 1941 г. он по совместительству возглавлял еще и командование обороны Японских островов. Обе эти должности считались довольно важными, поскольку в скором времени ожидалась новая кампания, а следовательно, армия и флот остро нуждались как в хорошо подготовленных кадрах, так и в надежной тыловой базе.

Страна Восходящего солнца вступила во Вторую мировую войну 7 декабря 1941 г., в тот день, когда адмирал Ямато устроил погром американскому флоту в Перл-Харборе. Используя фактор внезапности, японцы в течение последующих пяти месяцев ухитрились завоевать Малайзию, Индонезию, Бирму, Филиппины. Но затем США собрались с силами и перешли в контрнаступление. Действуя по методу «прыжков лягушки», американцы отвоевывали одну группу островов за другой и все ближе подбирались к самой Японии. На фоне новой угрозы Квантунская армия постепенно теряла свой привилегированный статус. В период с 1941 по 1945 гг. ее численность уменьшилась на треть с полутора до одного миллиона человек. Все наиболее боеспособные соединения бросались против американцев, а им на смену приходили части, сформированные либо из японцев старших возрастов, либо из маньчжурцев, корейцев и представителей прочих покоренных народов. Сама Маньчжурия и весь Китай считались второстепенным театром военных действий, но именно здесь, в сущности, пролегал тот последний рубеж обороны, после падения которого поражение Японии становилось неизбежным. Впрочем, в июле 1944 г., когда генерал Ямада стал командующим Квантунской армией, в этом поражении никто уже особенно не сомневался. Вопрос упирался исключительно в сроки.

Карьера 2. Василевский

Александр Михайлович Василевский родился 30 сентября 1895 г. в деревне Новая Гольчиха (на границе Ивановской и Костромской губерний) в семье сельского священника. Он был четвертым из восьмерых детей, причем с самого начала отец прочил ему духовную карьеру.

Однако служение Богу не отрицает служения Родине. В 1914 г., под влиянием общего патриотического порыва, Александр экстерном сдает экзамен за четвертый курс семинарии и подает прошение о зачислении в армию.

Юношу направили в Алексеевское военное училище, по окончании которого он получил звание прапорщика. На фронте Василевский показал себя во всем блеске и очень быстро прошел путь до командира батальона. Стремительную карьеру прервал лишь начавшийся развал армии. Уже после прихода большевиков к власти, когда скорое окончание войны стало для всех очевидным, штабс-капитан Василевский подал прошение об отпуске и уехал домой в свою деревеньку.

Одно время он работал в военкомате, затем стал инструктором всеобщего обучения и, наконец, переквалифицировался в сельского учителя. Служить красным Александр Михайлович не рвался, тем более, что исход Гражданской войны в то время был еще далеко не ясен. Но в мае 1919 г., когда положение Советской власти было особенно тяжелым, большевики провели очередную мобилизацию бывших офицеров.

Василевского сделали взводным инструктором, отвечавшим за обучение новобранцев. Спустя месяц вместе с подчиненными он участвовал в подавлении крестьянских восстаний, после чего отправился на Западный фронт воевать против поляков.

Здесь он находился до самого окончания Гражданской войны, да и потом еще некоторое время гонялся за бандами Булак-Балаховича. Начавшаяся в Красной Армии демобилизация заставила Василевского снова задуматься о выборе профессии. После недолгих колебаний Александр Михайлович выбрал стезю профессионального военного и продолжил службу в 48-й стрелковой дивизии.

Начальство было о нем высокого мнения и в 1926 г. направило его на командирские курсы «Выстрел». Именно тогда и определилась дальнейшая специализация Василевского. Одним из преподавателей «Выстрела» был известный военный теоретик В. К. Триандафиллов, кото-

рый сразу же разглядел в молодом краскоме не только хорошего строевика, но и еще более перспективного штабного работника. Именно по его рекомендации Александр Михайлович попал в Управление боевой подготовки РККА, а в 1936 г. стал слушателем только что созданной Военной Академии Генштаба.

Возникший в результате сталинской чистки кадровый голод открыл перед ним большую широкую дорогу. Единственным темным пятном в биографии Василевского считался отец-священнослужитель, однако отношения с ним он прервал еще в начале 1920-х. Подобное поведение было типичным для того времени, однако сам Василевский, судя по всему, терзался в этой связи муками совести. Впоследствии после одного из совещаний всезнающий товарищ Сталин посоветовал ему восстановить связи с родителями. Подобный совет равнялся приказу, но, вероятно, ни один приказ вождя Александр Михайлович не исполнял с большей радостью...

Всесильный диктатор, так и не ставший священником, знал, что жизненный путь Василевского также прошел через духовную семинарию. Возможно, товарищу Сталину это импонировало, а может быть, он просто ценил в нем хорошего профессионала. Так или иначе, но дальнейшая карьера Александра Михайловича проходила при покровительстве и, что называется, на глазах у «отца народов».

Во всяком случае, к началу Отечественной войны Василевский уже был начальником Оперативного отдела и фактически «правой рукой» тогдашнего начальника Генштаба маршала Шапошникова. По роду своих обязанностей он постоянно общался с вождем и постепенно завоевывал все большее его доверие.

Уже во время Московской битвы Василевский был одним из главных разработчиков плана контрнаступления. Однако, в отличие от своего непосредственного начальника Шапошникова, Александр Михайлович отнюдь не всегда занимался кабинетной работой. Так, в апреле 1942 г. Василевский «латал дыры» в Крыму, в мае побывал под Демянском, в июне пытался выправить положение под

Харьковом. Вернувшись из последней командировки, он предстал перед Сталиным, который и сообщил ему о назначении на пост начальника Генштаба.

Впрочем, и на этом кочевая жизнь Василевского не закончилась. Периоды, когда он находился в Москве, оказывались весьма непродолжительными, а большую часть времени Александр Михайлович проводил на фронтах, где в качестве представителя Ставки руководил подготовкой важнейших операций.

В сущности, ни одно заметное сражение не обошлось без его непосредственного участия, причем зачастую он не только координировал действия фронтов, но и непосредственно руководил крупными войсковыми группировками.

Можно сказать, что в большей степени Василевский все-таки оказался полководцем, а не штабистом, и именно в знак признания его полководческих заслуг 10 апреля 1944 г. Сталин наградил его орденом «Победа» №2 (орденом «Победа» №1 в этот же день был награжден Жуков).

В конце войны Александр Михайлович командовал 3-м Белорусским фронтом и руководил ликвидацией восточно-прусской группировки. За это он получил еще один орден «Победа». А уже после капитуляции Германии, вместо того, чтобы вернуть Василевского в Генштаб, Сталин назначил его главнокомандующим на Дальнем Востоке.

Большая дальневосточная политика

О том, что именно ему придется «добывать самураев», Василевский узнал летом 1944 г. Между Советским Союзом и Японией в то время действовал пакт о ненападении, но еще осенью 1943 г. на Тегеранской конференции Сталин пообещал союзникам «оказать помощь». В январе 1945 г. в Ялте определились и с конкретными сроками: начать операции против японцев Красная Ар-

мия должна была в течение трех месяцев после капитуляции Германии.

Следует отметить, что в начале Отечественной войны части Квантунской армии «дамокловым мечом» висели над нашим Дальним Востоком. Нервируя своих советских соседей, «самураи» периодически принимали воинственную стойку и устраивали провокации. Цель при этом преследовалась простая — не допустить переброски отборных сибирских дивизий на запад для борьбы против Германии. Однако по мере того, как дела у японцев и их союзников немцев ухудшались, поведение самураев становилось все более образцовым. Правда, теперь уже Кремль не реагировал на миролюбивые жесты из Токио.

В апреле 1945 г. Советский Союз официально объявил, что не будет продлевать пакт о ненападении, который, впрочем, должен был закончиться только весной следующего года. Конкретная же подготовка к кампании против Японии началась сразу после разгрома Германии и заняла ровно три месяца, то есть тот самый срок, который и был оговорен на переговорах в Ялте.

Следует отметить, что, по самому пессимистичному прогнозу, без вмешательства Красной Армии американцы должны были управиться с японцами самое позднее к лету 1946 г. И здесь возникает вопрос: почему союзники так упорно продолжали настаивать на помощи Советского Союза? Ведь любому наблюдателю было ясно, что в качестве платы Сталин как минимум потребует все то, что Россия потеряла по Портсмутскому миру 1905 г. Добавим сюда и еще один фактор: влияние СССР в Китае должно было резко усилиться, что, следовательно, повышало шансы китайских коммунистов в предстоящей им борьбе с чанкайшистами. Возможная победа Мао Цзэдуна, в свою очередь, означала превращение Китая в коммунистическую державу со всеми вытекающими для США неприятными последствиями. И все-таки западные державы просто «мечтали» поделиться с СССР добычей, которая и без того готова была свалиться к ним в руки. Зачем?

Ответ был достаточно прост. Более всего союзники опасались, что после разгрома Германии находившаяся на пике своей мощи Красная Армия рванет на Запад, где при помощи друзей коммунистов устроит социалистические революции. В таком случае остановить «русского медведя» могли лишь американцы, но их руки и без того были связаны на Дальнем Востоке. И кто знает, может быть, в таком случае русские и японцы даже попытались бы договориться о совместных действиях?

В общем, никогда еще коммунистическая угроза не представляла такой опасности для капиталистической Европы. И, чтобы избежать этой угрозы, Запад мечтал направить Сталина на Восток. Поделиться с СССР кусочком «японского наследства», учитывая, что ставки в этой игре были слишком велики, было не жалко...

Во всех этих расчетах не учитывалось, что Сталин, в отличие от Ленина и Троцкого, отнюдь не являлся фанатиком мировой революции. «Кремлевский горец» был политиком-прагматиком и явно предпочитал синицу в руках журавлю в небе. Так что возможность расправиться с ослабевшей Японией, получить за это максимум выгоды, да еще и продемонстрировать свою верность союзническому долгу казалась ему вполне привлекательной.

Тройной удар

Переброска советских войск на Дальний Восток производилась в обстановке строжайшей секретности, благодаря чему ее масштабы оказались сильно недооцененными японской разведкой. Система конспирации пронизывала все уровни, причем даже сам главком Василевский прибыл в Хабаровск под фамилией Васильева. Более того, для большей секретности погоны маршала он заменил на генерал-полковничьи, из-за чего многие, хорошо знавшие его, люди пребывали в уверенности, что Александра Михайловича понизили в звании.

В распоряжении Василевского имелась группировка, в полтора раза превосходившая по численности Квантун-

скую армию. Еще более значительным было превосходство в технике: по самолетам — в два, а по танкам — в три раза.

Общий стратегический замысел советского командования сводился к тому, чтобы максимально использовать выгодную конфигурацию советско-китайской границы, охватывающей Маньчжурию с трех сторон и позволявшей нанести сразу три удара по сходящимся направлениям.

Забайкальскому фронту маршала Малиновского предстояло наступать с северо-запада через пустыню Гоби. Навстречу ему через Большой Хинганский хребет двигался 1-й Дальневосточный фронт маршала Мерецкова. Соединившись в южной Маньчжурии, они создавали гигантский котел для войск генерала Ямады. Наступавший от Хабаровска 2-й Дальневосточный фронт генерала М. А. Пуркаева должен был рассечь японцев на части, что облегчало их последующую ликвидацию.

Следует отметить, что этот замысел совпадал и с идеями самого Ямады, который в случае наступления Красной Армии планировал с боями отступить в глубь Маньчжурии с тем чтобы, собрав свои силы в кулак, именно здесь дать решающее сражение. Впрочем, даже если бы этот план ему удалось довести до конца, учитывая огромное неравенство в силах, шансов выиграть подобное сражение у японцев не имелось.

Другое дело, что, так или иначе, до крупной битвы дело так и не дошло. Все решилось гораздо раньше.

Все как по маслу

8 августа 1945 г. послу Японии в Москве была вручена нота, в которой говорилось, что СССР стремится «приблизить заключение мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции». Заканчивалась нота сообщением о том, что с «9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Далее все шло как по маслу. Пятая армия, перевалив через Хинган, двинулась к сердцу Маньчжурии. Навстречу ей, через пустыню Гоби, неслась усиленная монгольскими «цириками» конно-механизированная группа генерала Плиева. Подразделения десантников высаживались в глубоком тылу противника, захватывая и удерживая аэродромы.

Тогда же происходили и другие важные события. Еще 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 9 августа — на Нагасаки. Все эти удары окончательно сломили императора Хирохито. 10 августа из Токио поступили первые сообщения о готовности капитулировать. Однако находившиеся на фронтах части еще сражались, так что войска Василевского с чистой совестью продолжали наступление, стремясь захватить как можно большие территории.

К исходу шестых суток были освобождены Северная Корея, Южный Сахалин и Курилы. Квантунская армия оказалась рассеченной на части, причем большинство группировок уже начали складывать оружие. Кое-кто из наиболее известных врагов СССР пытался укрыться в Японии, но получалось это лишь у немногих. Так, 16 августа император Пу-И и находившийся с ним бывший белогвардейский атаман Семенов прибыли на аэродром Мукдена, где угодили прямоком в руки советских десантников. (Семенова впоследствии казнили, а вот Пу-И, посидев в советских и китайских тюрьмах, закончил свою жизнь, работая садовником в бывшем императорском дворце в Пекине.) На следующий день Ямада отправил Василевскому радиограмму, в которой сообщил, что он отдал своим войскам приказ прекратить сопротивление. Еще через три дня его начальник штаба генерал Хата в Харбине подписал акт о капитуляции Квантунской армии. А вот полная капитуляция Японии произошла 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури».

Этот день и считается датой окончания Второй мировой войны.

Эпилог

Самого Ямаду взять в плен в августе 1945 г. не удалось. Его выдали Советскому Союзу несколько позже. В 1949 г. в Хабаровске состоялся судебный процесс, по окончании которого генерала приговорили в 25 годам тюремного заключения.

В вину бывшему командующему Квантунской армией инкриминировались многочисленные военные преступления и, прежде всего, организация работ по созданию бактериологического оружия. Кроме него аналогичные сроки получили начальник санитарного управления К. Рюдзи, начальник ветеринарного управления Т. Такацу и начальник отдела бактериологического отряда № 731 К. Киоси. Еще восемь военнослужащих получили сроки от 2 до 20 лет, но в 1956 г. все, кто не умер в советских лагерях, были освобождены и вернулись в Японию. Спустя девять лет Ямада тихо и незаметно скончался в Токио.

Его победоносный соперник маршал Василевский, вернувшись с Дальнего Востока, вновь стал начальником Генерального штаба. В 1949 г. он занял должность министра Вооруженных сил СССР, а в 1953 г. пересел в кресло 1-го заместителя министра обороны.

Хрущев относился к Александру Михайловичу как к человеку Сталина и передвинул его на должность заместителя министра обороны по вопросам военной науки. Что же касается окончательного отстранения от руководства военным ведомством, то оно произошло в 1959 г., после назначения Василевского на чисто номинальную должность генерального инспектора группы генеральных инспекторов Министерства обороны. Скончался он 5 декабря 1977 г. и был похоронен в Москве на Красной площади.

Благодаря победам Василевского ценой минимальных жертв Советский Союз приобрел на Дальнем Востоке максимум того, что можно было иметь. Уда-

лось вернуть потерянные в 1905 г. Южный Сахалин, Порт-Артур и Дальний. Попутно в качестве своеобразного бонуса подверглись аннексии острова Курильской гряды, но этот акт так и не был официально признан Японией, что привело к продолжающимся до сего дня территориальным спорам.

Кроме того, закрепившись в Маньчжурии, Сталин получил возможность беспрепятственно помогать Мао Цзэду, благодаря чему в 1949 г. Китай стал коммунистической державой. Правда, со временем новый союзник доставил нам массу хлопот, однако винить за это Василевского, конечно же, не приходится.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ЛУЧШИЕ
ИЗ ЛУЧШИХ**

РЕЙТЧ И ГРИЗОДУБОВА: ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ, И ВЫШЕ...

И Сталин, и Гитлер уделяли авиации большое внимание. При этом чисто техническая сторона дела отнюдь не превалировала над человеческим фактором. Достижения наиболее выдающихся летчиков воспевались пропагандой, а сами они пользовались личным покровительством диктаторов. Имелся здесь и еще один аспект: Третий рейх и Советский Союз считались государствами, в строительстве которых на равных участвовали не только мужчины, но и женщины. И именно женщины-авиаторы, такие как Ханна Рейтч и Валентина Гризодубова, стали своеобразными визитными карточками двух режимов.

Рейтч

Ханна Рейтч родилась 29 марта 1912 г. в Хиршберге (Силезия) в семье доктора-офтальмолога. После разгрома в Первой мировой войне Германии было запрещено иметь военную авиацию, и тогда командование рейхсвера решило готовить кадры для ВВС во всевозможных спортивных секциях. Как следствие, по всей стране начали появляться кружки планеристов. Именно из них вышли такие известные впоследствии асы люфтваффе, как Хартманн, Баркхорн, Марсель, Новотны и др.

Девочкам в подобные кружки путь тоже не был заказан, но большинство «фройлейн» по-прежнему исходили из того, что женщина должна сидеть дома. Ханна Рейтч оказалась одной из немногих, кто решился нарушить это неписаное правило.

То, что начиналось как хобби, со временем переросло в дело всей жизни. Попутно с занятиями планеризмом

девушка закончила медицинские курсы, но страсть к небу со временем все-таки победила окончательно.

В юности в качестве миссионера и врача Ханна не раз ездила в Африку и на самолете добиралась до самых глухих уголков «черного континента». Имя ее все чаще мелькало на страницах газет, а в 1931 г. Рейтч решила стать профессиональным авиатором. За последующие шесть лет она побила примерно два десятка рекордов разного уровня. Однако наибольший резонанс вызвали совершенный в 1933 г. самый длительный беспосадочный перелет (305 км), а также установленный в 1934 г. абсолютный рекорд высоты среди женщин (2800 метров).

Достижения храброй летчицы пропагандировались в прессе, а Гитлер еще до своего прихода к власти сделал все, чтобы заручиться столь симпатичной и популярной поклонницей. Пустив в ход все свое гипнотическое обаяние, фюрер добился поставленной цели, и в дальнейшем Рейтч вполне справедливо имела репутацию ярой нацистки.

Будучи блондинкой, она выглядела типичной представительницей «арийской породы», что, в свою очередь, активно использовалось сторонниками расового превосходства. Впрочем, авторитет Рейтч у нацистского руководства объяснялся отнюдь не одними только соображениями идеологического и пропагандистского характера. В первую очередь она действительно была классной летчицей, и именно по этой причине Геринг назначил ее пилотом-инструктором люфтваффе.

Именно Ханне пришлось испытывать один из первых в мире вертолетов и даже устраивать на нем показательные полеты под куполом крытого стадиона «Дойчланд-халле». Другое дело, что вплоть до конца войны этот вертолет так и не дошел до серийного производства, как, впрочем, и созданные в это же время вертолеты советских конструкторов.

Скорее всего, дело заключалась в том, что гораздо более перспективной выглядела возможность пустить средства на производство самолетов — штурмовиков, бомбардировщиков и транспортников. А вот достоинства верто-

летов, позволявшие использовать их для высадки небольших десантов или эвакуации раненых, в условиях наступательной войны особого значения не имели...

Со временем от инструкторской работы Рейтч решила перейти к работе летчика-испытателя, причем испытывать ей пришлось именно «наступательные» машины — истребители «Me-163» («Комета»), «Me-232» («Гигант»), «He-293» и т. д.

Многие модели Ханна обкатывала в боевой обстановке и ради этого неоднократно выезжала на театр военных действий. Следует отметить, что за отвагу, проявленную в период «битвы за Англию», командование люфтваффе вручило ей Железный крест 2-й степени (март 1941 г.). Рейтч стала первой женщиной, получившей эту чисто мужскую воинскую награду, и она же первой из женщин была удостоена Железного креста 1-й степени. Последнее событие произошло в феврале 1942 г. на Восточном фронте, где Рейтч принимала участие в боевых операциях. Здесь же ей было присвоено почетное звание летчика-капитана.

При этом командование люфтваффе делало все, чтобы Ханна не погибла из-за какой-нибудь глупой случайности. Более того, и Гитлер, и Геринг неоднократно доверяли ей задания особой сложности и секретности...

В 1943 г. стало ясно, что спасти Германию может только чудо или, вернее, «чудо-оружие». Собственно говоря, речь шла сразу о нескольких масштабных проектах, но, поскольку все они в той или иной степени были связаны с авиацией, голос Ханны Рейтч при их обсуждении оказывался далеко не последним. Именно по ее совету был создан пилотируемый самолет-снаряд для борьбы с крупными надводными целями. Этот аппарат должен был доставляться в район следования кораблей противника бомбардировщиком «He-111». После запуска самолета-снаряда его пилот должен был взять управление на себя и, наведя аппарат на цель, либо выброститься с парашютом, либо погибнуть смертью героя.

Используя агрегаты, задействованные при создании «Фау-1», фирма «Физелер» справилась с этим заданием

всего за две недели. Рейтч, как обычно, лично участвовала в испытаниях, после чего было построено 175 самолетов-снарядов. Около 50 этих машин было передано на вооружение одной из специальных эскадр люфтваффе.

Дело, впрочем, так и не довели до конца — то ли из-за технических проблем, то ли из-за того, что пилоты самолетов-снарядов фактически должны были быть смертниками. В Германии кандидатов в камикадзе имелось не так уж много, хотя сама Рейтч неоднократно выражала готовность отдать жизнь за фюрера...

Использовать самолеты-снаряды и летчиков-смертников собирались и для нанесения бомбового удара по Нью-Йорку. На сей раз роль оружия возмездия предстояло сыграть межконтинентальным баллистическим ракетам А9/А10 конструкции Германа Оберта. Рейтч собиралась врезаться в самое высокое здание в мире — «Эмпайр-стейт-билдинг», причем для точности попадания немецкие шпионы заранее должны были установить радиомаяки на крыше небоскреба. И вновь дело уперлось в технические сложности и в то, что германские агенты были арестованы американскими спецслужбами.

В общем, Ханне Рейтч так и не довелось повернуть колесо истории, однако до конца войны она продолжала испытывать все новые и новые модели боевых самолетов. Так, именно ей довелось обкатывать реактивный бомбардировщик «Me-328», а также ракетный перехватчик Липпиша...

Еще с ноября 1943 г. Рейтч состояла при командующем 6-м авиационным корпусом генерале Роберте фон Грейме. Этот военачальник явно импонировал ей своей фанатичной приверженностью нацизму, и, можно сказать, что по части политических пристрастий они стопроцентно подходили друг к другу.

Правда, служебная идиллия омрачалась постоянно ухудшающейся ситуацией на фронте, а также кризисом, начавшимся в фашистской верхушке. 24 апреля 1945 г. Грейм, командовавший на тот момент всеми авиационными соединениями на Восточном фронте, внезапно был

вызван в ставку фюрера. В столицу Рейха от отправился на стареньком тренировочном самолете, взяв с собой Ханну Рейтч в качестве второго пилота.

На подлете к Берлину этот аппарат был обстрелян советскими зенитчиками, причем сам Грейм получил несколько осколочных ранений. Рейтч сменила его у штурвала и, несмотря на обстрел, приземлилась прямо на изрытой воронками улице, рядом с рейхсканцелярией.

Своим гостям Гитлер сообщил, что эсэсовцы арестовали командующего люфтваффе Германа Геринга, и теперь Грейм займет его место. Именно тогда Ханна попросила разрешения остаться в Берлине, чтобы разделить судьбу Гитлера, но ее кумир ответил отказом.

Вместо этого фюрер приказал Грейму и Рейтч присоединиться к адмиралу Деницу, которого он назначил своим преемником. Вылет из Берлина состоялся 29 апреля и был сопряжен с такими же опасностями, как и состоявшаяся четыре дня назад посадка. Однако весь этот героизм уже не имел никакого смысла...

Грейм оказался последним немецким военачальником, получившим звание фельдмаршала. Он пытался организовать оборону Южной Германии, попал в плен и 24 мая 1945 г. покончил с собой в американском госпитале. Ханна Рейтч все эти дни находилась при своем шефе. Союзники 15 месяцев продержали ее в лагере, но подвергать судебным преследованиям не стали...

Выйдя на свободу, она опубликовала мемуары «Полеты — моя жизнь» (1951) и возобновила занятия планеризмом. В 1952 г. на международном чемпионате в Мадриде любимая летчица фюрера получила бронзовую медаль, а еще через три года стала чемпионом Германии по женскому планеризму. Однако либеральная общественность не забыла о ее прошлом, и тогда Рейтч занялась пропагандой авиации в странах третьего мира. Некоторое время она была личным пилотом Индиры Ганди, а в 1962 г. основала Национальную летную школу в Гане. Скончалась Ханна Рейтч во Франкфурте-на-Майне 24 августа 1979 г.

Гризодубова

Валентина Степановна Гризодубова родилась 7 января 1911 г. в Харькове. Ее отец вполне может считаться одним из первых русских авиаторов, поскольку еще в 1911 г. он сумел взлететь на аэроплане собственной конструкции. Чтобы продемонстрировать надежность своего аппарата, в один из следующих полетов Степан Васильевич взял свою полуторагодовалую дочь Валу. Впоследствии девочка еще не раз сопровождала отца в качестве «второго пилота».

А вот самостоятельно подняться в воздух ей довелось в 14-летнем возрасте, на слете планеристов в Коктебеле. Там же она познакомилась с будущими знаменитыми конструкторами — С. П. Королевым, О. К. Антоновым и С. В. Ильюшиным.

Все знакомые отмечали, что кроме авиации Валя вполне могла бы выбрать и другую профессию: параллельно с обычной средней школой она окончила еще и музыкальную и, учась в Харьковском технологическом институте, ухитрялась одновременно посещать консерваторию.

Но в 1920–1930-х искусство по популярности явно уступало технике, тем более, что в случае с Гризодубовой заметную роль играли еще и гены. Во всяком случае, когда пришло время сделать окончательный выбор, молодая девушка предпочла небо и самолеты.

Учитывая повальное увлечение авиацией, пробиться в летную школу было достаточно сложно, однако Валентина побывала на приеме у самого Серго Орджоникидзе и при его поддержке была зачислена в первый набор Харьковского Центрального аэроклуба.

Способности Гризодубовой оказались настолько выдающимися, что ее без проблем перевели в школы следующих ступеней (Тульскую летно-спортивную и Пензенскую школу летчиков-инструкторов). В 1929 г. ей самой доверили обучать молодых курсантов. Более того, написанный Валентиной учебник по теории полета на правах рукописи использовался и в других школах, а в числе ее уче-

ников оказались несколько будущих героев Советского Союза (в том числе один дважды Герой — В. Сафонов).

Следует отметить, что женщины-летчицы отличаются от мужчин большей осторожностью, но Гризодубова скорее была исключением из правил. Ей, например, ничего не стоило вылезти во время полета на крыло аппарата и стоять там несколько минут, держась за элементы конструкции. Начальство ее за это наказывало, но взыскания, как правило, вполне перевешивались благодарностями за храбрость и инициативность.

В 1934 г. за счет добровольно-принудительных пожертвований трудящихся была построена агитационная эскадрилья имени М. Горького. Один из самолетов эскадрильи появился на свет благодаря читательницам журнала «Работница» и название получил соответствующее — «Орденосная работница». Аппарат был выкрашен в голубой цвет, и летавшая на нем Гризодубова всегда появлялась в белом, «чтобы не нарушать гармонии». Одна из сослуживиц писала о Валентине: «Она — женщина, и во всем, что не касается работы, не намерена подражать мужчинам. Она по-женски любит цветы и даже красоту машины она ценит не только как профессионал, но по-своему, по-женски. Кому, например, из мужчин-пилотов придет в голову, улетающая на белом спортивном самолете, непременно надевать белый комбинзон? А Валя Гризодубова и ее бортмеханик Катя Слобоженко всегда строго этого придерживались. И нарядную голубую “Работницу” обе они холили с чисто женской заботливостью и аккуратностью».

За работу в эскадрилье Гризодубову наградили орденом Трудового Красного Знамени. Однако агитационная работа ей, видимо, наскучила, и теперь Валентина Степановна думала о том, что нужно летать выше и дальше.

В 1937 г. на самолетах Яковлева «УТ-1», «УТ-2» и «АИР-12» она установила четыре авиационных рекорда на скорость и дальность полета. Кроме того, ей удалось превзойти достижение Ханны Рейтч и установить новый рекорд высоты среди женщин (вместе с бортмехаником Е. Слобоженко), поднявшись на высоту 3267 метров.

Однако на нее самую наибольшее впечатление произвел рекорд французских летчиц, пролетевших в 1938 г. по прямой расстояние в 4063 км. Для того чтобы превзойти французенок, Валентина Степановна выбрала двухмоторный дальний бомбардировщик «ДБ-2» (конструкции П. О. Сухого). В экипаж «Родины» кроме самой Гризодубовой вошли Полина Осипенко (в качестве второго пилота) и Марина Раскова (штурман).

Самолет вылетел из Москвы 24 сентября 1938 г. Первые 10 часов прошли нормально, но над Западной Сибирью «Родина» угодила в зону сплошной облачности. Пытаясь справиться с обледенением, Гризодубова набрала высоту, что, в свою очередь, привело к увеличению расхода горючего. Температура в самой кабине резко понизилась, и приемник вышел из строя. Оставшись без радиосвязи, экипаж начал определять свой маршрут по звездам и солнцу. За озером Байкал у летчиц возникла мысль развернуться на 30 градусов и попытаться долететь до Амура, чтобы затем следовать вдоль его русла. Однако именно по реке проходила граница с оккупированными японцами территориями Китая и случайно попасть на ту сторону было равносильно самоубийству. Как следствие, «Родина» по-прежнему держала курс на восток, до тех пор, пока очертания открывшегося внизу берега не позволили достоверно установить, что машина находится над Тугурским заливом Охотского моря.

Цель перелета оказалась достигнута, и теперь можно было подумать о посадке. Из-за нехватки горючего «плюхаться» пришлось посреди таежной чащи, причем, чтобы избежать возможных ненужных жертв, Раскова, по приказу Гризодубовой, заранее покинула самолет, воспользовавшись парашютом. К счастью, обошлось без жертв, и более того, на «Родине» не лопнуло ни одно стеклышко.

3 октября «ДБ-2» был обнаружен в тайге спасательной экспедицией. Раскова проблуждала в тайге 10 дней и была спасена несколько позже — 5-го.

Всего экипаж «Родины» пробыл в воздухе 26 часов и пролетел 5909 км, установив новый женский международ-

ный рекорд дальности полета для поршневых самолетов, который, кстати, так и остался не побитым. 28 ноября 1938 г. Гризодубова, Осипенко и Раскова первыми среди женщин были удостоены звания Героя Советского Союза...

После этого Валентина Степановна стала если не вовсе «неприкасаемой», то уж, во всяком случае, человеком довольно влиятельным. И свое влияние она использовала для того, чтобы облегчить судьбу С. Королева, а также многих других невинно репрессированных. Как вспоминал С. Богатко: «В суровое время около пяти тысяч дел было у Гризодубовой на депутатском контроле. Ее помощница Н. Виноградова порой обмирала от страха, рассылая гневные письма, подписанные Валентиной Степановной, — думала, их арестуют и посадят. Возможно, поэтому Гризодубова побывала депутатом Верховного Совета СССР только один созыв — самый первый».

Помимо выполнения депутатских обязанностей Валентина Степановна руководила Управлением международных воздушных линий. После начала Отечественной войны она командовала авиационным полком дальнего действия, занимавшимся ночными бомбардировками и снабжением партизанских отрядов. Это соединение было сформировано из гражданских летчиков — как мужчин, так и женщин. Все они и раньше являлись подчиненными Гризодубовой, так что, если не считать повседневной боевой работы, никаких других проблем у нее здесь не было.

Несколько сложнее складывалась ситуация в чисто мужском 31-м бомбардировочном полку, который Валентина Степановна возглавила в октябре 1943 г. Представители сильного пола поначалу весьма скептически относились к женщине-командиру, но со временем оценили ее профессиональные качества. Именно под руководством Гризодубовой полк обрел статус «гвардейского», а после боев под Ленинградом получил еще и почетное наименование «Красносельского». Сама Гризодубова была награждена орденом Боевого Красного Знамени, а среди ее подчиненных восемь человек удостоились звания Героев Советского Союза. Все же за время войны Валентина Степановна совершила

более 200 боевых вылетов, из которых 132 проходили по разряду «ночные бомбардировки».

Выйдя в 1946 г. в запас, Гризодубова работала заместителем начальника одного из авиационных НИИ по летной части. Под ее началом было испытано большое количество авиационной аппаратуры, в том числе станции перехвата и прицеливания «Торий», «Коршун», «Изумруд», «Сокол» и другие.

В 1963 г. Валентина Степановна возглавила Научно-исследовательский летно-испытательный центр (НИЛИЦ), а завершила свою карьеру в должности заместителя начальника Московского научно-исследовательского института приборостроения по летной части. 6 января 1986 г. ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а еще через пять лет ветерану советской авиации пришлось наблюдать за развалом страны, которой она столь верно и добросовестно служила.

Скончалась Валентина Степановна Гризодубова 28 апреля 1993 г. и была похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Ханна Рейтч фанатично служила Гитлеру и ни о чем особенно не задумывалась. Концлагеря, тюрьмы и миллионы уничтоженных «недочеловеков» существовали как бы в ином параллельном мире и никак не влияли на ее верность Рейху и любимому фюреру.

Валентина Гризодубова была столь же убежденной коммунисткой, как Ханна Рейтч нацисткой, но она, по крайней мере, смотрела в лицо фактам и боролась с очевидной несправедливостью. Если же брать чисто профессиональные аспекты, то, по сравнению с Ханной Рейтч, и летала она дальше, и поднималась выше.

ШТУДЕНТ И МАРГЕЛОВ: СОЛДАТЫ ВЫСОКОГО КЛАССА

Воздушно-десантные войска родились от «брака» пехоты и авиации. Бесспорное первенство в деле создания «летающей пехоты» принадлежало Советскому Союзу. Второе место столь же бесспорно можно отдать Германии. Военная доктрина обоих государств делала ставку на активную наступательную стратегию. Парашютистам же предстояло действовать на острие атаки: высаживаться в тылу неприятеля, громить его базы и коммуникации.

Однако с началом Второй мировой войны все вышло несколько по-другому. И хотя на счету десантников действительно было несколько громких операций, «летающая пехота» так и не стала той силой, которая смогла бы переломить общий ход боевых действий. Чтобы понять, почему это произошло и как именно повлиял опыт 1939–1945 гг. на дальнейшую историю ВДВ в Германии и СССР, стоит обратиться к биографиям двух военачальников — Курта Штудента и Василия Филипповича Маргелова.

Штудент

Курт Штудент родился 12 мая 1890 г. в Биркхольце (Бранденбург) в небогатой дворянской семье. В детстве Курт мечтал о профессии доктора. Но, как это часто случалось, денег на обучение не хватало, и вместе со старшим братом он поступил в кадетскую школу.

В 19 лет юноша стал лейтенантом и попал в 1-й Королевский прусский батальон полка графа Йорка. Часть считалась привилегированной и к тому же располагалась рядом с родовым гнездом Штудентов. Курт имел массу свободного времени, регулярно навещая не только своих

близких, но и находившиеся рядом авиационные курсы. В результате на Первую мировую войну он попал уже не как пехотинец, а как летчик.

С октября 1916 г. Штудент командовал эскадрильей «Йагдштаффель», зарекомендовав себя в качестве способного и смелого авиатора. Но в конце 1917 г. в одном из воздушных боев Курт был ранен, а последовавшее через год поражение Германии привело его в состояние тяжелого душевного кризиса. Впрочем, депрессия продолжалась недолго. Оправившись от потрясений и женившись, наш герой вернулся к военной профессии.

Вместе с коллегами он занялся возрождением авиации, но, поскольку, согласно Версальскому миру, собственные ВВС Германии иметь запрещалось, базой для подготовки летчиков стали планерские аэроклубы. Штудент работал в одном из таких «конспиративных центров» — Флигерцентрале и, возможно, именно тогда в его голове родились первые проекты воздушных десантов.

В 1928 г. Курта перевели обратно в пехоту, где он дослужился до майорского звания. Через пять лет к власти пришли нацисты, и с этого момента начался «ренессанс» германской армии. За своей спиной Штудент имел опыт и пехотинца, и авиатора. Ну, а вопрос о том, как именно увязать эти две специальности, решил после того как в 1935 г. он побывал на маневрах Киевского военного округа. Видя, как десантируются 1200 советских парашютистов, бравый офицер решил, что Германии нужно срочно догнать и перегнать Россию.

В 1938 г. Штуденту поручили сформировать первое подобное соединение в германской армии — 7-ю парашютно-десантную дивизию. Правда, нашему герою пришлось столкнуться с сопротивлением коллег, многие из которых крайне неодобрительно воспринимали его «затеи».

Стремясь доказать свою правоту, Штудент рвался в бой, предлагая использовать свою дивизию сначала для оккупации Судетской области, а затем во время польской кампании. Однако и в Чехословакии, и в Польше помощь парашютистов не понадобилась. Тем не менее генерал-но-

ватор настоял на формировании еще одной 52-й десантной дивизии. Успешно играя на противоречиях между сухопутным и авиационным командованием, Штудент добился превращения «летающей пехоты» в самостоятельный род войск, который он сам же и возглавил в качестве командующего 11-м авиадесантным корпусом. И хотя и Геринг, и Браухич пытались наложить лапу на его детище, единственным человеком, с чьим мнением Штуденту действительно приходилось считаться, был Адольф Гитлер...

В мае 1940 г. пришел звездный час немецких десантников. Прекрасно понимая, что прорвать «в лоб» французскую линию Мажино практически нереально, германское командование решило, что один из двух главных ударов должен наноситься через территорию нейтральных Бельгии и Голландии. Проблема осложнялась тем, что обе эти страны располагали достаточно сильными армиями и еще более мощными фортификационными укреплениями.

Предметом гордости бельгийцев служил форт Эбен-Эмаэль, расположенный на берегу канала короля Альберта. Форт представлял из себя сложную систему бункеров и казематов, причем каждое из этих «гнезд» было практически неуязвимо для танков и пехоты противника.

Однако защитники крепости совсем не подумали о десанниках Штудента. Вечером 10 мая группа оберлейтенанта Визига (85 человек) на трех планерах приземлилась у стен Эбен-Эмаэля. Добравшись до бункеров, десантники забросали гранатами пулеметные амбразуры. Далее в дело пошли саперы, заложившие в наиболее важных местах динамитные заряды. Ночная темнота раскололась от взрывов, вверх полетели бетонные блоки и купола из железа.

К утру гарнизон крепости сложил оружие. А еще несколькими часами ранее три другие группы десантников овладели стратегически важными мостами через Маас, по которым в Бельгию и Голландию хлынули главные силы германской армии...

Штудент в эти дни был кумиром вермахта. Но, подобно большинству профессиональных военных, наш герой

не любил эсэсовцев, а те, разумеется, платили ему взаимностью. Именно разногласия с «товарищами по оружию» привели к инциденту в Роттердаме, когда Штудент якобы был ранен пулей безвестного вражеского снайпера. Однако, в противоположность официальной версии, кое-кто утверждал будто в генерала стрелял не бельгиец, а свои же соотечественники из любимого полка фюрера «Лейбштандарт Адольф Гитлер»...

После выздоровления (сентябрь 1940 г.) Штудент получил Рыцарский крест и звание генерал-лейтенанта. Теперь планы операций (один смелее другого) сыпались из него как из рога изобилия. Десанты на Британские острова, на Гибралтар, на Кипр, и на Мальту — все эти идеи так и не стали реальностью. Во время кампании в Греции (апрель-май 1941 г.) «летающая пехота» вновь блеснула при взятии Коринфского канала, но как раз именно эта операция была проведена за спиной Штудента. И тогда, опасаясь остаться на обочине, генерал предложил захват Крита — острова, на который эвакуировались из Греции остатки британского экспедиционного корпуса. 11-й корпус подкрепили 5-й горной дивизией генерала Рингля, и 20 мая 1941 г. германские парашютисты появились над Критом...

Их первой целью был аэродром Малем. Здесь десантников встретили новозеландские пехотинцы. Многие из «командос» были подстрелены еще в воздухе, а приземлившись заняли оборону на небольшом плацдарме. Если бы охрана аэродрома сразу же перешла в атаку, то события развивались бы по другому сценарию. Но британское командование потеряло время, и утром получившие помощь десантники двинулись в наступление. Были захвачены Малем, а также аэродромы и взлетные полосы в Канэ, Ретимноне, Ираклионе. Британский флот начал эвакуировать свою пехоту с южной части острова. А в северной части высаживались с кораблей все новые и новые части вермахта.

Всего англичане потеряли на Крите около 13 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Потери немцев составили 6 тыс. человек, из которых 3,5 тыс. пришлось на долю десантников. Казалось бы, результат можно признать вполне удов-

летворительным, однако фюрер чувствовал себя обманутым. Он все-таки наградил Штудента мечами к Рыцарскому кресту, но при этом не удержался от колкости, заявив: «Крит показал, что время десантных частей закончилось»...

Столь категоричный вывод, пожалуй, был преждевременным. Правда, во время кампании в России десантные войска действительно оказались на втором плане. Штудент тем не менее напоминал о себе и предлагал высаживать десанты в глубоком тылу Красной Армии. Сначала речь шла о захвате стратегически важного порта Батуми, затем о Кольском полуострове. Но все это выглядело очень сомнительным, и лишь в 1943 г. генералу доверили ответственную, но не слишком масштабную операцию по освобождению Муссолини. И, хотя за нее он получил дубовые листья к Рыцарскому кресту, даже здесь вся слава досталась не Штуденту, а его более прыткому подчиненному Отто Скорцени.

Конечно же, в 1941–1943 гг. небольшие отряды десантников проводили и другие аналогичные по масштабам диверсионные мероприятия. Что же касается более крупных соединений, то они, как правило, использовались на фронте в качестве обычной пехоты. Только в 1944 г., когда дела Германии стали совсем плохи, Гитлер опять увлекся воздушными десантами. Судя по всему, фюрер видел в них своеобразное чудо-оружие — этакое дешевое и эффективное средство, способное кардинально изменить ситуацию на фронте. При этом как-то забывалось, что на самом деле подготовка десантников процесс не только дорогой, но и длительный. Между тем цвет «летающей пехоты» уже был перемолот в «русской мясорубке», и теперь все приходилось начинать заново.

Штудента произвели в генерал-полковники и предложили совершить чудо — сформировать не дивизию и не корпус, а целую десантную армию. Однако еще до того, как он сумел создать нечто подобное, в Голландии союзники провели крупнейшую за всю войну высадку парашютистов (операция «Маркет-Гаден»). Состоялась она именно там, где предстояло действовать армии Штудента. Ге-

нерал даже наблюдал за ней из окна своего штаба и немало размечтался: «Если бы в моем распоряжении были такие ресурсы!»...

Что было бы тогда, можно только догадываться. Зато хорошо известно, что случилось в реальности. «Маркет-Гаден» с треском провалился, но и германские десантники не смогли проявить себя и вновь в качестве пехоты отправившись заполнять бреши на фронте. Штудента также пытались использовать в качестве пехотного командира. В конце войны ему поручили стабилизировать ситуацию в районе Мекленбурга, и именно здесь его взяли в плен англичане.

За якобы имевшие место преступления на Крите Штудент предстал перед трибуналом. Однако из показаний свидетелей выяснилось, что он не только не запятнал себя зверствами, но, напротив, спустил на тормоза приказ о репрессиях против местного населения.

Многие британские офицеры относились к подсудимому с нескрываемым восхищением. Так, генералу Джону Хэкету принадлежит следующее высказывание: «Курт Штудент... является создателем первых десантных частей. Именно он несет ответственность за выдающиеся достижения немецкого десанта во время Второй мировой войны. Я, британский десантник, который сражался с немецкими десантниками во время войны, могу лично свидетельствовать, что это были солдаты высокого класса».

Выйдя на свободу, Штудент поселился в Вестфалии. Его жена умерла вскоре после войны, а сын погиб еще в 1944 г. на фронте. Остаток жизни Штудент провел в одиночестве и умер в 88-летнем возрасте.

Маргелов

Василий Филиппович Маргелов родился в Екатеринославе (Днепропетровск) 9 января 1909 г. в семье рабочего-металлурга. Всего сыновей было четверо, причем судьбы братьев словно отразили в себе возможные варианты карьеры по-советски: один был репрессирован, другой стал партизаном, третий сотрудничал с оккупантами и, нако-

нец, четвертый дослужился до должности командующего воздушно-десантными войсками Советского Союза.

Впрочем, свою карьеру Василий начинал не в качестве десантника, а каменщиком. Затем был пекарем, шахтером, лесничим. В 1928 г. «грозу браконьеров» призвали в армию и по комсомольской путевке отправили в Минск учиться на красного командира. Здесь Василий вступил в ВКП (б) и даже возглавил отряд курсантов, прошедших на лыжах по маршруту Минск — Москва, чтобы поприветствовать XVII съезд партии.

После окончания школы Василий некоторое время служил в школе преподавателем, затем перешел в строевые части. Свообразным «крещением» для капитана Маргелова стал «освободительный поход» в Западную Украину и Белоруссию.

Хотя особого сопротивления Красной Армии поляки и не оказывали, время от времени вооруженные стычки все же происходили. Русские в таких случаях вполне могли рассчитывать на помощь своих тогдашних союзников — немцев. И все-таки отношения между «братьями по оружию» были достаточно сложными.

Так, в один прекрасный день командование поручило Маргелову стащить у союзников образец нового противогАЗа. С двумя офицерами он отправился в расположение ближайшей части вермахта и под каким-то благовидным предлогом устроил с немцами совместную пьянку. В разгар застолья Василий Филиппович заметил двух германских солдат, направляющихся к туалету. Один из них вошел внутрь, другой остался снаружи. Сопровождаемый шутками собутыльников Маргелов тоже отправился «до ветру». Возле туалета он прирезал обоих немцев, забрал их противогАЗы, а тела сбросил в парашу. Обратнo советские офицеры возвращались с чувством выполненного долга и тут, на свою беду, нарвались на польскую засаду. Все спутники Василия Филипповича погибли, а самого его от поляков спасли... немцы. Они вовремя пришли на помощь, затем подлечили Маргелова в своем госпитале и передали советскому командованию. Естествен-

но — без противогазов, которые остались где-то в разбитой машине.

Конечно, Василия Федоровича помуржили в Особом отделе, после чего отправили искупать вину на северо-западную границу. Здесь Красная Армия пыталась «освободить финских трудящихся». Однако население Суоми отбрыкивалось руками и ногами, так что ход военных действий принимал все более драматичный характер.

Среди прочих проблем много беспокойства доставляли отряды финских лыжников. Поскольку в советских частях лыжная подготовка почти полностью отсутствовала, для борьбы с неприятелем решили создать батальон из спортсменов-лыжников ленинградских и московских вузов. Василий Филиппович стал командиром батальона, причем первая же его операция закончилась громким полусуспехом, полускандалом.

В тылу противника группа Маргелова захватила шестерых пленных, которые оказались не финнами, а шведами. Как выяснилось, они выполняли специальное задание, изучая возможность выступления Швеции на стороне Финляндии.

Дело закончилось дипломатическим скандалом, причем Василий Филиппович, конечно же, оказался одним из «крайних». Ему, правда, присвоили майорское звание, но должность подыскали не очень-то «теплую» — командир 15-го отдельного дисциплинарного батальона.

Значительную часть «штрафников» составляли бывшие уголовники. Однако после того как Маргелов заехал в ухо одному из «авторитетов», с попытками «жить по понятиям» в батальоне было покончено. Подчиненные не только зауважали, но и полюбили своего командира, наградив его прозвищем «Батя». Прозвище это настолько приросло к Василию Филипповичу, что в дальнейшем оно сохранилось за ним и в других частях, которыми он командовал.

В Отечественную войну «штрафников» использовали на самых рискованных участках. Погибшие или раненые в бою дисбатовцы получали амнистию и считались иску-

пившими вину кровью. В боях летом 1941 г. среди подчиненных Маргелова выжили очень немногие. Зато уцелевшие были реабилитированы и уже в качестве обычных бойцов составили новое соединение.

Правда, с любимым «Батей» им пришлось расстаться. Василия Филипповича отозвали в Ленинград и назначили командиром Первого особого лыжного полка моряков Балтийского флота. Василию Филипповичу впервые пришлось столкнуться с десантниками, однако речь шла не о парашютистах, а о морских пехотинцах...

Здесь следует сделать небольшое отступление и пояснить, что к осени 1941 г. с некогда мощными воздушно-десантными войсками в Советском Союзе фактически было покончено. В условиях, когда наши войска попадали в окружение целыми армиями, думать о том, чтобы высаживать в тылу противника какие-то десанты, просто не приходилось.

Парашютные корпуса превращались в пехотные, и, хотя их вооружение уступало вооружению «нормальных» пехотинцев, этот недостаток отчасти компенсировался более качественной боевой подготовкой десантников.

Что же касается морских пехотинцев, то здесь все было сложнее. Под Ленинградом, например, борьба носила позиционный характер, так что именно морские десанты зачастую оказывались тем средством, при помощи которого можно было взломать оборону противника. Другое дело, что с советской стороны уровень подготовки подобных операций нередко был просто отвратительным, в чем, кстати, Маргелову пришлось убедиться на собственном опыте.

27 ноября 1941 г., пройдя по льду Ладожского озера, его полк атаковал позиции противника в направлении деревни Липки — Шлиссельбург. В самом начале боя Василий Филиппович был ранен. Подчиненные укрыли его на барже, вмержшей в озеро, неподалеку от берега.

С криками «ура!» и «полундра!» десантники выбили противника из укрытий и попытались закрепиться на плацдарме. Теперь все зависело не от них, а от огневой под-

держки артиллерии и скорости, с которой подойдет на помощь «матушка-пехота». Однако ни артиллерия, ни пехота так себя и не проявили. Немцы двинулись в контратаку, и после ожесточенного сопротивления остатки «братишек» отошли на исходные позиции.

Впоследствии состоялся суд, на котором выяснилось, что помощь не подошла из-за того, что командир и комиссар пехотной дивизии попросту напились и позабыли об операции. Раненый Маргелов выступал на этом суде в качестве свидетеля, причем после оглашения смертного приговора подсудимые подошли к нему и попросили прощения...

Вернувшись в строй, Василий Филиппович командовал 218-м стрелковым полком. Постепенно его популярность стала выходить за пределы собственного корпуса и даже армии. В некоторых отношениях «Батя» был фигурой харизматической. Он заботился о подчиненных, делился с ними своим пайком и запросто мог надеть на голову повара горшок с подгоревшей кашей. Кроме того, в мужских коллективах всегда с уважением относятся к физической силе, Маргелов же был силачом и подлинным мастером рукопашного боя. Частенько в качестве утренней зарядки из ручного пулемета он подстригал верхушки деревьев, причем очевидцы рассказывают, что из того же пулемета в одном из боев он лично положил 79 «фрицев»...

В конце 1942 г. Василия Филипповича перекинули на Сталинградский фронт. В боях на реке Мышкове возглавляемый им 13-й полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии вместе с другими частями сорвал попытки немцев деблокировать армию Паулюса. Как писал германский генерал Ф. Меллентин: «Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки привела к кризису Третьего Рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии».

Через полгода в роли обороняющейся стороны оказались уже немцы, а не русские. Пытаясь удержать Донбасс, командование вермахта создало мощный рубеж,

получивший наименование «Миус-фронта». Первая попытка нашего наступления закончилась неудачей, причем Маргелову с частью дивизии с большим трудом пришлось выбираться из окружения. Однако в августе 1943 г. «Миус-фронт» все-таки рухнул. Василий Филиппович как человек, сыгравший не последнюю роль в этом успехе, получил должность командира 49-й стрелковой дивизии... Любопытно, что при своем создании (в 1932 г.) эта дивизия получила наименование «колхозной» и занималась не столько боевой подготовкой, сколько сельскохозяйственными работами. Однако, оказавшись на фронте, «колхозники» проявили себя вполне достойно и даже удостоились гвардейского звания.

Именно во главе этого соединения Василий Филиппович участвовал в форсировании Днепра и стал Героем Советского Союза. Что же касается дивизии, то за время командования Маргелова она получила наименование Херсонской и двенадцать раз была удостоена Сталинских благодарностей (всего за Великую Отечественную войну было тринадцать таких случаев).

В 1944–1945 гг. бойцы Маргелова побывали в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Словакии. Во время боев под Будапештом по соседству с ними сражалась Псковская воздушно-десантная дивизия. И хотя возрождение советской «летающей пехоты» в то время только начиналось, лихость и отвага парашютистов произвели на Маргелова хорошее впечатление.

Едва ли не больше многих своих побед Василий Филиппович гордился бескровным пленением трех танковых дивизий СС («Мертвая голова», «Великая Германия» и 1-я полицейская). Капитуляцию победители и побежденные отметили пирушкой. Возможно, для Маргелова в этом была некая символика: все-таки и началась, и закончилась для него Вторая мировая война одним и тем же — совместной пьянкой с немцами.

На Параде Победы Василий Филиппович командовал сводным батальоном 2-го Украинского фронта. Затем он два года учился в Военной академии и в 1948 г. принял

командование Псковской дивизией. Так, почти в 40-летнем возрасте Маргелов стал десантником и совершил свой первый прыжок с парашютом.

В послевоенный период приоритеты советской стратегии претерпели серьезные изменения. Воздушно-десантным войскам вновь стало уделяться большое внимание, и в 1954 г. Василий Филиппович возглавил их в качестве командующего. В память о собственной службе в морской пехоте он ввел новый элемент формы — тельняшки (заменив, впрочем, черные полосы на голубые).

Популярность Маргелова у подчиненных была столь велика, что в его честь аббревиатуру ВДВ стали расшифровывать как «Войска дяди Васи». Именно под командованием Василия Филипповича «летающая пехота» превратилась в элиту советской армии. Десантников (впрочем, не только воздушных, но и морских) больше всего гоняли на занятиях по боевой и физической подготовке. И именно они чаще всего попадали в горячие точки, где выполняли всевозможные секретные миссии. Оперативность и быстрота действий парашютистов особенно проявились во время событий в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.). И хотя сам по себе факт нападения на «братские социалистические государства» не делает чести кремлевским политикам, следует признать, что с профессиональной точки зрения действия десантников в этих операциях расцениваются как образцовые.

За свою жизнь Василий Филиппович был женат четыре раза, причем трое из пяти сыновей пошли по стопам отца и стали военными. Выйдя в 1979 г. на пенсию, генерал армии Маргелов написал книгу о «войсках дяди Васи». Скончался он в 1989 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

В условиях Второй мировой войны (с ее миллионными армиями и гигантским количеством техники) воздушно-десантные войска оказались слишком «тонким», а потому малоэффективным оружием. И хотя стараниями Штудента в плане боевого опыта герман-

ские ВДВ намного обогнали ВДВ союзников, серьезного влияния на ход боевых действий это не оказало.

Значение «летающей пехоты» выросло позже — во время «холодной войны» и противостояния между СССР и странами Запада. Воздушно-десантные войска начали превращаться в инструмент решения тех или иных локальных конфликтов. И, разумеется, требовался «мастер», который мог бы придать этому инструменту необходимые качества: остроту, блеск, твердость. Таким мастером оказался ветеран Второй мировой войны генерал Маргелов.

МЕЛЬДЕРС И ПОКРЫШКИН: «СОКОЛЫ» ПРОТИВ «ЭКСПЕРТОВ»

Говоря о лучших летчиках-истребителях Второй мировой войны, большинство историков называют имена Вернера Мельдерса и Александра Покрышкина. И дело здесь заключается вовсе не в количестве одержанных ими воздушных побед: по результативности Покрышкин был среди «сталинских соколов» вторым (после Кожедуба), а Мельдерс и вовсе занимал среди «экспертов» люфтваффе всего лишь 17-е место.

Тем не менее именно эти двое считались лучшими по ту и эту сторону линии фронта. Ведь они были не просто идеальными «рыцарями неба», но и настоящими аналитиками-теоретиками воздушного боя.

Мельдерс

Вернер Мельдерс родился 18 марта 1913 г. в Бранденбурге. Еще в детстве он катался на аэроплане своего дяди, и с тех пор мальчик заболел авиацией. Однако, когда пришло время идти в армию, Вернер, к своему огорчению, попал в пехоту. Целый год он боролся с командованием и в конце концов добился направления в летную школу. К сожалению, испытания на этом не закончились. Во время проверки на центрифуге выяснилось, что Мельдерс подвержен морской болезни и, следовательно, никогда не сможет стать летчиком.

Слово «никогда» не остановило курсанта, и после множества изнурительных тренировок он со второй попытки сумел-таки пройти медкомиссию. В возрасте 22 лет Вернер начал службу в люфтваффе с должности инструктора летной школы в Висбадене.

Назначение инструктором само по себе свидетельствует о его хорошей профессиональной подготовке, но, конечно же, молодому летчику хотелось боевой практики. И вот опять чередой пошли рапорты к командованию с просьбой о направлении в Испанию.

На Пиренеях в это время находились германские летчики из так называемого легиона «Кондор». Им противостояли наши пилоты-«добровольцы», воевавшие преимущественно на истребителях «И-15» и «И-16». Машины, на которых сражались советские и немецкие летчики, стояли друг друга, поскольку, уступая «женкелям» по техническим характеристикам и вооружению, наши «крысы» превосходили их по скорости и маневренности.

Однако в 1938 г. в «Кондор» поступили «Me-109». Мельдерс был одним из тех, кто сумел во всем блеске продемонстрировать достоинства новой машины. 15 июля 1938 г., вылетев на свое первое боевое задание, он атаковал два истребителя «И-15». Первая выпущенная «мессером» очередь прошла выше цели, и самолет республиканцев ушел вниз с переворотом. Вернер тут же устремился на второго противника и, сократив расстояние до минимума, снова нажал на гашетку. Неприятельская машина вспыхнула, задымилась и спиралью упала на землю.

Это была первая официальная победа Мельдерса. За последующие четыре месяца он уничтожил еще 13 неприятельских истребителей, причем трижды делал дуплеты (т. е. сбивал в течение дня по два вражеских самолета). Таким образом, к концу Испанской войны Вернер стал самым результативным «экспертом» (так в Германии называли асов) легиона «Кондор» и одним из самых известных пилотов Германии.

Но дело заключалось не только в славе. Вернер оказался пилотом, способным обобщать накопленный опыт и передать его молодым летчикам. Более того, к его советам прислушивались и конструкторы, а командование люфтваффе довольно внимательно читало его докладные. Именно благодаря Мельдерсу в немецкой авиации был принят строй, состоящий из четырех самолетов (звено),

а пара самолетов превратилась в стандартную тактическую единицу. Отправляясь на задание, все машины звена занимали позиции, подобные пальцам вытянутой руки. Чуть позже Вернер внес еще одно усовершенствование, и вторая пара самолетов стала летать выше первой, как бы прикрывая ее от неприятеля.

Подобные тактические преобразования повысили мобильность и боеспособность истребительных частей. Кроме того, нововведения пошли вширь, и, теперь уже отталкиваясь от тактики звена, целые эскадрильи начали разделять свой боевой порядок на так называемые группы (ударная, прикрытия, подавления средств ПВО, резервная и т. д.).

В результате к началу Второй мировой войны не только в техническом, но и в тактическом отношении люфтваффе существенно превосходили военно-воздушные силы других стран. Досадно, что превосходили они и ВВС Красной Армии, хотя за спиной наших летчиков также имелся испанский опыт. Впрочем, прежде чем очередь дошла до Советского Союза, свое превосходство немцы продемонстрировали французам и англичанам...

Весьма высоко оценивая организаторские и аналитические способности Мельдерса, Геринг предложил ему место в своем штабе, однако знаменитый «эксперт» решил, что его место на фронте. С началом Второй мировой войны Вернер командовал группой в 53-й истребительной эскадре и одержал целую серию побед, которые еще больше упрочили его славу. Правда, дебют его прошел не очень удачно: уже на восьмой день боевых действий возглавляемая им группа самолетов вступила в схватку с французами, причем единственным сбитым в этом бою оказался сам Мельдерс. Удачно совершив вынужденную посадку, он уже 20 сентября взял реванш, уничтожив французский истребитель. 30 октября Вернер сбил своего первого англичанина, а всего к концу французской кампании довел боевой счет до цифры «39».

А вот одержать пятидесятую победу ему так и не удалось. 6 июня 1940 г. во время группового боя «мессерш-

митт» Мельдерса со стороны солнца был атакован «мораном» лейтенанта Помье-Лерага. Вернер сумел спастись лишь благодаря тому, что вовремя выбросился с парашютом, а вот его победителя три других «мессера» тут же уничтожили, зажав в «клещи».

Приземлившись, Мельдерс попал в плен, но уж через три недели (после капитуляции Франции) с триумфом вернулся на родину. В Германии его встретили как героя: Геринг вновь предложил ему место в своем штабе, но Вернер вновь отказался, решив принять участие в «битве за Британию». На сей раз, как известно, победа осталась за англичанами: во всяком случае, даже несмотря на численное превосходство люфтваффе, пилотам королевской авиации удалось отстоять «свой любимый остров». Вернер в этих боях был сбит еще один раз, причем не исключено, что его победителем стал ас Адольф Мэлан, которого, по иронии судьбы, прозвали «британским Мельдерсом».

И вновь Вернер отделался вынужденной посадкой, а спустя несколько дней сбил очередного англичанина. В конце 1940 г. его эскадру вывели на отдых, а через пару месяцев вновь вернули во Францию. Воздушные бои с британцами продолжались вплоть до лета 1941 г., когда соединение Мельдерса перебросили в Польшу. К этому времени в его послужном списке значилась 91 победа...

Бессспорно, многие асы люфтваффе «вели себя подобно примадоннам» и гнались, в первую очередь, за численными показателями. Очень часто это вредило общему делу, и Вернер выступал против подобной практики. Разумеется, он тоже участвовал в негласном соревновании между «экспертами», но в интересах «команды» всегда был готов отказаться от личной победы.

О приоритетах Мельдерса можно судить по спору, который он вел со своим другом Адольфом Галландом. Галланд рассматривал в качестве своего кумира самого результативного летчика Первой мировой войны — Манфреда фон Рихтгофена (80 побед), Мельдерс же отдавал предпочтение менее результативному (16 побед) «теоретику» Освальду Бьелке. В конце концов, устав от дискус-

сии, Вернер сказал другу: «Хорошо, Адольф, ты можешь стать Рихтгофеном, я буду Бьелке».

И при этом именно Мельдерс стал первым летчиком, сумевшим превзойти результат Рихтгофена, и он же оказался первым летчиком, сумевшим добраться до магической цифры: 100 уничтоженных самолетов противника. Правда, последнего результата он добился уже на Восточном фронте...

22 июня 1941 г. внезапным ударом люфтваффе атаковали советские аэродромы и нанесли огромные потери нашей авиации. Некоторые немецкие летчики называли эту бойню «избиением младенцев», хотя, ради справедливости, следует отметить, что в тех случаях, когда «младенцы» успевали подняться в воздух, они все-таки умели дать сдачи. Так, уже в первые часы войны погиб подполковник Шеллман (третий по результативности ветеран Испании, общее число побед — 24) и капитан Бретнюнц (36 побед). А вот для Вернера этот день сложился вполне удачно — он уничтожил четыре советских машины.

28 сентября 1941 г., имея на счету 115 сбитых самолетов противника, Мельдерс первым из немецких экспертов был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Почти сразу же после награждения Геринг назначил его генерал-инспектором (т. е. командующим) истребительной авиацией и издал приказ, запрещающий ему участвовать в боевых вылетах...

Вступив в новую должность, Мельдерс, по словам майора Ралля, «каждое утро отправлялся на своем “шторьхе” к линии фронта в районе Крыма, где располагался его командный пункт с радиостанцией. Отсюда он управлял нами во время воздушных боев, которые непрерывно происходили на этом участке советско-германского фронта. Он стал пионером этого эффективного метода руководства боем. Его четкие и высокопрофессиональные команды с земли в значительной степени облегчали выполнение боевой задачи. Все летчики чувствовали себя гораздо уверенней, когда с земли поступали ясные и понятные инструкции. Вечером он собирал командиров и произво-

дил разбор проведенных боев. Это были в высшей степени полезные совещания».

Некоторые германские историки всерьез полагают, что если бы Мельдерс командовал истребителями люфтваффе не восемь недель, а чуть дольше, это изменило бы весь ход войны на Восточном фронте. Предположение, мягко говоря, смелое, однако, само по себе оно говорит о том, каким уважением пользовался Вернер у своих подчиненных.

Так или иначе, изменить ход истории ему не удалось. В Берлине покончил с собой бывший ас Первой мировой войны и один из руководителей люфтваффе Эрнст Удет. 22 ноября Мельдерс отправился на его похороны, но у бомбардировщика, на котором он летел, внезапно отказал двигатель. При вынужденной посадке самолет врезался в линию электропередач, а пилот и высокопоставленный пассажир погибли. Похоронили Мельдерса в Берлине при огромном стечении народа и со всеми полагающимися воинскими почестями.

Покрышкин

Александр Иванович Покрышкин родился 19 марта 1913 г. в Новониколаевске (Новосибирске). Отец его во времена НЭПа торговал галантереей, впоследствии как «чуждый элемент» был лишен за это избирательных прав и в 1934 г. от безысходности повесился. Сам Саша с 10 лет работал кровельщиком на стройках и одновременно учился в семилетке. В 17 лет он поступил в ФЗУ, которое закончил по специальности слесаря-инструментальщика. В стране в это время гремел лозунг «Комсомолец — на самолет!», и вот по путевке ВЛКСМ Покрышкин отправился в Пермь в авиационное училище. Как на беду, выяснилось, что набор летчиков временно прекращен, и Александра, к его глубокому огорчению, зачислили в группу авиатехников.

Ирония судьбы заключалась в том, что прибудь он месяцем позже или раньше, и стать летчиком молодому си-

биряку удалось бы без особых сложностей. А так целых шесть лет Покрышкину пришлось служить авиатехником и одновременно добиваться перевода в пилоты. Бюрократическая машина упорно сопротивлялась, и тогда он совершил невозможное: всего за три недели прошел годичный курс летчика при одном из аэроклубов. Преподаватели были настолько потрясены, что уже без особого сопротивления рекомендовали его в знаменитую Качинскую авиашколу (под Севастополем).

Здесь Александр удивлял всех своими способностями, но в 1939 г. бдительные товарищи выяснили, что он является сыном «лишенца». Покрышкина едва не исключили из школы и из ВЛКСМ, но тут вмешалась первичная комсомольская организация, ограничившаяся вынесением ему строгого выговора за «неоткровенность».

Так или иначе, со скрипом и нервотрепкой, бывший техник стал пилотом 55-го истребительного авиационного полка. Война застала его на территории Молдавии, и уже 22 июня Покрышкин продемонстрировал свою меткость и мастерство пилотажа. Правда, в роли сбитого оказался свой же советский бомбардировщик, и только по счастливой случайности дело обошлось без потерь со стороны экипажа.

Свою первую настоящую победу Александр Иванович одержал на следующий день, сбив «Me-109». Спустя месяц на его счету было шесть немецких самолетов, однако свою первую высокую награду — орден Ленина — он получил вовсе не за уничтоженные неприятельские машины, а за обнаружение крупной перегруппировки немецких танков под Ростовом. Что же касается воздушных побед, то документы, в которых они фиксировались, были потеряны, причем Покрышкин отнесся к этому с философским спокойствием. В это время Александр Иванович уже разрабатывал новую тактику боя, которая позволила бы свести наши потери до минимума. И еще он старательно изучал опыт противника и однажды даже летал на трофейном «Me-109».

Авторитет Покрышкина у однополчан был огромным, а вот его отношения с командованием складывались, мяг-

ко говоря, весьма неровно. Он вполне мог рубануть правду в глаза начальству и при этом весьма резко критиковал тех командиров, «которые сами не летают, а других учат».

Разумеется, успешной карьере это не способствовало. Покрышкина постоянно «прокатывали» с наградами и упорно не утверждали в должности командира эскадрильи. Здесь, впрочем, следует признать, что и сам он давал соперникам лишние козыри. Так, летом 1942 г., когда его гвардейский авиаполк находился в Махачкале на отдыхе, Покрышкин устроил драку из-за места в столовой. Гвардейцы схлестнулись с негвардейцами, «кто-то кого-то стукнул боксом», а когда к месту драки прибыл комендантский взвод, помирившиеся пилоты устроили «тыловикам» взбучку.

Самое забавное, что, выпив на «мировую», гвардейцы и «негвардейцы» успели забыть об этой истории, когда Покрышкина взяли на гауптвахту. Затем последовали снятие с должности командира эскадрильи и исключение из партии. К счастью, в дело вмешались офицеры, драка с которыми и привела ко всем этим неприятностям. Именно благодаря их хлопотам выяснилось, что отрицательные характеристики на Покрышкина были сфальсифицированы недоброжелателями, а сам он является храбрым и уважаемым боевым офицером.

На фронт Александр Иванович вернулся весной 1943 г. в качестве командира эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиаполка 4-й воздушной армии. И именно тогда он получил новую машину — американскую «аэрокобру», которую в дальнейшем предпочитал любым советским моделям...

Широкую известность Покрышкину принесла Кубанская битва (март-июль 1943 г.) — первое авиационное сражение, в котором русские и немцы выступили на равных. Командованию люфтваффе, правда, по-прежнему удавалось добиваться перевеса сил в нужное время и в нужном месте, однако в профессиональном отношении «сталинские соколы» довольно успешно тягались с германскими

«экспертами». Другое дело, что уровень подготовки пилотов из разных соединений тоже был очень различным, причем Покрышкин и его товарищи рассматривались в качестве образцов для подражания.

Радист Н. И. Уманский рассказывал в качестве примера об эпизоде, когда несколько советских генералов наблюдали с КП за разыгрывавшейся в небе схваткой: «Восемь наших истребителей “Як-1” вели воздушный бой против двенадцати “мессершмиттов”. Бой они вели плохо, нервничал их командир, и немцы буквально издевались над “яками”. Генералы очень переживали, кричали, ругались между собой, как и бывает в таких случаях, говорили, что летчиков надо послать в пехоту... На их счастье, Александр Иванович с группой из четырех самолетов возвращался из боя, который они провели над Керчью и Темрюком. Они имели преимущество в высоте и, как ястребы, смело набросились на немцев. За каких-нибудь пять-семь минут четыре “Ме-109” уже горели, как костры на земле, два летчика спаслись на парашютах, а два погибли, остальные ретировались немедленно... А мои генералы, переругавшись между собой, на радостях начали целоваться, чуть не в пляс пустились... Это настоящие асы — так говорили они».

Противниками наших гвардейцев в этих боях были «эксперты» из наиболее прославленных соединений люфтваффе, в том числе и из знаменитой 52-й эскадры, в которой сражались самые результативные немецкие истребители — Хартманн, Баркхорн, Ралль. Все они в известной степени были учениками Мельдера и действовали в соответствии с разработанными им тактическими приемами. Вот только дух коллективизма в них был не так уж силен, поскольку в первую очередь «эксперты» гнались за собственными победами. Явно не желая втягиваться в долгие поединки, они предпочитали подойти незамеченными и, нанеся удар, сразу же ретировались. А вот «сталинских соколов» наше командование удерживало от «свободной охоты» и заставляло, в первую очередь, выполнять поставленную задачу.

Именно в кубанском небе Покрышкин разработал новый боевой порядок — «этажерку». Три пары истребителей рассредотачивались по фронту и по высоте на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга. Каждой паре и каждому летчику выделялись специальные секторы поиска, а общее командование осуществлялось при помощи радиосвязи.

Для патрулирования применялся так называемый маятник. Группа истребителей снижалась с высоты 4–5 до 2–3 километров, затем резко уходила вверх, разворачивалась на 180 градусов и опять устремлялась вниз. Пространство над районом прикрытия буквально прочесывалось, и при этом высота и скорость давали маневр для внезапной атаки. Ну, а во время боевой «карусели» Покрышкин был просто великолепен и, по общему мнению, мог дать фору любому «эксперту». Стрелять же он предпочитал чуть ли не в упор и сразу со всех трех пулеметов.

После Кубани фамилия Покрышкина загремела по всему фронту, а командующий воздушной армией генерал Вершинин все чаще прислушивался к его мнению. Именно тогда Александр Иванович был дважды награжден Звездой Героя Советского Союза, а список его побед, только согласно официальным (сильно заниженным) данным, дошел до цифры 30.

Заняв должность командира полка, Покрышкин добился очень хорошего соотношения потерь и побед — восемьдесят сбитых немцев на одного нашего. Конечно, на бумаге зачастую происходили вещи еще более удивительные, но оспаривать правильность подобной статистики пока не брались даже немецкие исследователи.

Сам Александр Иванович по-прежнему летал и, демонстрируя мастер-класс, периодически заваливал то одного, то двух немцев. Один из механиков его полка рассказывал: «У нас в звене управления стоял хороший американский радиоприемник. Когда наши уходили в бой, мы настраивали его и слушали, что происходит в воздухе. Доносилось до нас и немецкое “Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин!”... Истеричные выкрики надорванным голосом...».

Следует отметить, что начиная с 1943 г. в техническом и организационном отношении советские ВВС все более превосходили люфтваффе. Соответственно, это отразилось и на уровне подготовки пилотов. Если в начале войны наиболее опытные наши истребители имели по 200–400 часов налета, то у германских «экспертов» было не менее 600–800. А вот в конце войны, когда ряды немецких асов уже сильно поредели, рейхсмаршал Геринг все чаще бросал в бой зеленую молодежь, имевшую 100–150 часов налета. Конечно, тягаться со «сталинскими соколами» таким «птенцам» было не под силу.

Последнюю попытку вернуть себе инициативу люфтваффе предприняли в мае-июне 1944 г. в боях под Яссами. В конце этого сражения Покрышкин уже был командиром дивизии, а в августе получил третью по счету Звезду Героя Советского Союза. Спустя год аналогичной награды удостоится Иван Никитович Кожедуб, официально признанный самым результативным асом союзников. Кроме них третью звезду не получит никто, и лишь маршал Жуков будет осыпан еще большими почестями, став четырежды Героем Советского Союза...

Любопытно, что, хотя официально засчитанных побед у Кожедуба на две больше, чем у Покрышкина, Александр Иванович пользовался большей популярностью и в Советском Союзе, и на Западе. Кожедуб, впрочем, относился к этому довольно спокойно и никогда не отрицал первенство Покрышкина в области новых тактических разработок.

Сегодня историки авиации пришли к выводу, что количество побед Покрышкина сильно занижено. Так, во время отступления пропали многие документы полка, в котором Александр Иванович сражался в 1941–1942 гг., а уже в конце войны некоторые уничтоженные машины он записывал на ведомых по той простой причине, что командование запретило ему участвовать в боевых вылетах (аналогичный запрет прервал в свое время и летные подвиги Мельдерса). Так или иначе, но из сопоставления различных источников появились другие данные, соглас-

но которым в воздухе он сбил девяносто четыре, а на земле уничтожил еще три самолета. Для сравнения поясню, что никто из англо-американских асов не смог подобраться даже к пятидесяти победам...

Отечественную войну Покрышкин закончил в звании полковника, а на Параде Победы именно ему доверили нести штандарт 1-го Украинского фронта. В дальнейшем он продолжил военную карьеру и в 1972 г. достиг звания маршала авиации. Впрочем, учитывая его вклад в развитие советских ВВС, нельзя не признать, что он был достоин стать и главным маршалом, и маршалом Советского Союза. Однако даже на старости лет Александр Иванович не разучился рубить правду...

Скончался Покрышкин 13 ноября 1985 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Советский и немецкий асы родились с разницей всего в один день, но к тому моменту, когда Мельдерс уже погиб, находясь в зените своей славы, о существовании Покрышкина знали разве что его однополчане. Тем не менее с некоторой натяжкой можно сказать, что в воздушных боях на Восточном фронте друг другу противостояли две школы истребительной авиации — школа Мельдерса и школа Покрышкина. Вернее, даже не столько противостояли, сколько одна пришла на смену другой и доказала свое превосходство.

ПРИН И МАРИНЕСКО: АТАКИ ВЕКА

Дискуссии о том, кто был лучшим подводником Второй мировой войны вообще и той или иной страны в частности, по-видимому, никогда не завершатся консенсусом. Проблема заключается, прежде всего, в отсутствии четких критериев для оценок. Тоннаж или количество потопленных судов не могут служить единственными показателями, ведь известно, например, что потопить военный корабль, как правило, сложнее, чем транспортник, а с другой стороны — транспортник зачастую представляет большую ценность.

Но если вопрос о «подводнике №1» остается открытым, то вот насчет наиболее громких операций субмарин особых споров не возникает. Героями двух «атак века» стали немецкий и советский капитаны — Гюнтер Прин и Александр Маринеско.

Прин

Гюнтер Прин родился 16 января 1908 г. в Любеке. Впоследствии он не очень любил распространяться о своем происхождении и лишь упоминал, что из-за нищеты в 15 лет ушел из дому, избавив тем самым родителей от забот о своем содержании.

Год его вступления в самостоятельную жизнь был отмечен тяжелым экономическим кризисом, «Пивным путчем» и катастрофическим обесцениванием германской валюты, когда за 1 доллар давали 4 триллиона 200 миллиардов марок.

Однако юноша был преисполнен бодрости и оптимизма. Поработав гидом на Лейпцигской международной ярмарке, он скопил совершенно неисчислимую сумму, ко-

торой, во всяком случае, хватило, чтобы заплатить за обучение в морской школе. Освоив азы своей будущей профессии, Гюнтер устроился юнгой на пароход «Гамбург» и в одном из первых же рейсов едва не стал жертвой кораблекрушения. Во время зимнего шторма судно затонуло, и Прину вплавь пришлось добираться до ирландского берега.

Теперь, после такого экзамена, он мог считать себя настоящим морским волком. Перенесенное испытание не отбило у него охоты к морскому делу, и на протяжении следующих восьми лет Гюнтер продолжал набираться опыта, проявляя при этом завидные настойчивость и трудолюбие. В конце концов Прин даже сдал экзамены на капитана, но, получив вожаделенные корочки, так и не смог найти подходящей вакансии. «Великая депрессия» была в самом разгаре, и тысячи моряков оказались выброшенными на берег без малейших средств к существованию.

Дела у Гюнтера шли настолько плохо, что ему пришлось устроиться в Добровольную трудовую армию, бойцы которой работали только за крышу над головой и питание. Но с приходом к власти Гитлера все изменилось. Офицеров торгового флота стали охотно набирать в Кригсмарине (ВМФ), и хотя начинать службу Прину пришлось с рядового матроса, постепенно карьера его пошла в гору.

Еще обучаясь в школе подводников, он познакомился с командиром подлодки «U-26» Вернером Харманном, под началом которого принял участие в операциях против судов, доставлявших оружие в республиканскую Испанию. В качестве 2-го помощника Гюнтер продемонстрировал очень неплохие профессиональные навыки, а в 1938 г. и сам успешно окончил курсы командиров-подводников.

К тому времени он уже был женат и имел маленькую дочь, однако, получив «собственную» субмарину «U-47», именно ей посвящал большую часть своего времени. Отношения Прина к служебным обязанностям было настолько фанатичным, что однажды он даже шокировал коллег заявлением: «Я предпочел бы месячные маневры в Атлантике любому отпуску!»

Столь усердный офицер буквально рвался в бой, и начавшаяся мировая война, бесспорно, очень удачно совпала с его воинственным настроением. Уже 5 сентября «U-47» вышла в море, после чего в течение всего одной недели Прин отправил на дно 2 английских и одно французское судно. По сути, это были первые победы подводного флота Рейха, причем нельзя не признать, что война начиналась для Кригсмарине очень удачно.

Вернувшись на базу, Гюнтер получил Железный крест 2-й степени и обратил на себя внимание адмирала Деница. 1 октября «фюрер подводных лодок» вызвал Прина в свою резиденцию и обратился к нему с вопросом: «Как ты думаешь, может решительный капитан провести лодку в Скапа-Флоу и атаковать корабли, стоящие там на якоре». Чуть помолчав, адмирал добавил: «Я не требую немедленного ответа. Обдумай мои слова, свяжись со мной в среду и скажи свое мнение по этому поводу. Что бы ты ни решил, это не повлияет на твою репутацию. Ты же знаешь, какого мы высокого о тебе мнения».

Здесь следует пояснить, что Скапа-Флоу была главной базой британского флота, причем само это название ассоциировалось у германских моряков с печальной страницей недавнего прошлого. Именно в Скапа-Флоу в 1918 г. была затоплена интернированная англичанами Атлантическая эскадра. Теперь, по мнению Деница, пришло время рассчитаться за унижение. Бесспорно, что победа, одержанная немцами в таком месте, должна была иметь не только военное, но и огромное моральное значение. И Прин, даже осознавая всю опасность предприятия, конечно же, не мог отказаться от столь почетной задачи...

На самом деле при всем риске операция отнюдь не была самоубийственной. Согласно данным разведки, англичане совсем не следили за восточным проливом, удовлетворившись тем, что затопили поперек него два стареньких судна. На самом деле между их корпусами оставался проход шириной около 17 метров, через который вполне могла бы пробраться подводная лодка.

Вечером 13 октября под прикрытием темноты «U-47» подошла к Скапа-Флоу. Всплыв на поверхность и преодолевая встречное течение, субмарина благополучно миновала препятствие. Однако уже в бухте в сплошной темноте Прин довольно долго не мог найти ни одной цели. Примерно около часа ночи, когда в небе заблестело северное сияние, с подводной лодки наконец обнаружили британский эсминец. Капитан отдал приказ подойти поближе и через несколько минут, благодаря все тому же сиянию, увидел сразу две цели покрупнее. Одним из кораблей оказался линкор «Ройял Оук», а вторым — старый авианосец «Пегасус».

Заняв выгодную позицию, лодка выпустила четыре торпеды. Результат оказался не слишком обнадеживающим: один аппарат не сработал, а из оставшихся трех торпед две просто не взорвались, и лишь последняя прошла носовую часть линкора.

Однако, к удивлению Принна, никакой реакции не последовало. Вместо того чтобы начать шарить прожекторами и перекрыть выходы из бухты, британцы, казалось, не проявляли никаких признаков беспокойства. Впоследствии выяснилось, что торпеда взорвалась внутри «Ройял-Оук», и, поскольку причиненный ей вред был минимальным, вахтенные решили, что речь идет о какой-то технической аварии.

Так или иначе, но Прин решил повторить атаку. Около двадцати минут экипаж перезаряжал торпедные аппараты. Когда этот процесс уже подходил к концу, субмарина двинулась на сближение с линкором и с минимального расстояния выпустила еще четыре «рыбины». Две из них опять не сработали, зато две оставшихся угодили в цель и своими взрывами вызвали детонацию порохового погреба. Линкор расколото на две части, после чего «Ройял Оук» опрокинулся и пошел на дно со всем экипажем. Потери британцев составили более восьмисот моряков и офицеров, в том числе погиб командующий флотом метрополии адмирал Блэнгроув.

Теперь англичане проснулись. Но сама мысль о том, что в Скапа-Флоу проникла вражеская подводная лодка, казалась поначалу абсурдной, и противника искали не в во-

де, а в воздухе. Прожекторы шарили по небу, зенитки били по несуществующим самолетам, а «U-47» в это же время спокойно направлялась к выходу из гавани. Правда, здесь субмарина едва не столкнулась с английским эсминцем, но в последний момент корабль повернул в сторону, видимо, решив прочесать бухту...

Гибель одного из лучших линкоров в собственной гавани вызвала настоящий скандал в британском парламенте. Однако морской министр Уинстон Черчилль представил документы, из которых следовало, что Адмиралтейство как раз накануне приобрело какое-то старенькое судно и уже собиралось затопить его для того, чтобы более надежно защитить вход в бухту. Будь это сделано вовремя, и никакой катастрофы не случилось бы, но вопрос затянулся из-за различных проволочек со стороны гражданских ведомств.

В Германии этот успех, напротив, вызвал волну патристического подъема. На базе «U-47» встречала делегация важных персон во главе с командующим Кригсмарине адмиралом Редером. Затем капитана доставили в Берлин, где он лично получил Рыцарский крест из рук Гитлера, а восторженная толпа на улицах скандировала: «Мы хотим Прина!»

Командир «U-47» получил прозвище «Бык Скапа-Флоу» и превратился в настоящего национального героя. Письма от женщин приходили к нему мешками, а он выбрасывал их и предпочитал проводить свободное время с друзьями за кружечкой пива. Дисциплина на его лодке была железная, но моряки считали за честь служить под началом столь знаменитого капитана.

Успехи Прина воспевались пропагандой, а сам он делал все, чтобы соответствовать своему звездному статусу. К весне 1941 г. на его счету значилось уже 27 потопленных судов, тоннаж которых переваливал за 150 тысяч. Однако в затылок «подводнику №1» дышали коллеги-конкуренты. Так, уже осенью 1940 г. Отто Кречмер обогнал его, потопив 44 корабля противника.

По-видимому, в Прине проснулся дух соревнования, но упорство, которое он проявлял в операциях, все чаще ста-

ло переходить за грань разумного. Упорство его в конце концов и сгубило...

8 марта 1941 г. немецкие субмарины атаковали британский конвой, следовавший из Ливерпуля в Галифакс. Кораблями эскорта командовал командор Джеймс Ройлэнд, более известный по своему позывному «Россوماха». На сей раз удача не сопутствовала германским подводникам: им, правда, удалось потопить два судна, но и собственные потери оказались значительными. Лодка Ганса Эккермана получила значительные повреждения, «U-90» Иоахима Маца была затоплена, а «U-91» Отто Кречмера, вообще, обратилась в бегство. И лишь один Прин с удивительной настойчивостью продолжал атаки. Ему даже удалось потопить свой 28-й корабль, но в какой-то момент солнце вышло из-за облаков и осветило его субмарину, как раз, когда она находилась перед носом у корабля Ройлэнда. «U-47» начала срочное погружение, но «Россوماха» запустил ей вслед серию бомб, причинивших серьезные повреждения.

До самой темноты лодка Прина «отлеживалась», не подавая никаких признаков жизни. Однако англичане продолжали караулить ее наверху, благо воздуха, в отличие от немцев, у них хватало. И вот, когда «U-47» поднялась на поверхность, «Россوماха» набросился на свою жертву. Субмарина вновь начала погружение, и вновь вслед ей посыпались глубинные бомбы. Одна из них разорвала лодку на части, поставив тем самым последнюю точку в карьере Гюнтера Прина. Командование Кригсмарине сообщило о гибели «Быка Скапа-Флоу» с большим опозданием, посмертно присвоив ему звание фрегатенкапитэна (капитана 2 ранга).

Маринеско

Александр Иванович Маринеско родился 15 января 1913 г. в городе моряков — Одессе. Окончив шесть классов трудовой школы, он стал учеником матроса, а затем за проявленное усердие был направлен в школу юнг Черноморского пароходства. В возрасте 17 лет, уже будучи

полноценным матросом, Александр поступил в Одесский мореходный техникум, по выпуску из которого получил удостоверение помощника капитана.

В том же 1933 г., когда капитан Прин пришел на службу в Кригсмарине, помощник капитана Маринеско по комсомольской путевке был направлен на специальные курсы комсостава Рабоче-крестьянского красного флота. Свою службу в ВМФ Александр начал на Балтике с должности штурмана подводной лодки «Ш-306» («Пикша»). В 1939 г., пройдя переподготовку при Краснознаменном учебном отряде подводного плавания, Маринеско получил под свое командование новую субмарину «М-96».

К концу 1940 г. по итогам боевой и политической подготовки экипаж подлодки занял первое место, а ее командир был награжден золотыми часами и произведен в капитан-лейтенанты. И все же образцового офицера из Маринеско не получилось. Отличное знание своего дела сочеталось в нем с недисциплинированностью и страстью к загулам, которые перечеркивали все ранее достигнутые успехи. Не случайно в одной из служебных аттестаций было отмечено: «В походах личная дисциплина хорошая, на берегу склонен к частым выпивкам».

С началом Отечественной войны «М-96» перебазировалась из Таллина в Кронштадт и долгое время не участвовала в боевых операциях. Бравый капитан ушел в очередную загул, причем экипаж в значительной своей массе последовал его примеру. Командование не осталось безразличным, и в октябре 1941 г. Александр Иванович был исключен из кандидатов в члены партии.

Однако Маринеско удалось реабилитироваться, потопив транспорт «Хелене» (14 августа 1942 г.), который, впрочем, по данным ряда историков, не только не утонул, но и вошел после войны в состав советского флота под другим именем. Так или иначе, победу засчитали, и на груди капитана засверкал орден Ленина.

В ноябре «М-96» сначала высадила, а затем приняла обратно диверсионную группу с захваченным немецким офицером. К сожалению, операция прошла неудачно.

Согласно донесению, «при приеме шлюпок к борту подлодки одна из них перевернулась, люди стали быстро тонуть, а шлюпки отнесло от подлодки. Три человека разведгруппы и пленный утонули». Тем не менее претензий к Маринеско не было, и вскоре его даже произвели в капитаны 3 ранга.

В апреле 1943 г. Александр Иванович принял командование субмариной «С-13». На ней он совершил свой третий боевой поход, который, впрочем, закончился безрезультатно. И лишь в октябре 1944 г. Маринеско отрапортовал о потоплении вооруженного транспорта «Зигфрид». Бой этот оказался достаточно напряженным, поскольку четыре торпеды прошли мимо, и советской подлодке пришлось пустить в дело артиллерию. Самое интересное, что, по некоторым данным, изрешеченный «Зигфрид» так и не утонул, а, починив повреждения, ухитрился добраться до своего порта.

Тем не менее командование вновь засчитало победу, а Маринеско, видимо, на радостях все чаще стал позволять себе лишнее. Начальство долгое время снисходительно смотрело на его выходки, но в декабре 1944 г. чаша терпения переполнилась.

Во время стоянки в финском порту Турку капитан несколько дней гулял на берегу с дамами легкого поведения. Кто-то сознательный сообщил по инстанции, и над Маринеско нависла угроза военного трибунала. Экипаж, как мог, защищал командира, и в конце концов решение его судьбы отложили до окончания очередного (пятого по счету) боевого похода.

9 января 1945 г. «С-13» вышла в море, причем Александр Иванович понимал, что вернуться обратно он может только с победой — выдающейся и бесспорной. Иначе крах карьеры, а то и всей жизни.

Однако судьба ему явно не улыбалась. Все попытки атаковать вражеские конвои наткнулись на активное противодействие немцев, и даже встреченный 29 января одинокий транспорт сумел отбиться от нашей субмарины при помощи своей автоматической пушки. Зато на следующий

день перед Маринеско появилась цель, лучше которой было и не придумать...

Теплоход «Вильгельм Густлоф» сошел со стапелей в 1937 г. и был назван в честь «павшего от руки еврея» лидера швейцарских фашистов. До войны лайнер совершал туристические круизы, в которых участвовали члены Германского Трудового фронта, затем очень недолго побывал госпитальным судном, а с января 1941 г. использовался в качестве базы для 22-й учебной флотилии подводных лодок.

Почти всю войну «Вильгельм Густлоф» простоял в Данциге, причем, когда в ходе налета союзнической авиации в теплоход не попала ни одна бомба, сам Геббельс выступил с заявлением, в котором назвал этот корабль «несокрушимым», и пообещал, что он погибнет только вместе с самим Третьим рейхом. Забавно, что никто Геббельса за язык не тянул и, в общем-то, ни к чему было увязывать существование пусть и очень крупного судна с существованием гитлеровского государства. Но, что сказано — то сказано, и теперь бывший круизный лайнер превратился в корабль-символ.

Именно на «Густлофе» в конце 1944 г. решили эвакуировать личный состав учебной флотилии, а также беженцев из Восточной Пруссии, спасавшихся от русских. В результате корабль оказался набит под завязку, причем количество находившихся на борту людей примерно раз в пять превосходило официальную норму.

Сопровождавший лайнер конвой был достаточно скромным — миноносец «Леве» и торпедолов «ТФ-19». Именно эти три судна Маринеско и увидел в перископ своей лодки.

Александр Иванович решил атаковать «Густлофа», зайдя на него со стороны берега. Лодка поднялась на поверхность и едва не угодила под винты миноносца. Пришлось срочно погружаться, затем вновь всплывать и нестись следом за противником. Выжав из машин все возможное, лайнер нагнали, затем обошли спереди и с минимального расстояния пустили четыре торпеды. Впоследствии даже

недоброжелатели признавали, что все предварительные маневры и саму атаку «С-13» выполнила безукоризненно.

В результате объявленный непотопляемым корабль-символ отправился на дно, а число погибших достигло девяти тысяч. Из них, согласно немецким данным, только тысяча триста человек были военными моряками (главным образом подводниками из 22-го учебного дивизиона), все остальные — гражданскими беженцами.

Не удивительно, что и сегодня в Германии кое-кто считает Маринеско военным преступником. Тем не менее претензии к Александру Ивановичу трудно признать обоснованными: еще в ноябре 1940 г. официальным приказом «Вильгельм Густлоф» был выведен из состава госпитальных судов и перекрашен в маскировочный серый цвет, превратившись тем самым в обычное военное судно. А вот претензии по поводу того, что на этом судне оказались беженцы, следует отнести к командованию Кригсмарине, а уж никак ни к Маринеско.

Советские историки о беженцах вообще не упоминали, а лишь констатировали, что погибших на лайнере немецких подводников хватило бы для того, чтобы укомплектовать экипажи примерно сотни подводных лодок. К тому же ими была запущена легенда, будто по случаю гибели «Вильгельма Густлофа» в Германии объявили трехдневный траур, а Гитлер приказал внести Маринеско в список своих личных врагов под 26-м номером...

Так или иначе, но после потопления «Вильгельма Густлофа» возвращаться на базу Александр Иванович мог без опаски. Вдобавок 9 февраля 1945 г. «С-13» отправила на дно транспорт «Генерал фон Штойбен», на котором пытались эвакуироваться до 3 тысяч немецких военнослужащих.

На полученные за потопленные суда премиальные Маринеско приобрел в Финляндии автомобиль «Форд» (по другим данным — «опель»). Машину он доставил в Либаву прямо на борту своей подводной лодки и, разумеется, получил очередной нагоняй от начальства. Никто, конечно же, не спорил, что Александр Иванович был ге-

роем, но своим поведением он сам рыл себе яму. В результате вместо полагавшейся Золотой Звезды Маринеско получил всего лишь орден Красного Знамени. И это при том, что по тоннажу потопленных вражеских судов (42,5 тыс. тонн) он занимал первое место среди советских подводников.

В своем последнем, шестом боевом плавании, по мнению командования, Александр Иванович «имел много случаев обнаружения транспортов и конвоев противника, но в результате неправильного маневрирования и нерешительности сблизиться для атаки не смог...»

Естественно, подобные действия (вернее бездействие) начальство объясняло не отсутствием профессионализма, а «почиванием на лаврах». А тут еще Александр Иванович очередной раз стал показывать «гонор». И вот, приказом наркома ВМФ от 14 сентября 1945 г., капитан 3 ранга Маринеско был понижен до старшего лейтенанта и назначен командиром тральщика. Спустя месяц его и вовсе уволили из флота, после чего знаменитый подводник стал работать старпомом на судах Балтийского торгового пароходства.

В 1949 г., будучи окончательно списан на берег, Александр Иванович устроился на должность заместителя директора Ленинградского НИИ переливания крови. Затем Маринеско был топографом в Онежско-Ладожской экспедиции, а с 1953 г. руководил группой отдела снабжения на ленинградском заводе «Мезон».

Скончался Александр Иванович 25 ноября 1963 г. и был похоронен в Ленинграде на Богословском кладбище. Уже во времена перестройки президентским указом от 5 мая 1990 г. Маринеско посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Высокую награду вручили вдове и дочери покойного.

Летописи подводной войны 1939–1945 гг. открываются уничтожением линкора «Ройял-Оук» и закрываются гибелью лайнера «Вильгельм Густлоф». Обе операции были отмечены своеобразными «рекордами»:

британский линкор оказался самым крупным боевым кораблем из тех, которые когда-либо были отправлены на дно субмариной, а потопление лайнера сопровождалось наибольшим количеством человеческих жертв из всех известных катастроф на море. При этом следует констатировать, что, хотя атака Маринеско выглядит более сомнительной с морально-нравственной точки зрения, в техническом отношении выполнить ее было намного сложнее, нежели (как в случае с Прином) проникнуть ночью в фактически неохраняемую бухту и торпедировать неподвижное судно с сонным экипажем.

И в заключение: не совсем однозначный рекорд, установленный Маринеско, так и остался не побитым, а вот, что касается Прина, то в 1944 г. его все-таки обошли американские подводники, потопившие японский авианосец «Синано».

РУДЕЛЬ И ЧЕЛНОКОВ: СМЕРТЕЛЬНАЯ ШТУРМОВКА

Война в воздухе традиционно ассоциируется с именами летчиков-истребителей. А между тем их задачи носили, как правило, вспомогательный характер. Гораздо большее влияние на ход крупнейших стратегических операций имели действия бомбардировочной и штурмовой авиации.

Обрушившиеся с неба тонны смертоносного груза уничтожали целые пехотные соединения, танковые армады и корабельные эскадры. И даже один штурмовик, пилотируемый опытным экипажем, зачастую наносил противнику такой ущерб, который в сотни, а то и в тысячи раз перекрывал стоимость самой машины.

Рудель

Ганс-Ульрих Рудель родился 2 июля 1916 г. в городе Конрадсвальдау в Силезии в семье пастора. Еще в детстве, услышав от отца рассказ об авиационных соревнованиях, мальчик решил прыгнуть со второго этажа с парашютом. Для этой цели он использовал обыкновенный зонтик, который в момент прыжка вывернулся наружу и, разумеется, несколько не замедлил падение. Тем не менее, несмотря на полученные ссадины, с этого момента Ганс твердо и непреклонно решил быть летчиком.

В 20-летнем возрасте он поступил в авиационную школу в Вильдпарке и, подобно большинству других курсантов, после ее окончания мечтал попасть в истребительную авиацию. Однако желающих было слишком много, и, по-видимому, не слишком рассчитывая на свои силы, Рудель решил стать пилотом бомбардировщика «Ju-87» («штука»).

Надо сказать, что командование не слишком жаловало нашего героя. Сам он объяснял это своим слишком пра-

вильным образом жизни, а также тем, что предпочитал молоко пиву. Впрочем, судя по всему, дело было не столько в образцовом поведении, сколько в весьма посредственной успеваемости. В конце концов штаб эскадрильи при первой возможности отправил его в разведывательную авиацию — наименее престижное подразделение люфтваффе.

В период польской кампании Ганс совершил несколько разведывательных полетов, но, поскольку вражеская авиация почти не появлялась, можно понять, что особого героизма для этого не потребовалось. С большим трудом Рудель добился перевода обратно на «штуки» и, на беду, попал в подчинение к своему бывшему инструктору. Услышав от молодого летчика самонадеянное: «Теперь я в совершенстве владею самолетом», тот, в свою очередь, пообещал Гансу, что летать он вообще никогда не будет. И, надо сказать, что слово свое инструктор держал довольно долго.

Во время кампании на Балканах Руделю приходилось заниматься обеспечением технической части соединения, в воздух же он поднимался исключительно для того, чтобы перегнать в тыл какую-нибудь устаревшую машину.

Все изменилось в июне 1941 г. Узнав о нападении на Россию, Ганс срочно вернулся в свою часть из служебной командировки. Здесь он застал нового командира эскадрильи, которого совершенно не интересовали обещания, данные его предшественником. Он довольно спокойно воспринял то, что Рудель напросился на боевое задание. Ну а после того как наш герой впервые слетал на бомбежку, все сомнения в его профессионализме отпали.

В отличие от многих своих коллег, Ганс всегда пикировал к самой земле, чтобы не выбрасывать бомбы на ветер. Подобные методы принесли ему репутацию «сумасшедшего», что, впрочем, звучало скорее комплиментом, чем ругательством. Естественно, при такой тактике существовала опасность врезаться в землю либо пострадать от осколков своей же бомбы. Однако молниеносная реак-

ция и удивительное везение позволяли Руделю каждый раз проскакивать в миллиметре (или, если уж быть точным, в нескольких метрах) от смерти...

В конце июля 1941 г. 2-я эскадра пикирующих бомбардировщиков «Иммельман» (названная так в честь германского аса Первой мировой войны) весьма успешно атаковала русские резервы, направлявшиеся к Смоленску. Как впоследствии писал Рудель: «Огромные массы русских и их обозов непрерывно двигались в невероятной тесноте. Машина за машиной, танк за танком — без малейших интервалов, часто в три ряда. Если все это обрушится на нас — п... ц, — всегда думалось во время налета. Однако за несколько дней автострада превратилась в место огромного побоища, все было расстреляно и разбомблено. Наступление вермахта беспрепятственно продолжалось».

Задачи немецких бомбардировщиков упрощались тем, что значительная часть русской авиации еще в первые часы войны была уничтожена на своих аэродромах. К тому же наши истребители «И-16» по своим техническим параметрам сильно уступали германским «мессершмиттам», да и боевая подготовка летчиков люфтваффе была на порядок выше, чем у советских пилотов, многих из которых готовили по системе «взлет-посадка».

Не удивительно, что наиболее значительные потери германская авиация поначалу несла от огня наземных войск и, прежде всего, от зенитчиков. Испытать на себе силу советских ПВО Гансу пришлось во время боев под Ленинградом. Командование поставило перед его эскадрилей задачей атаковать советские корабли в гавани Кронштадта. Больше всего немцев беспокоил линкор «Марат», дальнобойные орудия которого серьезно затрудняли попытки вермахта прорвать советскую оборону.

В атаке на «Марат», предпринятой 16 сентября 1941 г., участвовали 30 «штук», в том числе и самолет Руделя. Но сброшенная им пятисоткилограммовая бомба действовала на линкор, как на слона дробина. Из тыла подвезли бомбы весом в тонну, и через шесть дней атака повторилась.

В Кронштадте имелось около тысячи зениток, причем большинство из них приняли участие в отражении налета. Тем не менее несколькими «штукам» удалось прорваться сквозь огненную завесу. Рудель пристроился в хвост командирской эскадрильи Штеену, атаковавшему линкор под углом в 75 градусов. Ганс поначалу следовал его примеру, а затем перешел практически в отвесное пикирование, едва не отрубив хвост своему ведущему. К несчастью для «Марата», самолеты не столкнулись, и через пару секунд бомбы Руделя обрушились на красу и гордость Балтийского флота. Раздался оглушительный взрыв, после которого вся носовая часть корабля оторвалась и затонула.

Столь громкий успех, видимо, возбудил в Штеене чувство соперничества, и, когда в этот же день пикировщики готовились ко второму вылету, он на правах командира вместо своей неисправной «штуки» забрал себе самолет Руделя.

На сей раз немцы атаковали крейсер «Киров», причем результат оказался намного менее блестящим. Один из немногих вернувшихся после операции пилотов следующим образом описывал случившееся: «Штеен спикировал на “Киров”. Он получил прямое попадание на высоте около 1500 метров. Снаряд разбил руль, и самолет потерял управление. Я видел, как он пытается направить машину прямо на крейсер, действуя элеронами, но промахнулся и врезался в воду»...

Уничтожение «Марата» принесло Руделю Рыцарский крест и довольно широкую известность среди летчиков люфтваффе. В последующие три года ему довелось повоевать практически на всех участках советско-германского фронта — от Кубани до Мурманска. Во время Курской битвы за один только день он уничтожил 12 советских танков, получив к своему Рыцарскому кресту дубовые листья.

Между тем общая ситуация складывалась уже не в пользу вермахта. ВВС Красной Армии получили новые более совершенные модели самолетов, а мастерство советских пилотов возросло на порядок. Бомбардировка в пикирующем полете в новых условиях стала вещью почти невоз-

можной, да и не слишком-то необходимой. Теперь, когда немцы оборонялись, гораздо большую актуальность приобрели штурмовые действия, во время которых «штуки» обстреливали наступающих из пулеметов и сбрасывали на них осколочные бомбы. В соответствии с этим в октябре 1943 г. была проведена реорганизация, и все части пикирующих бомбардировщиков превратились в штурмовые соединения.

Карьера Руделя тем временем двигалась своим чередом, и в феврале 1944 г. он стал командиром авиагруппы. Спустя месяц его машина приземлилась на советской территории, чтобы подобрать двух пилотов со сбитого самолета. Однако четырех человек «штука» не потянула. Немцам пришлось своим ходом добрести до Днестра и вплавь переправиться через реку. В холодной воде утонул бортстрелок Руделя — Хенчль, а сам он и двое его спутников, едва выбравшись на берег, наткнулись на наших пехотинцев.

Ганс успел убежать от них и с дыркой в плече добрался до линии фронта. Естественно, дома его встретили как героя. На фоне сплошных неудач геббельсовской пропаганде не оставалось ничего другого, как «вдохновлять народ новыми примерами мужества». Истребители-асы всем уже порядком надоели, да и «сталинские соколы» порядком пощипали им крылья. Оставались летчики штурмовой авиации, причем Рудель, бесспорно, был среди них самым лучшим.

К новому 1945 г. Ганс получил от командования сразу две награды. Во-первых, он стал полковником и командиром эскадры. Что же касается второго отличия, то оно было совершенно экстраординарным...

К мечте любого германского военного — Рыцарскому кресту — за новые подвиги в качестве более высоких степеней давали дубовые листья, мечи, бриллианты. Полностью этот комплект имелся у 27 человек, в том числе и у Руделя. Однако на сей раз специально для него ввели еще одну самую высокую степень — золотые дубовые листья. Чтобы подчеркнуть значимость события, легендарного летчика принял сам Гитлер, назвавший его «величайшим

героем Рейха». Фюреру вторил и фельдмаршал Шернер, считавший, что «один Рудель заменяет целую дивизию»...

Для самого «величайшего героя» этот триумф стал последним. 8 февраля 1945 г. его самолет был сбит советскими зенитками в районе Лебуса на Одере. Раненому пилоту ампутировали правую ногу, и хотя через некоторое время он вернулся в строй, с громкими победами уже было покончено. Впрочем, его послужной список и без того выглядел достаточно внушительно: за время войны Рудель уничтожил 519 танков, 800 машин, 150 орудий, 4 бронепоезда, почти 70 различных судов и 9 самолетов. И спорить с тем, что он был самым результативным летчиком-штурмовиком Второй мировой войны, просто не приходится.

При этом, несмотря на свою легендарную храбрость, Рудель панически (и, по-видимому, вполне обоснованно) боялся попасть в плен к «русским варварам». 8 мая 1945 г. во главе уцелевших самолетов своей эскадры он приземлился на аэродроме Китцинген, где сдался в плен американцам. Союзники встретили его довольно любезно, и после освобождения из лагеря военнопленных Рудель уехал в Южную Америку. Пять лет он был военным советником в аргентинской армии, затем, недолго пожив в ФРГ, работал в Парагвае представителем фирмы «Симменс». С 1964 г. прославленный летчик окончательно поселился в Западной Германии и активно участвовал в неонацистском движении.

Скончался Ганс-Ульрих Рудель в Розенгейме 18 декабря 1982 г.

Челноков

Николай Васильевич Челноков родился в 1906 г. в Иркутске в семье железнодорожника. Рано осиротев, еще в 14-летнем возрасте он попал в Петроград, где и начал свою трудовую деятельность. Поработав сначала грузчиком, а затем штукатуром, Николай превратился в классического питерского пролетария, в одного из тех, кто считался главной опорой Советской власти.

Вскоре он стал комсомольцем и студентом Ленинградского электротехнического института. Однако получить высшее образование у него не получилось. В стране началась авиационная лихорадка, и в 1928 г. Челноков по комсомольской путевке направился в Севастопольскую школу летчиков.

Пройдя курс обучения, Николай превратился в краскома (красного командира), начав службу в морской авиации. В 1940 г. он вступил в партию и встретил войну в звании командира эскадрильи.

Свое боевое крещение наш герой принял в августе 1941 г. Незадолго до этого в его часть поступили самолеты «Ил-2», которые предназначались для штурмовок наземных целей. Челноков со своими товарищами довольно быстро оценил все преимущества новой машины. В боях на Днепре под Кременчугом он успешно уничтожал танки и автомашины с боеприпасами и пехотой. В сущности, именно тогда вермахт впервые почувствовал, что советская авиация начала оправляться после коллапса, постигшего ее во время июньского разгрома. Не случайно даже скупой на похвалы в адрес противника Рудель, касаясь данного периода, признал: «Иногда русским сопутствовала удача».

Судьба распорядилась так, что Николаю Васильевичу не пришлось пересечься с легендарным фашистским асом. Хотя возможности для этого судьба предоставляла неоднократно. В сентябре 1941 г., например, его часть, как и часть Руделя, направили сражаться под Ленинградом. В наиболее критический момент штурма Челнокова во главе бомбардировочной эскадрильи направили к месту вражеского прорыва. В течение одного захода наши авиаторы уничтожили более 10 танков и 14 фургонов с войсками, фактически выправив ситуацию на довольно значительном участке фронта.

Впрочем, полет на бомбардировщике стал для Челнокова не более, чем эпизодом, и вскоре он вернулся за штурвал своего любимого «ильюшина». Сослуживцы полушутя утверждали, будто его самолет сделан по специально-

му заказу и другого такого в мире больше не существует. Николай Васильевич очень нервно реагировал на такие разговоры и в подобных случаях говорил: «Машина моя обыкновенная, серийная, никаких особенных приспособлений на ней нет. Люблю я ее, знаю хорошо, вот она и слушается меня».

К лету 1942 г. Челнокова уже знала вся Балтика. Не раз он успешно руководил ударами по вражеским портам и железнодорожным станциям, причем все эти налеты заканчивались для его эскадрильи с минимальными потерями. Секрет подобных успехов заключался в тщательной подготовке операций, а также в достаточно нестандартных нетрадиционных методах штурмовок. Один раз зацепив свою жертву, Николай Васильевич уже не отставал от нее, руководствуясь принципом: «Напал на цель — добей до конца. Мало поразить — надо уничтожить врага».

В июле 1942 г. Челнокова наградили Звездой Героя Советского Союза, а в следующем году направили на юг, в район Черного моря. Советские войска к тому времени уже вышли на подступы к Крыму, однако попытка с ходу ворваться на полуостров через Перекоп провалилась. Приморская армия тем не менее переправилась через Керченский полуостров и развернула наступление на Керчь и Феодосию. Успех как обороняющихся, так и наступающих, в значительной степени зависел от действий военно-морского флота. А флот, в свою очередь, зависел от авиации.

Здесь Челноков доказал, что штурмовики могут использоваться не только против сухопутных, но и против морских объектов. Именно он разработал и применил тактические приемы, позволяющие уничтожать вражеские конвои, снабжавшие защищающуюся в Крыму группировку противника. Правда, приемы оказались довольно рискованными, поскольку бомбы на корабли для большей точности сбрасывались на малых высотах. Однако при соответствующем мастерстве летчиков риск окупал себя сторицей...

Первой жертвой эскадрильи Челнокова стал вражеский конвой, направлявшийся к Феодосии. К квадрату, в котором находились вражеские корабли, наше соединение вылетело с самым рассветом. Как только на горизонте вырисовались силуэты судов, советские самолеты устремились вниз, к ним навстречу.

Скорость «илов» постоянно росла, и столь же стремительно сокращалось расстояние, отделявшее их от морской пучины. Машина командира была впереди, и именно он первым нажал на кнопку электросбрасывателя. Бомбы рухнули вниз, а Челноков резко выбрал руль на себя, и его самолет, почти зацепив мачты германского флагмана, вышел в горизонтальное положение.

Раздался взрыв — и неприятельский корабль окутало облако пара. Другие летчики тем временем атаковали оставшиеся суда конвоя.

Развернувшись, Челноков двинулся на второй заход, и в этот момент его «ил» вздрогнул от сильного удара. Немецкие орудия повредили систему управления, но из боя командир эскадрильи все-таки не вышел. Вцепившись в руль, он заставил машину повиноваться и сбросил еще одну порцию бомб, в то время как его бортстрелок вел огонь из пулеметов.

Спустя несколько минут штурмовики легли на обратный курс, пустив ко дну три вражеских транспорта. И здесь наконец появились истребители «мессершмитты» — те самые, которые должны были спасти конвой от разгрома. Челноков в подобных случаях действовал по правилу: «Даже в минуты опасности не уходи от врага на полном газу. Главное — сумей обмануть врага, найди выгодную позицию и сбей его».

Его команда тут же прозвучала в эфире, после чего «илы» перестроились в оборонительный круг — точно так же, как фургоны американских переселенцев строились в круг, чтобы отбиться от нападения индейцев. Разница заключалась лишь в том, что самолеты не стояли на месте, а продолжали движение. Да и схватка происходила не на земле, а в воздухе. Бортстрелки огнем из пулеметов

держали «мессеров» на почтительном расстоянии, так что даже на обратном пути эскадрилья не потеряла ни одной машины. Другое дело, что и осторожные вражеские истребители также никого не потеряли...

Этот налет произвел большое впечатление на германское командование, которое вовсе не рассчитывало, что штурмовики попытаются вести дуэль с кораблями. Морские объекты, по мнению немцев, были «по зубам» только бомбардировочной авиации. Ну, а поскольку бомбардировочные соединения в данном районе у русских отсутствовали, то, следовательно, отсутствовала и необходимость выделять для сопровождения конвоя специальное авиационное прикрытие. Подобный просчет, собственно, и привел к тому, что «мессеры» подоспели уже к концу «пиршества».

Скорбя о случившемся, немцы решили вообще отказаться от дневных операций на коммуникациях по линии Новороссийск — Анапа — Керчь. И тогда штурмовики Челнокова стали наносить удары еще и ночью. Такая настырность, в конечном счете, привела к параличу всей феодосийской морской группировки противника. А дальше наступили последствия стратегического характера.

Закрепившись на Керченском полуострове, советские войска начали продвигаться в глубь Крыма. Правда, по целому ряду причин эта операция затянулась, и Челнокову еще несколько месяцев пришлось воевать в южном небе. Закончилось все лишь в мае 1944 г., причем только при штурме Севастополя его соединение потопило 24 вражеских танкера и транспорта....

Подвиги, совершенные Николаем Васильевичем на Черном море, были отмечены второй Звездой Героя Советского Союза (19 августа 1944 г.). Кроме того, последовало очередное повышение: вернувшись на Балтику, он стал командиром Краснознаменного Ропшинского боевого соединения. Поскольку вся Балтика и без того уже знала Челнокова, ему как испытанному специалисту доверили задание максимальной сложности.

В Нарвском заливе находился отряд неприятельских судов из 14 вымпелов, который, в свою очередь, прикры-

вал левый фланг сухопутной оборонительной линии. Советская авиация неоднократно атаковала, но каждый раз несла значительные потери от огня зенитной артиллерии.

Николай Васильевич сделал все, чтобы лишить эту флотилию уже закрепившегося за ней эпитета «заколдованная». Умело маневрируя, его штурмовики атаковали зенитные батареи со стороны солнца и, подавив их, уже без помех занялись кораблями. В результате от флотилии осталось одно воспоминание, а левый фланг немецкой обороны оказался оголенным со стороны моря...

В дальнейшем Челноков и его «ропшинцы» участвовали в операциях по захвату острова Эзель, Кенигсберга, Пиллау, Данцига. К концу войны на личном счету командира числились транспорт, торпедный катер, сторожевой катер и две десантные баржи. Кроме того, действуя во главе различных отрядов, он принимал участие в уничтожении 12 торпедных катеров, 8 сторожевых катеров и 20 барж с десантниками...

После войны Николай Васильевич продолжил службу в авиации и в 1949 г. был произведен в звание генерал-майора. Правда, уже через пять лет по состоянию здоровья ему пришлось выйти в отставку, но это обстоятельство не помешало Челнокову принимать самое активное участие в общественной жизни. Он избирался депутатом Верховного Совета и в качестве заслуженного ветерана много занимался мероприятиями военно-патриотической направленности. Скончался прославленный летчик-штурмовик, герой Балтики и Черного моря в июле 1974 г.

Конечно, на фоне успехов Руделя достижения Челнокова (сами по себе весьма внушительные) выглядят довольно скромно, но здесь следует учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, многие победы немецкого летчика были одержаны в первые недели войны, когда вся Красная Армия находилась в состоянии своеобразного стресса от сокрушительного удара, нанесенного вермахтом. Во-вторых, практически незафиксированными остались победы, одержанные Челноко-

вым на суше. В-третьих в люфтваффе групповые победы обычно записывались на командира, и можно только догадываться, насколько подобная практика позволила увеличить послужной список германского аса. И наконец, в-четвертых, Рудель, что ни говори, был явлением исключительным даже среди соотечественников, о чем, собственно, свидетельствует и полученная им исключительная награда, так и оставшаяся в одном экземпляре. Что же касается Челнокова, то он стал всего лишь одним из тех 56 летчиков-штурмовиков, которые дважды были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. А ведь по степени почетности две таких Золотых Звезды вполне могут тягаться с Рыцарским крестом. Даже если он украшен дубовыми листьями, мечами, бриллиантами и золотыми дубовыми листьями.

КОЛОБАНОВ И БАРКМАНН: ТАНКОВЫЕ АСЫ*

Подвиги летчиков-асов Второй мировой войны с увлечением изучает уже не одно поколение потомков. Десятки сбитых врагов, вынужденные посадки, прыжки с парашютом из горящей машины, взаимовыручка и самопожертвование, проявленные в небе. Да, все это было. Мы помним и чтим наших героев воздушных батальонов, а за последние годы узнали многое и об их противниках. Однако на общий ход войны в гораздо большей степени влияли не схватки в небесах, а грандиозные и кровопролитные сражения на земле. Здесь были свои герои: пехотинцы, артиллеристы, танкисты... Наш рассказ пойдет о танковых асах, воевавших по обе стороны фронта.

В списке героев не значится...

18 августа 1941 г. 58-й день войны... Части немецкой группы армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба рвутся к Ленинграду. Уже захвачены Нарва и Кингисепп. Идут тяжелые бои за Новгород. В этот день командира 3-й танковой роты 1-го танкового батальона 1-й Краснознаменной танковой дивизии старшего лейтенанта Зиновия Колобанова вызвали к командиру дивизии генералу В. И. Баранову. Штаб дивизии располагался в подвале собора, являющегося одной из главных достопримечательностей Гатчины, в те времена именуемой Красногвардейском. Ротный догадывался, что предстоит серьезное задание, по мелочам к высокому начальству не вызывают... Генерал был сдержан и строг. Показав Колобанову на кар-

---

* Публикация подготовлена А. Мальцевым.

те диспозицию, отдал приказ: «Стоять насмерть!» «Обстановку знаешь?» — комдив остро взглянул на танкиста. Зиновий знал обстановку — отступать некуда, позади Ленинград.

Немецкая 8-я танковая дивизия двигалась к Красногвардейску со стороны Волосово и Луги. 1-я танковая дивизия прорывалась со стороны Торосово к северной окраине Красногвардейска — Мариенбургу. В случае успеха эти части, нанеся удар в тыл советских войск и выйдя к Киевскому шоссе, могли бы создать непосредственную угрозу городу на Неве. Роте Колобанова, состоящей из пяти танков KB-1, было поручено перекрыть три дороги, ведущие к Красногвардейску со стороны Луги, Волосово и Кингисеппа. Задача предельно ясна — не пропустить немецкие танки. Поэтому каждый «Клим Ворошилов» (KB) загрузили сверх нормы броневойными снарядами.

В тот же день рота выдвинулась навстречу противнику. Два танка Колобанов направил на лужскую дорогу, еще два — на шоссе, ведущее к Волосово, предварительно обсудив с командирами места огневых позиций, а сам встал в засаде у дороги на Мариенбург.

Позиция была удачной. Трассу на Мариенбург пересекала грунтовка, уходящая в сторону совхоза Войковицы. По обеим сторонам Мариенбургской дороги тянулись болотины, перемежаемые небольшими озерцами... «Вот здесь и остановим немцев», — решил ротный, внимательно изучив окрестности. Экипаж принялся выкапывать капонир для танка, и к вечеру из укрытия виднелась только башня с грозно смотрящим вперед орудием. Тщательно замаскировав KB ветками берез, Зиновий с подчиненными занялся оборудованием запасной позиции. Поужинали гусем, добытым на брошенной птицеферме Учхоза. К ночи подошло боевое охранение под командованием молоденького лейтенанта. Колобанов, распорядившись разместить пехотинцев позади танка, в стороне, чтобы в случае чего они не попали под оружейный огонь, приказал всем отдыхать...

Измученные бойцы, устроившись возле своей боевой машины, мгновенно провалились в сон. Не спалось лишь

командиру. Глядя в ночное небо, Зиновий Григорьевич вспоминал родное село Арефено Вачевского района Нижегородской губернии, в котором появился на свет в 1913 г.

Окончил восемь классов средней школы, затем учился в техникуме. В 1932 г. вступил в Красную Армию по комсомольскому набору. А в 1936-м стал выпускником Орловского бронетанкового училища им. М. В. Фрунзе. Зиновию исполнилось 28 лет, когда в должности командира танковой роты он принял участие в Зимней войне 1939–1940 гг. 20-я танковая бригада, в которой служил старший лейтенант Колобанов, первая вышла к линии Маннергейма. Оказавшись на острие удара, рота Колобанова была в упор расстреляна финской артиллерией. В бою у озера Вуокса его подразделение снова вырвалось вперед, и опять Колобанову с экипажем пришлось спастись из горящей машины. Третий раз Зиновий горел в танке уже в рейде на Выборг. 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Солдаты противоборствующих армий об этом узнали уже утром следующего дня и, побросав оружие, устремились навстречу друг другу для «братания». Капитану Колобанову проявление «недостойной симпатии» к бывшему противнику обошлось дорого. Его уволили в запас, понизили в звании и лишили всех наград.

С началом Великой Отечественной войны о герое Финской войны вспомнили. Поступив в 1-ю танковую дивизию, он был назначен командиром роты танков КВ — начальство учло боевой опыт танкиста. Однако о прежних наградах и звании капитана Зиновию пришлось забыть... Из военкомата ротного направили на Кировский завод комплектовать экипажи.

Танковые части Ленинградского фронта получали технику прямо из цехов Кировского завода. Здесь же находился учебный батальон, где формировались танковые экипажи. После короткой обкатки машины уходили на фронт. Вскоре по прибытии в зону боевых действий экипаж Колобанова сумел отличиться: в бою под Ивановским он уничтожил танк и орудие противника...

День 19 августа выдался ясным и солнечным. На большой высоте в сторону Ленинграда прошел строй вражеских бомбардировщиков. Их противный прерывистый гул вскоре умолк, и под Войсковичами вновь установилась тишина и спокойствие. Часов в десять со стороны дороги, ведущей на Волосово, раздались выстрелы. Старший лейтенант узнал грозный «голос» орудия КВ. По радиации пришло сообщение, что один из экипажей вступил в бой с немецкими танками... Колобанов приказал командиру боевого охранения открывать огонь не раньше, чем заговорит пушка «Клима Ворошилова». Вместе с командиром орудия Андреем Усовым они наметили ориентиры с расчетом уничтожить головные танки врага прямо на перекрестке и не дать остальным машинам свернуть с дороги.

Во втором часу дня со стороны Кингисеппа послышался гул моторов. Вскоре показалась и сама немецкая колонна. Впереди ехали мотоциклисты, за ними — штабные машины, дальше — танки Pz. III и Pz. IV. «Разведку пропустить!» — приказал Колобанов экипажу, замершему на своих боевых местах. Немцы на мотоциклах проскочили перекресток и направились в сторону Мариенбурга, не заметив затаившийся в засаде КВ. Теперь все внимание экипажа было приковано к ползущим по дороге вражеским танкам. А они, ничего не подозревая, шли на сокращенной дистанции, подставляя свои левые борта орудия КВ, с открытыми люками и пехотой на броне — идеальные мишени. «Восемнадцать... Двадцать... Двадцать два», — считал Колобанов. «Один против двадцати двух... Шансы не велики... Но ведь мы стоим в засаде. Пока ее фрицы раскроют, пройдет время, за которое мы сможем уничтожить двоих-троих... Да и дистанция подходящая — метров полтораста, не больше»...

...Головной немецкий танк медленно въехал на перекресток. Больше медлить было нельзя. «Ориентир первый, по головному, прямой наводкой под крест, броневой — огонь!» — услышал команду экипаж. Ударил выстрел. Первый танк в колонне содрогнулся, замер и выпустил из своего чрева сноп пламени. Идущие следом еще

больше сократили дистанцию. Фашистскую пехоту словно ветром сдуло с брони. Тем временем экипаж КВ поджег второй танк. Колобанов приказал перевести огонь на хвост колонны. Четырьмя выстрелами старший сержант Усов уничтожил два замыкающих «панцера»...

Немцы оказались в ловушке. Первые выстрелы они произвели по стогам сена, в изобилии стоящим вдоль дороги, решив, что засада скрывается там. В течение нескольких минут им все же удалось вычислить русский танк. Вскоре от маскировки не осталось и следа, а немецкие снаряды кромсали «фальшброню» башни. Экипаж КВ задыхался в пороховых газах, глож от разрывов. Окалина, отскакивая от брони, ранила лица и руки танкистов. Но заряжающий Николай Роденков, работая в бешеном темпе, загонял в казенник пушки снаряд за снарядом, а командир орудия Усов, не отрываясь от прицела, продолжал вести огонь по вражеской колонне. Так продолжалось час с лишним...

Многочисленные попадания немцев не причиняли особого вреда советской машине. Сказывалось превосходство КВ по толщине брони, да и по мощи огня — один за другим немецкие танки превращались в бесполезную грудку металла. На помощь «панцерам» подоспели двигавшиеся за колонной пехотные подразделения и противотанковые орудия. Боевое охранение вступило в перестрелку с пехотой, а Усов тем временем уничтожил ПТО вместе с расчетом. В результате попадания очередного вражеского снаряда заклинило башню. Довороты орудия теперь можно было производить, лишь разворачивая весь корпус танка. Настало время проявить мастерство механику-водителю Николаю Никифорову. КВ перебрался на запасную позицию и, крутясь на месте, вновь открыл огонь по колонне.

Вскоре разрывы стихли. Дорога молчала. Все 22 немецких танка горели, испуская тяжелый синий дым. На связь вышел командир батальона Шпиллер: «Колобанов, как у тебя? Горят?» «Хорошо горят, товарищ комбат!» Зиновий сообщил о разгроме вражеской колонны и доложил обстановку: боеприпасы заканчиваются, бронебойных нет вовсе; машина получила серьезные повреждения

(после боя экипаж насчитал 156 (!) отчетливо видимых следов от прямых попаданий); дальнейшее удержание позиции не представляется возможным. Комбат объявил благодарность героям и разрешил покинуть позицию. Благополучно достигнув окраины совхоза Войсковицы, Колобанов узнал о результатах боев на лужской и воловской дорогах. 13 вражеских машин уничтожили экипажи под командованием лейтенантов Сергеева и Евдокименко. Танки Дегтяря и Ласточкина сожгли по четыре «панцера» каждый. Всего 19 августа 1941 г. 3-я танковая рота уничтожила 43 немецкие машины!

Несколько дней спустя прибывшие на место боя под Войсковицами кинооператоры запечатлели на пленку панораму разгромленной вражеской колонны. Подвиг командира роты был отмечен орденом Боевого Красного знамени, старшего сержанта Усова наградили орденом Ленина. Умелые действия танкистов 1-й танковой дивизии на рубежах Красногвардейского укрепрайона позволили впоследствии стабилизировать фронт у Пулковских высот и не пустить врага в Ленинград...

В сентябре 1941 г. сразу в нескольких фронтовых газетах опубликовали поэму «Танкист Зиновий Колобанов». Авторство принадлежало Александру Гитовичу. Произведение читали во всех частях, на всех фронтах. Однако сам герой поэмы с ней ознакомиться не успел. 21 сентября Колобанов был тяжело ранен близким разрывом снаряда. В бессознательном состоянии его отправили в госпиталь. «Осколочное поражение головы и позвоночника. Контузия головного и спинного мозга» — значилось в истории болезни. В 1942-м Зиновия перевезли на Большую землю. Потекли месяцы обездвиженного лежания в госпиталях, длительное беспомощество и крайне медленное возвращение к нормальной жизни...

В конце 1944 г. герой-танкист снова на фронте и руководит дивизионом самоходных установок. Его награждают орденом Красной Звезды — за бои на Магнушевском плацдарме, орденом Красного Знамени — за Берлинскую операцию. По окончании войны Колобанова назначают коман-

диром батальона тяжелых танков ИС-2, дислоцированно-го на территории Германии. Подразделение быстро становится лучшим в частях Западной группы войск. За образцовое руководство вверенным подразделением командующий награждает Зиновия именным охотничьим ружьем.

Но, казалось, судьба еще недостаточно испытала этого человека. Из батальона дезертировал рядовой, впоследствии он объявился в английской оккупационной зоне. От трибунала Зиновия спас опять же командарм: объявив о неполном служебном соответствии, он перевел Колобанова в Белоруссию. Все это не прошло бесследно для нашего героя: обострились последствия контузии, и Зиновий Григорьевич увольняется в запас по инвалидности.

Долгое время Колобанову отказывались верить, когда он рассказывал о бое под Войсковицами. Всех смущало количество уничтоженных танков. Тем более, что кадры фронтовой кинохроники, наглядно демонстрирующие это количество, «затерялись», и, похоже, навсегда. Однажды на военно-исторической конференции, проходившей в Минске в Доме офицеров, ветеран-танкист попросил слова. В процессе выступления, говоря о роли танковых подразделений в оборонительном бою и сославшись на собственный пример, Колобанов был осмеян одним из ораторов. Дрожащими от волнения руками Зиновий Григорьевич передал в президиум пожелтевший листок фронтовой газеты. Генерал, руководивший конференцией, пробежав глазами текст, подозвал «шутника» и заставил его прочесть вслух выдержки о бое 19 августа 1941 г.

В 1995 г. Зиновий Колобанов скончался. Звезду Героя Советского Союза танковый ас №2 так и не получил...

«Угол Баркманна»

Июль 1944 год. На территории Нормандии идут ожесточенные бои между союзными войсками и немецкими подразделениями Западного фронта. 6 июня, высадившись на побережье, союзники всего за какие-то несколько недель взломали несокрушимый «Атлантический вал» и вы-

нудили противника отступить вглубь территории Франции. Фронт трещит по швам, германское командование в спешке перебрасывает к переднему краю свои лучшие дивизии...

Утром 27 июля колонна боевой техники 3-й американской бронетанковой дивизии двигалась по шоссе Сент-Ло — Котанс. Впереди шли 15 танков «шерман», за ними — бронетранспортеры, бензозаправщики и грузовики. Впереди за деревьями уже мелькали строения — деревня Ле-Лорей. Там можно будет сделать остановку, передохнуть и подкрепиться за счет благодарных французских крестьян. Танкисты, высунувшиеся из люков «шерманов», любовались вековыми дубами, окружавшими шоссе, когда из густой листвы раздался выстрел. Головной танк полыхнул пламенем и замер. За ним второй. Через несколько секунд в воздухе зашипели раскаленные обломки бензовоза, ехавшего следом. Дорога была блокирована. Двух «шерманов», попытавшихся обойти горящие машины, постигла участь их товарищей: двумя меткими выстрелами они были уничтожены. Артиллерийская дуэль с немецким танком, укрывшимся в засаде и контролировавшим дорогу, была не выгодна американцам, и они решили пустить в ход свой уже неоднократно проверенный во Франции козырь — авиацию. Призванные на помощь танкерболты перепалили ракетами и бомбами дубовую рощу вдоль и поперек, и за срезанным стволом дуба экипажи «шерманов» наконец увидели врага. А тем временем легко поврежденная одинокая «пантера» продолжила бой. Пара «шерманов», неосторожно сунувшихся вперед, была сожжена за считанные минуты, после чего «пантера» не спеша выехала из укрытия на шоссе и устремилась прочь, на прощание всадив снаряд в очередного «американца». Разгромленная союзническая колонна представляла собой печальное зрелище: девять «шерманов», а также несколько бронетранспортеров и грузовиков стали бесполезной грудой металла... Так взшла звезда унтершарфюрера СС Эрнста Баркманна. Своим поединком под Сент-Ло один из самых удачливых солдат «панцерваффе» укрепил свою и без того высокую репутацию...

Будущий танковый ас родился 25 августа 1919 г. в городке Кисдорф (Голштейн) в семье фермера. Закончил школу в 1935 г. и уже в апреле следующего, 1936-го, добровольцем вступил в ряды СС. После трехмесячного обучения Эрнст был зачислен пулеметчиком в 3-й батальон полка «Германия», в составе которого участвовал в Польской кампании. В Польше молодой эсэсовец получил свое первое ранение.

Второй раз, и уже серьезно, Баркманн был ранен в ходе боев под Днепропетровском осенью 1941 г. Из госпиталя его направили в Голландию инструктором обучать волонтеров СС из оккупированных стран Европы. Зимой 1942-го Эрнст возвращается на Восточный фронт и получает новое назначение: теперь он военнослужащий 2-й роты элитной панцергренадерской (впоследствии танковой) дивизии СС «Рейх». Подразделение, в котором служил Баркманн, было оснащено танками Pz. III и Pz. IV. Эти машины уступали русским Т-34 по дальнобойности и по бронированию. Материальная часть и личный состав дивизии «Рейх» несли ощутимые потери. Однако Баркманн сумел не только выжить в тяжелых боях, но и приобрести ценный опыт в борьбе с танком Кошкина, лучшим танком Второй мировой войны. Вскоре он одержал свои первые победы, а в сражениях за Харьков (февраль-март 1943г.) заработал и первую значительную награду — Железный крест первого класса...

Летом 1943 г. подающий большие надежды танкист был переведен в 4-ю роту, оснащенную новыми танками Pz.V Panther. Впервые заявив о себе в битве под Курском, «пантера» на некоторое время восстановила паритет в техническом противостоянии СССР и Германии. Оснащенная дальнобойным 75-мм орудием и обладая мощным бронированием, «дикая кошка» успешно сражалась с русскими КВ и Т-34. Именно эта машина помогла Эрнсту Баркманну войти в первую пятерку танковых асов «панцерваффе».

В начале 1944 г. 2-я танковая дивизия «Рейх» была передислоцирована в район Бордо (Южная Франция). В течение почти полугода личный состав как мог расслаблял-

ся на французских курортах, и ужасы Восточного фронта постепенно стерлись из памяти солдат. Но вскоре война вновь напомнила о себе — в начале июня войска союзников высадились в Нормандии («День Д»). Дивизия получила приказ двигаться на север и быть готовой вступить в бой. В июле эсэсовская рота соединилась со своими коллегами из дивизии «Гец фон Берлихинген» в районе города Сент-Ло с заданием остановить американцев, проживавшихся с плацдарма вглубь континента.

Уже 8 июля Баркманн добился своей первой победы на Западе: жертвой орудия «пантеры» стал американский танк М-4 «Генерал Шерман». 12 июля он записал на свой счет еще троих «янки». Эрнст замаскировал свою машину в засаде и поджидал неприятеля. Вскоре тройка «шерманов» полыхала яркими бензиновыми кострами, а экипаж «пантеры» неожиданно попал под огонь противотанковой артиллерии. В танке возник пожар. Баркманн с подчиненными выбрались наружу и совместными усилиями сбили пламя. Поврежденный Panzer V был выведен с поля боя и отправлен в полевые мастерские.

После одного дня отдыха, утром 14 июля, Баркманн получил задание эвакуировать 4 «пантеры», заблокированных между линиями обороны противников. Танкист-ас успешно справился с задачей, по ходу дела уничтожив три неприятельских машины. Ближе к полудню поступил очередной приказ — освободить из плена раненых германских солдат. Баркманн ворвался на танке в расположение противника и после короткой перестрелки вывез своих соотечественников на броне. Вечером того же дня из мастерских к нему вернулась его «пантера». Но, как оказалось, ненадолго.

26 июля возникли неполадки с двигателем, и машину вновь поставили на ремонт. Пока механики возились с «пантерой», прилетели вражеские истребители-бомбардировщики. Взрывом бомбы был поврежден моторный отсек. К рассвету следующего дня танк все же удалось отремонтировать, однако рота Баркманна уже ушла вперед, и ему пришлось нагонять соратников. У деревни Ле-Ло-

рей от отступающих немецких пехотинцев экипаж узнал о приближении американской колонны...

28 июля Баркманн присоединился к своей роте, отдыхавшей в Котансе. Через два дня сюда подошли американские части. Баркманн сумел вырваться из котла... таща на буксире поврежденную «пантеру». От «балласта» попытались избавиться, но неудачно. Вместе с подожженной «пантерой» загорелся и танк Баркманна. На этот раз потушить огонь не смогли. Экипажам обоих танков пришлось проделать 7-километровый марш, прежде чем они добрались до своих. Товарищи по оружию радостными возгласами приветствовали храбрый экипаж. Весь личный состав дивизии уже знал о подвигах Эрнста Баркманна, а неравный бой на шоссе между Сент-Ло и Котансом на всех немецких штабных картах отныне отмечался, как «угол Баркманна». Командира экипажа представили к Рыцарскому кресту. 5 сентября состоялась церемония вручения награды, одновременно Эрнст был повышен в звании.

В декабре 1944-го обершарфюрер Баркманн принял участие в наступлении германских войск в Арденнах. Утром 24 декабря ему вновь в одиночку пришлось сражаться с подразделением «шерманов». 4-я рота находилась на острие атаки дивизии «Рейх». На перекрестке около городка Манхэй «пантера» Баркманна догнала колонну американцев. Рассвет еще не наступил, и, заметив впереди смутные очертания каких-то танков, экипаж поначалу решил, что это свои. Однако вскоре они поняли свою ошибку, увидев красные габаритные огни последней машины. С ходу уничтожив замыкающий М-4, Баркманн вклинился в ряды вражеской техники, ведя беглый огонь. Один из «шерманов» протаранил «пантеру», однако механику удалось запустить двигатель, и они отступили с заклиненной башней, уничтожив «американца», перекрывшего дорогу.

В марте 1945 г., сражаясь на Восточном фронте с превосходящими силами советских танковых дивизий, Баркманн сжег четыре Т-34, чем довел общий счет дивизии «Рейх» до 3000 уничтоженных танков противника. К тому времени подразделения «гиммлеровской гвардии» были

обескровлены непрерывными боями и недостатком пополнения как в технике, так и в людях. Оставшиеся 6 «пантер» 4-й роты переправили в Австрию. В боях под Веной танк Баркманна был подбит своими же солдатами, экипаж получил ранения. Позже «пантера» застряла в воронке от авиационной бомбы, и Баркманну с подчиненными пришлось взорвать машину. Добравшись до британской зоны оккупации, они сдались в плен. В ходе своей боевой карьеры оберштурмфюрер СС Эрнст Баркманн уничтожил 60 советских и англо-американских танков, пять раз был ранен, кроме уже указанных наград имел боевые медали за 25 из 50 боев.

В настоящее время Баркманн проживает в родном Кисдорфе. После войны работал начальником пожарной охраны, а одно время даже занимал пост бургомистра.

Понятие «танковый ас» родилось в годы Второй мировой войны. Стремительное развитие бронетанковой техники вкупе с новыми методами ведения боевых действий (чего стоит один только германский «блицкриг») способствовало появлению героев танковых батальонов, профессионально владевших своими машинами и имевших на своем счету не один десяток уничтоженных вражеских машин.

Колобанову и Баркманну не довелось встретиться на поле брани. Они стали асами в ходе оборонительных сражений в России и на Западном фронте. Мужество и мастерство, новаторская тактика ведения боя из засады, прекрасное знание сильных и слабых сторон противника помогли им выжить и победить в неравных схватках...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВДАЛИ ОТ ФРОНТА

ШПЕЕР И УСТИНОВ: ПОЕДИНОК ТЕХНОКРАТОВ

В условиях великого противостояния 1941–1945 гг. правителям Советского Союза и Германии пришлось отказаться от многих привычных методов организации промышленности. Благодаря этому у руля экономики вместо партийных политиков оказались сравнительно молодые специалисты-технократы. В качестве наиболее ярких примеров можно назвать имперского министра вооружений Альберта Шпеера и наркома вооружений СССР Дмитрия Федоровича Устинова. И тот и другой старательно ковали оружие для фронта, и только исход войны показал, кто из них все-таки был лучшим.

Карьера 1. Шпеер

Альберт Шпеер родился 19 марта 1905 г. в Мангейме в семье известного архитектора. С самого детства он рос в атмосфере гармонии и материального благополучия, которые не были нарушены ни Ноябрьской революцией в Германии, ни последующим экономическим кризисом. Отец его был либералом, и Альберт, подобно большинству германских интеллигентов, поначалу придерживался демократических ценностей. Окончив высшее техническое училище в Берлине, он получил диплом архитектора и занялся преподавательской деятельностью. Однако окружающая реальность, разумеется, не могла не волновать Шпеера.

Куда катится Германия? В обстановке перманентного экономического и политического кризиса, терзавшего страну после 1918 г., ответ на этот вопрос было найти не так-то просто.

Сомнения разрешились после того, как Альберт вместе со своими студентами побывал на одном из публич-

ных выступлений Гитлера. Вместо известного ему по плакатам крикливого демагога он увидел вполне разумного человека, сдержанно и с некоторой грустью размышлявшего о судьбах Родины.

Подобная неожиданность усилила произведенное речью впечатление, и в декабре 1930 г. Шпеер подал заявление в нацистскую партию. В НСДАП процент интеллигентов был не слишком высоким, так что к молодому архитектору отнеслись с большим вниманием. Его даже и не пытались загружать политической работой, зато предложили заняться оформлением здания одного из столичных партийных комитетов. Для Альберта, который ничего кроме частных домов и гаражей не проектировал, такая работа означала определенный рост в профессиональном плане.

Еще более приятным сюрпризом стали для него последующие события. Придя к власти, Гитлер, подобно многим другим диктаторам, задумал увековечить свое правление в величественных архитектурных памятниках. Поскольку фюрер когда-то и сам мечтал стать архитектором, он сразу же проникся к Альберту определенной симпатией и начал доверять ему все более важные заказы.

Начиная с 1933 г. Шпеер руководил сразу несколькими масштабными проектами (рейхсканцелярия и берлинская резиденция Гитлера, «Партийный форум» в Нюрнберге и др.), причем присущая нацистам склонность к гигантомании давала ему возможность никак не ограничивать свою творческую фантазию. При этом он уже не занимался одной только архитектурой, но и руководил строительными работами, организовывал массовые манифестации, а при осуществлении наиболее масштабных проектов даже соприкасался с вопросами промышленного производства.

Занимаясь (с 1937 г.) перестройкой Берлина и Нюрнберга, Шпеер довольно свободно мог распоряжаться десятками тысяч квалифицированных рабочих. После начала вторжения в Россию он вполне разумно предложил заморозить все работы, не имеющие отношения к обороне Рейха. Гитлер ответил отказом, а в октябре 1941 г. даже

приказал сократить выпуск вооружений и предложил Шпееру подумать о подготовке будущего Парада Победы. Правда, уже через месяц с небольшим сама возможность проведения подобного мероприятия оказалась под очень большим вопросом. Немецкие войска отошли от Москвы, а на всем Восточном фронте разразилась настоящая транспортная катастрофа.

«Личного архитектора фюрера» поставили во главе специального штаба и отправили в Россию разгребать завалы. Прибыв в Днепропетровск, он довольно быстро понял, что до весны кардинально улучшить ситуацию все равно не удастся. Получив известие о прорыве к городу советской танковой группы, Шпеер быстро погрузился на самолет и, прибыв в Растенбург, во всех красках расписал Гитлеру увиденные им ужасы.

Встреча с фюрером закончилась под утро 9 февраля 1942 г. В результате Альберт так и не успел улететь в Берлин вместе с тогдашним руководителем германской промышленности доктором Тодтом. А спустя пару часов разбуженному Шпееру сообщили, что самолет доктора Тодта разбился, и теперь фюрер собирается назначить своего архитектора министром вооружений и боеприпасов Третьего рейха.

Карьера 2. Устинов

Дмитрий Федорович Устинов родился 30 октября 1908 г. в Самаре в семье рабочего. Отец его получал довольно неплохую зарплату, но, как и положено пролетарию, с радостью встретил Октябрьскую революцию, заявив сыну: «У меня, сын, теперь новый смысл жизни появился».

Последующие события, вероятно, скорректировали его взгляды. Самара оказалась в самом эпицентре Гражданской войны, что, разумеется, не лучшим образом сказалось на благосостоянии ее жителей. В 1921 г. все Поволжье оказалось охвачено голодом, и семье Устиновых, чтобы избежать гибели, пришлось отправиться в «сытую» Среднюю

Азию. Николай, старший брат Дмитрия, служил в Самарканде начальником связи частей особого назначения (ЧОН) и, конечно же, помог обустроиться на новом месте.

Дмитрий тоже стал «чоновцем», а затем перешел в обычный стрелковый полк, квартировавший в Ходженте. Нескольким раз он участвовал в боях с басмачами, был на хорошем счету у командования, но после демобилизации все-таки предпочел выбрать гражданскую специальность.

В 1923–1924 гг. Устинов учился сначала в Макарьевском профессионально-техническом училище (Костромской области), а затем в Ленинградском военно-механическом институте. Как и положено сознательному молодому человеку, он активно занимался комсомольской работой и в 1927 г. вступил в партию.

Период его становления как руководителя пришелся на период индустриализации. В глазах многих представителей того поколения тяжелые бытовые условия настоящего оправдывались перспективой светлого будущего. Подобные оптимистические взгляды Дмитрий Федорович сохранил до конца жизни и под старость часто рассказывал одну притчу, полюбившуюся ему еще со времен комсомольской юности.

«Мимо стройки идет прохожий. Смотрит: люди катят тяжело груженные тачки. Один — сгорбившись, едва переставляя ноги, другой — с упорством обреченного, третий — весело, с песней.

- Что это вы делаете? — спрашивает прохожий.
- Не видишь? Тачку качу! — сердито ответил один.
- Зарабатываю хлеб насущный, — вздохнул другой.
- Строим дворец! — гордо сказал третий».

Частенько случалось, что, не подбрасывая никаких дополнительных ресурсов, начальство ставило Устинову задачи — увеличить, расширить, представить в кратчайшие сроки и т. д. И ничего: Дмитрий Федорович все равно справлялся исключительно за счет «использования внутренних резервов».

Впрочем, возможно, что и другого выхода у него не было. Начав свою карьеру в качестве инженера в Артил-

лерийском научно-исследовательском морском институте, он через три года уже стал директором ленинградского «Большевика» (бывшего Обуховского) — одного из крупнейших заводов по производству вооружений. Его предшественник был арестован, а Устинову требовалось в максимально короткие сроки «оправдать оказанное доверие». Дмитрий Федорович начал внедрять новые технологии, сократил управленческий аппарат и даже перевел один из цехов на систему хозрасчета. В результате производительность резко увеличилась, и молодой инициативный директор был награжден орденом Ленина.

Затем последовало очередное повышение, и 9 июня 1941 г. Дмитрий Федорович стал наркомом вооружений вместо арестованного Б. Л. Ванникова. До этого самым молодым сталинским министром был нарком ВМФ Н. А. Кузнецов (37 лет), но Устинов оказался еще моложе (33 года).

И вот, даже не успев осмотреться в новой должности, он столкнулся с такими задачами, перед которыми отступили бы и более опытные руководители.

Шпеер. Борьба обреченного

Ради справедливости следует отметить, что победить в этом поединке у Шпеера не было никакой возможности. Слишком велика оказалась разница в экономическом потенциале Германии и стран антигитлеровской коалиции. И тем не менее экс-архитектор фюрера делал все возможное для победы Третьего рейха.

Одно время казалось, что судьба к нему благосклонна. При назначении нового министра вооружений фюрер выступил с прочувствованной речью перед соратниками. Как впоследствии вспоминал сам Шпеер: «Так Гитлер еще не представлял ни одного министра. Даже при гораздо менее авторитарной системе правления такое начало определило бы всю дальнейшую карьеру. В нашем же государстве его последствия ошеломили даже меня. Отныне в течение довольно длительного срока я действовал как

бы в некоем абсолютно пустом пространстве, не встречая сопротивления практически ни с чьей стороны, и мог делать все, что хотел».

Используя данный ему карт-бланш, Шпеер подмял под себя другие ведомства и сосредоточил в своих руках все управление германской экономикой. В своей деятельности он стремился «избавить промышленность от излишней опеки со стороны государства» и одновременно активно привлекал в министерство наиболее талантливых представителей частного бизнеса. Производилось сокращение чиновничьего аппарата, причем на первый план выдвигались более молодые сотрудники. Можно сказать, что Шпеер делал то же самое, что и Устинов, вот только в СССР это делалось намного быстрее и намного эффективнее...

За полгода (с февраля по август 1942 г.) производство танков в Германии выросло на четверть, а боеприпасов в два раза. Динамика роста сохранялась до 1944 г., но реальность заключалась в том, что всего этого было недостаточно, ведь даже в период своего пика военная промышленность Третьего рейха так и не вышла на тот уровень, на котором находилась промышленность Германии и Австро-Венгрии в 1918 г.

Оправдываясь, Шпеер доказывал, что немецкие правители не хотели снижать уровень жизни населения. При этом он как-то «забывал», что и в Рейхе также существовала практика трудовых мобилизаций. «Забывал» Шпеер и о таком ресурсе, как подневольная рабочая сила. Конечно же, эффективность использования на производстве узников концлагерей, военнопленных и остарбайтеров оказывалась не слишком высокой, но все-таки этих «рабов» было несколько миллионов.

Так или иначе, но совершить чудо у министра вооружений не получилось. С 1943 г. ситуация становилась все более безнадежной. Германия постепенно теряла источники сырья — хромовую руду Никополя, железную руду из Швеции, нефть из Румынии. Бомбардировки союзников разрушали важнейшие промышленные центры, а на-

цистская верхушка расходовала государственные средства на содержание личных поездов и строительство бункеров. Гитлер все больше вмешивался в производственные вопросы, занимаясь мелочами и проходя мимо проблем первоочередной важности.

Наконец сломался и сам Шпеер. В январе 1944 г. он заболел, а после выздоровления обнаружил, что его «акции» у фюрера заметно понизились. Борман, Геринг, Гиммлер преуспели в том, чтобы отстранить от власти потенциального конкурента. Ситуация еще более ухудшилась после неудачного антигитлеровского путча 20 июля 1944 г. Отчетливо понимая, что Германия катится в пропасть, Шпеер и сам подумывал о том, чтобы устранить Гитлера, пустив газ в его бункер. Но то ли из-за организационных проблем, то ли из-за опасений за свою собственную судьбу реализовать этот план он так и не решился.

Хотя и потеряв большую часть своего влияния, Шпеер оставался министром вооружений вплоть до гибели Третьего рейха. 23 мая 1945 г. он был арестован американцами и предстал перед судом международного трибунала.

Устинов. Все для фронта

Получив сообщение о начале войны с Германией, Устинов понял: все, что он успел узнать за 13 дней своего руководства наркоматом, уже не имеет особого значения. Объемы производства вооружений предстояло увеличить в разы, а возможность решить эту задачу уменьшилась до предела.

Начнем с того, что сотни тысяч квалифицированных рабочих были призваны в армию. Чтобы заменить их, к станкам призывали женщин, пенсионеров и подростков. На предприятиях увеличили рабочий день, причем все меры подобного характера обосновывались «пожеланиями самих трудящихся».

Ведущие партийные деятели начали курировать отдельные отрасли промышленности (Маленков — авиацию, Молотов — танки, Вознесенский — боеприпасы, Мико-

ян — снабжение). Одновременно была повышена самостоятельность отдельных наркоматов.

Стараниями Устинова заводы, ранее выпускавшие мирную продукцию, переходили на производство вооружения. Так, в прифронтовом Ленинграде на заводе музыкальных инструментов и на парфюмерных фабриках наладили выпуск противотанковых мин, на спиртоводочных заводах готовили бутылки с зажигательной смесью, вся швейная промышленность была переведена на пошив армейского обмундирования.

Проблема усугублялась тем, что ведущие промышленные предприятия пришлось эвакуировать в восточную часть Советского Союза. Все, что не удавалось вывезти (заводские корпуса, электростанции, мосты, железные дороги), пытались уничтожить или хотя бы испортить. Немцы, рассчитывавшие завоевать Россию за пару месяцев, поначалу относились к подобному «варварству» всего лишь с легким недовольством. Завыли они зимой 1941–1942 гг., когда их машины встали на морозе, а подвозимые по разрушенным транспортным артериям припасы явно не удовлетворяли потребности действующей армии. Именно тогда и разразилась знаменитая транспортная катастрофа, с которой без особого успеха пытался бороться Шпеер.

Устинову в это время было немного легче, поскольку самым тяжелым периодом для него оказался октябрь–ноябрь 1941 г. Враг подходил к Москве, и наркому со своими сотрудниками пришлось перебазироваться в Пермскую область. Часть эвакуированных предприятий еще только разворачивалась на Востоке, часть находилась в пути, и общий выпуск вооружений в СССР упал до самого низкого за всю войну уровня. Преодолеть кризис удалось поистине героическими усилиями. В Поволжье, в Средней Азии, на Урале и в Сибири рабочие эвакуированных предприятий запускали станки прямо на улице, еще до того как у цехов появлялись стены и крыши. Женщины рыли котлованы, пенсионеры таскали кирпичи, а подростки, стоя возле станков на табуретах, вытачивали детали для будущего «оружия победы»...

Начиная с января 1942 г. выпуск вооружений вновь пошел в гору и последующие три года возрастал в геометрической прогрессии. Однако вопрос зачастую упирался не в количество, а в качество. Пытаясь свести к минимуму количество бракованных изделий, Устинов настоял, чтобы приемку оружия на каждом заводе производили специальные военные представители. Пожелания армейцев всегда учитывались инженерами, причем заводы, в свою очередь, также посылали своих представителей на фронт, чтобы понаблюдать за действием техники в боевых условиях.

Все наиболее перспективные конструкторские разработки запускались в производство без обычных бюрократических проволочек. Красная Армия получила стрелковое оружие, пушки, минометы, противотанковые ружья, которые по совокупности своих технических характеристик не уступали немецким. Что касается танков, то противник так и не смог ничего противопоставить знаменитой «тридцатьчетверке». И только в авиационной сфере некоторое преимущество все-таки сохранилось за немецкими конструкторами. Здесь, однако, следует отметить, что авиацией Устинов не занимался, поскольку она находилась в ведении отдельного наркомата. Имел значение и еще один фактор: советская сторона брала если не качеством, то количеством...

Успехи Устинова во многом объяснялись его хорошими отношениями со Сталиным. «Хозяин» покровительственно относился к молодому наркому. Однажды, будучи большим любителем погонять на мотоцикле, Дмитрий Федорович попал в аварию и сломал себе ногу. После выздоровления Сталин устроил ему разнос, который больше напоминал «отеческую выволочку»: «Идет тяжелейшая война, каждый человек на счету, а некоторые наркомы по собственной глупости ломают ноги. Товарищ Устинов, что, разве вам не выделили машину? Я распоряжусь на этот счет».

Не удивительно, что и после смерти «хозяина» Устинов отзывался о нем с большим уважением: «Что касает-

ся И. В. Сталина, то должен сказать, именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены. А сильные стороны его личности проявились наиболее полно... При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости, он живо откликнулся на проявление разумной инициативы, самостоятельности суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло»...

Благодаря такому подходу, уже к концу 1942 г. количество выпускаемого в СССР вооружения превысило количество аналогичной продукции, производимой Германией и ее союзниками. И в дальнейшем этот разрыв только увеличивался. Поединок, который советский нарком заочно вел со Шпеером, закончился полной победой Устинова и нашей промышленности.

Эпилог

Будучи технократом, Шпеер все-таки не до конца представлял себе всю преступность нацистского режима. Судя по всему, документы представленные обвинением, стали для него в некотором роде откровением, так что приговор (20 лет тюрьмы) он воспринял без малейших возражений. Выйдя на свободу в 1966 г., Шпеер писал мемуары, в которых не переставал каяться, каяться, каяться... Скончался он в Лондоне 1 сентября 1981 г.

Его советский коллега — Устинов — возглавлял оборонную промышленность до 1957 г. При Хрущеве он был повышен до заместителя председателя Совета министров СССР, а в 1976 г. стал еще и министром обороны. Будучи

одновременно членом Политбюро ЦК КПСС и маршалом Советского Союза, он (наряду с Андроповым, Громыко и Черненко) оказался одним из наиболее влиятельных политиков брежневской плеяды. Однако стать первым Дмитрием Федорович особенно не стремился. Во всяком случае, когда в 1984 г. Горбачев предложил его на должность генсека, Устинов проявил разумную сдержанность: «Я уже в возрасте и болезней много. Пусть тянет Черненко».

Скончался Дмитрий Федорович 20 декабря 1984 г. и был похоронен в Москве на Красной площади. Ижевск после его смерти был переименован в Устинов, но во времена «перестройки» городу вернули прежнее название.

Противостояние военной промышленности СССР и Германии закончилось для немцев поражением, причины которого Шнеер определил в письме, отправленном Гитлеру 20 июля 1944 г. (за несколько часов до покушения): «Если мы у себя ввели систему чрезмерной заорганизованности, то наш противник отдал предпочтение искусству импровизации. И если мы не найдем ей замену, то потомству придется только констатировать: мы проиграли войну, ибо наша изжившая себя, скованная традициями и потерявшая гибкость система потерпела полный крах». Прогноз сбывся, и Альберт Шнеер тоже нес за этот крах свою долю ответственности.

ПАПЕН И КОЛЛОНТАЙ: В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ССЫЛКЕ

История знает массу примеров того, как крупные политики заканчивали свою карьеру послами во второстепенных государствах. Правда, для гитлеровской Германии и Советского Союза времен Сталина практика дипломатической ссылки была скорее исключением, чем правилом. С проштрафившимися деятелями здесь обычно расправлялись более суровыми методами. И тем не менее существовали отдельные счастливые исключения, вроде бывшей «валькирии русской революции» Александры Коллонтай и бывшего германского канцлера Франца фон Папена.

Папен

Франц фон Папен родился 29 декабря 1879 г. в городе Верле (Вестфалия) в дворянской семье. Отец его был крупным землевладельцем, а сам Франц, удачно женившись, стал зятем столь же состоятельного промышленника.

Деньги и покровительство влиятельных родственников позволили ему очень быстро сделать военно-дипломатическую карьеру. Едва перешагнув 30-летний рубеж, он уже имел звание майора Генерального штаба, а в 1913 г. был назначен на важнейшую должность военного атташе в Соединенных Штатах и Мексике. Правда, на этом месте Франц долго не задержался, так как правительство США выставило его из страны по обвинению в шпионаже и подрывной деятельности.

Когда экс-атташе вернулся в Европу, Первая мировая война была в самом разгаре. Папен недолго сражался на Западном фронте, а затем отправился в командировку в Палестину в качестве представителя Германии при штабе

союзной турецкой армии. Именно тогда он познакомился и подружился со многими из тех, кто в будущем будет играть заметные роли в ближневосточной политике.

После поражения в войне Германская и Османская империи рухнули. Немцам пришлось пройти через революционные бури 1918–1923 гг., прежде чем в их стране утвердилась буржуазно-демократическая республика. Много бурь пришлось пережить и Турции, которая, благодаря усилиям Кемаль-паши Ататюрка, также превратилась в светское буржуазное государство...

Наш герой, хотя и придерживался монархических взглядов, вполне удачно вписался в политическую элиту новой республиканской Германии. В 1921 г. он был избран депутатом прусского ландтага от католической партии «Центр» и тогда же начал сближаться с фельдмаршалом фон Гинденбургом. Приобретя на собственные деньги газету «Германия», Папен активно занялся ее «раскручиванием», что во многом способствовало победе отставного военачальника на выборах 1925 г.

Став президентом, тот не забыл оказанной ему услуги и 1 июня 1932 г. назначил своего верного сподвижника на пост канцлера. Правда, родная католическая партия «Центр» исключила Папена из своих рядов, сочтя его согласие занять этот пост предательством по отношению к другому центристскому лидеру — Брюнингу. И все же у нового главы правительства имелся такой внушительный козырь, как поддержка влиятельных консервативных и финансово-промышленных кругов Германии. Не случайно пятеро членов его кабинета имели дворянские титулы, а еще двое были директорами крупнейших корпораций.

Страна между тем сотрясалась от ожесточенной борьбы между коммунистами и нацистами. В случае необходимости выбирать из двух зол Папен, без сомнения, отдавал предпочтение нацистам. Тем не менее он еще надеялся, что прибегать к этому оружию не придется, и поэтому распустил рейхстаг, в котором крайне правые и крайне левые имели слишком большое количество депутатов.

Увы! После прошедших осенью выборов коммунисты несколько увеличили, а нацисты, напротив, уменьшили свое представительство в парламенте. Ситуация усугублялась тем, что Папен так и не сумел заручиться даже поддержкой умеренных депутатов. Он, правда, попытался еще раз распустить парламент, но председатель рейхстага Геринг попросту не позволил ему огласить проект соответствующего указа и вместо этого поставил вопрос о вотуме недоверия правительству. Естественно, народные избранники с редким единодушием проголосовали против канцлера, и 17 ноября Папену пришлось подать президенту прошение об отставке.

Происшедшее со всей очевидностью показало нашему герою, что время компромиссов закончилось. Гитлер был еще слишком слаб для того, чтобы стать канцлером без помощи малосимпатичных ему финансовых олигархов. А денежные мешки, в свою очередь, боялись социалистической риторики фюрера, однако понимали, что никто кроме него не сможет навести в Германии порядок. Оставалось только найти связующее звено между нацистами и перепуганной буржуазией. Этим звеном и стал Папен.

Через него Гитлер сумел убедить Гинденбурга, что нацисты вовсе не собираются оспаривать традиционные ценности и священное право частной собственности. В конце концов президент поручил Гитлеру сформировать новое правительство, но при этом приставил к нему Папена, который занял должности вице-канцлера и председателя Совета министров Пруссии.

Разумеется, нацисты восприняли это с большим недовольством. Вполне справедливо видя в Папене «агента плутократии», новый министр внутренних дел Пруссии Геринг занялся чисткой старого государственного аппарата и даже создал тайную политическую полицию — гестапо. Еще дальше пошел Рем, заявивший о необходимости «второй революции».

«Плутократия» забилась в тревоге, и во время посещения городка Марбург Папен выступил с речью, напоминавшей ультиматум. Он потребовал положить конец

«огульному шельмованию добрых граждан, а также вымеиванию интеллектуальных и духовных ценностей нации». Фактически вице-канцлер озвучил позицию весьма широких кругов, не желающих революционных потрясений. Гитлер намек понял и во время «Ночи длинных ножей» расправился с наиболее радикальными элементами своей партии.

При этом, чтобы показать кто в доме «хозяин», фюрер решил преподать урок и умеренным. Сам Папен, правда, отделался двухдневным арестом, но один из его сотрудников был расстрелян. Автор марбургской речи доктор Юнг пропал без вести; на стене ванной комнаты жена нашла лишь нацарапанное впопыхах слово «гестапо».

Со смертью Гинденбурга вице-канцлер лишился своего самого влиятельного покровителя. В июле 1934 г. Папена отправили в его первую дипломатическую ссылку — послом в Вену. Здесь он активно готовил «аншлюс», передавая деньги местным фашистским молодчикам. Однако в феврале 1938 г. полиция произвела обыск в штаб-квартире венских нацистов и обнаружила документы, из которых следовало, что поводом для вторжения вермахта в Австрию должно было стать именно убийство Папена. Получилось некрасиво.

Явно не желая объясняться по этому поводу, фюрер послал Папена еще дальше — послом в Турцию. Правда, на сей раз, кроме стремления избавиться от неудобного политика, Гитлер действительно рассчитывал на его дипломатические таланты.

Суть проблемы заключалась в том, что еще основатель турецкой республики Кемаль Ататюрк дружил с Кремлем и даже частенько отдыхал в специальной комнате советского посольства. После его смерти Турцией, по мнению Гитлера, правили «мелкие душонки, бесхребетные, слабые люди», и этим, конечно же, следовало воспользоваться. Однако, хотя отношения с Советским Союзом несколько охладели, заметно усилилось английское влияние, что, конечно же, фюрера категорически не устраивало.

Прибыв в Анкару, Папен возобновил все свои старые связи. В обмен на участие в будущей агрессии против Советского Союза он обещал туркам возврат многих территорий на Кавказе, а возможно, даже и Крымского полуострова. В результате 18 июня 1941 г. между Берлином и Анкарой был подписан договор о дружбе.

Тем не менее Турция в экономическом отношении слишком сильно зависела от Великобритании, так что открыто примкнуть к Гитлеру Анкара все-таки не решилась.

Более того, туркам пришлось соблюдать предыдущие договоренности, согласно которым боевые суда воюющих стран не имели права проходить через черноморские проливы. Другое дело, что в ряде случаев эти договоренности выполнялись лишь формально, и немецкие военные корабли проходили под видом гражданских, всего лишь демонтируя часть вооружения.

В 1941–1942 гг. благодаря победам вермахта и усилиям Папена у турок действительно возникал соблазн ударить в спину России. Германский посланник прилагал массу усилий для того, чтобы разжечь подобные настроения. И, когда 24 февраля 1942 г. на бульваре Ататюрка неизвестный бросил в Папена и его жену самодельную бомбу, главная версия была одна — русские!

Покушавшийся (болгарский коммунист) погиб, а супруги Папены отделались несколькими царапинами. Проявив изумительную оперативность, турецкая полиция арестовала вице-консула в Стамбуле Георгия Павлова и сотрудника торгпредства Леонида Корнилова. Как стало известно из рассекреченных недавно документов, первый из них действительно и был организатором покушения. А второй оказался совершенно случайной фигурой. Обоих приговорили к 20-летнему заключению, но после того как ситуация на Восточном фронте изменилась, президент Исмет Иненю амнистировал их специальным указом.

Однако настоящая подоплека покушения так и осталась неразгаданной. Возможно, в Кремле действительно боялись, что Папен стравит СССР и Турцию. Но кроме этой существует и еще одна версия. К концу 1941 г. в Герма-

нии появилась группа влиятельных политиков и генералов, выступавших под лозунгом «Германия без Гитлера, но с военным правительством». На посту канцлера ее участники видели именно Папена, а заключать мир они хотели не с Советским Союзом, а с одной только Великобританией. Узнав об этом, в Кремле, видимо, и приняли решение о «ликвидации». Все-таки втянуть Турцию в войну при явно выраженном желании самих турок смог бы практически любой дипломат, пришедший на смену Папену, а вот найти другого, столь же авторитетного на Западе кандидата в канцлеры Германии, было не так-то просто...

Впрочем, любой зондаж, предпринятый эмиссарами Папена, сразу же отвергался англичанами. В конце концов германскому послу ничего не оставалось, как махнуть на все рукой и заняться своими прямыми обязанностями. После неудачного покушения на Гитлера (20 июля 1944 г.) выяснилось, что между заговорщиками и Папеном существовали какие-то до конца не проясненные контакты, но и на этот раз казнить бывшего канцлера Гитлер так и не решился: ведь за его спиной по-прежнему маячили финансовые тузы Германии, а без их помощи надеяться выиграть войну фюреру уже не приходилось...

Папена лишь сняли с должности, наградив Рыцарским крестом с мечами. Ему пришлось вернуться в Германию, и в апреле 1945 г. он был арестован в Руре частями 9-й американской армии. Нюрнбергский трибунал оправдал его, но в феврале 1947 г. комиссия по денацификации приговорила экс-канцлера к восьми месяцам тюремного заключения. Выйдя на свободу, он спокойно дожил свой век, скончавшись 2 мая 1969 г. в Оберзасбахе в Бадене.

Коллонтай

Александра Михайловна Домонтович родилась 19 марта 1872 г. в семье царского полковника (с 1875 г. — генерал-майора). Увлечшись идеями писателей-демократов, девушка решила посвятить себя служению людям и в 16 лет, сдав экзамены, получила диплом народной учительницы.

Родители восприняли это как блажь и попытались выдать ее замуж за генерала Тутомлина — адъютанта Александра III. Шура категорически отказалась, и тогда ее отправили в Тифлис «проветрить мозги». Здесь она познакомилась с курсантом Военно-инженерной академии Владимиром Коллонтаем, с которым и сочеталась законным браком (1893). Родители восприняли подобный мезальянс с недовольством, но, по крайней мере, надеялись, что теперь дочь немного остепенится. Надежды рухнули после того, как Александра Михайловна, оставив мужу ребенка, уехала в Европу со своим любовником офицером Саткевичем.

Проучившись на факультете экономики и статистики Цюрихского университета, она сблизилась с революционерами и по возвращении в Россию в 1903 г. с головой погрузилась в нелегальную деятельность. Среди статей, которые она печатала в социал-демократической прессе, значительное место занимали материалы, посвященные месту женщины в обществе будущего. Сам институт брака Коллонтай называла устаревшим, считая, что «вступать в близость с мужчинами и удовлетворять свои сексуальные потребности должно стать так же просто, как выпить стакан воды». Впоследствии она пошла еще дальше, заявив, что «половой подбор должен строиться по линии классовой, пролетарско-революционной целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания». Столь радикальные взгляды встречали понимание у наиболее прогрессивной части общества, а вот шокированные представители «отживающего старого мира» называли Александру Михайловну «валькирией русской революции».

С 1908 г. Коллонтай жила в эмиграции и принимала довольно активное участие в дискуссиях, происходивших между большевиками и меньшевиками. Сама она в то время была меньшевичкой, как и ее тогдашний любовник — Петр Маслов. Но в 1905 г. начался новый роман с большевиком Шляпниковым, который повлиял и на полити-

ческую ориентацию Александры Михайловны. Прожженный циник Ленин с иронией отреагировал на происходящее: «Пламенное сердце товарища Коллонтай отвергло меньшевика Маслова и приняло большевика Шляпникова. Ура, товарищи!»...

Надо, впрочем, отметить, что Ильич с искренним уважением относился к Александре Михайловне. Он действительно очень ценил ее революционную последовательность и непримиримость, ну а весьма экстравагантные взгляды на взаимоотношения полов вполне естественно считал делом второстепенным.

Во время Первой мировой войны Коллонтай очень горячо отстаивала интернационалистскую позицию Ленина и за свои антивоенные выступления даже была «навечно» выслана из Швеции. Кто тогда мог догадаться, что «вечность» продлится всего 15 лет и в 1930 г. Александра Михайловна вернется в Стокгольм в качестве полномочного представителя Советского Союза?..

После Февральской революции Коллонтай вошла в исполком Петроградского Совета и весьма энергично занялась пропагандой большевистских идей среди моряков Балтийского флота. Именно тогда она и познакомилась с молодым «вожаком» Павлом Ефимовичем Дыбенко. 17-летняя разница в возрасте не помешала очередному страстному роману, который завершился регистрацией первого в Советской России гражданского брака.

Именно моряки Дыбенко внесли решающий вклад в успех Октябрьского переворота и защиту Петрограда от войск Керенского — Краснова. А вот отбить наступление немцев под Нарвой у них не получилось. «Братишки» перепились дармовым спиртом и попросту уехали с фронта. ЦК партии устроил суд над Дыбенко, но, благодаря заступничеству Коллонтай, он был прощен и отдан ей на поруки.

Вместо того, чтобы искупать вину, супруги уехали в Крым в свадебное путешествие. Ситуация в ЦК вновь накалилась, причем Троцкий предлагал расстрелять молодоженов как дезертиров. Ленин свел все к шутке, заявив:

«Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет».

Конечно, пять лет — это было слишком жестоко. Дыбенко начал изменять своей супруге гораздо раньше, и здесь выяснилось, что проповедница свободной любви оказалась обычной ревнивой женщиной. Надо сказать, что, обнаружив в себе подобное «мещанское чувство», сама Коллонтай очень стыдилась и переживала. Однако поделаться с собой ничего не могла — сердцу не прикажешь.

Гражданская война несколько оттянула разрыв между супругами. Коллонтай в это время была наркомом государственного призрения (став первой в мире женщиной-министром), а Дыбенко воевал против белогвардейцев в Крыму и на Украине. Но в 1922 г. (как раз через упомянутые Лениным пять лет) решающее объяснение все-таки состоялось. Считается, что Павел Ефимович после этого разговора пытался застрелиться, но более убедительной выглядит другая версия. Скорее всего, стреляла Коллонтай, а Дыбенко как настоящий джентльмен взял вину на себя, чтобы выгородить некогда любимую женщину. Любопытно, что после того как между супругами все было кончено, Сталин поинтересовался у Павла Ефимовича: «Ты разошелся с Коллонтай? Ну и дурак! Большую глупость сделал»...

Разумеется, все эти личные неурядицы довольно негативно отразились на авторитете Александры Михайловны. Сыграла свою роль и участие в «рабочей оппозиции» Ленину, выступавшей за передачу всей экономической власти от партии к профсоюзам. В результате, если в 1917 г. «валькирия русской революции» пользовалась поистине всемирной известностью, то через пять лет она занимала всего лишь второстепенную должность секретаря Международного женского секретариата при Коминтерне.

Вскоре ее перевели на дипломатическую работу, и с 1923 г. Александра Михайловна была полномочным представителем Советского Союза в Норвегии и очень недолго — в Мексике. Женщин-послов до этого тоже не

встречалось, так что и здесь Коллонтай оказалась первой в мире. В 1930 г. ее перевели на аналогичную должность в Стокгольм, где она и проработала целых полтора десятилетия.

Швеция уже более века придерживалась политики нейтралитета, так что на первый взгляд работа здесь выглядела своеобразной синекурой. Все изменилось в 1939 г., когда СССР предпринял агрессию против соседней Финляндии (которая в свое время входила в состав Шведского королевства). Общественное мнение в Стокгольме было настроено против России, причем многие шведы даже отправились в Суоми в качестве добровольцев. Правда, после заключения советско-финского мирного договора Кремль посоветовал Коллонтай использовать все свои шведские контакты для того, чтобы «сделать Финляндию дружественной нам страной, выветривая из нее дух недоверия, враждебности и ненависти к нам».

Финны, однако, предпочли сблизиться с Германией и приняли участие в нападении на Россию. Позиция Швеции оказалась более двойственной. С одной стороны, Стокгольм по-прежнему придерживался позиции нейтралитета, а с другой — шведы предоставили немцам коридор для переброски войск из оккупированной Норвегии в Финляндию. Кроме того, шведские и германские суда перевозили через шведские территориальные воды стратегически важное сырье — железную руду из Норвегии. Все это не вязалось с официальной политикой нейтралитета, но в Кремле поначалу предпочитали не ухудшать отношения со Стокгольмом. Все изменилось в 1942 г., когда первый натиск вермахта был отражен, а советские подводные лодки, преодолев минные заграждения, выбрались из Финского залива в Балтийское море.

Впоследствии советские историки акцентировали внимание на том, что Германия всячески пыталась вбить клин между Москвой и Стокгольмом. В посвященном Коллонтай фильме «Посол Советского Союза» рассказывается, как немцы бомбили шведский городок, а потом пытались возложить ответственность за это на русских. Провока-

цию сорвали простые шведские рыбаки — люди с обветренными лицами и мозолистыми руками, доставившие к Коллонтай осколки, из надписей на которых следовало, что бомбы изготовлены в Германии.

На самом же деле поводов для начала войны хватало и без немецких провокаций.

В 1942–1944 гг. наши подводники потопили несколько шведских судов с железной рудой. На протесты из Стокгольма Кремль давал следующие ответы: «В Черном море немецкие подлодки совершали похожие действия, чтобы испортить дружественные советско-турецкие отношения. “Почерк” гитлеровских провокаторов хорошо известен, а техника совершения этих трюков слишком элементарна и груба».

Однажды шведы предъявили Коллонтай осколки торпеды с русскими надписями, но Александра Михайловна твердо стояла на официальной позиции, и к тому же подняла вопрос о нарушении нейтралитета, приведя в качестве примера транзит немецких войск и военных материалов через Швецию в Финляндию. Шведы со всей “скандинавской горячностью” начали опровергать подобные обвинения, и разговор сразу же принял иное направление.

В конце концов шведы убедили себя, что гибель их судов объясняется ошибками и недостаточным профессионализмом советских подводников. Заострять этот вопрос не стали, во-первых, потому что сами шведы были не без греха, а во-вторых, ссориться с Советским Союзом после 1943 г. было уже небезопасно.

Постепенно главная задача Коллонтай свелась к тому, чтобы, используя посредничество шведов, добиться заключения мира между СССР и Финляндией. В 1921 г. Александра Михайловна встречалась в Стокгольме с видным финским политиком (впоследствии президентом) Юхо Пассикиви. С этого момента процесс был запущен и в сентябре 1944 г. финны окончательно порвали с гитлеровской Германией.

На столь оптимистической ноте дипломатическая карьера Коллонтай и завершилась. Вскоре ее сразил ин-

сульт, оправившись от которого она вернулась в Москву, где и провела остаток жизни фактически под домашним арестом. Некоторые историки видят причину опалы в связях Александры Михайловны с «врагом народа» — Дыбенко, но тот был расстрелян еще в 1938 г., под занавес репрессий. Упоминается и версия о том, будто Коллонтай была завербована французской разведкой, но какие-либо серьезные документы, которые могли бы пролить свет на данный вопрос, в настоящее время не обнаружены.

Первая в мире женщина-министр и женщина-посол умерла своей смертью 9 марта 1952 г. Похоронили ее со всеми почестями, однако не на Красной площади, а на чуть менее престижном Новодевичьем кладбище.

Во время Второй мировой войны Швеция и Турция даже самим фактом своего нейтралитета оказывали заметное влияние на происходившие события — ведь именно в их руках находились ключи от Черного моря, ключи от Балтики.

На противоположных концах Европы представители двух враждующих государств — Папен и Коллонтай — выполняли одинаковые задачи, пытаясь не допустить выступления «нейтралов» на стороне неприятеля. И здесь эти опытные политики доказали, что, даже находясь в дипломатической ссылке, «старые клячи» могут принести немалую пользу. В противном случае, кто знает, как бы развивались события, примкну Турция к антигитлеровской коалиции или объяви Швеция войну Советскому Союзу?

КОХ И ПОНОМАРЕНКО: ДЖИУ-ДЖИТСУ ДЛЯ РЕЙХСКОМИССАРА

Говоря о партизанах 1941–1944 гг., советские историки не забывали подчеркивать, что «действовали они под руководством Коммунистической партии». Надо признать, что в значительной степени это утверждение соответствует действительности. Ведь, по крайней мере, с 1942 г. большинство отрядов и соединений «народных мстителей» подчинялись Центральному штабу партизанского движения, возглавляемому членом ЦК Пантелеймоном Пономаренко.

Обойтись без подобной централизации было невозможно, поскольку на оккупированных территориях партизанам противостояла страшная карательная машина, воплощавшая нацистский новый порядок. Создавали эту машину гитлеровские наместники, среди которых выделялся рейхскомиссар Украины Эрих Кох.

Карьера 1. Кох

Эрих Кох родился 19 июня 1896 г. в Эльберфельде в семье рабочего. Подобно большинству сверстников он прошел через окопы Первой мировой войны, но не снискал себе ни наград, ни званий.

Демобилизовавшись, Кох устроился на железную дорогу и, вопреки своему социальному происхождению, примкнул к правому движению. В 1922 г. он вступил в НСДАП и стал одним из руководителей партийной организации Рура. Область считалась демилитаризованной, и французские оккупационные власти следили за соблюдением этого статуса. В то же время в крае существовали нелегальные организации, видевшие свою цель в «борьбе

с оккупантами». Лидером одной из таких организаций был Лео Шлагетер, расстрелянный в 1923 г. французами по обвинению в шпионаже и диверсиях. Нашего героя арестовали вместе с ним по тем же обвинениям, так что, когда нацистская пропаганда объявила казненного патриотом-мучеником, отблески его славы упали и на Коха.

Сидя во французской тюрьме, Эрих, разумеется, не участвовал в «пивном путче», но причина отсутствия его была вполне уважительная. И поэтому, когда запрет с деятельности НСДАП был снят, «старые бойцы» приняли Коха в свой круг. Он стал заместителем гауляйтера Рура и довольно близко сошелся с лидером рабочего крыла партии Грегором Штрассером. Фактически Эрих оказался в числе противников Гитлера, и, когда фюрер предпринял чистку в рядах оппозиции, Коху пришлось расстаться с партийным билетом (июль 1928 г.). Впрочем, изгнание оказалось недолгим, и уже через два месяца произошло «возвращение блудного сына».

Раскаявшегося встретили с распростертыми объятиями и назначили гауляйтером Восточной Пруссии. В этом кресле Кох находился практически до самого падения нацистского режима, однако время от времени ему довелось занимать и другие должности.

Так, с первого и до последнего дня войны он был имперским комиссаром обороны 1-го военного округа, в 1941 г. стал губернатором Белостокского района, а в мае 1942 г. возглавил рейхскомиссариат «Украина», включавший в себя большую часть Украины и несколько областей России и Белоруссии.

Существовал еще один рейхскомиссариат «Остланд» (во главе с Генрихом Лозе), состоявший, в свою очередь, из четырех генеральных комиссариатов (Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия). А вот «Украина» состояла из четырнадцати генеральных комиссариатов (Волыно-Подоллия, Житомир, Чернигов, Киев, Харьков, Николаев, Таврия, Днепропетровск, Сталино, Ростов, Царицын, Саратов, Немцы Поволжья, Воронеж). Так что из всех оккупированных Германией территорий Европы владения Коха оказались самыми обширными, населенными и... беспокойными.

Карьера 2. Пономаренко

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко родился 27 июля 1902 г. на хуторе Шелковском Кубанской области в семье крестьянина-украинца, переселившегося в эти места из Харьковской губернии. Явно не считая долю земледельца завидной, родители отдали сына подмастерьем в шапочную мастерскую. Так мальчик оказался в главном городе края — Екатеринодаре.

Затем грянула революция, и все жители Кубани раскололись на белых и красных. В апреле 1918 г. под Екатеринодаром грянуло первое крупное сражение Гражданской войны, в котором погиб основатель Добровольческой армии генерал Корнилов.

Пономаренко в эти дни записался в красную гвардию и, следовательно, оказался в лагере победителей. Однако на обороне Екатеринодара все его военные подвиги и закончились. Вступив в комсомол, он пошел по хозяйственной линии и в 1919–1922 гг. работал на нефтепромыслах и железнодорожном транспорте.

В период НЭПа карьера Пономаренко двигалась как по хозяйственной, так и по комсомольской линии, однако при всех незаурядных деловых качествах нашему герою явно не хватало образования. В конце концов Пантелеймон Кондратьевич выкроил время для учебы и сразу же после окончания Московского института инженеров транспорта стал помощником директора этого вуза (1932 г.).

Затем были четырехгодичная служба в армии (откуда он демобилизовался в должности командира батальона) и возвращение на хозяйственную работу.

Репрессии времен Ежова не коснулись Пономаренко, и даже, напротив, расчистили ему дорогу. Именно благодаря им он попал в «кузницу аппаратчиков» — возглавляемый Маленковым отдел руководящих партийных органов ЦК партии. Маленков, возможно, уже тогда метивший в преемники Сталина, проталкивал своих подопечных на важные должности и вскоре нашел для Пономаренко подходящую вакансию.

В июне 1938 г. на практически уже завершившийся съезд Белорусской компартии из Москвы прибыл эмиссар Сталина — А. А. Андреев. В настоятельной форме он «порекомендовал» избрать первым секретарем ЦК республиканской парторганизации, а фактически и руководителем всей республики Пантелеймона Пономаренко. Спорить никто не решился, и во главе Белоруссии оказался украинец, родившийся на Кубани.

В принципе, подобная ситуация была не совсем типичной, поскольку обычно во главе союзных республик стояли либо представители титульной нации, либо, в крайнем случае, русские. Однако у белорусов, не было причин жаловаться на своего «первого». Именно при нем репрессии пошли на спад (что, впрочем, соответствовало новой генеральной линии), а за национальных поэтов республики Янку Купала и Якуба Коласа он заступался перед самим Сталиным (благодаря чему их не расстреляли, а наградили орденом).

Пантелеймон Кондратьевич сроднился со своей новой Родиной и воспринимал ее интересы как свои личные, действуя иногда в ущерб Украине. Так, после раздела Польши (в сентябре 1939 г.) он добился присоединения к Белоруссии таких городов, как Брест, Пружаны, Пинск, Кобрин. Тогдашний глава Украины Хрущев почувствовал себя очень задетым, и в результате лидеры двух братских республик устроили скандал прямо в кабинете Сталина. «Хозяину», видимо, понравился их боевой задор, и в годы Отечественной войны Пономаренко и Хрущева не раз бросали на самые ответственные участки.

Пантелеймон Кондратьевич в 1941–1943 гг. последовательно являлся членом Военных советов Западного, Центрального, Брянского фронтов и 3-й Ударной армии. Как член ЦК (с 1939 г.) он был чем-то вроде комиссара при командующих фронтами, но в собственно полководческие вопросы обычно не вмешивался. Тем не менее приобретенный им опыт оказался достаточно ценным, что, видимо, сыграло свою роль при следующем назначении.

«Новый порядок»

К концу 1941 г. наиболее развитые в экономическом отношении территории Советского Союза были захвачены неприятелем. Страна лишилась большей части своего промышленного потенциала, а также своей житницы — Украины.

И это было еще полбеды. Едва ли не большую угрозу представляло то обстоятельство, что и промышленность и сельское хозяйство оккупированных районов теперь должны были работать на благо Рейха. А ведь на Рейх и так, пускай со скрипом, уже работали промышленность и сельское хозяйство едва ли не всей Европы.

Немцы, будучи известными радетелями порядка, пытались внедрить на «восточных территориях» такие административные модели, которые должны были работать на одну цель — обеспечение Германии сырьем и продуктами. И здесь рейхскомиссариату Коха отводилось едва ли не решающее значение. Один из его подчиненных, генерал Томас, доносил следующее: «Изъятие излишков сельскохозяйственных продуктов из Украины для продовольственных целей рейха возможно только в том случае, если внутреннее потребление будет сведено до минимума. Предпринимаются попытки достигнуть этого:

- 1) путем истребления лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов...);
- 2) путем крайнего сокращения продовольственных норм в остальных городах;
- 3) путем ликвидации проедания продовольствия сельским населением...».

При этом в большинстве мест немцы сохраняли колхозы, поскольку именно колхозная система создавала наиболее благоприятные условия для «изъятия излишков сельскохозяйственных продуктов».

Что же касается промышленности, то она немцев интересовала мало. Много было эвакуировано, а для того, чтобы запустить оставшиеся мощности, требовалось приложить слишком большие организационные усилия. Так

что, по сути, оккупационные власти сосредоточились лишь на самом необходимом — продовольствии и дорогах (которые, как известно, традиционно служили одним из главных препятствий к вторжениям в Россию и на Украину).

Борцы с «новым порядком»

Ну, а что же советская сторона? Ей следовало приложить максимум усилий для того, чтобы противник так и не смог воспользоваться своими территориальными приобретениями. И здесь одна из главных, если не решающая роль отводилась партизанам и подпольщикам.

Именно они должны были не допустить, чтобы промышленные предприятия заработали на полную мощность. Именно им предстояло сорвать планы сельскохозяйственных заготовок, а также нарушить коммуникации между фронтом и тылом немецкой армии.

Любопытно, что еще в 1920-х гг. в Советском Союзе предпринимались первые попытки создать и «законсервировать» специально подготовленные группы, которые в случае войны могли бы заняться организацией сопротивления на оккупированной территории. Однако в 1930-х гг. возобладала наступательная доктрина, согласно которой война должна была вестись Красной Армией «на чужой территории и малой кровью». Весь опыт, накопленный в области подготовки партизан и подпольщиков, был объявлен ненужным и даже вредным. В результате с началом Отечественной войны пришлось импровизировать и создавать все заново. А времени, как правило, было совсем немного...

Первоначально организацию партизанского движения попытались возложить на политотделы действующих армий, но в 1941 г. у армейцев забот и так было предостаточно. С гораздо большим успехом борьбой в тылу врага занимались возглавляемые Лаврентием Берией чекисты. Буквально с самого начала войны при отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) ста-

ли создаваться диверсионные и разведывательные группы, которые забрасывались на неприятельскую территорию.

Тем не менее, по мнению Сталина, проводимой НКВД работе не хватало масштабности. Диверсии и разведка — это, конечно, хорошо, но мало. Требовалось разжечь пламя настоящей народной войны, по образцу 1812 г.

По мнению вождя, справиться с такой работой могла только партия. И если оккупанты создавали свою администрацию, на вершине которой стояли рейхскомиссары, а на нижней ступени — рядовые полицаи, то и коммунисты попытались противопоставить противнику свой собственный аппарат тайной власти.

С приходом немцев райкомы зачастую в полном составе уходили в подполье. Более высокая инстанция, обкомы, обычно разделялись на легальный (отбывавший в эвакуацию) и нелегальный (остававшийся на месте). По той же схеме действовали районные и областные комитеты комсомола.

Таким образом, когда весной 1942 г. возник вопрос о необходимости создания Центрального штаба партизанского движения, возглавить его мог бы либо чекист, либо партиец.

Берия, составив по приказу Сталина список возможных кандидатов, начал его с фамилии заместителя внутренних дел Украины В. Сергиенко. Пономаренко был в списке последним, причем попал он туда лишь потому, что написал в свое время брошюру «К вопросу о постановке диверсионной работы».

Однако протолкнуть своего человека у Лаврентия Павловича не получилось. Просмотрев список и выслушав соображения Берии, Сталин заметил: «У вас узковедомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП (б)». С этими словами «хозяин» подчеркнул фами-

лию Пономаренко и стрелочкой вывел ее на первое место. Возражений, разумеется, не последовало.

Уже позже Хрущев, «болевший» за своего «земляка» Сергиенко (а возможно, и сам метивший в лидеры партизанского движения), расценил подобное решение как «унижение Украины». На самом же деле Сталин поступил очень политкорректно: бесспорно, поскольку именно на Украине и в Белоруссии партизанское движение достигло наибольшего размаха, возглавить штаб должен был представитель одной из двух республик. И кто мог здесь подойти лучше, нежели Пономаренко — украинец по национальности и белорус «по месту работы»?

«Народные мстители»

Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) разместился в подмосковном санатории «Пушкино». Чуть позже руководителями, число которых достигло шестнадцати, были созданы подчинявшиеся ему республиканские и областные штабы партизанского движения. Однако, по мере того, как Красная армия продвигалась на запад, эти штабы упразднялись, а их сотрудники оставались на освобожденной территории и переходили к мирной работе.

ЦШПД удалось установить связь с большинством партизанских отрядов и худо-бедно наладить их снабжение при помощи авиации. В значительной степени это способствовало активизации партизанской деятельности, причем успехи «народных мстителей» оказались настолько впечатляющими, что осенью 1942 г. (в один из самых тяжелых периодов войны) советская Ставка пыталась ставить перед ними задачи уже не вспомогательного, а стратегического характера.

6 сентября Кремль учредил пост Главнокомандующего партизанским движением, на который был назначен маршал К. Е. Ворошилов. Впрочем, занимал он его два месяца, а затем все вернулось к прежней системе управления. И дело здесь заключалось даже не в полководческой бездарности маршала, а в том, что руководить парти-

занским движением теми же методами, что и армией, было невозможно.

Практика показала, что наиболее оптимальной формой организации «народных мстителей» была бригада, включавшая в себя 4–7 относительно самостоятельных отрядов. На Украине существовали и более крупные структуры — соединения, которые в случае опасности также распадались на отдельные отряды.

Получая указания от ЦШПД, партизанские отряды вели постоянную борьбу с оккупантами, а в нужные моменты объединялись и активизировали свою деятельность, облегчая тем самым положение наступающей Красной Армии. Нападения на мелкие гарнизоны, разрушение коммуникаций и средств связи, акты диверсий и саботажа — все это стало неотъемлемой головной болью для германской администрации. Самое же обидное заключалось в том, что срывались планы хлебозаготовок, и уже в 1942 г., в период наибольших военных успехов, в Рейхе возникли серьезные продовольственные трудности. Надежды на украинский хлеб и белорусскую картошку явно не оправдывались, и когда уже после войны на суде в Минске зондерфюрера Битнера спросили: «Кто давал вам сведения о том, что в отдельных селениях граждане не выполнили поставки?», Битнер ответил: «Такие сведения не были нужны, так как сто процентов населения не сдавало поставок»...

У Коха на Украине ситуация была немногим лучше, хотя в отличие от Белоруссии степные украинские ландшафты представляли собой не слишком удобное поле для партизанских действий. К тому же в западных областях страны в Соппротивлении участвовали не только советские партизаны, но и сторонники «Великой Польши», и украинские националисты, причем отношения между этими тремя силами были резко враждебными. Тем не менее Коху так и не удалось навести порядок даже в своей собственной столице Ровно, а сам он испытывал чувство постоянного страха, панически боясь стать жертвой покушения.

Понять его нетрудно, поскольку в 1943 г. партизаны взорвали гаулейтера Белоруссии Кубе, а рейхскомиссар «Остланда» Лозе едва не был убит подпольщиками прямо во время парада на Домской площади в Риге. Сам Кох, не подозревая об опасности, буквально смотрел в глаза смерти, когда принимал у себя обер-лейтенанта Зиберта (советского разведчика Кузнецова). Правда, находясь под наблюдением двух адъютантов, Зиберт так и не рискнул выхватить пистолет, но зато Кох разболтал ему информацию о готовящемся наступлении под Курском. Полученная информация помогла нашей Ставке принять меры к отражению удара, ну а после Курской битвы освобождение Украины стало лишь делом времени. К концу 1943 г. Красная Армия освободила Левобережье, а еще через полгода Кох остался правителем без подданных.

Пожизненное заключение и персональная пенсия

Вернувшись к обязанностям гауляйтера Восточной Пруссии, Кох фактически уже не играл заметной роли в событиях. После самоубийства Гитлера он безуспешно требовал от нового канцлера Деница эвакуировать его на подводной лодке в Южную Америку. Потерпев неудачу, Кох обзавелся чужими документами, переоделся в штатское и вплоть до 1949 г. под видом сельскохозяйственного рабочего скрывался в Шлезвиге. Однако американцы его нашли и выдали, правда, не Советскому Союзу, а Польше.

На Украине Коха как военного преступника почти наверняка повесили бы. Поляки за зверства против своих соотечественников также приговорили его к смертной казни, но приводить приговор в исполнение так и не стали. Остаток жизни он провел в тюрьме Барачево и умер 12 ноября 1986 г.

Пономаренко с 1944 г. вновь руководил Белоруссией и многое сделал для восстановления республики. В 1948 г. он перешел на работу в Кремль, но после смерти Стали-

на попал в опалу. Правда, в 1954–1955 г. Пантелеймон Кондратьевич был первым секретарем ЦК компартии Казахстана и одним из главных инициаторов «целинной эпопеи», однако давние расхождения с Хрущевым дали себя знать, и в 1956 г. его перевели на дипломатическую работу. Будучи послом в Голландии, Пономаренко лично пытался задержать одну из «невозвращенок», подрался с полицией и удостоился статуса персоны нон-грата. На заслуженный отдых его выпроводили с минимальной пенсией, но после снятия Хрущева сделали «персональным пенсионером».

В конце жизни Пантелеймон Кондратьевич преподавал и писал мемуары, причем его книга «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков» долгое время считалась засекреченной. Скончался Пономаренко 18 января 1984 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Советское партизанское движение разрушило германские планы установления «нового порядка» и внесло существенные коррективы в военные теории XX века. Не случайно уже в 1949 г., в самый разгар противостояния между Западом и Востоком, американский публицист Уолтер Липпман констатировал: «Стратеги и те, кто разрабатывает планы войны, должны изучать нечто большее, нежели проблемы технической полноценности бомбардировок, радара, неконтактных взрывателей. Им нужно изучать вопрос о небольших отрядах людей с автоматами, которые, ведя партизанскую войну, смогут свести на нет наступление в воздухе. Ведь вполне может случиться, что партизанская война окажется для механизированной войны тем же, что джиу-джитсу для ортодоксального борца».

СКОРЦЕНИ И МЕДВЕДЕВ: ТОСТ ЗА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Профессия диверсанта находится где-то посередине между профессиями солдата и разведчика. «Рыцари плаща и кинжала» должны совмещать в себе отличную физическую подготовку с хорошим интеллектом, который необходим для проведения любой серьезной операции. И еще, это профессия отнюдь не всегда стыкуется с понятиями чести и морали. Отношение к диверсантам несет некоторый отпечаток двойственности, поскольку общество не всегда может определить, кто они в большей степени — герои или убийцы? В каждом конкретном случае ответ бывает разным. И в качестве примера мы выносим на суд читателей краткие биографии двух диверсантов Второй мировой войны — эсэсовца Отто Скорцени и чекиста Дмитрия Медведева.

Скорцени

Отто Скорцени родился в Вене 12 июня 1908 г. в семье инженера. В 10-летнем возрасте мальчик стал свидетелем крушения некогда могучей Австро-Венгерской империи и превращения Австрии в маленькую центрально-европейскую республику.

Эти события повлияли на мировоззрение нашего героя. Еще во время учебы в Политехническом институте Скорцени познакомился со своим земляком и будущим шефом Эрнстом Кальтенбруннером. Даже внешне они были очень похожи: оба огромного, почти двухметрового роста, и у обоих на лицах красовались шрамы — предмет гордости любого «бурша». По официальной легенде, и Скорцени, и Кальтенбруннер получили их во время каких-то дуэлей, однако существует и другая ме-

нее романтическая версия: шрамы стали результатом хирургического вмешательства, которое производилось с одной целью — дать лицам отпечаток brutальной мужественности...

В феврале 1934 г. Отто вступил в ряды австрийских СС. А уже в июне нацисты предприняли неудачную попытку военного переворота, во время которого погиб канцлер Дольфус. Власти начали репрессии, и Скорцени поспешил превратиться в добропорядочного буржуа. Срочно женившись, он устроился на работу управляющим делами одной из венских строительных компаний.

Только в 1938 г., когда Австрия вошла в состав Рейха, Отто вспомнил о своем нацистском прошлом. Получив рекомендации от Кальтенбруннера, он добился зачисления в сформированный из австрийцев полк СС «Фюрер». Впоследствии задним числом историки приписали Скорцени участие во многих известных спецоперациях. Однако действительность была более прозаической. Свою военную карьеру Отто начал на Восточном фронте, и никаких выдающихся подвигов он там не совершил. В начале 1942 г. с дизентерией и обмороженными конечностями Скорцени попал в госпиталь, после чего был признан временно негодным к строевой службе.

В качестве военного инженера несколько месяцев он прозябал в одной из тыловых частей. В конце концов Отто решил вновь обратиться к Кальтенбруннеру, который тут же подыскал своему земляку более почетное место начальника «специальной части» в штурмовой дивизии СС «Бранденбург».

Звездный час Скорцени настал летом 1943 г. В Италии лучший союзник Гитлера Муссолини был отстранен от власти, а пришедшее ему на смену правительство маршала Бадольо вступило в тайные переговоры с союзниками. Гитлер решил оккупировать Италию, однако для начала ему требовалось освободить Муссолини из заключения. В ставку фюрера доставили нескольких офицеров, которые могли бы организовать подобную операцию. Среди них оказался и Скорцени.

На обращенный к кандидатам вопрос Гитлера: «Кто из вас знает Италию», он единственный дал более-менее конкретный ответ: «Я два раза был в Италии перед войной, мой фюрер. Я проехал на мотоцикле до Неаполя». Сразу же последовал второй вопрос: «Что вы думаете об Италии?» И здесь Скорцени ответил еще удачнее: «Я австриец, мой фюрер»...

Как много стояло за этими словами! И мягкое напоминание Гитлеру о его собственных австрийских корнях, и грусть по Священной Римской империи, и тоска по захваченному итальянцами южному Тиролю. Душа фюрера всколыхнулась, и, немного подумав, он приказал: «Все могут идти. А вы, капитан Скорцени, оставайтесь. Я хочу с вами поговорить»...

Вскоре Отто отправился в Италию. К началу сентября немцам удалось вычислить место заключения Муссолини: он содержался под охраной в небольшом отеле, приютившемся у подножия пика Гран-Сассо. Учитывая труднодоступность этого места, Скорцени и его непосредственный куратор известный десантник генерал Штудент полностью исключили возможность наземной операции. Разработанный ими план сводился к тому, что несколько планеров с диверсантами должны были сесть прямо на небольшую площадку перед гостиницей. Все это сильно смахивало на авантюру, но Отто с энтузиазмом взялся за дело...

12 сентября 1943 г. стражники Муссолини были шокированы невиданным зрелищем. Крылатая машина плюхнулась на брюхо буквально в 15 метрах от отеля. Из ее чрева высыпали галдящие по-немецки люди с автоматами. Впереди несся великан со шрамами на физиономии, а замыкал группу человек, ползущий по-пластунски (это был лейтенант Менцель, который сломал ногу при посадке). Впечатление оказалось столь сильным, что караул не успел оказать никакого сопротивления. Правда, часовые, расставленные по плато, произвели несколько одиночных выстрелов, но после того как здесь же приземлились еще три планера, дальнейшее сопротивление стало бессмыс-

ленным. Начальник охраны тут же открыл бутылку вина и, протянув Скорцени бокал, произнес тост: «За победителя!»

Теперь оставалось доставить Муссолини в ставку Гитлера. С большим трудом на плато сел легкий самолет «Аист», пилотируемый личным авиатором генерала Штудента — Герлахом. В принципе в его машине имелось место для одного дуче, однако Скорцени, видимо, полагал, что отрапортовать начальству не менее важно, нежели выполнить приказ. И, вопреки протестам Герлаха и бормотанию Муссолини, Отто тоже сумел втиснуться в кабину.

Его подчиненные еще долго будут расхлебывать последствия этой операции. Им придется выяснять судьбу своих товарищей с трех разбившихся планеров, хоронить погибших и волочить раненых, пробиваясь на соединение с немецкими частями. Но Скорцени подобные «мелочи» уже не касались. Германская пресса воспевала нового героя, Гитлер жал ему руку, а Муссолини призывал итальянские войска не сопротивляться оккупировавшим страну частям вермахта.

Следующей заметной операцией Скорцени стала попытка ликвидировать или взять в плен вождя югославских коммунистов маршала Тито. В июне 1944 г. батальон парашютистов СС десантировался неподалеку от Дрвара в самом сердце партизанского района. Однако из-за несогласованности между СС и армейским командованием «клетка опустела, птичка выпорхнула». Тито и его охранники с боями отошли по высохшему руслу реки. Вскоре к месту событий подошли дополнительные силы партизан, и парашютистам с большим трудом удалось вырваться из окружения. В качестве утешительного приза германским «коммандос» пришлось довольствоваться лишь захваченным в опустевшем штабе новеньким, буквально с иголки, маршалским мундиром коммунистического лидера.

Намного удачнее, хотя и не без сложностей, прошла операция в Будапеште. В конце сентября 1944 г. до Гитлера дошла информация о том, что правитель Венгрии ад-

мирал Хорти начал сепаратные переговоры с союзниками. Контакты шли, с одной стороны, через посланцев маршала Тито, а с другой — через сына адмирала Никласа Хорти и его друга Борнемицу. В Будапеште в это время находились немецкие войска, и 15 октября командование вермахта решило «накрыть всю компанию». Произвести арест предстояло военным полицейским, а Скорцени со своими диверсантами должны были обеспечить их прикрытие. Однако, как только двое немецких агентов вступили на порог дома, где шли переговоры, из стоявшего рядом военного грузовика раздались автоматные очереди. Скорцени и его люди тут же вступили в бой, который закончился поражением венгров. Немцы ворвались в дом и, завернув в ковры Хорти-младшего и его друга, доставили их в штаб армейского командования. Затем войска генерала Венка захватили все расположенные в Будапеште правительственные учреждения. Адмиралу Хорти пришлось сдаться на милость немцев, а новым правителем Венгрии стал лидер местных фашистов Салаш.

Приходится констатировать, что Скорцени дважды удалось провести операции, результаты которых замедлили крах гитлеровской Германии. Если бы не он, вермахту пришлось бы столкнуться с гораздо большими проблемами при оккупации Италии и Венгрии. Возможно, что тогда итальянские и венгерские части успели бы скоординировать свои действия с союзниками. Англо-американцам в таком случае не пришлось бы так долго «ползти» по Апеннинскому полуострову, а Красная Армия не застряла бы под Будапештом до весны 1945 г.

Дальнейшие подвиги Скорцени не отличались такой же масштабностью. Во время немецкого контрнаступления в Арденнах, переодевшись в американскую форму, Отто со своими людьми «гулял» по вражеской территории, всячески способствуя хаосу и панике в тылах противника. В городке Мальмеди диверсанты захватили и расстреляли отряд американских солдат, что впоследствии дало основание союзникам объявить Скорцени военным преступником.

Однако после того как он сдался в плен (произошло это лишь 15 мая 1945 г.), победители захотели использовать накопленный им огромный опыт. Чтобы помочь Скорцени улизнуть от американской юстиции, американская же разведка в 1948 г. устроила ему побег из лагеря. Отто прибыл в Соединенные Штаты, где занялся уже привычным делом — подготовкой диверсантов-парашютистов. Затем, попутешествовав по Европе, он осел в Испании, где стал зарабатывать посредничеством на заключении контрактов между местными и западногерманскими компаниями. На нем по-прежнему висело клеймо «палача Мальмеди», однако франкистская Испания не выдавала нацистских преступников. И, наконец, что более важно, Скорцени обеспечил себе еще одну «крышу», продолжая консультировать американские спецслужбы. Правда, его существование носило скорее полулегальный характер, но время от времени он вновь выплывал на свет, публиковал мемуары и давал интервью. В числе его собеседников оказался даже советский писатель Юлиан Семенов. Другой писатель-международник Генрих Боровик тоже договорился с ним о встрече, но это интервью так и не состоялось. 5 июня 1975 г. Отто Скорцени скоропостижно скончался.

Медведев

Дмитрий Николаевич Медведев родился 22 августа 1898 г. в Бежице, рабочем пригороде Брянска, в семье мастера сталелитейного цеха. Дима, или, как его чаще называли, Митя был седьмым по счету ребенком и в детстве мечтал о профессии лесничего. Для этого он даже поступил в гимназию, но, поскольку за учебу надо было платить, то, чтобы не отягощать семейный бюджет, ему пришлось подрабатывать репетиторством, а во время каникул — работать на заводе.

Окончить гимназию Мите довелось в 1917 г., как раз в период между Февральской и Октябрьской революциями. Как и большинство брянских рабочих, семейство Мед-

ведевых дружно стояло на «советской платформе». Старший брат Александр стал первым руководителем местной ЧК, и именно под его началом Дмитрий, пока еще в качестве бойца «рабочей милиции», начал гоняться за контрреволюционерами.

Затем была служба в Красной Армии: бои на Восточном фронте и под Петроградом. В феврале 1920 г., вылечившись от тифа, Митя демобилизовался и, вернувшись в родной Брянск, был зачислен в ЧК уже в качестве штатного сотрудника.

Осенью молодого, но уже достаточно опытного сотрудника Медведева отправили на Украину укреплять местные кадры. В 1921 г. он возглавлял ЧК Старобельского уезда, переловив, перерубив и перестреляв за время своей деятельности всех местных «батьков» и «атаманов». Из дальнейших вех его службы следует отметить Одессу, Днепропетровск, Херсон и особенно Новоград-Волынский, где Медведев в 1933 г. даже создал коммуно-колонию для детей, чьи родители стали жертвами голода, разразившегося на Украине в ходе коллективизации.

В отличие от многих своих коллег Дмитрий Николаевич очень не любил придумывать дела на пустом месте. В 1936 г., окончив в Москве курсы для руководящего состава НКВД, Медведев получил назначение в Харьков. Тогда-то и начался его конфликт с карательной машиной. В 1937–1938 гг., в самый разгар репрессий, над Дмитрием Николаевичем дважды стучались тучи, но начальство всего лишь отправило его с глаз долой — в управление Беломорско-Балтийского канала. Здесь в ведение Медведева перешел отдел, занимавшийся агентурными делами заключенных. По сложившейся практике, отсидевшему свой срок зеку обычно набавляли несколько лет якобы «за нарушение лагерного режима». Медведев начал ломать эту традицию и довольно быстро получил взыскание от начальства, которое было крайне недовольно тем, что «стройки коммунизма» лишаются необходимой рабочей силы.

Прибыв по вызову в Москву, Дмитрий Николаевич понял, что спасти от причисления к «врагам народа» его

могут только какие-то отчаянные действия. Он попытался прорваться к наркому Ежову, но того, разумеется, не было на месте. И тогда Медведев оставил секретарю записку, в которой сообщал о своих дальнейших действиях. А когда начальство прочитало эту послание, волосы у всех встали дыбом...

Спустя пару часов руководство НКВД появилось на Ленинградском вокзале. О том, что они там увидели, очевидцы рассказывают по-разному. Согласно наиболее драматической версии Медведев в полной форме и со значком «Почетного чекиста» стоял прямо перед бюстом Ленина. Левая его рука наручниками была пристегнута к перилам ограждения, а в правой красовался плакат «Протестую против незаконных репрессий».

Отметим, что все это происходило в центре Москвы летом 1938 г. После такого скандала быстро и без шума осудить Медведева было уже невозможно. Историю постарались замять, попросту отправив его на пенсию.

Со своей женой и отцом Дмитрий Николаевич поселился в дачном поселке Томилино под Москвой. В строй он вернулся летом 1941 г., после того как написал докладную записку, вызвавшую большой интерес у руководства госбезопасности. В этом документе Медведев доказывал, что деятельность разведывательно-диверсионных резидентур (РДР) на оккупированной территории возможна лишь в том случае, если эти группы будут опираться на более крупные партизанские соединения.

Чтобы обкатать эту идею, Дмитрию Николаевичу разрешили сформировать отряд из 33 человек, названный по имени своего командира — «Митя». 7 сентября 1941 г. «митьки» перешли линию фронта и спустя неделю провели свой первый бой. Счет уничтоженным фашистам открыл начальник штаба отряда Д. Староверов, снайперским выстрелом убивший из засады шофера легковушки. В числе жертв нападения оказался и вражеский генерал-майор, при котором был найден портфель с секретными документами.

Во время рейда по Орловским и Брянским лесам бойцы отряда взорвали 3 железнодорожных эшелона, 9 само-

летов (на аэродроме), 7 шоссежных и 3 железнодорожных моста. Было убито 2 генерала, 17 старших офицеров, более 4000 неприятельских солдат и офицеров.

Деятельность «митьков» не ограничивалась одними диверсиями. В центр постоянно шла информация: сначала о количестве и местах сосредоточения немецких войск перед наступлением на Москву, а затем о мерах, которые принимались вермахтом, чтобы выправить положение на фронте.

Из рейда отряд вернулся 12 января 1942 г. Опыт признали вполне удавшимся. Медведева наградили орденом Ленина и поручили ему готовить новые диверсионные группы. Однако штабная работа Дмитрия Николаевича не устраивала. Он вновь послал руководству довольно резкое письмо, и, видимо, помня отчаянный характер Медведева, перечить ему не стали.

Теперь «дяде Мите» дали новый псевдоним — «Тимофей» — и поручили сформировать отряд численностью около 100 человек. Кроме того, внутри отряда существовала особая, подчинявшаяся только Медведеву группа во главе с «красноармейцем Николаем Васильевичем Грачевым». Имя и отчество этого человека соответствовали действительности, а вот настоящая фамилия его была другая — Кузнецов. Под именем немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта ему предстояло выполнять наиболее сложные разведывательно-диверсионные задания.

Действовать диверсантам предстояло на Правобережной Украине в районе Ровно — города, ставшего, по воле немцев, столицей рейхскомиссариата «Украина». Собственно, именно это обстоятельство и привлекло к городу внимание советской разведки. Естественно, что в подобном административном центре имелось больше шансов разжиться какой-либо ценной информацией, однако и гестапо действовали в Ровно намного активнее, нежели в других местах. Наконец имелся и еще один фактор, осложнявший будущую работу Медведева.

Значительная часть населения этого региона отнюдь не симпатизировала Советской власти и поддерживала ук-

раинских националистов. Бандеровцы, в свою очередь, воевали и с немцами, и с коммунистами, но в ряде случаев заключали с кем-то из своих противников «тактические союзы»...

В июне 1942 г. отряд с хвастливым, но впоследствии вполне оправдавшимся названием «Победители», небольшими группами начал забрасываться во вражеский тыл. Первая группа была уничтожена полицией. Следующие приземлялись не совсем там, где нужно, и долго бродили по лесам в поисках друг друга. В конце концов «Победители» соединились и начали долгий 300-километровый рейд к Ровно. Первое столкновение с немцами закончилось убедительной победой, после чего настроение бойцов несколько приподнялось.

Подобравшись к городу, диверсанты развернули свою деятельность. С этого момента спокойная жизнь в столице рейхскомиссариата «Украина» закончилась. Окрестности превратились в «зону боевых действий». В самом Ровно была создана разведсеть, в которую входили люди разных профессий (лесники, шоферы, парикмахеры, горничные и т. д.) и национальностей (русские, украинцы, «фольксдойче», евреи, поляки, чехи).

Но, пожалуй, наибольшую известность принесла «Победителям» деятельность Кузнецова-Зиберта. Обзаведясь знакомыми среди немецких офицеров, он раздобыл массу полезной информации и даже побывал на приеме у самого гауляйтера Украины Эриха Коха. Конечной целью визита должно было стать убийство этого высокопоставленного нациста, но, узнав из беседы с ним о готовящемся наступлении под Курском, Кузнецов решил, что эти сведения следует немедленно передать в Центр. В результате акция возмездия над Кохом так и не состоялась.

Однако уже в октябре–декабре 1943 г. Кузнецов осуществил серию покушений на других представителей германской администрации. На месте убийства одного из них — имперского советника Геля (его перепутали с заместителем Коха Даргелем) — Кузнецов «случайно» уронил бумажник, из содержимого которого следовало, что

теракт проведен украинскими националистами. Немцы тут же нанесли «ответные удары» по бандеровцам, что, разумеется, очень порадовало советскую сторону.

Здесь следует отметить, что сам Кузнецов и двое его соратников в марте 1944 г. погибли именно от рук бандеровцев. К тому времени «Победители» уже соединились с частями наступавшей Красной Армии. Медведева отозвали в Москву и перевели в центральный аппарат госбезопасности. 5 ноября 1944 г. ему и Кузнецову (посмертно) были присвоены звания Героев Советского Союза.

После войны Дмитрий Николаевич охотился в Литве за националистами и получил свой очередной (уже четвертый по счету) орден Ленина. Однако в мирное время начальство, видимо, побаивалось работать с такими непредсказуемыми людьми, как Медведев. В 1947 г. его с почетом отправили на пенсию, где он занялся литературной деятельностью. Вскоре вышли его книги «Отряд идет на Запад», «Это было под Ровно» и, наконец, самая известная — «Сильные духом». Написанные живо и увлекательно, эти произведения пользовались большой популярностью и неоднократно экранизировались. Сам Медведев вполне успел почувствовать славу, хотя умер он (14 декабря 1954 г.), будучи еще далеко не старым человеком.

Пути Скорцени и Медведева никогда не пересекались. А если бы они все же пересеклись, то трудно предположить, кто бы из них — немец или русский — вышел живым из схватки. И тот, и другой были больше, чем просто диверсантами. В известной степени и Скорцени, и Медведев являлись своеобразными теоретиками и даже поэтами тайной войны. Едва ли не каждая из их операций напоминает законченное художественное произведение и может служить отличной основой для повести или фильма. И почти из каждой своей операции и Скорцени, и Медведев выходили победителями.

ОТРЯД САБУРОВА: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»

Осенью 1941 г. отряд красноармейцев выбирался из окружения. После месячных блужданий по лесам и болотам от всей группы осталось всего четыре человека. В конце концов, узнав о том, что линия фронта отодвинулась еще дальше на восток, старший по званию капитан Александр Николаевич Сабуров принял решение: «Остаемся здесь, чтобы сражаться в тылу неприятеля».

Так началась история легендарного соединения. Впереди у партизан было множество боев и походов, встреч со «своими», которые оказались хуже чужих, и с «чужими», которые стали своими.

Партизаны

До войны Александр Николаевич Сабуров служил комиссаром Киевской школы НКВД, а после того как на ее базе был создан отдельный истребительный батальон, он стал комиссаром части. Десять дней это подразделение участвовало в обороне столицы Украины, а затем, теряя людей, с боями пробивалось к своим через территорию, занятую противником. В конце концов от всего батальона осталось только четыре человека, но в деревне Ляхово к ним присоединились еще пятеро бойцов во главе со старшим политруком З. А. Богатырем.

Таким образом, отряд увеличил свою численность более чем в два раза. В масштабах войны девять человек тоже не Бог весть какая сила, но у них были два ручных пулемета, винтовки, гранаты и самое главное — огромное желание сражаться.

Первое нападение партизаны совершили 19 ноября 1942 г. на железнодорожную станцию Зерново. Проведенная ими предварительная разведка показала, что гарнизон станции жил в здании общежития и даже не всегда удосуживался нести караульную службу. Наказание за подобную беспечность было жестоким. Сабуров с четырьмя товарищами забросали общежитие гранатами, а оставшиеся четверо бойцов в это же время сожгли склад горючего и вывели из строя станционное оборудование. Благополучно ретировавшись, партизаны оставили на месте боя 13 немецких трупов. Как вспоминал впоследствии Сабуров: «Никто не верил, что у нас всего девять человек. Но мы и не старались разубеждать в этом. Главное было в другом: народ поверил в нашу силу. И к нам потянулись люди».

Все чаще к отряду присоединялись окруженцы и беглые военнопленные, прятавшиеся в окрестных селах под видом «зятьков» и работников. Благодаря местным жителям Сабуров установил связь с подпольем, а через подпольщиков — с Большой землей и соседними отрядами.

Постепенно расширялась и зона боевых действий. 27 ноября последовало нападение на маршевое подразделение противника, 8 декабря — разгром полицейского участка в селе Красная Слобода, 17 декабря — уничтожение автомашин с грузами на большаке Трубчевск — Брянск и т. д.

Активность отряда все больше беспокоила вражеское командование, и тогда немцы пришли к выводу, что бороться с партизанами следует не только военными, но и политическими методами...

«Свои»

Весной 1941 г. в селе Локоть (Брянской области) познакомились и подружились два инженера. Бывший студент-юрист Московского университета Константин Павлович Воскобойник в годы Гражданской войны служил в Красной Армии, в 1921 г. примкнул к тамбовским мятежникам, а после разгрома восстания скрывался под чужой фамилией, и даже окончил институт народного хозяйства

им. Г. В. Плеханова. Следует отметить, что в 1920-х гг. люди, взявшие себе чужую фамилию и биографию, отнюдь не были явлением исключительным, и поэтому, когда Воскобойник явился в ОГПУ с повинной, наказали его не очень-то строго — всего тремя годами ссылки в Новосибирскую область. Честно отбыв срок, он вернулся в Центральную Россию и с 1938 г. преподавал физику в гидро-мелиоративном техникуме села Локоть.

Его коллега Бронислав Владиславович Каминский (по отцу — поляк, по матери — немец) тоже служил в Красной Армии, затем учился в Петроградском химико-технологическом институте и имел абсолютно безупречную биографию. Но в 1935 г. на одном из собраний он достаточно резко выступил против коллективизации и был тут же исключен из партии. В 1937 г. его осудили за принадлежность к «чаяновской контрреволюционной группе». Отбыв срок в одной из «шарашек», Каминский отправился на поселение в Локоть, где устроился работать инженером местного спиртзавода.

Разумеется, оба инженера не испытывали к Советской власти никаких симпатий и после прихода немцев предложили им свои услуги. Воскобойник стал старостой и командиром отряда народной милиции, а Каминский — его заместителем.

Тогда, в 1941 г., немцы зачастую еще пытались играть роль «освободителей русского народа». И хотя официальная нацистская идеология объявила славян «недочеловеками», многие представители оккупационных властей непосредственно на местах проводили более гибкую политику. Не избалованное сталинским режимом крестьянское население вряд ли могло жаловаться на то, что оккупанты забирают у них львиную долю продуктов, поскольку «родная Советская власть» забирала себе немногим меньше. Зато, в отличие от советских времен, прекратились гонения на церковь, а некоторые наиболее предприимчивые граждане получили возможность открыть собственное дело.

Не удивительно, что определенная часть населения действительно поддерживала немцев, причем процент сторон-

ников оккупантов зависел, как правило, от двух факторов: насколько в данной местности жители в свое время пострадали от большевиков и насколько мягкий режим установили новые оккупационные власти.

Надо признать, что в Локотской волости оба этих фактора работали в пользу немцев. Сотрудничество между оккупантами и их русскими сторонниками было здесь наиболее плодотворным. В ноябре 1941 г., после согласования с гебитскомиссариатом, Воскобойник издал манифест о создании Народной социалистической партии России «Викинг», главными целями которой провозглашались «полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя», «бесплатная передача крестьянству всей пахотной земли», «беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами». Правда, пункт о евреях был для Брянщины не очень-то актуальным, но вот тезис о раздаче земли вызвал со стороны крестьян самые живейшие отклики. Численность подчинявшихся Воскобойнику отрядов самообороны стремительно росла за счет местных жителей. Кроме того, в Локоть потянулись дезертиры и перебежчики из Красной Армии, а также всевозможные «затаившиеся враги» из числа бывших белогвардейцев и «зеленых».

В декабре волость была преобразована в уезд, получивший неофициальное название «Локотской республики». Воскобойник стал бургомистром, а его отряды настолько удачно бились с партизанами, что немцы сочли возможным целиком возложить эту миссию на местную самооборону. Освободившиеся части вермахта отправились на фронт, что, разумеется, не осталось незамеченным советским командованием.

С Большой земли партизанским командирам пришел приказ ликвидировать Локотскую республику, и именно Сабуров стал первым, кто попытался решить эту задачу. Вполне справедливо предположив, что полицаи должны сильно напиться в рождественские праздники, он решил атаковать Локоть в ночь с 7 на 8 января 1942 г.

Тем не менее даже в состоянии «с бодуна» противник сражался очень жестоко и в конце концов бой закон-

чился с ничейным результатом. Воскобойник был ранен и вскоре скончался, а его место занял Каминский, объявивший с этого момента самую непримиримую борьбу партизанам. Под его управлением Локотский уезд превратился в округ и включил в себя территорию, населенную более чем полумиллионом жителей. Осенью 1942 г. «господин обер-бургомистр» сформировал бригаду Русской освободительной народной армии численностью около 10 тыс. человек.

В это же время соединение Сабурова ушло в рейд на Правобережную Украину, а другие партизанские командиры тягались с Каминским без особого успеха. Местные жители прозвали его «хозяином Брянских лесов». Из-за того, что ситуация на фронте изменилась, вскоре и Каминский со своей бригадой ушел из своего округа.

Впрочем, даже отступив вместе со своими подчиненными в Белоруссию, Каминский не отказался от борьбы, а организовал новый округ — Лепельский, созданный по образцу прежнего. Здесь он продержался намного меньше, поскольку ситуация на фронте стала еще хуже. Часть его бойцов разбежалась, а оставшиеся превратились в головорезов, чья жестокость производила впечатление даже на эсэсовцев. Вероятно, чтобы поднять дисциплину, по распоряжению Гимmlера бригаду переформировали и превратили в 29-ю эсэсовскую гренадерскую дивизию.

При подавлении варшавского восстания это соединение покрыло себя самой мрачной славой, вырезав только за один день (5 августа 1944 г.) около 15 тыс. жителей и защитников города. В ряде случаев немцы пытались привести в чувство своих союзников, и тогда дело едва не доходило до междоусобицы. В конце концов командир 14-го корпуса СС Бах-Залевски написал рапорт Гимmlеру, акцентировав особое внимание на том, что в ряде случаев «русские поднимали руку на немецких офицеров». Вероятно, именно это обстоятельство, а вовсе не зверства против жителей Варшавы (как утверждают некоторые историки), переполнило чашу терпения рейхсфюрера.

Каминского вызвали в Лодзь и 19 августа 1944 г. расстреляли по приговору немецкого военного трибунала. Любопытно, что во избежание ненужных осложнений его подчиненным объявили, будто он погиб в организованной партизанами засаде.

«Чужие»

Однако вернемся к Сабурову и его подчиненным, с которыми мы расстались как раз после партизанского нападения на Локоть. Так и не добившись здесь решающего успеха, партизаны взяли реванш в другом районном центре — Трубчевске. Под видом обоза с сеном штурмовая группа проникла в центр города и забросала гранатами находившиеся на площади здания городской управы, комендатуры, тюрьмы, полицейского общежития. Ошеломленные немцы и полицейши в одном белье выскатывали на улицу и тут же попадали под плотный огонь автоматчиков.

Эта операция стала своего рода классической для сабуровцев. Однако после каждой такой победы занятые населенные пункты вновь оставлялись противнику, а соединение перебазировалось в другие районы. Разумеется, на месте оставались местные партизанские группы, но для борьбы с ними немцам зачастую хватало и сил местной самообороны.

Вообще, командование вермахта с крайней неохотой использовало свои части для борьбы с народными мстителями, по-прежнему предпочитая возлагать эту неблагодарную обязанность либо на эсэсовцев, либо на всевозможных союзников — начиная от местных полицейев и кончая войсками стран-сателлитов Германии. Последние сражались без всякого энтузиазма, и уже в 1942 г. в соединении Сабурова появились первые иностранные перебежчики — румыны и венгры. С наибольшей же остротой «вопрос налаживания международных связей» встал после того, как отряд отправился в рейд на Житомирщину.

Вскоре после своего вступления на территорию Украины (осень 1942 г.) немцы бросили против партизан 101-й полк словацкой армии. И тогда же к Сабурову разными путями стали попадать записки примерно следующего содержания: «Мы рады вашему появлению на нашем горизонте. Словаки в партизан не стреляют. При первой возможности подам свой голос. Капитан Ретькин».

Правда, установить контакт со словаками и пресловутым капитаном Ретькиным долгое время не удавалось, но между ними и партизанами установилась своего рода молчаливая договоренность, по которой стороны избегали боевых столкновений друг с другом.

Первый словацкий перебежчик — рядовой Рудольф Меченц — более-менее обрисовал ситуацию, сложившуюся в его части: командир, полковник Чани, делами почти не занимается, всем заправляет начальник штаба капитан Ян Налепка; личный состав ненавидит немцев и симпатизирует русским, однако офицеры в подавляющем большинстве с недоверием относятся к большевикам и придерживаются проанглийской ориентации. Но Лондон, конечно же, находился далеко от Житомирщины, так что приходилось выбирать — либо в угоду немцам колотить друг друга, либо попытаться найти какие-то точки соприкосновения.

Во время боя с немцами под селом Скородным в самый напряженный момент на помощь гитлеровцам прибыл словацкий отряд из Овруча. Казалось, партизан ожидает поражение, но словаки будто бы по ошибке ударили по фашистам. Немцы в панике отступили, а двое словацких бойцов встретились с Сабуровым и объяснили ему ситуацию: «Это наши специально так сделали. Хороший случай выпал. Мы знали, в кого стреляем. Тут недоразумения не было. А как будут объясняться с немцами наши офицеры, то пусть у них голова болит».

Неизвестно, какие оправдания придумали словацкие офицеры, но немцы, разумеется, не были идиотами и прекрасно понимали суть происходящего. Чтобы заставить союзников воевать по-настоящему, гестапо устроило провокацию. Нескольких полицейав и словацких солдат отпра-

вили конвоировать арестованных подпольщиков. По дороге полицаи перебили словаков и вместе с освобожденными пленниками примкнули к народным мстителям. Так в отряд Сабурова проникли вражеские агенты, сумевшие сорвать несколько важных операций. И лишь в одном из боев, когда эти псевдораскаившиеся начали стрелять в спину партизанам, ситуация прояснилась: предателей разоружили и казнили на месте.

А словаки между тем по-прежнему колебались, переходить или не переходить к партизанам. Лидер проанглийски настроенных офицеров стотник Чембалык тайно встретился с Сабуровым и пообещал снабжать его отряд оружием и разведывательными данными. Он же назвал и подлинное имя «капитана Ретькина», им оказался руководитель полковой антифашистской организации и по совместительству начальник штаба полка — Ян Налепка.

И все же ситуация оставалась достаточно неопределенной. В нескольких последующих боях словаки вновь начинали «по ошибке» стрелять в немцев, но, конечно же, до бесконечности валять дурака подобным образом было невозможно.

В конце концов Налепка решил вместе со своим полком открыто перейти на сторону Сабурова, но все сорвалось из-за случайности. Посланный к словакам за динамитом Рудольф Меченц угодил в лапы гестапо. Чтобы спрятать концы в воду, Чембалык не нашел ничего лучше, как убить его якобы при попытке к бегству. Почувствовав неладное, немцы блокировали словацкий полк, в результате чего к партизанам кроме Налепки сумели перейти только несколько солдат и трое офицеров (15 мая 1943 г.).

Тем не менее советская сторона постаралась извлечь из происшедшего максимум пропагандистского эффекта. Переход словаков снимал прибывший из Москвы кинооператор, а в соединении Сабурова был сформирован отдельный чехословацкий отряд.

Командиром отряда стал Ян Налепка — бывший школьный учитель и бывший начальник штаба 101-го полка сло-

вацкой армии. Следует отметить, что после надпоручика Откара Яроша (погибшего в начале 1943 г. в бою под Соколово) он, вторым из чехословаков, был удостоен звания Героя Советского Союза. Правда, как и Ярош, это звание он получил посмертно.

В составе соединения Сабурова чехословацкий отряд сражался на территориях Пинской, Полесской, Житомирской и Ровенской областей. Успехи партизан были настолько впечатляющими, что в четырехугольнике Овруч — Петриков — Столин — Ракитин образовался целый партизанский край площадью 2 тыс. квадратных километров и с населением около 200 тыс. жителей. Соединение Сабурова представляло из себя настолько внушительную силу, что осенью 1943 г. командование предписало партизанам оказать помощь 1-му Украинскому фронту в освобождении Овруча.

Бой за город развивался по обычной схеме, причем, по настоянию Налепки, его отряд отправили в самое пекло — захватить и удержать мосты на реке Норынь. Чехословаки успешно справились с этой задачей, а уже на завершающем этапе штурма приняли участие в захвате железнодорожной станции.

Налепка появлялся на самых опасных участках и погиб, поднимая своих бойцов в очередную атаку (17 ноября 1943 г.).

Дороги

После Овруча партизаны Сабурова помогали Красной армии форсировать Горынь и Случ, участвовали в боях на Ровенщине и Вольни. Всего же с ноября 1941 по апрель 1944 г. партизанское соединение прошло с боями более 7 тыс. километров по территории России, Украины, Белоруссии и Польши. «Народные мстители» разгромили 61 гарнизон противника, уничтожили около 35 тыс. неприятельских солдат и офицеров, пустили под откос 377 вражеских эшелонов, взорвали 180 мостов и вывели из строя массу боевой техники.

За свои подвиги Сабуров был награжден Звездой Героя Советского Союза и кроме того стал одним из 19 партизанских военачальников, произведенных в генерал-майорское звание. Эти достижения смотрятся особенно впечатляюще, если вспомнить, что всерьез воевать с немцами он начинал вместе с тремя товарищами.

После войны Александр Николаевич продолжил службу в МВД, а уже выйдя в отставку, написал несколько книг о подвигах своего соединения. Скончался он в 1975 г., вскоре после 30-летия Победы.

По цензурным соображениям Сабуров не слишком-то подробно упоминал о своем противостоянии с лидерами «Локотской республики». Ведь согласно советской историографии, лица, сотрудничавшие с оккупантами, были отщепенцами, не пользовавшимися никакой поддержкой у населения. А вот историю рейда на Украину и сотрудничества со словаками он довольно подробно осветил в книге «У друзей одни дороги». И это неудивительно: ведь фигура Яна Налепки служила своего рода символом боевого содружества советского и чехословацкого народов. Народов, которые в послевоенное время находились в одном социалистическом лагере.

Правда, сегодня, когда нет ни Советского Союза, ни Чехословакии, память о бывлой дружбе сильно потускнела. Теперь многие предпочитают вспоминать о том, как словаки и русские били друг друга, а не о том, как они вместе сражались с немцами. Но тогда, во время Второй мировой войны, даже оказавшись по разные стороны фронта, братья-славяне осознавали, что у друзей действительно одни дороги. У врагов, впрочем, тоже.

«СОВЕТСКИЕ» И «САМОСТИЙНИКИ»

В сентябре 1939 г., когда Западная Украина вошла в состав Украинской Советской Социалистической республики, на свободу из польских тюрем вышли тысячи заключенных. Видимо, находясь в состоянии эйфории, советские чекисты слегка ослабили бдительность и после формальной проверки отпустили среди прочих и такого опасного для советской власти человека, как Степан Бандера. Первый секретарь компартии Украины Никита Хрущев узнал об этом лишь в 1944-м и впоследствии не раз сожалел о случившемся.

Карьера 1. Бандера

Степан Бандера родился 1 января 1909 г. в селе Старый Угрынив (близ Станиславова) в семье униатского священника. В 1918 г. на западноукраинских землях, входивших в Австро-Венгерскую империю, была провозглашена Западно-Украинская народная республика (ЗУНР). Практически в это же время, свергнув пронемецкий режим гетмана Скоропадского, Петлюра захватил власть на Восточной Украине и провозгласил Украинскую народную республику (УНР). Более года армии двух государств спина к спине сражались против поляков, русских большевиков и белогвардейцев. Довольно активно участвовал в этой борьбе и отец Бандеры, командовавший различными добровольческими формированиями.

Однако, «оказавшись между русским молотом и польской наковальной», сторонники украинской «самостийности» потерпели поражение. Западная Украина досталась Польше, а Восточная, под именем Украинской Советской Социалистической республики, вошла в состав Советского Союза.

Но если на Левобережье Украины в 1920-х гг. движение «самостийников» совершенно захирело, то на западных землях оно продолжало шириться и набирать силу. Жесткая национальная политика польских властей привела к появлению не только всевозможных украинских культурно-просветительных обществ, но и к возникновению радикальной Организации украинских националистов (ОУН), члены которой не останавливались перед использованием террористических методов.

Бандера, уже в детстве наблюдавший за перипетиями Гражданской войны на Украине, примкнул к самому радикальному крылу «самостийников». В 13-летнем возрасте он вступил в Союз украинской националистической молодежи (нечто вроде оуновского «комсомола»), а в 1928 г., став студентом Львовской высшей политехнической школы, вместо учебы целиком сосредоточился на подпольной работе.

Возглавив группу боевиков, он организовывал убийства политических противников, а также ограбления почтовых поездов и отделений связи. Вершиной его деятельности стала «ликвидация» в 1934 г. министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. На сей раз Бандера вместе со своими поделчиками оказался на скамье подсудимых и был приговорен к смертной казни, замененной вскоре пожизненным заключением.

Пока он сидел во львовской тюрьме, ОУН переживала тяжелый внутренний кризис. В 1938 г., получив в подарок «коробку конфет» (от НКВД), взлетел на воздух лидер организации Евген Коновалец. Сменивший его Андрей Мельник, по мнению многих боевиков, был слишком умеренным и побаивался решительных действий.

Бандера, вышедший на свободу в 1939 г., как нельзя лучше подходил на роль предводителя молодых радикалов — всего 30 лет, вел не кабинетную, а реальную боевую работу, едва не взошел на эшафот во имя своих убеждений...

Перебравшись из Советской Украины в оккупированную немцами Польшу, Бандера собрал в Кракове конфе-

рению своих сторонников, на которой Мельнику и его сподвижникам были вынесены смертные приговоры.

Некогда единая ОУН раскололась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы), которую называли еще и ОУН-Р (революционеры). Любопытно, что и мельниковцы, и бандеровцы сотрудничали при этом с абвером, но немцы пока не поддерживали открыто ни ту, ни другую стороны. Они только наблюдали, ожидая, кто из них окажется более полезным в борьбе против Советского Союза.

Карьера 2. Хрущев

Никита Сергеевич Хрущев родился 5 апреля 1894 г. в селе Калиновка Дмитровского уезда Курской губернии в семье крестьянина. Родители его жили бедно, и с 12 лет мальчику пришлось вносить свой посильный вклад в общую семейную копилку. Работая пастухом, он всего одну зиму ходил в школу, успев за это время всего лишь осилить чтение, но так и не научившись писать хотя бы свое имя.

В 1908 г. семья переехала в Донбасс, что впоследствии дало Хрущеву возможность считать себя человеком, «кровно сблизившимся с Украиной». Впрочем, следует отметить, что промышленный край, населенный в значительной степени русскими, и близко не напоминал ту классическую Украину, в которой «плетет венок из трав Маруся и о старине поет седой Грицько».

Попав сюда, 16-летний Никита устроился на шахту слесарем по ремонту оборудования. Впоследствии Хрущев вспоминал, что в этот период в материальном отношении он был обеспечен лучше, нежели 20 лет спустя, когда был вторым секретарем Московского горкома партии. Невольно возникает вопрос: за что боролись?..

В 1917 г. хороший профессиональный рабочий превратился в комиссара. Сначала Никита возглавлял один из комитетов бедноты, затем был руководителем партячейки в одной из частей 1-й Конной армии. После Гражданской войны, вернувшись в Донбасс, он поступил на рабфак, где занимался не столько учебой, сколько партийной

работой. В период так называемых внутрипартийных дискуссий Хрущев выступил на стороне троцкистов и после их разгрома попал в опалу.

Карьера его сильно застопорилось, но в 1926 г. Никита Сергеевич написал жалостливое письмо Л. М. Кагановичу (тогдашнему руководителю украинской компартии). Любимец Сталина взял «раскаявшегося» под свое крылышко и даже направил его в московскую Промышленную академию. Специалиста с Украины не хотели принимать туда из-за вопиющей безграмотности, но противостоять такому покровителю, как Каганович, было невозможно.

Вместо того, чтобы учиться, Хрущев начал разоблачать «окопавшихся в академии скрытых врагов» и довольно быстро выбился в секретари партячейки. В той же промышленной Академии училась и жена Сталина — Надежда Аллилуева, и, судя по всему, именно от нее вождь впервые услышал о Никите Сергеевиче. Правда, отзывы Аллилуевой вряд ли носили комплиментарный характер, однако самому Сталину Хрущев понравился. Никита Сергеевич умел прикинуться «парнем из народа» — честным, веселым, немного простодушным и, разумеется, искренне преданным родной партии. Этому имиджу соответствовали и его костюм — поношенный серый пиджак, заправленные в сапоги брюки, сабиновая косоворотка.

Четыре года (1934–1938) Хрущев возглавлял московский городской комитет партии, причем именно при нем «чистка» в столице достигла своего апогея. Разумеется, большинство дел были сфабрикованы чекистами, однако и сам Никита Сергеевич был «замазан» в этих репрессиях намного больше, чем многие его коллеги.

В феврале 1938 г. Сталин назначил его руководителем компартии Украины вместо отозванного в Москву (и вскоре расстрелянного) С. В. Косиора. Хрущев поначалу отказывался, ссылаясь на то, что по национальности является русским, а украинский язык знает очень слабо. «Отец народов» ответил на это вопросом: «Косиор вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем русский?»

Возразить здесь чем-нибудь по существу было трудно, да Хрущев, видимо, и не собирался. Вскоре он прибыл в Харьков (тогдашнюю столицу республики) и со всей энергией погрузился в новую работу.

Репрессии в это время уже пошли на спад, так что многие украинцы именно с его появлением связывали некоторое потепление обстановки. Первый секретарь действительно очень старался понравиться своим новым «подданным»: он стал неплохо говорить по-украински, заступился за некоторых известных литераторов (Рыльский, Бажан, Панч и др.), провел громкое расследование, доказавшее, что лошади мрут не из-за вредительства, а потому что их кормят плохо высушенной соломой.

В общем, на Восточной Украине Хрущев действительно был достаточно популярен, а вот для Западной, присоединенной к Советскому Союзу осенью 1939 г., он так и остался «москалем» — чужаком и захватчиком. Не случайно в июле 1941 г. во время отступления из-под Тарнополя, наблюдая за колонной беженцев, Никита Сергеевич отмечал: «Крестьян среди них не было. Западноукраинские крестьяне не уходили от немцев. Видимо, тут сказался результат агитации украинских националистов, которые ожидали немцев с другими чувствами, чем мы.

Крестьяне были обмануты обещанием того, что Гитлер несет освобождение Украине. Так морочили голову крестьянам Западной Украины националисты, бандеровцы».

Украинская держава

22 июня 1941 г. вместе с частями вермахта советскую границу перешли так называемые «походные колонны» украинских националистов. Их бойцы помогали немцам создавать в «освобожденных» районах новую администрацию, а попутно (уже без согласования с немцами) готовили население к скорому провозглашению «самостийности».

Сам Бандера оставался в Польше, но 30 июня во Львове его ближайший соратник Ярослав Стецько объявил о создании Украинской державы. Для немцев случившееся стало неприятным сюрпризом. По воспоминанию очевидца, присутствовавший на собрании майор Кох «говорил что-то угрожающее и наконец заявил: “Будете делать то, что вам прикажет германское правительство”».

Тем не менее во Львове националисты даже начали формировать милицию, которая сразу же приступила к еврейским погромам. Оккупационным властям подобная самодеятельность не понравилась, и 9 июля Стецько был арестован вместе со своим «правительством». Направлявшего их действия Бандеру немцы арестовали в Кракове четырьмя днями раньше.

С вождем ОУН-Б провели беседу, но успеха не добились. Бандера настаивал, что «строительство и организация украинской жизни могут быть реализованы прежде всего украинцами на заселенной ими территории. И это может произойти само собой только тогда, когда к этому будут подключены украинские факторы. Я склоняюсь к мысли, что временно это возможно в согласии с немцами».

Слово «временно» немцам совсем не понравилось, и Бандеру вместе со Стецько отправили в Заксенхаузен, где, впрочем, содержали в довольно хороших условиях. Тем не менее оуновцев решили поставить на место. Созданные из бандеровцев батальоны «Роланд» и «Нахтигаль» были разоружены, а все идущие из абвера финансовые потоки были переведены на гораздо более умеренных в своих требованиях сторонников Мельника.

Еще одним ударом для самостийников стала передача западноукраинских земель генерал-губернаторству (т. е. оккупированной Польше), а также немецким союзникам — Венгрии и Румынии. Судя по всему, это оказалось последней каплей. Дело дошло до того, что даже послушный до этого времени Мельник начал выступать с антигерманскими декларациями и вскоре отправился вслед

за Бандерой в Заксенхаузен. Однако на свободе оставался целый ряд видных деятелей ОУН, и 14 октября 1942 г. состоялось собрание, на котором представители и бандеровцев, и мельниковцев объявили о создании Украинской повстанческой армии (УПА).

Партизаны и бандеровцы

Надо сказать, что в Москве достаточно быстро оценили националистическую угрозу, и уже осенью 1942 г. советские партизанские отряды все чаще совершали рейды на Правобережную Украину. Цель, поставленная перед ними, заключалась не только в том, чтобы «разжечь партизанскую войну в крае», но и в том, чтобы перехватить у бандеровцев политическую инициативу.

Сделать это удалось лишь отчасти. Во всяком случае начиная с 1943 г. против немцев на Украине действовали сразу три силы — советские партизаны, украинские националисты и польские отряды Армии Крайовой. И все эти три силы ненавидели друг друга...

Бандера, даже находясь в концлагере, ухитрялся руководить своими сторонниками и в августе 1943 г. добился замены командующего УПА Дмитро Клячкивского своим человеком — Романом Шухевичем (подпольный псевдоним — Тарас Чупринка). Поляки подчинялись собственным командующим, а вот что касается советских партизан, то все приказы к ним поступали из штаба партизанского движения Украины, возглавляемого генералом Строкачом.

Хрущев после оккупации республики украинскими делами практически не занимался, но, хотя и опосредованно, внес вклад в ее освобождение. В 1941–1943 гг. он был членом Военных советов Сталинградского, Южного и Воронежского фронтов и в этом качестве участвовал в Сталинградской и Курской битвах. А вот к обязанностям партийного «наместника» Украины Никита Сергеевич вернулся уже после освобождения Киева.

К тому времени всем более-менее трезвомыслящим наблюдателям было ясно, что война Германией уже проиграна. Теперь стоял вопрос о дальнейшей судьбе Украины, и если в Кремле рассматривался только один вариант — восстановление советской республики, — то у бандеровцев на этот счет были другие планы.

Едва вступив на Правобережье, красноармейцы обнаружили, что значительная часть местного населения вовсе не рассматривает их как освободителей. Если ранее из тактических соображений бандеровцы и советские партизаны заключали временные союзы, то теперь, когда «над Украиной вновь нависла угроза большевизма», националисты все чаще действовали во взаимодействии с немцами.

Так, еще в августе 1943 г. руководители ОУН подписали с местным командованием вермахта договор, согласно которому части УПА в обмен на оружие обязались охранять от партизан мосты, железнодорожные станции и другие стратегические объекты.

По мере продвижения советских войск бандеровцы оставались в тылу и наносили довольно ощутимые удары. Наибольший резонанс вызвало нападение, в ходе которого погиб один из наиболее известных советских полководцев — Ватутин. В отместку была предпринята сильная карательная операция с использованием танков, артиллерии и даже авиации.

Бандеровцам пришлось свернуть свою деятельность, но товарищ Сталин уже сделал из случившегося далеко идущие выводы. 22 июня 1944 г. появился приказ, гласивший, что «украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины приказываю... выслать в отдаленные районы СССР всех украинцев, проживающих под властью немецких оккупантов».

Поскольку под властью оккупантов находилась вся Украина, нельзя не признать, что Сталину в данном слу-

чае изменило чувство реальности. Украинцы все-таки слишком многочисленный народ для того, чтобы их можно было депортировать подобно чеченцам, крымским татарам или калмыкам. Да и сам по себе подобный приговор в отношении всех украинцев выглядел слишком уж очевидной несправедливостью. Не на Украине ли действовали крупнейшие партизанские соединения Ковпака, Федорова, Сабурова? Не по отношению ли к украинцам (пускай и проживавшим на Левобережье) немецкое командование констатировало, что между большевиками и местным населением «не существует никакого антагонизма»?

Любопытно, что глава республики Хрущев ни словом не упоминает о подобном приказе, а некоторые историки отрицают его подлинность. Тем не менее факт существования подобного документа подтверждает бывший нарком внутренних дел Украины С. М. Рясной. По его словам, этот приказ даже начали претворять в жизнь, но затем ограничились депортацией примерно полумиллиона лиц из «числа сотрудничавших с оккупантами и буржуазными националистами». Разумеется, в число «сотрудничавших» попали и члены семей — женщины, старики, дети.

Война после войны

Столь масштабные репрессии не столько способствовали умиротворению края, сколько расширили социальную базу оуновцев. Немцы же, напротив, гораздо более терпимо стали относиться к идее возрождения Украинской державы, и осенью 1944 г. выпустили Бандеру из концлагеря.

Довольно быстро он оттеснил на задний план Мельника и превратился в единственного фактического руководителя (проводника) Организации украинских националистов.

Правда, борьбой, которую УПА вела на Украине, он руководил из-за границы, действуя под покровитель-

ством сначала немецкой, а затем английской разведки. Ненависть, испытываемая им к «москалям», была поистине огромной, и, следуя указаниям своего лидера, бандеровцы действовали, не особенно считаясь с правилами гуманности. Довольно часто попавшие к ним в плен партийцы, комсомольцы, красноармейцы и особенно чекисты предавались поистине страшным казням (четвертовались, сжигались, распиливались). Не менее суровым было отношение и к изменникам, причем заподозренных в желании сдать Бандера рекомендовал «направлять... на бой с большевиками и создавать ситуации, чтобы их уничтожали Советы на постах и в засадах».

«Советы», со своей стороны, также не блистали гуманизмом, и если уступали бандеровцам по изощренности зверств, то зато превосходили их по количеству репрессированных. Известно, что на встрече с партийным активом Львова Хрущев призывал коммунистов шире использовать такие методы, как публичные повешения, взятие заложников, репрессии против родственников бандеровцев. Призыв был услышан, и вскоре был расстрелян отец Бандеры, а две его сестры отправились в сибирскую ссылку.

Тем не менее влияние УПА не ослабевало, и, видимо, в воспитательных целях на 1947 год Украине был спущен явно чрезмерный план по хлебозаготовкам. Хрущев, до этого никогда не имевший собственного мнения, очень осторожно попытался открыть глаза Сталину на катастрофическое положение республики и в результате был вынужден уступить пост руководителя украинской компартии Л. М. Кагановичу. Никита Сергеевич, впрочем, остался председателем Совета министров, но случившееся очень его напугало.

И тогда он сделал все возможное, чтобы выбить из крестьян необходимое количество зерна, подсадить Кагановича и лишний раз продемонстрировать свою непримиримость в борьбе с «буржуазными националистами».

Хлеб у крестьян выгребли дочиста, что в ряде мест привело к случаям каннибализма. Довольно удачной оказалась и интрига против Кагановича. Что же касается «смертельного удара» по бандеровцам, то даже после нескольких войсковых операций сопротивление УПА так и не было сломлено.

Украинец в Москве и украинец в Мюнхене

В 1949 г. в своем кабинете оуновским боевиком был зарублен известный писатель Ярослав Галан. Узнав об этом, Никита Сергеевич срочно отправился во Львов и выступил перед студентами Лесотехнического института — того самого, в котором учился убийца. Сразу же после собрания его вызвали к телефону, и Маленков из Кремля сообщил Хрущеву, что его хочет видеть «хозяин».

На этом деятельность Никиты Сергеевича на Украине закончилась: он переехал в Москву, вошел в ближайшее окружение Сталина, а после его смерти и борьбы с «товарищами по партии» стал новым главой советского государства.

Противостояние с бандеровцами закончилось уже без него, причем отдельные отряды УПА продолжали сражаться до середины 1950-х. В 1954 г. с огромной помпой отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией, и, видимо, желая польстить украинской национальной гордости, Хрущев подарил братской республике Крымский полуостров. Этот широкий жест россияне не могут простить ему и поныне, а вот для многих украинцев Никита Сергеевич, судя по всему, был поистине родным человеком. Не удивительно, что существует версия, будто в 1964 г., уже зная о готовящемся против него заговоре, он подумывал укрыться в Киеве.

Показательно и то, что, уже будучи лидером одной из двух мировых супердержав, Хрущев не переставал интересоваться судьбой Бандеры, и хотя считается, что при-

каз о его ликвидации отдал председатель КГБ Шелепин, трудно представить, будто Никита Сергеевич оказался не в курсе происходящего...

15 октября 1959 г. лидер ОУН был убит в Мюнхене на лестничной площадке перед дверью своей квартиры агентом КГБ Богданом Страшинским. Хрущев пережил его на 12 лет и умер 11 сентября 1971 г.

В конце жизни Хрущев говорил: «Помру я... положат люди на весы дела мои, на одну чашу худые, на другую — добрые... И добро перетянет». Думается, что сегодня далеко не все согласятся с подобной самооценкой — слишком уж сложная и противоречивая была фигура.

Зато Бандеру вряд ли кто-нибудь назовет фигурой сложной и противоречивой. Противоречивы лишь определения, которые звучат в его адрес. Для одних он герой и один из отцов украинской независимости, а для других — убийца и прислужник фашистов, получивший по заслугам.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПАРАЛЛЕЛИ

ГЕРИНГ И ДИМИТРОВ: ОБВИНЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЯ

Борьба двух идеологий началась еще в 1920-х гг. с политических дискуссий и уличных побоищ между немецкими коммунистами и национал-социалистами. Победа, как известно, осталась за сторонниками Гитлера. Проигравших ожидали тюрьмы и концлагеря. Но это еще не было окончательным поражением. Во всяком случае первая попытка нацистов не только физически, но и морально уничтожить своих противников закончилась шокирующим фиаско...

21 сентября 1933 г. в Лейпциге начался процесс по обвинению коммунистов в поджоге рейхстага. «Истинному арийцу» и нацистскому «оратору №2» Герману Герингу здесь противостоял один из руководителей международного коммунистического движения болгарин Георгий Димитров.

Герман Геринг на земле и в воздухе

Отец будущего нацистского бонзы Генрих Эрнст Геринг был высокопоставленным чиновником германской дипломатической службы. После смерти первой супруги он остался с пятью детьми на руках и тут же женился вторично на дочери баварского фермера Франциске Тифенбрунн. Герман был четвертым ребенком, родившимся от этого брака. Местом его появления на свет (12 января 1893 г.) стал санаторий Мариенбад в 60 километрах от Мюнхена. В 1896 г. Геринги поселились в замке Бург-Фельденштейн, принадлежавшем другу семьи, бывшему придворному врачу Герману фон Эпенштейну. Этот человек стал кумиром детей и любовником фрау Геринг.

В 1904 г. Германа отдали в школу-интернат в Ансбахе. На одном из занятий ученикам задали написать сочинение «Человек, которым я восхищаюсь больше других». Геринг посвятил свой опус Эпенштейну. Результат оказался ошеломляющим: как выяснилось, католик Эпенштейн по национальности был евреем. Преподаватели заставили Германа сто раз занести в тетрадь: «Мне не следует писать сочинения, восхваляющие евреев». На этом унижения не закончились. Одноклассники водрузили ему на шею плакат «Мой крестный — еврей» и в таком виде протащили мальчика по коридору. Ночью зареванный Геринг бежал домой, переломав напоследок все инструменты в школьном оркестре.

Так «закалялся» характер будущего нациста. В 1913 г. чета Герингов рассорилась с Эпенштейном и поселилась в небольшом домике в пригороде Берлина. Несмотря на это, Герман по-прежнему поддерживал отношения с «крестным» и не раз обращался к нему за помощью в тяжелых жизненных ситуациях. (Впрочем, отплатить ему добром за добро Геринг так и не смог: Эпенштейн благополучно скончался в 1934 г., еще до того как началось массовое истребление евреев.)

Вскоре Геринг окончил кадетский корпус, учился в Берлинской военной школе и стал офицером. В Первую мировую войну он сначала сражался в пехоте, а в 1914 г. перевелся в авиацию вначале в качестве наблюдателя, потом пилотом самолета-разведчика, а в 1915 г. стал летчиком-истребителем. Правда, в своем первом же воздушном бою Герман был сбит противником-англичанином. В госпитале из его бедра извлекли обломок кости и пулю. Около года Герингу пришлось лечиться, и, судя по всему, именно тогда он подсел на наркотики.

Вернувшись на фронт, Герман возглавил до 27-го отдельную эскадрилью. В немецкой авиации в это время лучшим соединением считался истребительная авиационная эскадрилья №1, или так называемый «Летающий цирк Рихтгофена». Кроме самого командира — «красного барона» Манфреда фон Рихтгофена — в нем служили все

лучшие германские асы: Удет, Левенхардт, Лотарь фон Рихтгофен (брат Манфреда).

После гибели «красного барона» (21 апреля 1918 г.) во главе эскадрильи встал лейтенант Вильгельм Рейнхардт. 3 июля 1918 г., после одного из совещаний, Геринг предложил Рейнхардту опробовать стоявший на аэродроме биплан марки «Дорнье». Взлетев первым, Герман сделал несколько эффектных трюков и, приземлившись, уступил штурвал Рейнхардту. Тот поднялся на высоту 1000 метров, после чего сломалась стойка крыла и самолет рухнул на землю...

На освободившееся место командира «Летающего цирка» 14 июля 1918 г. назначили Германа Геринга. На этой должности он проявил себя просто великолепно и, не гонясь лично за количеством побед, собственным примером научил своих подчиненных работать в команде (эскадрилья одержала 644 победы, потеряв 62 летчика). Тем не менее сам Геринг закончил Первую мировую войну в чине капитана, имея на счету 22 сбитых вражеских самолета.

В мирное время знаменитому асу пришлось зарабатывать на жизнь перевозкой пассажиров и показательными выступлениями. В 1923 г. он женился на шведке Карин Канцов, а чуть раньше познакомился с Гитлером и вскоре принял участие в устроенном им «пивном путче». Когда полиция разгоняла нацистскую манифестацию, пули, выпущенные «стражами порядка», попали Герингу в пах и бедро. Последствием полученных ранений стало ухудшение здоровья: у Геринга нарушился обмен веществ, и он стал стремительно набирать в весе, превратившись, как говорили его злопыхатели, в настоящего 125-килограммового «борова».

В 1927 г. Геринг возглавил национал-социалистическую фракцию в рейхстаге. К 1932 г. он уже был вторым после Гитлера человеком в партии, и вполне естественно, что именно ему после прихода нацистов к власти достались две ключевые должности — премьер-министра и министра внутренних дел Пруссии.

Георгий Димитров: путь в «поджигатели»

Георгий Михайлович Димитров родился 18 июня 1882 г. в селе Ковачевцы Перникского округа близ Радомира. Его отец занимался шитьем меховых шапок и, поскольку клиентов в селе было немного, в 1886 г. он решил перебраться в Софию.

Мальчик рос хулиганистым, доставляя много хлопот соседям и окрестным собакам, в редкую из которых он не запускал камнем. Один год Георгий посещал школу, но затем из-за болезни и нехватки денег от учебы пришлось отказаться. Мальчик начал помогать отцу, а в 1894 г. поступил в типографию учеником наборщика. Там, среди станков, он не только занялся самообразованием, но и впервые познакомился с марксистской литературой. В 1902 г. Димитров стал социал-демократом, примкнув к наиболее радикальному крылу партии — так называемым «теснякам». Активно занявшись политической деятельностью, он приобрел широкую известность как один из руководителей стачки шахтеров в Пернике (1906). Именно тогда Димитров впервые угодил в тюрьму, но вскоре вышел оттуда благодаря протестам общественности.

Женой Георгия стала его соратница по борьбе сербка Любица Ивошевич. К 30 годам Димитров являлся уже настолько известной фигурой, что его даже избрали депутатом Народного Веча от Врачанского округа. Для Болгарии это было трудное время. В 1913 г. страна потерпела поражение в борьбе со своими бывшими союзниками — Сербией, Черногорией и Грецией. Видимо, надеясь на реванш, в начавшейся Первой мировой войне царь Фердинанд I примкнул к Германии, Австрии и Турции. Как следствие, противниками Болгарии оказались «братья-славяне», в том числе и страна-освободительница — Россия.

Впрочем, мотивы «славянского единства» не слишком интересовали болгарских социал-демократов. Мировую войну они критиковали главным образом за ее «империали-

листический» характер, причем голос Димитрова звучал в этом хоре особенно громко. В начале 1918 г. «пламенного трибуна» арестовали, но в декабре того же года, после поражения Болгарии и отречения царя Фердинанда, выпустили на свободу.

Пройдя хорошую школу подпольной работы, в 1919 г. Димитров выступил в роли одного из создателей Болгарской коммунистической партии (БКП) и даже представлял ее на III конгрессе Коминтерна.

В 1923 г. в Болгарии коммунисты попытались свергнуть монархо-фашистский режим царя Бориса III. Восстание потерпело неудачу, и Димитрова ждала эмиграция. Прибыв в Москву, он начал координировать нелегальную работу коммунистов в странах капитализма. Методы этой работы отнюдь не отличались деликатностью и принесли Димитрову репутацию «одного из главных коммунистических террористов». Так, например, устроенный коммунистами взрыв в главном храме Софии — соборе св. Александра Невского — (16 апреля 1925 г.) стал самым кровавым террористическим актом за всю историю Болгарии.

Несмотря на всю серьезность своей работы, Димитров не чуждался обычных житейских радостей. Как вспоминала супруга другого коминтерновского лидера Отто Кусинена — Айно: «Димитров работал в различных отделах Коминтерна, но всякий раз его приходилось смещать: его интересовали только выпивка и женщины. Когда возмущение и жалобы достигали предела, его куда-нибудь переводили. В Коминтерне попросту отказывались с ним работать... Отто сказал мне, смеясь: “Никто не хочет связываться с Димитровым. Куда его деть? Лучше, наверное, отправить на Балканы”. И отправили. Вместе с двумя другими учащимися Ленинской школы — Таневым и Поповым. Через несколько лет их перевели в Берлин».

В Германии Димитров жил по паспорту, выписанному на имя доктора Рудольфа Гедигера. Как писалось в его официальных биографиях, «он много ездил по Европе, пытаясь привлечь внимание общественности к положению

политических заключенных в Болгарии». Нетрудно предположить, что эти поездки носили не только гуманитарный характер. Однако к преступлению, в котором подчиненные Геринга обвинили Димитрова, он действительно не имел никакого отношения...

Пожар

27 февраля 1933 г., за 6 дней до назначенных Гитлером внеочередных парламентских выборов, в Берлине в здании рейхстага произошел пожар. Прибывшая к месту происшествия полиция обнаружила в одном из помещений поджигателя — Мартина Ван дер Люббе, члена одной из голландских коммунистических организация троцкистского толка. Арестованный даже не пытался отрицать свою вину, однако сразу же встал вопрос: «Было ли это делом рук маньяка-одиночки или же за его спиной стояли какие-то политические силы?». Геринг, взяв на себя расследование, начал пропагандировать вторую версию, причем под темными политическими силами он, разумеется, подразумевал коммунистов.

В нацистских застенках у Ван дер Люббе, что называется, съехала крыша, так что правду о том, кто именно им манипулировал, он унес с собой в могилу. Современные исследователи склоняются к тому, что Ван дер Люббе как человек с психическими отклонениями и пироманиакальными особенностями был спровоцирован на преступление нацистскими агентами, которые и обеспечили ему доступ в здание Рейхстага. В доказательство приводится известный следствию эпизод в Кенигсдорфе, когда двое нацистских штурмовиков, услышав обещания голландца сжечь рейхстаг, тут же взяли его под руки и увели с собой. А следующий раз Ван дер Люббе вынырнул уже в Рейхстаге со спичками в руках...

Так или иначе, поджог Рейхстага стал поводом для организации громкого антикоммунистического процесса. Среди массы арестованных главным «козлом отпущения» стал член ЦК германской компартии Эрнст Торглер. После

серьезной обработки он в общем-то подтвердил, что пожар действительно организовали коммунисты с целью подать сигнал для начала всеобщего восстания. Однако нацистам требовалось найти еще и агентов Москвы, и здесь им под руку попались Димитров, Попов и Танев. Поводом для их ареста стали показания полицейского агента официанта Гельмера, утверждавшего, что болгары встречались с Ван дер Люббе в берлинском ресторане «Байернгоф».

Троих арестованных отправили в знаменитую Моабитскую тюрьму. Димитрова при этом постоянно содержали в ручных кандалах, несмотря на которые он продолжал постоянно писать, читать книги и знакомиться с материалами дела. Димитров сохранял удивительную выдержку, причем даже известие о смерти в Москве жены Любицы не вывело его из равновесия. Достаточно уверенно он отразил первый натиск следователей и на вопрос, почему он жил под чужим именем, ответил: «Мои политические противники угрожали мне убийством и за границей, поэтому я не мог жить в Европе под своим настоящим именем и был вынужден проживать под другими фамилиями. К ним относятся и фамилия доктора Рудольфа Гедигера, под которой я был арестован».

Арест Димитрова вызвал огромный резонанс в мире. В Лондоне состоялся так называемый «контрпроцесс», на котором председатель Международной следственной комиссии по делу о поджоге Рейхстага английский адвокат Д. Н. Притт констатировал, что «есть серьезные основания для подозрения, что Рейхстаг был подожжен руководящими лицами национал-социалистической партии или же по их поручению». Не забывала Димитрова и Москва, предложившая обменять его на двоих арестованных германских шпионов. Однако нацисты не спешили с ответом. Убивать Димитрова физически они, возможно, и не собирались, но прежде чем вести речь об обмене, требовалось довести начатую игру с действительными и мнимыми поджигателями.

Момент истины должен был наступить на судебном процессе в Лейпциге. Димитров сразу же стал на нем главным действующим лицом, полностью затмив и Ван дер Люббе, и Торглера, и двоих своих болгарских товарищей. Отказавшись от адвоката, он сам вел защиту, мастерски вскрывая противоречия и несурезицы в показаниях свидетелей обвинения. Независимая публика все больше склонялась на его сторону, и тогда нацисты двинули в ход «тяжелую артиллерию». В качестве свидетеля перед судом предстал человек, непосредственно отвечавший за ход расследования, — Герман Геринг.

Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?

«Допрос свидетеля» подсудимый Димитров начал с того, что тихим и вкрадчивым голосом поинтересовался у Геринга: почему в одном из интервью он заявил, будто у Ван дер Люббе был найден билет члена Голландской коммунистической партии. Геринг нехотя признал, что никакого билета у арестованного не было. Следующий вопрос прозвучал уже более агрессивно: «Заявив, что поджигателями Рейхстага являются коммунисты, не направил ли свидетель полицейское, а затем и судебное следствие в определенном направлении, которое не дает возможности установить настоящих поджигателей».

То, что произошло дальше, иностранные журналисты сравнивали с корридой, в которой Геринг был «быком», а Димитров — «тореодором». Отметив, что он не является полицейским чиновником, рейхсминистр постепенно перешел на крик: «Уголовная полиция выяснит все следы — будьте спокойны. Мне же надо было только установить: действительно ли это преступление не относится к политической сфере, или оно является политическим преступлением. С моей точки зрения, это было политическое преступление, я точно также был убежден, что преступников надо было искать в вашей партии!

Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить!»

Последний пассаж звучал явно демагогически, но Димитров владел демагогией не хуже Геринга. «Известно ли господину премьер-министру, что эта партия, которую “надо уничтожить”, является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе, и что Советский Союз поддерживает с Германией дипломатические, политические и экономические отношения, что его заказы приносят пользу сотням тысяч германских рабочих».

В дискуссию вмешался председатель суда Бюнгер: «Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду». Димитров: «Но ведь господин Геринг ведет национал-социалистическую пропаганду. Разве не факт, что коммунизм в Германии имеет миллионы сторонников». И тут терпение Геринга лопнуло: «Вон отсюда, подлец!» — заревел он, забыв, что находится в суде всего лишь в качестве свидетеля, а не председателя. Тем не менее Геринг был настолько ужасен, что Бюнгер тут же дал знак конвоирам, которые поволокли Димитрова к выходу. Однако перед тем, как покинуть свое место, подсудимый нанес последний укол, поинтересовавшись: «Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?».

23 декабря 1933 г. суд оправдал Димитрова, Попова и Танева, и уже в феврале 1934 г. все трое оказались в Советском Союзе.

Геринг. Эпилог

Нацисты признавали, что на Лейпцигском процессе «...Герман сел в лужу». С тех пор Геринг пытался избегать политических дискуссий и занимался тем, в чем он действительно разбирался, — авиацией. Под его руководством запрещенные по Версальскому миру немецкие ВВС буквально возродились из пепла и превратились в люфтваффе. Заслуги Геринга на этом поприще были настолько велики, что для него даже придумали специальное воинское звание (выше фельдмаршальского) — рейхсмаршал.

Личная жизнь Геринга всегда порождала множество слухов. В 1934 г. умерла его жена Карин, а уже через несколько месяцев он вступил в брак со своей любовницей актрисой Эммой Зоннеман. Рейхсмаршал вообще любил артистическую среду, постоянно пытаясь играть роль «мецената». Все четыре его замка были набиты произведениями искусства, причем большинство экспонатов захватывались в покоренных странах в качестве военных трофеев.

Вся эта мишура создавала у неосведомленной публики иллюзию, что Геринг по-прежнему оставался второй по значимости фигурой Третьего рейха. Формально так оно и было: рейхсмаршал действительно считался заместителем Гитлера по партии и его официальным преемником. Реальное же влияние Геринга значительно уступало влиянию таких фигур, как Гиммлер, Геббельс, Борман. Правда, у него еще оставалось люфтваффе, но и здесь фюрер вскоре пришел к выводу, что рейхсмаршал не сдерживает своих обещаний: обещал выиграть «битву за Англию» — и не выиграл (август 1940 — май 1941 гг.), обещал не допустить бомбежек Берлина союзнической авиацией — и допустил (1941), обещал наладить «воздушный мост» с окруженной армией Паулюса — и не наладил (1943). Не удивительно, что и в авиации Герингу вскоре пришлось дать дорогу своим подчиненным — Мильху, Грейму, Вольфраму фон Рихтгофену (племяннику «красного барона»).

Все больше времени рейхсмаршал проводил в самом роскошном из своих замков — Каринхалле. В последний раз громко и не слишком удачно он напомнил о себе 23 апреля 1945 г. Узнав о том, что Гитлер намерен до последнего обороняться в окруженном Берлине, Геринг вспомнил о своем статусе «преемника фюрера» и попытался объявить себя главой государства. Но ничего из этого не вышло. Выполняя приказ, отданный из бункера Гитлера, командир ближайшего ээсовского подразделения должен был арестовать рейхсмаршала, лишить чинов, орденов и расстрелять. А затем тысячелетний Рейх рухнул и быв-

ший обвинитель на Лейпцигском процессе сам стал обвиняемым на другом процессе — в Нюрнберге.

Геринга вместе с 10 другими нацистскими руководителями приговорили к повешению. Рейхсмаршал просил, чтобы его как солдата хотя бы расстреляли, но и в этой просьбе ему отказали. И тогда, за несколько часов до исполнения смертного приговора, он принял яд и тихо скончался в своей камере. Тело его было сожжено вместе с телами других его «подельников». Прах всех 11 осужденных вывезли в контейнере за город и высыпали в мутный поток дождевой воды, бежавший по придорожной канаве.

Димитров. Эпилог

После Лейпцигского процесса болгар чествовали в Советском Союзе примерно так же, как «челюскинцев» или «папанинцев». В Москве его сразу же выбрали председателем Коминтерна, а в 1937 г. еще и депутатом Верховного Совета. Именно при нем по Коминтерну прошла волна массовых «чисток», жертвами которых наряду с другими иностранными коммунистами стали и два его бывших товарища — Попов и Танев.

Впрочем, сам Димитров пытался не участвовать в репрессиях. Работники аппарата регулярно составляли для него списки арестованных, снабжая их положительными характеристиками. Димитров исправно отсылал эти характеристики Сталину и другим членам ЦК, но спасти удалось лишь немногих.

Во время Отечественной войны Димитров ничем себя особо не проявил. Собственно, после того как в 1943 г. по настоянию союзников Коминтерн был распущен, влияние его бывшего председателя вообще свелось к минимуму. Однако в 1944 г. Красная Армия пришла на Балканы. В Болгарии власть захватил возглавляемый коммунистами Отечественный фронт. Вернувшись на Родину, Димитров пережил второй (после Лейпцига) триумф в своей жизни и сразу же занял пост премьер-министра. По-

литические противники были ликвидированы, и Болгария приступила к строительству социализма.

В 1947 г., не проконсультировавшись с Москвой, Димитров разработал план создания Балканской Федерации в составе Болгарии, Югославии и Албании. Югославский лидер Иосип Броз Тито поддержал эту идею, а вот в Кремле она категорически не понравилась. Сталин устроил Димитрову разнос: «Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотите удивить мир — как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице — вы ставите нас перед совершившимися фактами». Димитров тут же покаялся, зато Тито пошел до конца и вдрызг рассорился со Сталиным.

Что ж каждый выбирает свой путь... Зато Димитрова советская пропаганда не называла «фашистом» и «предателем». И даже умер он не в Болгарии, а в Советском Союзе (2 июля 1949 г. в подмосковном правительственном санатории Барвиха). На родине же для его останков построили целый мавзолей в центре Софии. Там тело Димитрова и покоилось последующие 50 лет. Затем оно было предано земле, а мавзолей — взорван (после долгих и трагикомических усилий) по распоряжению нового «демократического» правительства Болгарии.

Дуэль в Лейпциге закончилась явной и бесспорной победой Димитрова. Собственно, так оно и должно было случиться. Ведь, в отличие от Димитрова, Геринг являлся пусть и ярким, но все-таки дилетантом в публичной политике. Любопытно другое: в общеисторическом плане и тот, и другой оказались среди проигравших, а те истины, которые они с таким пылом защищали в Лейпциге, большинству наших современников представляются фальшивыми.

РЕМ И КИРОВ: НА «ТЫ» С ВОЖДЯМИ

Среди сподвижников и Гитлера, и Сталина очень немногие разговаривали на «ты» с двумя величайшими диктаторами XX века. Но, как выяснилось, кажущаяся близость к вождям отнюдь не гарантировала безопасности их соратникам. И хотя в трудное время эти люди помогали своим «хозяевам» карабкаться на вершины власти, воспоминания о совместно съеденных пудах соли не играли никакой роли в тех случаях, когда в дело вступали железные и беспощадные законы власти.

Рем

Эрнст Рем родился 28 ноября 1887 г. в Мюнхене в семье мелкого чиновника. После окончания школы буйный темперамент долгое время мешал ему найти для себя подходящее дело. Не случайно впоследствии Рем признавался: «еще когда я был незрелым хилым юнцом, война и тревоги привлекали меня куда больше, чем старый буржуазный порядок». В конце концов будущий вождь штурмовиков пошел в армию и в 1914 г. оказался на фронте в звании фаненюнкера.

В одном из первых же боев Эрнст получил ранение. Рана была неудачной и опровергала расхожее мнение о том, что шрамы украшают мужчину. След от пули пробороздил левую скулу и практически перерубил нос надвое. Переносица была расплющена, а конец носа, округлый и красный, торчал как бы отдельно и имел бы комичный вид, если бы не зловещее выражение лица нашего героя.

Удивительно, но столь необычная внешность отнюдь не мешала Рему пользоваться популярностью, если не

у женщин, то, по крайней мере, у лиц своего пола. Во всяком случае именно на фронте он пристрастился к гомосексуализму, весьма, кстати, популярному в германской армии.

Закончил Первую мировую войну Рем с двумя Железными крестами (1-й и 2-й степени). Явно не желая смотреть в лицо правде, он, подобно большинству кадровых офицеров, считал, что революция вырвала у Германии практически верную победу. Впрочем, столь «патриотичные» взгляды не мешали ему презирать старый офицерский корпус и мечтать о создании подлинно народной армии.

В Мюнхене (родном городе Рема) в это время была провозглашена Баварская Советская республика. Эрнст тут же вступил в так называемый Добровольческий корпус (германский аналог Белой гвардии), в рядах которого принял участие в борьбе с местными красными. После разгрома республики он служил в штабе 7-го военного округа (дивизии) под началом вождя баварской контрреволюции генерала Ф. фон Эппа.

Состоя в рейхсвере, Рем нарушил правило, гласившее, что армия должна быть вне политики, и вступил в Рабочую партию Германии (ДАП). Чуть позже в этой же партии появился еще один новенький — Адольф Гитлер.

Вместе они составили тандем, который довольно быстро подмял под себя старое руководство. Гитлер взялся за политическую работу и своими страстными выступлениями вербовал все новых сторонников. Что касается Рема, то он создал так называемые штурмовые отряды (СА), преимущественно из бывших военных.

В феврале 1920 г. партия получила приставку «национал-социалистическая» (НСДАП) и довольно громко заявила о себе на политической арене. Штурмовики обзавелись собственной униформой серого цвета и даже получили оружие с тайных складов рейхсвера. Более того, генерал фон Эпп выделил 60 тыс. марок, на которые был приобретен печатный орган партии — газета «Фелькише беобахтер».

В январе 1923 г. стараниями Рема к НСДАП присоединились еще четыре ультраправых военизированных формирований, образовавших «Рабочее объединение союзов борьбы за Отечество». Однако, будучи действующим офицером, Эрнст не мог лично возглавить штурмовиков, вследствие чего руководство СА досталось его конкуренту Герману Герингу.

Рем понял, что придется чем-то пожертвовать, и уволился в отставку в звании капитана. Тем не менее оттеснить Геринга от руководства штурмовиками ему не удалось, вследствие чего нашему герою пришлось удовольствоваться командованием одним из отрядов под названием «Военное знамя империи».

Внутрипартийные конфликты отошли на второй план после того как нацисты предприняли попытку вооруженным путем захватить власть в Баварии. 9 ноября 1923 г. отряд Рема занял штаб округа, телеграф и ряд других важных объектов в Мюнхене. Гитлер и Геринг в это же время арестовали в пивном зале «Бюргербройкеллер» фактического диктатора Баварии фон Кара, командующего войсками фон Лоссова и нескольких других высших офицеров. Затем 3 тысячи штурмовиков двинулись на соединение с Ремом, но по дороге были рассеяны полицией.

НСДАП и штурмовые отряды СА оказались под запретом, Гитлер попал в тюрьму, Геринг бежал за границу, и только Рем в ходе суда был признан невиновным. Правда, на всякий случай он решил исчезнуть из Германии и поступил в боливийскую армию в чине подполковника.

Долгих семь лет европейский «профи» муштровал латиноамериканцев по системе, принятой в германской армии. Добился ли он успеха — судить трудно. Во всяком случае, когда в 1932 г. грянула война между Парагваем и Боливией, парагвайская армия во главе с бывшим русским офицером Беляевым разгромила боливийцев.

Но Рем этого уже не увидел. Еще в 1930 г. по призыву своего старого друга он вернулся обратно в Германию. НСДАП к тому времени вновь была легализована и весьма энергично рвалась к власти. Дело, однако, осложняя-

лось трениями между Гитлером и низовыми руководителями штурмовых отрядов. Приструнить «серорубашечников» мог бы Геринг, но он к тому времени уже целиком погрузился в парламентскую работу.

Фюрер доверил штурмовиков Рему, который действительно навел среди них порядок. К середине 1931 г. численность СА составила 400 тыс. человек и примерно в четыре раза превысила численность рейхсвера. После прихода НСДАП к власти процесс принял лавинообразный характер, и к концу 1933 г. численность штурмовиков достигла 2 миллионов.

Германский генералитет происходившее не устраивало, так как все знали, что бывший капитан Рем мечтает поглотить кадровые войска, включив их в состав своей «народной армии». Еще больше беспокоились промышленники, поскольку, в отличие от фюрера, лидер СА все чаще твердил о необходимости «второй революции» — социалистической

Рем, в свою очередь, был обижен, что вместо военного министерства ему предоставили униженный пост министра без портфеля. Все чаще и охотнее он принимал недовольных и изливал перед ними свою душу: «Адольф подлец, он нас всех предал. Он общается теперь только с реакционерами и выбрал себе в наперсники этих генералов из Восточной Пруссии! Адольф вышел из моей школы. Именно от меня он получил все свои знания по военным вопросам. Но Адольф был и остается штатским человеком, писакой и мечтателем. Мещанином, который только и думает о мире по-венски. А мы тем временем лишь вертим пальцами, тогда как у нас чешутся руки».

Стараниями противников Рема — Геринга и Гиммлера — все эти откровения доходили до ушей фюрера. Но «подлец Адольф» долго не решался порвать со своим старым соратником. И только после того как военные и промышленники фактически в ультимативной форме потребовали от Гитлера «принять меры», тот, после долгих сомнений, решил разрубить гордиев узел.

Услужливый Гиммлер тут же представил сляпанное наспех досье, свидетельствующее о том, что штурмовики будто готовятся к перевороту. На самом же деле Рем думал о примирении и в качестве жеста доброй воли с 1 июля 1934 г. отпустил СА в месячный отпуск. Фюрер, однако, сделал вид, что поверил в сказку о заговоре. 29 июня он приказал Герингу и Гиммлеру ехать в Берлин для того, чтобы руководить репрессиями в столице Германии. Сам Гитлер со свитой и охраной из отборных эсэсовцев выехал в Бад-Висзее. В этом баварском городе, в гостинице «Ганзльбауэр», Рем перед отпуском собирался устроить банкет для руководителей штурмовых отрядов.

Фюрер и компания нагрянули туда утром 30 июня, когда вся верхушка СА мирно нежилась в своих постелях, не думая, разумеется, ни о каких заговорах. Охрану у входа разоружили без сопротивления. Адьютант Рема и его любовник граф Шпрети выскочили на шум посмотреть, что случилось. Гитлер, не переносивший «голубых», увидев этого красавчика, треснул его стеклом и приказал взять эсэсовцам.

Сам Рем в момент ареста спал, а потому не оказал никакого сопротивления. Драться пытался только его заместитель, обергруппенфюрер Хейнесса, застигнутый в постели со своим шофером-любовником. Этих двоих пристрелили на месте.

Рема отправили в Мюнхен и посадили в тюрьму Штадельгейм. Гитлеру явно не хотелось казнить столь видного и заслуженного нациста. По его приказу Рему «мягко и ненавязчиво» намекнули на необходимость совершить самоубийство. Тюремщик молча внес в камеру пистолет, положил его на столик перед кроватью, а затем вышел наружу. Через глазок было видно, что лидер штурмовиков продолжал молча сидеть на кровати, и через десять минут тюремщик так же молча вынес пистолет обратно.

Лидер СА, видимо, рассчитывал на пощаду. Но все его надежды рухнули 2 июля, когда в камеру вошел один из руководителей СС Теодор Эйке. «Что это значит?» — воскликнул Рем. «У нас нет времени на болтовню!» — ответил Эйке. В его руках блеснул пистолет — и раздался

выстрел. Смертельно раненный Рем упал на пол, после чего Эйке добил его ногами...

Шеф штурмовиков стал далеко не единственной жертвой событий, вошедших в историю как «ночь длинных ножей». От рук эсэсовцев без суда и следствия было убито, по разным данным, от 250 до 1,5 тыс. человек. Далеко не все из них входили в СА: были среди них и журналисты, и военные, и умеренные буржуазные политики, и слишком «левые» члены нацистской партии.

Любопытно, что Сталин, узнав об этих событиях, воскликнул: «Гитлер, какой молодец! Вот как надо поступать с политическими противниками!» И через полгода последовал примеру фюрера.

Киров

Сергей Миронович Костриков родился 27 марта 1886 г. в городе Уржуме Вятской губернии. Отец его запил и ушел из дома, так что семья едва сводила концы с концами. Получить образование мальчик смог за счет земской стипендии.

После училища Сергей переехал в Томск, где поступил на подготовительное отделение Технологического института. Здесь он попал в водоворот первой русской революции 1905–1907 г. и довольно быстро стал заметной фигурой в местном социал-демократическом комитете.

В 1908 г., отсидев за антиправительственную деятельность 16 месяцев, Костриков вышел на свободу. Вскоре он узнал, что полиция хочет добавить ему еще один срок по вполне справедливому обвинению в организации нелегальной типографии. И тогда по фальшивому паспорту наш герой переехал во Владикавказ, где устроился журналистом в буржуазно-либеральную газету «Терек». В 1912 г. появилась его статья о расстреле рабочих на Лене. Под этим материалом он впервые подписался своим новым псевдонимом — Киров.

В том же 1912 г. Сергей Миронович женился на Софье Маркус, а заодно обзавелся новым бессрочным паспор-

том, по которому получил освобождение от воинской службы.

В «Тереке» Киров проработал вплоть до Октябрьской революции. Статьи, опубликованные им в это время, свидетельствуют, что он придерживался меньшевистских взглядов. И лишь в начале Гражданской войны Сергей Миронович начал постепенно сближаться с большевиками.

Весной 1918 г. Совнарком Терской республики отправил его в Москву за оружием и деньгами. Благодаря поддержке И. В. Сталина Киров быстро получил все необходимое и благополучно вернулся обратно. Однако уже в октябре поездку в Москву пришлось совершить снова. Во главе эшелона с оружием и боеприпасами он пробрался из столицы до Пятигорска, но дальнейший путь до Владикавказа оказался перерезан белоказачьими отрядами генерала Шкуро.

И тогда Киров отправился в Астрахань, где через некоторое время стал председателем местного Военно-революционного комитета. Благодаря его усилиям удалось восстановить боеспособность громадной (около 50 тысяч), но совершенно дезорганизованной 11-й армии. Все тыловые ресурсы были мобилизованы для помощи и поддержки фронту, причем делалось это, как правило, за счет населения и прежде всего за счет представителей «нетрудовых», «эксплуататорских» классов.

Принятые Кировым жесткие меры вызвали недовольство жителей и закончились мятежом 10–12 марта 1919 г. Сергей Миронович призвал «беспощадно уничтожать белогвардейскую сволочь, применяя все виды обороны». Бунт подавили быстро, однако общее количество жертв среди горожан, по некоторым данным, достигало четырех тысяч человек.

В следующем году Киров работал на Северном Кавказе и в Закавказье. При его активном участии произошло установление Советской власти в Азербайджане. Довольно заметную роль сыграл он и в ликвидации независимой Грузинской республики.

На X съезд РКП(б) Сергей Миронович был назначен 1-м секретарем ЦК компартии Азербайджана. Последую-

шие пять лет он довольно успешно возглавлял эту республику, приложив огромные усилия для восстановления разрушенной в ходе войны нефтяной промышленности.

Однако, при всей значимости его должности, в масштабах партии политический вес Кирова был не слишком значительным. Положение изменилось в 1926 г., когда Сталин начал решающую борьбу против Троцкого и Зиновьева. Ленинград в это время считался своеобразной «вотчиной» Зиновьева. Кирову предстояло очистить «колыбель революции» от оппозиционеров, так чтобы и духу зиновьевского здесь не осталось.

Нужно признать, что Сергей Миронович довольно энергично взялся за дело. Став 1-м секретарем Ленинградского губкома, он продемонстрировал отличные ораторские способности и завоевал большинство в местных партийных организациях. Но решающая борьба разыгрывалась не на митингах, а в кабинетах Смольного.

Вскоре все важнейшие должности были заняты сторонниками «генеральной линии». Центр власти постепенно переместился из советских в партийные органы, а сам Киров превратился в своеобразного наместника Сталина на территории Ленинграда и Ленинградской области.

После того как политические бури утихли, Сергей Миронович полностью погрузился в хозяйственную работу. О количестве и разнообразии ежедневных забот Кирова дает представление листок из его блокнота, относящийся к 24 марта 1934 г.: «Собрание института. Вагоны для сланца. Торпеды. Торфяное снабжение. Вагоны. Секрет <арь или ари> по КСМ. «Смена». 37 тыс. Управление торго. Пятаков. Сланцы. Комбайн. Сушилка. Курсы комбайнеров. Здоровье Лейтмана. Записка о суде. Исаакиевский собор. Огороды. От Ломанского до 2 Муринского 18 шт. столбов. Электрификация Мурманской дороги. Отпуска. Трамвай. Церкви. Корабли. Артиллерия. Типографии. Пикалево завод. Погода на 25 марта. Троллейбус».

Очень часто Киров вникал даже в такие мелочи, как отсутствие шаек в бане или хищения среди работников продовольственных магазинов. Некоторые коллеги Сер-

гея Мироновича по ЦК партии иронически называли его «ленинградским завхозом». Конечно, многие из мелких хозяйственных вопросов вполне поддавались решению на низовом уровне, не требуя вмешательства 1-го секретаря обкома. И все же энергия и деловитость Кирова импонировали основной массе ленинградцев.

Разумеется, рисовать деятельность Кирова в одних только розовых красках вовсе не стоит. Так едва ли не на всех крупных стройках Ленинградской области активно использовался труд заключенных. Именно их усилиями в рекордно короткие сроки были реализованы суперпроекты по созданию Волховской ГЭС, Хибинского горно-промышленного района, а также знаменитого Беломорско-Балтийского канала. Естественно, все это было возведено на костях десятков тысяч зеков.

Весьма неоднозначно складывались отношения Кирова с интеллигенцией. Тотальная идеологизация всех сфер жизни напрямую касалась сферы культуры и, чуть в меньшей степени, науки. Последовательно проводя линию партии, Сергей Миронович никак не мог избежать конфликтов и, как следствие, вынужден был санкционировать ряд мер репрессивного характера. Так в 1929–1930 гг. были арестованы и осуждены по подозрению «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации» многие видные ученые-историки. А уже в 1934 г., безо всяких возражений со стороны Кирова случилось событие, которое можно признать знаковым — Академия наук переехала из Ленинграда в Москву.

Злопыхатели отмечали, что культурные интересы Кирова замыкаются в основном на балете, намекая в данном случае на его многочисленные романы с балеринами Мариинского театра (любопытно, что впоследствии театр будет переименован в «Кировский»). В оправдание Сергею Мироновичу следует заметить, что из-за постоянных болезней жены его личная жизнь складывалась не слишком удачно.

Зато очень удачно складывалась политическая карьера Кирова. В феврале 1934 г. в Москве состоялся XVII съезд

ВКП(б). В советской историографии он получил наименование «съезда победителей». Успехом завершились индустриализация, коллективизация, «культурное строительство», и Киров как активный участник и организатор этих процессов вместе с другими делегатами чувствовал себя триумфатором. Согласно мемуарам некоторых современников, при выборах в ЦК Сергей Миронович по числу поданных за него голосов обогнал самого Сталина. Более того, существует мнение, что часть делегатов планировала выдвинуть Кирова на пост Генерального секретаря, однако «вождь ленинградских коммунистов» не только отказался от этого предложения, но и сообщил о нем Сталину. Хотя такие свидетельства документально не подтверждены, несомненно одно: к 1934 г. Сергей Миронович занял положение второго по влиятельности человека в партии. Известность и популярность Кирова достигли зенита, и именно поэтому столь внезапно и сокрушительно для современников прозвучало известие о его гибели...

1 декабря 1934 г. в 16 ч 30 мин в Смольном у входа в свой кабинет Сергей Миронович был убит выстрелом в затылок бывшим сотрудником обкома истории партии Л. В. Николаевым.

На вопрос следователя: «Какие причины заставили вас совершить это покушение?» Николаев ответил: «Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, мое безработное положение и отсутствие материальной, а самое главное — моральной помощи со стороны партийных организаций».

Однако кроме названной существовала и еще одна причина, о которой убийца предпочел умолчать. Супруга Николаева Мильда Драуле работала в Ленинградском обкоме и в кулуарах Смольного о ней поговаривали как о любовнице Кирова. Вероятно, эти слухи доходили до ее мужа, так что, стреляя в 1-го секретаря обкома, Николаев, судя по всему, стрелял не только в более удачливого представителя партийной номенклатуры, но и в своего

соперника на личном фронте. В любом случае поначалу убийца Кирова твердо настаивал на отсутствии у него сообщников и каких-либо иных мотивов, кроме личных. Но вскоре под давлением следователей его показания изменились.

2 декабря специальным литерным поездом в Ленинград прибыли Сталин, Ворошилов, Молотов, Жданов, Ягода, Ежов, Косарев, Хрущев, Вышинский и ряд других членов ЦК.

Сталина не устраивала версия об убийстве Кирова преступником-одиночкой, и была пущена легенда о существовании масштабного «троцкистско-зиновьевского заговора» с целью убийства Сталина, Кирова и других партийных и государственных руководителей. Николаеву нашли сообщников, преимущественно из числа его знакомых, участвовавших в зиновьевской «новой оппозиции» (13 человек). 29 декабря 1934 г. выездной сессией Верховного суда СССР все обвиняемые были приговорены к смертной казни, при этом все, за исключением самого Николаева, были невиновны.

Однако это были лишь первые жертвы «кировского потока». Против бывших оппозиционеров следствие сфабриковало дела о так называемых Московском и Ленинградском центрах. По делу Московского центра прошло девятнадцать человек во главе с Зиновьевым и Каменевым, по «Ленинградской контрреволюционной группе Сафарова, Залуцкого и других» — семьдесят семь человек. Впоследствии практически все они были казнены. Такая же участь постигла и «прошляпивших» убийство Кирова начальников Ленинградского управления НКВД-ОГПУ — Ф. Д. Медведя и И. В. Запорожца.

Разоблачая «культ личности» на XX съезде КПСС, Хрущев высказал предположение, что убийство Кирова было организовано Сталиным с целью устранить потенциального конкурента в борьбе за власть. С версией этой согласились многие историки, но каких-либо данных, подтверждающих ее соответствие действительности, обнаружить так и не удалось. Дочь вождя Светлана Аллилу-

ева (в целом не слишком доброжелательная по отношению к Сталину) свидетельствовала: «В причастность отца к этой гибели я не поверю никогда. Киров был ближе к отцу, чем все Сванидзе, чем все родичи, Реденс или многие товарищи по работе, — Киров был ему близок, он был ему нужен».

Во внутрипартийной борьбе Сталин и Киров всегда выступали как союзники, и, судя по всему, смерть «Мироныча» действительно была для генсека тяжелым ударом. Однако, несмотря на потрясение, Сталин сохранил достаточно хладнокровия для того, чтобы использовать это событие как повод к массовой чистке в рядах оппозиции.

1934 г. стал для СССР и Германии годом политических репрессий. Поводы для чисток, впрочем, были разные. Гитлер честно и откровенно расправился со старым товарищем, который пугался у него под ногами. Сталин, напротив, выступил в роли мстителя за погибшего друга. Что же касается самих Рема и Кирова, то они оказались всего лишь жертвами двух людоедских режимов — режимов, которые они сами же и создали.

ГАНФШТЕНГЛЬ И БАЖАНОВ: ЛЮДИ ИЗ СВИТЫ

Быть личным секретарем государственного деятеля — обязанность трудная и почетная. Знание политической кухни и возможность участвовать в исторических событиях способны потешить самое раздутое честолюбие. С другой стороны, личный секретарь превращается, как правило, в «тень» своего шефа. Подобные люди редко становятся самостоятельными фигурами. Так что для бывших секретарей, рассорившихся со своими начальниками, рано или поздно всегда возникает альтернатива — либо уйти «на дно», либо рискнуть жизнью и начать торговать своими тайнами.

Ганфштенгль

Эрнст Ганфштенгль родился в 1887 г. в Мюнхене. Отец его был преуспевающим коммерсантом и успешно торговал произведениями искусства. Женившись на американке, он заметно расширил свой бизнес, открыв в США отделение фирмы.

Родители мечтали дать сыну хорошее образование, определив его в знаменитую Баварскую гимназию императора Вильгельма. Однако типичный для германских школ военный дух, видимо, внушал им определенные опасения. И вот, чтобы исправить этот «милитаристский уклон», Эрнста отправили в США, где он стал студентом Гарвардского университета. Новые товарищи ломали язык, произнося непривычную для англосаксов фамилию, а потому придумали ему шуточное и очень короткое прозвище — Путци.

Став в 1909 г. дипломированным специалистом, наш герой возглавил американский филиал семейной компа-

нии. Бизнес шел хорошо и к тому же был Эрнсту интересен. Он постоянно вращался в художественных кругах, расширяя свой кругозор и обзаводясь полезными знакомствами. Сам Путци был приятным и остроумным собеседником, душой общества и настоящим пианистом-виртуозом.

Правда, начиная с 1914 г., американо-немецкие отношения постоянно ухудшались и в конце концов закончились тем, что в 1917 г. США объявили войну Германии. Тем не менее благодаря своим связям коммерсанту Ганфштенглю удалось избежать неприятностей. В сущности он ничего не имел против того, чтобы и дальше жить в Америке, но из-за смерти отца сразу же после окончания боевых действий ему пришлось вернуться на родину.

В Мюнхене Путци стал довольно заметной фигурой в среде местной богемы. Но как коммерсант он, конечно же, понимал, что разоренная войной Германия является не слишком хорошим рынком для торговли произведениями искусства. Впрочем, денег у Ганфштенгля по-прежнему было достаточно, так что он даже приобрел роскошную виллу в баварских Альпах.

Как-то в одном из мюнхенских кабачков Эрнст познакомился с малоизвестным тогда политиком Адольфом Гитлером. Считая себя художественной натурой, лидер нацистов пошел на контакт довольно охотно. Вместе с Ганфштенглем он стал посещать богемные мероприятия, где, по общему мнению, производил «чарующее» впечатление.

Вся эта красивая жизнь закончилась в 1923 г., после провала «Пивного путча». Путци в нем не участвовал, и потому именно на его вилле будущий фюрер некоторое время скрывался от правосудия. Правда, избежать ареста Гитлеру так и не удалось, но Ганфштенгль и в дальнейшем помогал ему материально. Самое интересное, что делал он это без каких-либо корыстных расчетов. Лидер нацистов казался в то время политическим трупом, и ничто не предвещало его будущих успехов...

Выйдя на свободу в 1924 г., Гитлер с новым ожесточением бросился в драку. Он не забыл, чем был обязан

Ганфштенглю, и превратил его в одного из своих ближайших поверенных. От выборов к выборам НСДАП набирало все больше голосов, став одной из сильнейших политических партий. Разумеется, это не могло не повлиять на характер отношений между двумя приятелями. Если раньше Ганфштенгль играл при Гитлере роль своеобразного покровителя, то теперь он оказался всего лишь человеком из свиты фюрера. Впрочем, человеком далеко не последним...

Как никто, Путци мог развеселить Гитлера вовремя сказанной шуткой или анекдотом. Прочие нацистские бонзы часто называли его «клоуном», но подобное определение вряд ли можно признать справедливым. Дело скорее заключалось в том, что другие руководители партии относились к Ганфштенглю как к случайной фигуре в нацистском движении: он не сражался за Германию в Первой мировой войне, не проливал кровь на мостовых Мюнхена во время «Пивного путча» и, наконец, был почти «американцем».

Впрочем, последний недостаток превращался в достоинство, так как Ганфштенгль лучше других мог объясняться с иностранными и прежде всего с американскими журналистами. Не удивительно, что после прихода к власти именно его фюрер назначил пресс-секретарем по связям с иностранной печатью. Подобное возвышение вызвало раздражение у министра пропаганды Йозефа Геббельса и главного пресс-секретаря партии Отто Дитриха. Оба они занимались практически тем же, что и Путци, но зарубежные акулы пера в качестве источника информации предпочитали обращаться именно к Ганфштенглю.

Среди всех секретарских должностей работа пресс-секретаря несет в себе наибольший элемент творчества. Смысл ее заключается в том, чтобы не просто пересказать мнение шефа, а изложить это мнение наиболее выгодным для политика образом. Путци лучше других умел «вешать лапшу» журналистам. Выход страны из Лиги Наций, модернизацию армии и введение войск в Рейнскую демилитаризованную зону он объяснял стремлением Гер-

мании обеспечить свою независимость и территориальную целостность. «Ночь длинных ножей» (во время которой Гитлер расправился со своими бывшими соратниками) в изложении Ганфштенгля выглядела как очищение партии от крайне опасных революционных элементов. И даже начавшиеся гонения на евреев поначалу преподносились как меры чисто экономического характера.

Западная общественность доверчиво внимала его соловьиному пению, но постепенно эта доверчивость все чаще сменялась обеспокоенностью. Дело усугублялось тем, что и сам Путци чувствовал, что Германия выбрала ложный путь.

Отправку в Испанию легиона «Кондор» Ганфштенгль воспринял с крайним неодобрением. После того как германская авиация стерла с лица земли баскский городок Гернику, он неоднократно язвительно отзывался по поводу «героизма» немецких летчиков. Министр пропаганды, разумеется, постарался довести эти остроты до ушей фюрера.

Гитлер почувствовал себя задетым и, с подачи того же Геббельса, предложил устроить шутку над Путци. Спустя несколько дней за Ганфштенглем прислали самолет, а специальный порученец фюрера вручил ему пакет, который дозволялось вскрыть лишь после того, как «юнкерс» с пресс-секретарем на борту поднимется в небо. Едва самолет взлетел, Путци раскрыл пакет и прочел, что его везут в Испанию, где выбросят на парашюте со спецзаданием. Потрясенный Ганфштенгль закатил настоящую истерику, убеждая, что он не диверсант и никогда не прыгал с парашютом.

В конце концов, покружив над Германией, самолет благополучно приземлился в Берлине. Придя в себя, Путци не столько умом, сколько нутром почувствовал, что все случившееся с ним было не просто шуткой. И, как выяснилось уже после войны, он не ошибся...

Геббельс на самом деле приказал охранникам выбросить Путци из самолета, причем без парашюта. Случившееся министр пропаганды, судя по всему, рассчитывал

преподнести Гитлеру как несчастный случай: погибший, мол, не понял шутки, распиховался и вывалился наружу. Однако то ли Ганфштенгль слишком плотно забился в угол салона, то ли охранники побоялись гнева фюрера, но, так или иначе, пресс-секретарь отделался только испугом.

Сделав необходимые выводы, Путци в марте 1937 г. покинул Германию под предлогом служебной командировки. Весть о том, что он решил не возвращаться, вызвала в Берлине эффект разорвавшейся бомбы. В силу своего положения Ганфштенгль знал как государственные тайны, так и различные интимные секреты, касающиеся Гитлера и других нацистских руководителей. Фюрер отделялся молчанием, а вот Геринг тут же написал невозвращенцу письмо, дав слово чести, что ему ничего не угрожает. Это послание осталось без ответа.

Путци уехал в США и опять занялся своим бизнесом. Он отвергал все предложения написать мемуары, то ли из страха, то ли из нежелания предавать тех, с кем его многое связывало. Как ни парадоксально, но второе предположение выглядит более убедительным. Правда, во время Второй мировой войны Ганфштенгль работал экспертом правительства США по нацистской Германии. Однако его консультации, видимо, казались американцам недостаточно полными. Нежелание бывшего пресс-секретаря делиться своими секретами вызвало в конце концов такое раздражение, что уже после окончания боевых действий Путци отправили в лагерь для интернированных. Существует, впрочем, и другая версия: Ганфштенгль выдал американской разведке все, что знал, а репрессии, которым он подвергся, — это не более, чем отвлекающий маневр, предпринятый для того, чтобы избавить его от мести со стороны бывших нацистов.

Так или иначе, но, выйдя из лагеря, Ганфштенгль уехал обратно в Германию. В 1957 г. он наконец-то опубликовал свои мемуары «Гитлер: потерянные годы», в которых, впрочем, не содержалось ничего сенсационного. Скончался бывший пресс-секретарь фюрера в Мюнхене 6 ноября 1975 г.

Бажанов

Борис Георгиевич Бажанов родился в 1900 г. в Могилеве-Подольском в семье доктора. В бурном 1917-м он был учеником гимназии и по причине юношеского возраста всего лишь наблюдал за происходившими событиями. Власть на Украине переходила от Временного правительства к Центральной Раде, затем — к Советам и, наконец, к немецкому оккупационному командованию и его ставленнику гетману Скоропадскому.

Весной 1918 г. положение на некоторое время стабилизировалось, и Борис переехал в Киев, где стал студентом университета. Однако уже осенью началась борьба между гетманцами и петлюровцами. Университет закрыли, а студенты, вышедшие на демонстрацию протеста, были расстреляны отрядом «державной варты» (государственной полиции). Двадцать человек погибли и еще около двадцати (в т. ч. Бажанов) попали в госпиталь.

Это событие намертво отбило у Бориса симпатии к «самостийникам». Не симпатизировал он и белым, которые, по его мнению, защищали все старое и отжившее. Таким образом, путь оставался один — к красным.

Вернувшись в Могилев-Подольский, Бажанов сблизился с большевиками и довольно быстро был избран секретарем уездной организации. Здесь он имел репутацию либерала и весьма энергично боролся с самоуправством чекистов. Любопытно, что, когда в город вошли петлюровцы, нашего героя они не тронули, так как считали его «идейным коммунистом» и «добрым хлопцем».

Свистопляска продолжалась до конца 1920 г. В те периоды, когда побеждала контрреволюция, Бажанов скромно сидел дома, а в остальное время находился «на партийной и советской работе». Но, как только ситуация стабилизировалась, из Москвы на Украину приехало множество заслуженных ветеранов партии. Юнцов, вроде Бажанова, повыгоняли из их кабинетов, посоветовав для начала «учиться, учиться и учиться». Борис Георгиевич оценил

сложившееся положение и отправился в Москву, где поступил в Высшее техническое училище.

Студенчество никогда не принадлежало к самому сытому слою общества. И хотя Бажанов стал секретарем партийной организации училища, на размерах его пайка это не отразилось. Отощав, он решил было вернуться на родину, но тут друг Саша Володарский (брат известного революционера) посоветовал ему поискать приработок в аппарате ЦК партии. К 20 годам Борис имел внушительный послужной список, и после небольшой проверки его приняли в подотдел «учета местного опыта». Здесь он занимался канцелярской работой, пока в дело не вмешался его величество случай.

На одном из заседаний Бажанов стенографировал выступление тогдашнего заведующего Орготделом ЦК Л. М. Кагановича. Через некоторое время редакция журнала «Советское строительство» попросила Кагановича написать передовицу. Но известный партиец совсем не владел пером и, ссылаясь на занятость, ответил отказом. И тогда Бажанов «прогнулся» перед начальством.

Имеющуюся стенограмму он оформил литературно и, явившись к Кагановичу, сказал: «Вот ваша статья о советском строительстве — я записал то, что вы сказали на совещании». Пококетничав, Лазарь Моисеевич признал свое авторство и впоследствии всем показывал этот опус.

Именно с подачи Кагановича Бажанову доверили редактировать отчетный доклад В. И. Ленина на XI съезде партии (1922). Великолепно выполнив работу, Борис ощутил некоторое головокружение от успехов и решил замахнуться на святая святых — устав партии.

Следует отметить, что старый устав был написан еще в 1903 г. в условиях подполья и, разумеется, мало подходил для правящей партии. Новый устав Бажанов составил в свободное от работы время, после чего представил его сначала Кагановичу, а затем Молотову.

Впоследствии именно Молотов и считался автором этого документа, что, впрочем, не вызывало со стороны Бориса никаких протестов. Узкий круг посвященных впол-

не оценил таланты и скромность молодого аппаратчика, дав тем самым зеленый свет его дальнейшей карьере.

Вскоре Бажанов уже секретарствовал на самых секретных заседаниях Политбюро, причем роль его намного превосходила роль обычного технического работника. Именно он должен был составлять повестку дня, давать во время совещания справки по тем или иным вопросам и даже формулировать те решения, которые принимались в ходе дискуссий.

Номинально Борис Георгиевич считался одним из четырех помощников Генерального секретаря И. В. Сталина. В узком кругу эти «четыре мушкетера» определяли свои обязанности следующим образом: «Бажанов — секретарь Сталина по Политбюро; Мехлис — личный секретарь Сталина; Гриша Каннер — секретарь Сталина по темным делам; Товстуха — секретарь по полутемным».

Напомним, что сам Сталин в это время был всего лишь одним из сподвижников Ленина и по степени популярности значительно уступал как минимум трем другим деятелям — Троцкому, Зиновьеву и Каменеву. Бажанову за время работы в ЦК довелось стать свидетелем и участником восхождения своего шефа к вершинам власти. При этом никакого пиетета к своему патрону он не испытывал. Так, в мемуарах Борис Георгиевич оценивал Сталина как человека малообразованного, нерешительного, абсолютно некомпетентного и ничем, кроме интриг, не интересующегося. Причину же его успехов он видел в одном — умении возглавить и «оседлать» партийный аппарат — силу, которая так или иначе неминуемо должна была прийти к власти.

Близкое наблюдение за кремлевскими нравами привело Бажанова к удивительным выводам — вся партийная верхушка не очень-то верит в идеалы марксизма-ленинизма и, главное, абсолютно не интересуется благосостоянием рядовых граждан. Правда, ничто не мешало ему принять эти выводы и продолжить свою столь удачно складывающуюся карьеру. Но, в отличие от большевиков с дореволюционным стажем, Бажанов мог представить свою

жизнь и без партии. А «жить во лжи» ему, сравнительно молодому человеку, не хотелось.

Проблема заключалась в том, что за время работы в ЦК Бажанов узнал слишком многое. И теперь, чтобы выйти из игры, ему требовалось применить всю свою хитрость. Для начала Борис Георгиевич решил потихоньку переместиться на другую работу. Некоторое время он возглавлял финансово-экономическое бюро Наркомфина и одновременно представлял ЦК в Высшем Совете физической культуры. Именно благодаря ему советские спортсмены снова начали участвовать в международных соревнованиях.

В 1924 г. по делам Высшего совета Бажанов впервые выехал за границу — в Норвегию. Увиденное произвело на него столь сильное впечатление, что он на всю жизнь утвердился в своих антикоммунистических взглядах. Тем не менее по личным причинам стать невозвращенцем он так и не решился. Эти колебания едва не стали роковыми для Бажанова.

Чекисты, отношения с которыми у Бориса Георгиевича явно не складывались, фактически добились для него статуса «невъездного». Тогда Бажанов пустил в ход все свои связи и добился перевода на партийную работу в Среднюю Азию.

1 января 1928 г., отправившись на охоту, он нелегально перешел границу с Персией. Наши пограничники в подобных случаях вторгались на иранскую территорию и захватывали перебежчиков. Но Бажанов сдал одного из высокопоставленных чекистских агентов (министра двора Теймурташа), в благодарность за что персы переправили его к англичанам. Через Индию Борис Георгиевич уехал в Европу и обосновался в Париже.

В 1930 г. он опубликовал в газетах «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», в которых подробно описал всю кремлевскую кухню. Каждая новая глава доставлялась в Москву специальным самолетом, и, как можно предположить, это чтение не оставило Сталина равнодушным. На Бажанова дважды устраивались покушения, но в обоих случаях ему удалось избежать смерти.

После начала Советско-финляндской войны Борис Георгиевич уехал в Суоми, где занялся созданием Русской народной армии из пленных красноармейцев. Одновременно он пытался сформировать «альтернативное русское правительство», в качестве возможных руководителей которого рассматривались столь несхожие фигуры, как Троцкий и Керенский. Однако заключение мира между СССР и Финляндией поставило крест на этих замыслах.

Во время Отечественной войны немцы также пытались привлечь Бажанова к сотрудничеству, но его патриотическая позиция явно не состыковывалась с нацистскими расовыми теориями. Постепенно Борис Георгиевич отошел от политической деятельности и в дальнейшем занимался изысканиями в области науки и техники. В 1980 г. его мемуары были переизданы отдельной книгой, а еще через два года Бажанов скончался в городе, ставшем главным прибежищем всех русских эмигрантов, — Париже.

И Ганфштенгель, и Бажанов прошли путь от безоглядной веры в идеи своих патронов к полнейшему в них разочарованию. Но если Бажанов впоследствии стал ярким антикоммунистом и антисталинистом, то Ганфштенгель, по крайней мере, формально никак не нарушил верность своему фюреру.

Во всем остальном бывшие секретари оказались похожими друг на друга. Вовремя осознав суть режимов, которым они служили, и Ганфштенгель, и Бажанов смогли вовремя уйти, избежав тем самым смертельной опасности. В противном случае Пуцци скорее всего погиб бы под обломками Третьего рейха, а его советский коллега сгинул бы во время очередной сталинской «чистки». Во всяком случае именно таким образом складывались судьбы большинства других людей, знавших слишком много о берлинских и московских придворных тайнах.

ГЕББЕЛЬС И ЖДАНОВ: ВОИНСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГИ

Строительство нового общества было целью, которую поставили перед собой и большевики, и нацисты. Помимо грандиозных задач в сферах экономики и внешней политики отнюдь не в последнюю очередь внимание уделялось культурному строительству. И здесь основные акценты делались на воспитание «новой» интеллигенции, а также на идеологическом противостоянии со сторонниками либеральных ценностей. Осуществлять подобную работу в Германии довелось Йозефу Геббельсу, а в Советском Союзе — Андрею Жданову.

Геббельс

Йозеф Геббельс родился 29 октября 1897 г. в городе Рейдт (провинция Рейнланд). Глава семьи работал бухгалтером, но его жалование лишь с трудом покрывало текущие расходы. К тому же единственный сын страдал физическим недостатком — колченогостью. В общем, все было так плохо, что местное католическое общество периодически подкидывало Геббельсам средства, благодаря которым Йозеф имел возможность посещать университетские лекции.

Не будучи силачом и красавцем, юноша постарался взять реванш в интеллектуальной сфере. Еще не достигнув двадцатипятилетнего возраста, он получил степень доктора философии, защитив диссертацию «Вильгельм фон Шютц как драматург. К вопросу об истории драмы романтической школы».

Однако прокормиться научной работой было нереально, и Йозеф устроился биржевым служащим в кельнское

отделение «Дрезден-банка». Впрочем, подобный вид деятельности явно не удовлетворял его духовным потребностям, и параллельно с основной работой он писал роман «Михаэль», в котором оплакивал трагические судьбы Германии.

Закончив свое творение, Геббельс вдруг осознал, что в озабоченной текущими проблемами Германии добротная, но лишенная печати гениальности книга пройдет почти незамеченной. И тогда он решил податьсь в публичную политику.

В 1924 г. Йозеф стал членом НСДАП. Бурлящую в нем творческую энергию он выплескивал на страницах партийной печати, причем главными его мишенями оказывались даже не коммунисты, а руководство собственной партии во главе с Гитлером. В 20-е годы еще не был решен вопрос о том, является ли национал-социалистическое движение в большей степени «националистическим» или «социалистическим». Геббельс поначалу тянулся к «социалистам» во главе с Г. Штрассером, но в 1925 г. состоялось его судьбоносное знакомство с Гитлером, о котором до этого он судил только заочно.

Совместного ужина в ресторане хватило для того, чтобы Йозеф радикально переменял свои политические пристрастия. С тех пор его бойкое перо и хорошо подвешенный язык служили только одному хозяину — фюреру.

Из всех тех, кто в разное время окружал Гитлера, Геббельс, бесспорно, был самым преданным. И Гитлер очень ценил эту преданность, медленно, но неуклонно продвигая его на первые роли в партийной иерархии.

В 1925–1926 гг. Йозеф всего лишь вошел в коллективное руководство отнюдь не самого важного гау (областные партийные организации) — Рейнланда. Пост гауляйтера Рура он уже разделял не с одним, а с тремя компаньонами. А вот, став в 1926 г. главой самого важного гау — Берлина, вплоть до своей гибели Геббельс оставался единственным руководителем столичных нацистов.

К моменту его вступления в должность берлинская организация НСДАП состояла всего из тысячи человек и к тому

же почти целиком поддерживала Г. Штрассера. Йозеф энергично взялся за дело, сразу же исключив почти половину ее членов. Потеря бойцов была компенсирована за счет новых сторонников. Одновременно начались уличные стычки с коммунистами, причем в большинстве случаев победа оставалась за более многочисленными штурмовиками.

Одним из постоянных участников этих стычек был Хорст Вессель — ярый нацист, совмещавший политическую деятельность с сутенерством. Однажды в промежутке между своими подвигами он написал стихи на мотив старинной морской песни, но с принципиально новым содержанием:

Сомкнем шеренги мы под знаменем великим.
СА уверенно чеканит твердый шаг.
И если был ты коммунистами убитый,
То рядом с нами ты становишься под стяг...

Не поделив проститутку с другим сутенером (неким Хелером), Хорст Вессель пал от его руки в честной драке. Затем выяснилось, что убийца был коммунистом, и тогда Геббельс взялся за реализацию своего первого крупного PR-проекта «Хорст Вессель». Сутенер, драчун и жулик превратился в поэта и патриота, павшего за идею. Сочиненный им стихотворный опус стал официальным партийным гимном, а про его автора начали писать книги и снимать фильмы.

Успех вдохновил доктора Геббельса. Если Весселя он вознес на котурны, то начальника криминальной полиции Берлина еврея Вайсса при помощи подконтрольной нацистам прессы буквально смешал с грязью. Затем было еще одно воспевание павшего в драке героя (гитлерюгендовца Герберта Норкуса), и еще одно смешивание с грязью. Впрочем, в последнем случае речь шла не о человеке, а об американском кинофильме «На Западном фронте без перемен» (по одноименному роману Э. М. Ремарка), который усилиями нацистов был снят с проката как «наносящий ущерб репутации государства».

В общем достижения Геббельса по части обработки общественного мнения оказались настолько впечатляющими, что после прихода к власти Гитлер назначил его министром народного просвещения и пропаганды. На городских площадях тут же запылали костры из книг, а наиболее известные представители германской культуры начали паковать чемоданы.

Кинематографисты, музыканты, художники, писатели, журналисты, актеры театров и работники радио — все были взяты на учет и распределены по так называемым палатам, которые, в свою очередь, были объединены в одну большую Имперскую палату культуры. Руководителем этого органа стал все тот же Йозеф Геббельс.

Как ни парадоксально, будучи вполне образованным и неглупым человеком, он всерьез уверовал в расовую теорию, сделав ее одним из коньков своей пропаганды. И здесь господин министр служил объектом для иронических выпадов, поскольку со своей subtilной фигуркой, темными волосами и колченогостью он сам очень мало подходил под традиционное представление об «истинных арийцах».

Другое дело, что малопрезентабельная внешность отнюдь не мешала ему пользоваться популярностью у прекрасного пола. Роман Геббельса с известной актрисой, и к тому же славянкой Лидией Бааровой, едва не закончился для него разводом со своей законной супругой Магдой. Тогда в дело вмешался сам Гитлер, и семейная гармония была восстановлена. Здесь следует отметить, что госпожа Геббельс являлась фигурой довольно заметной, поскольку, за отсутствием у фюрера законной супруги, на официальных приемах именно она, как правило, выполняла функции первой леди. Ее внешность соответствовала представлениям об идеальной германской женщине — высокая, стройная, светловолосая, и к тому же плодовитая. Во всяком случае, за пятнадцать лет совместной жизни она подарила мужу шестерых отпрысков — Хельгу, Хильду, Гельмута, Хольду, Гедду и Хейде.

Любопытно, что имена каждого из них начинались с латинской буквы «Н» — первой буквы фамилии Гитлер.

Подобная преданность (даже в деталях) фюреру очень импонировала, однако с конца 1930-х гг. Геббельсу постоянно приходилось бороться за место под солнцем. Дитрих и Аман фактически оттеснили его от руководства печатью, а Геринг и Розенберг периодически влезали в сферу культуры. И лишь в области пропаганды господин министр не знал равных.

«Зажечь» публику он умел почти так же, как фюрер. Однако еще более полезным оказалось его умение вести словесные дуэли с зарубежными оппонентами. К тому же он умел запускать ложные слухи, устраивать шумные пропагандистские кампании, ломать копыя на пустом месте и одновременно отвлекать внимание от действительно знаковых событий.

Во всем блеске эти его способности проявились во время кампании по дезинформации, призванной отвлечь внимание Сталина от готовящегося на СССР нападения. В разгар этой работы в своем дневнике от 1 мая 1941 г. Геббельс отметил: «Дикие слухи вокруг России. Постепенно наши замыслы раскрываются. Но уже столько было наврано, что уже и сам не различаешь, где правда, а где — надувательство. Но, в общем-то, это и к лучшему». А после объявления войны господин министр уже позволил себе позлорадствовать: «Вчера выступил Молотов: дикая ругань и призыв к патриотизму, слезливые жалобы, а за всем этим проглядывает страх. “Мы победим”, — говорит он. Бедняга!» В последующие месяцы Геббельсу пришлось переменить свое мнение...

Министр пропаганды остро переживал неудачи на фронтах, прекрасно понимая, что его судьба тесно связана с судьбой Рейха и фюрера. А Гитлер, как назло, заводил себе новых приближенных и все более отстранял старого соратника. Но все изменилось 20 июля 1944 г., когда именно благодаря твердости и энергии Геббельса была сорвана попытка антигитлеровского переворота.

С этого момента он был уже не просто самым преданным, но и самым доверенным соратником фюрера. Именно с ним Гитлер делился наиболее сокровенными замыс-

лами и надеждами, причем ни разу Геббельс не пытался указывать на их неисполнимость или эфемерность. Более того, он искренне проникался всеми идеями фюрера, хотя время от времени предлагал и собственные проекты. Одним из таких проектов была, например, идея создания Русской освободительной армии во главе с Власовым. Как писал Геббельс: «Беседа с генералом Власовым подействовала на меня весьма ободряюще. Я узнал, что Советскому Союзу пришлось пройти через точно такие же кризисы, какие предстоит преодолеть нам, и что из этих кризисов есть выход, если полны решимости не сгибаться. Затем мы совместно обсуждали методику нашей пропаганды против большевизма. Власов подчеркивает — и, по-моему, справедливо, — что большевизм ведет весьма ловкую и опасную пропаганду. Пропаганда — вообще самая сильная сторона его политического воздействия. Вот чем объясняется то, что германская пропаганда подвергается большевистским режимом наиболее яростным атакам. Я, по его словам, единственный после фюрера, против кого большевистская общественность направляет самую острую и зашательскую критику».

Но пропаганда пропагандой, однако наибольшие надежды Гитлер и Геббельс возлагали на ссору между СССР и западными союзниками. В начале марта 1945 г., получив непроверенную информацию о том, что Сталин хочет заключить сепаратный мир с Германией, двое друзей начали строить воздушные замки. И вновь обратимся к дневникам доктора Геббельса: «Конечно, этот сепаратный мир не приведет к осуществлению наших целей 1941 г., но фюрер все же надеется прийти при этом к разделу Польши, поставить Венгрию и Хорватию под верховную власть Германии и получить оперативную свободу против Запада. Покончить с войной на Востоке и получить возможность для операций на Западе — какая великолепная идея! Это, разумеется, та цель, ради которой стоит потрудиться до седьмого пота!»

Советские войска избавили автора от необходимости трудиться до седьмого пота. Являясь имперским комис-

саром обороны Берлина, Геббельс так и не сумел защитить столицу Германии от «нашествия большевистских варваров». Однако это никак не повлияло на степень доверия фюрера, который перед смертью назначил его своим преемником на посту канцлера. На этом посту он пробыл менее одних суток (30 апреля 1945 г.).

Известно, что в этот день двое советских офицеров позвонили напрямую в рейхсканцелярию, но, попав на самого Геббельса, настолько растерялись, что даже не сообразили обложить его по матери. И еще известно, что в этот же день, во время короткого перемирия, в рейхсканцелярии побывал советский офицер-связист, которому лично довелось посмотреть на еще живого Геббельса. А Геббельс, в свою очередь, получил возможность посмотреть на советского офицера и окончательно убедиться, что все кончено...

Спустя несколько часов супруги Геббельс покончили жизнь самоубийством. Перед этим Магда ввела смертельные инъекции всем своим шестерым детям.

Жданов

Андрей Александрович Жданов родился 26 февраля 1896 г. в Мариуполе в семье интеллигента-разночинца. Окончив Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, он поступил в Московский коммерческий институт, однако начавшаяся Первая мировая война не позволила ему завершить учебу. Двадцатилетний студент был зачислен в Тифлисскую школу прапорщиков, а по ее окончании отправился в 139-й запасной пехотный полк, квартировавший в уральском городе Шадринске.

Где-то между Февральской и Октябрьской революциями Жданов примкнул к большевикам и даже возглавил уездную «комячейку». Однако «скрестить сабли» с белыми ему не пришлось, так как всю Гражданскую войну Андрей Александрович занимался партийной работой в глубоком тылу — в Тверской губернии.

В 1924–1925 гг. Жданов пошел на повышение, став секретарем Нижегородского губкома и кандидатом в члены

ЦК ВКП(б). Именно в период его руководства произошло переименование Нижнего Новгорода в Горький, что послужило хорошим поводом для знакомства с великим пролетарским писателем. Чуть позже (в 1929 г.) произошло и еще одно знакомство; на сей раз с самим «отцом народов» товарищем Сталиным. Жданов произвел на генсека хорошее впечатление, дав достаточно точную и в то же время оптимистичную оценку перспектив колхозного строительства. По возвращении в Горький Андрей Александрович тут же выступил на очередной партийной конференции, уделив особое внимание «мудрым указаниям товарища Сталина».

Летом 1934 г. Жданов занял должность секретаря ЦК партии, а 1 декабря того же года всю страну облетела весть об убийстве первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова. Специальным литерным экспрессом в город на Неве отправилось едва ли не все высшее руководство, причем, если не считать самого генсека, наибольшее внимание привлекал новый хозяин Смольного — Жданов...

Убийство Кирова (совершенное, по всей видимости, на бытовой почве) послужило Сталину хорошим поводом для расправы над остатками партийной оппозиции. Под расстрел и в лагеря отправились сначала тысячи, а затем и десятки тысяч людей, вошедших в неофициальную историю под именем «кировского потока». Достаточно отметить, что в Ленинграде в период с 1934 по 1938 гг. количество коммунистов уменьшилось с 300 до 120 тысяч.

Стремясь усидеть в кресле первого секретаря обкома, Жданов не препятствовал массовому террору, но, по возможности, пытался держаться от него на расстоянии. В отличие от других «региональных» партийных лидеров, он даже устранился от участия в работе «тройки» (подписывавшей списки на расстрел), переложив эту тягостную обязанность на второго секретаря обкома П. К. Смородина. Мера эта оказалась отнюдь не лишней, поскольку в 1938 г., когда Сталин решил избавиться от виновников «перегибов», и Смородин, и двое других членов «трой-

ки» (начальник Ленинградского НКВД Л. М. Заковский и прокурор П. Б. Позерн) также были осуждены как «враги народа». Карьера же Жданова, наоборот, продолжала двигаться по восходящей.

Список занимаемых им ответственных должностей постоянно рос — член Военного совета Ленинградского военного округа (1935), член Главного Военного совета ВМФ и заведующий Агитпропом или Управлением агитации и пропаганды ЦК (1938), член Политбюро и председатель Особой Комиссии внешних сношений при Верховном Совете СССР (1939).

Следует отметить, что среди представителей сталинской гвардии Жданов был единственным, кто умел играть на рояле. Вероятно, именно поэтому Андрей Александрович взял на себя роль не только главного идеолога, но и главного культуролога. Его суждения о высоких материях частенько смущали большевистским догматизмом, однако высказанные Ждановым формулировки отличались афористичностью и накрепко оседали в памяти представителей советской интеллигенции.

Примером здесь могут служить и печально известная разгромная статья в адрес Шостаковича («Сумбур вместо музыки»), и послевоенная кампания против «формализма» в искусстве. Однако «работу с интеллигенцией» Жданов все-таки не считал приоритетным направлением своей деятельности. В конце 1930-х годов гораздо больше его интересовали проблемы внешней политики.

Так, финны до сих пор считают его одним из главных инициаторов Зимней войны, благодаря которой северо-западная граница отодвинулась от Ленинграда в среднем с 30 до 150 км...

В июне 1940 г. Жданов контролировал «демократические» выборы в Эстонии, закончившиеся абсолютной победой коммунистов и вхождением этой страны в «братскую семью советских народов». Теперь граница отодвинулась от Ленинграда и на западе...

Сообщение о начале германской агрессии застало Жданова на отдыхе в Сочи. 27 июня 1941 г. Андрей Александрович

рович спешно вернулся в Ленинград и сразу же приступил к работе по организации обороны города. Одновременно для руководства войсками, противостоящими немецкой группе армий «Север», было создано так называемое Северо-Западное направление во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым.

Последующие неудачи Ворошилова как командующего рикошетом ударили и по Жданову как члену Военного совета. После того как фашисты перерезали железную дорогу Ленинград–Москва, и того и другого Сталин стал именовать не иначе, как «специалистами по отступлениям».

28 августа в Ленинград прибыла специальная комиссия во главе со старым соперником Жданова — Г. М. Маленковым. Впоследствии он рассказывал, что застал Андрея Александровича пьяным, опустившимся и перепуганным. Суровым окриком Маленков заставил его прийти в чувство и приступить к выполнению своих обязанностей. Рассказ Маленкова вызывает сомнения, однако причины для паники у Жданова, несомненно, имелись: ведь 8 сентября после захвата противником Шлиссельбурга началась блокада...

И все-таки, несмотря на военные неудачи, Сталин дал ему шанс на реабилитацию, которым он успешно воспользовался. Как писал английский историк Г. Солсбери: «До этих критических дней город и его население чуждались энергичного, выдержанного человека, поглощенного своими целями, честолюбивыми замыслами. А теперь он все больше становился для оторванных от мира ленинградцев символом их отчаянной битвы. Неделю за неделей, месяц за месяцем образ Жданова переходил из одного района в другой, из кабинета в кабинет, с улицы на улицу. Это достигло такого размаха, стало настолько повсеместным, что года через два люди, приезжавшие в Ленинград, не верили своим глазам. Почти не было видно портретов Сталина, разве что в некоторых официальных учреждениях, да и то не всегда. И повсюду со стен глядел Жданов... Он делил с этим городом его испытания, его отчаяние. И поэтому стал для него своим...»

Тяготы блокады почти не отразились на упитанной фигуре Андрея Александровича. Это обстоятельство дало повод для слухов о том, будто специальными авиарейсами из Москвы ему доставлялись роскошные деликатесы, а для сбрасывания веса он по ночам совершал лыжные пробежки вокруг Смольного. На самом деле с достаточной долей уверенности можно предположить: от голода Жданов не страдал, но и гастрономическим излишествам не предавался.

Разговоры о пиршествах в Смольном хотя так и не получили широкого распространения, а большинство мемуаристов высказывают суждения, суть которых сводится к тому, что «война Жданова очистила... Она внесла какие-то коррективы в его личное душевное состояние... Он стал гораздо осмотрительнее в расправах».

После снятия блокады популярность Жданова достигла апогея. Андрей Александрович стал одним из немногих партийных руководителей, удостоенных воинского звания генерал-полковника. Ему же Сталин доверил руководство Союзной контрольной комиссией, наблюдавшей за тем, как Финляндия соблюдает условия перемирия.

Вернувшись на партийную работу в Москву, Андрей Александрович не забыл о своих ленинградских соратниках. В марте 1946 г. должность секретаря ЦК, отвечающего за кадровую работу в партии, занял его бывший заместитель А. А. Кузнецов, а пост председателя Совета министров РСФСР — М. И. Родионов. Чуть позже сын Жданова, Юрий, возглавил отдел науки Агитпропа. Наряду с председателем Совета министров СССР Н. А. Вознесенским и новым первым секретарем Ленинградского обкома и горкома П. С. Попковым они образовали своеобразную ленинградскую команду, протезируемую Андреем Александровичем.

Растущее могущество «ленинградцев» всерьез обеспокоило старых фаворитов Сталина — Г. М. Маленкова и Л. П. Берию. Фактически в партийной верхушке образовались две противостоящие группы, начавшие борьбу за влияние на генсека. Поначалу преимущество было на

стороне «ленинградцев», однако уже летом-осенью 1946 г. в ходе аппаратной борьбы Жданов допустил ошибку, существенно ослабившую его позиции.

Решив очередной раз блеснуть на поприще идеологических кампаний, Андрей Александрович поднял вопрос о «литературных хулиганствах» А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко. В ходе специального заседания Оргбюро ЦК стараниями Маленкова всплыл неприятный для Жданова факт: выяснилось, что без согласования с Москвой специальным постановлением Ленинградского горкома от 26 июня 1946 г. Ахматова и Зощенко были включены в состав редколлегии журнала «Звезда». Как следствие, Жданову пришлось отправиться на берега Невы и разъяснить там специальное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», содержащее оргвыводы в адрес его бывших подчиненных...

Решив взять реванш на внешнеполитическом фронте, Андрей Александрович взялся курировать работу братских компартий. С этой целью взамен распущенного (в 1943 г.) Коминтерна была создана новая международная коммунистическая организация — Коминформ. На первом учредительном совещании Коминформа, состоявшемся в сентябре 1947 г. в польском городке Шклярске Порембе, Жданов выступил с критикой в адрес проявивших излишнюю самостоятельность компартий Франции и Италии. Не желая ссориться со «старшим братом», французы и итальянцы предпочли покаяться и признать ошибки.

Однако стремление Андрея Александровича навязать свою волю не всегда давало нужные результаты. В 1948 г. жесткая позиция Сталина и Жданова натолкнулась на сопротивление И. Б. Тито и привела к ссоре с Югославией.

Вообще послевоенные взгляды Андрея Александровича характеризовались не всегда обоснованным чувством превосходства по отношению к другим странам и искренним преклонением перед Россией.

В конце концов «большевистский патриотизм» Жданова и его «ленинградцев» привел их к мыслям о предостав-

лении большей самостоятельности партийным органам РСФСР и децентрализации хозяйственных структур в различных регионах России. В одной из бесед с Хрущевым Андрей Александрович доверительно заметил: «Знаете, Российская Федерация... такая несчастная, в каком она положении!.. Надо создать Российское бюро ЦК ВКП (б)».

Подобные «сепаратистские» взгляды вкупе с отдельными неосторожными высказываниями (вроде «я и товарищ Сталин решили...»), видимо, и подорвали доверие вождя к своему ближайшему сподвижнику.

Поводом для вероятной опалы стал доклад, сделанный Юрием Ждановым в апреле 1948 г. в Политехническом музее и содержащий резкую критику господствующей в советской биологии антинаучной «школы» академика Т. Д. Лысенко. Доклад этот вызвал гнев Сталина. На специальном заседании Политбюро генсек со «зловещей нотой в голосе» объявил, что надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова (поскольку он еще молодой и неопытный), а «отцов». При этом Сталин указал мундштуком трубки на Андрея Александровича.

Жданов-младший действительно не был наказан и в 1949 г. даже породнился со Сталиным, женившись на его дочери Светлане. Что касается Жданова-старшего, то, согласно «заключения врачей», 10 июля его отправили в двухмесячный отпуск. Здоровье Андрея Александровича действительно оставляло желать лучшего, поскольку всего несколько месяцев назад он перенес очередной инфаркт миокарда. Однако на основании медицинских документов современные врачи пришли к выводу, что лечение, которое получал Жданов в санатории на Валдае, «нельзя назвать даже “халтурным” — так со своим пациентом не обходится даже начинающий терапевт».

Вряд ли когда-нибудь удастся точно установить, было ли это обычной халатностью или же при помощи медиков Сталин пытался без шума ликвидировать излишне самостоятельного соратника. Как бы то ни было, подобное «лечение» принесло свои результаты. 23 июля 1948 г. Андрей Александрович Жданов скончался от приступа

острой сердечной недостаточности. Тело его было захоронено в Москве на Красной площади.

Умелая пропаганда — одно из самых сильных оружий тоталитарных режимов. И не случайно, когда военная ситуация в странах, где он существовал, становилась совсем аховой, именно Жданову и Геббельсу было поручено руководить обороной «последних твердынь» — Ленинграда и Берлина. Вообще, фигуры двух этих деятелей можно сравнивать до бесконечности, указывая и на их внешнюю непохожесть, и на степень их приближенности к «хозяину». Мы же ограничимся упоминанием лишь об одной детали. Геббельс покончил с собой, приняв ампулу с цианистым калием, а Жданов, согласно одной из версий, был отравлен. Возможно, в этом кроется некая символика, поскольку ту или иную идеологию частенько тоже сравнивают с ядом.

РОЗЕНБЕРГ И ЯРОСЛАВСКИЙ: АПОСТОЛЫ НОВОЙ ВЕРЫ

И большевики, и нацисты, придя к власти, нанесли мощный удар по самому институту церкви. Взамен традиционной религии народам пытались дать новые идеалы, новые символы веры. Но, поскольку верховные вожди (Сталин и Гитлер) были слишком поглощены практической деятельностью, подобной работой в каждой из стран занялись политики из «второго эшелона» — полуфилософы, полуагитаторы типа Альфреда Розенберга и Емельяна Ярославского.

Розенберг

Альфред Розенберг родился на территории Российской империи 12 января 1893 г. в городе Ревель (Таллин) в семье немца и эстонки. Отец его — башмачник по профессии — старательно берег трудовую копейку для того, чтобы дать сыну приличное образование.

В 17 лет Альфред поступил в высшую техническую школу в Риге. В 1915 г., в разгар Первой мировой войны, школу эвакуировали в Москву, так что продолжать занятия юноше пришлось в Первопрестольной. Учился Розенберг великолепно и в 1917 г. благополучно получил диплом архитектора.

Октябрьскую революцию наш герой встретил одобрительно. Большевистские идеи целиком захватили Альфреда, чему в немалой степени способствовал и один из его тогдашних знакомых — Вячеслав Молотов.

Весной 1918 г., по условиям Брестского мира, уроженцы отошедших к Германии территорий (в том числе и Прибалтики) должны были вернуться на родину. Розенберг вновь оказался в Эстонии и попытался вступить в соз-

данный из местных немцев Добровольческий корпус. К его удивлению, командование ответило отказом, так как считало Альфреда русским. Обидевшись, он уехал в Германию, где попытался найти работу по специальности.

В послевоенной, охваченной революционными бурями Германии, сделать это было не очень-то просто. Розенбергу поневоле пришлось заинтересоваться политикой, и вскоре в одном из кабачков Мюнхена состоялось знакомство, определившее все его дальнейшее будущее.

Модный поэт и журналист Дитрих Эккарт ввел Альфреда в религиозно-мистическое общество «Туле». Под влиянием старшего товарища «без пяти минут большевик» уверовал в существование Шамбалы и вообразил себя одним из хранителей тайных эзотерических знаний. В 1920 г. учитель и ученик вступили в Германскую рабочую (с 1923 г. — Национал-социалистическую рабочую) партию, в рядах которой и продолжили свои духовные поиски.

Постепенно мистицизм Розенберга был разбавлен антисемитскими идеями: евреи рассматривались в качестве силы, стремящейся «нарушить мировой исторический порядок», а бедствия, постигнувшие Европу в начале XX века, считались результатом всемирного иудейского заговора.

Собственно говоря, автором всего этого «коктейля» был именно Эккарт, но после его смерти в 1923 г. (то ли от инфаркта, то ли от белой горячки) роль главного идеолога нацизма перешла к Розенбергу. Что же касается Гитлера, то он поначалу всего лишь с выражением пересказывал подобные взгляды, облекая их в максимально доступную для широких масс форму.

24 февраля 1920 г. в пивной «Хофбройхаус» фюрер зачитал так называемые «Двадцать пять пунктов», ставшие со временем официальной программой нацистской партии. Как минимум, два из этих двадцати пяти пунктов несли на себе явный отпечаток тезисов, провозглашаемых Розенбергом. В пункте 4-м указывалось, что «гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к германской

нации, в чьих жилах течет немецкая кровь, независимо от религиозной принадлежности. Ни один еврей не может быть отнесен к германской нации и являться гражданином Германии». В пункте 24-м делалась попытка увязать традиционные религии с нацистскими расовыми теориями: «Мы требуем свободы всем религиозным вероисповеданиям в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против морали и чувств германской расы. Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями с какой-либо конфессией. Она борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас и убеждена, что германская нация может достигнуть постоянного оздоровления внутри себя только на принципах приоритета общих интересов над частными».

Время от времени Альфред и сам выступал на митингах, причем, по отзывам современников, «в его речах сразу чувствовался мыслитель, высказывающий оригинальные идеи в доступной форме». Тем не менее, не обладая ярким ораторским дарованием, предпочтение он все-таки отдавал печатному слову. С 1920 г. Розенберг редактировал газету «Фелькише беобахтер» и одновременно издавал собственные пропагандистские работы («След евреев в изменениях времени», «Низкая мораль в Талмуде», «Природа, основные принципы и цели НСДАП»).

В 1923 г. «лучший публицист партии» участвовал в «пивном путче», после разгрома которого скрылся от полиции. Находясь в подполье, Розенберг объединил всех уцелевших в Великогерманское рабочее сообщество, и можно сказать, что в то время, когда другие партийные вожди сидели в тюрьме или попросту затаились, он оказался единственным из активно действующих нацистских лидеров.

Но затем правительство вновь разрешило деятельность НСДАП, Гитлер вышел из тюрьмы, а его книга «Моя борьба» разошлась по стране огромными тиражами. И хотя большинство идей автор позаимствовал у того же Розенберга, именно Гитлер превратился теперь не только в верховного вождя, но и в главного теоретика партии.

Правда, работе фюрера явно не хватало наукоподобия и эрудиции. И тогда Розенберг выпустил еще один свойopus «Миф XX столетия» (1930). Наряду с «Моей борьбой» эта книга стала еще одной библией нацизма, что, конечно же, задело Гитлера. Впоследствии, уже став канцлером, он, по свидетельству Шпеера, «без обиняков говорил, что это малопонятный бред, написанный самоуверенным прибалтом, который крайне путано мыслит».

Соперничество двух авторов, каждый из которых мнил себя гениальным писателем, философом, архитектором и вообще — художественной натурой, имело дальнейшие последствия. После прихода нацистов к власти Розенберг оказался отодвинутым на вторые роли. В качестве председателя Боевого союза за германскую культуру он попытался возглавить культурное строительство, но в этой сфере кроме него уже хозяйничали Геббельс и Геринг. Столь же неудачными оказались попытки Розенберга заняться иностранными делами (на которых прочно сидел Риббентроп) или вопросами Трудового фронта (вотчина Лея). В конце концов ему досталось руководство «вопросами морально-философского образования НСДАП», благодаря чему Геббельс наградил его прозвищем «рейхсфилософа».

В конце 1930-х, видимо, озаботившись моральным здоровьем партии, Розенберг предпринял масштабную идеологическую кампанию против церкви, в результате которой в концлагеря отправались тысячи священников. Идеалы христианства были объявлены «устаревшими и не соответствующими духу германской нации». При этом Розенберг предупреждал, что «культура всегда приходит в упадок, когда гуманистические идеалы... препятствуют праву господствующей расы управлять теми, кого она поработила». Читая подобные откровения, становится понятно, каким образом бывший «русский немец» превратился в ненавистника славян и ярого сторонника идеи расширения «жизненного пространства»... Видимо, учитывая хорошее знание Розенбергом русской специфики, Гитлер в июле 1941 г. назначил его руководителем Имперского

министерства по делам оккупированных восточных территорий. Новый министр пытался разрушить Советский Союз, активно разыгрывая национальную карту. Так, например, он рассчитывал окончательно германизировать Прибалтику и включить ее в состав Третьего Рейха. Украине, по его мнению, могла быть предоставлена ограниченная автономия. Народы Кавказа и Средней Азии также рассматривались в качестве возможных союзников.

Чтобы поставить свою деятельность на научную основу, Розенберг создал штаб собственного имени, сотрудники которого, пользуясь специальным разрешением фюрера, весьма энергично грабили культурные ценности.

В административном отношении все оккупированные территории разделили на два рейхскомиссариата — «Остланд» (включавший Прибалтику и большую часть Белоруссии, с административным центром в Риге) и «Украина» (восточная и центральная Украина и оставшаяся часть Белоруссии, с центром в Ровно). Кроме того, началось создание рейхскомиссариатов «Кавказ» (предполагалось включить территории Кавказа и Закавказья), «Москва» (для Центральной России) и «Туркестан» (для Средней Азии). Но в результате побед Красной Армии в 1944 г. не только три запланированных, но и два уже существовавших рейхскомиссариата свернули свою деятельность, а само министерство Розенберга было распущено за ненадобностью.

Потеряв министерское кресло, Розенберг тем не менее сохранил высокую партийную должность рейхслейтера и именно в этом качестве присутствовал на многих важнейших совещаниях. Впрочем, высказываемые им суждения не всегда шли на пользу нацистскому делу. Так, заикнувшись на антисемитизме и поддакивая Гитлеру, он объявил ядерную физику «еврейской физикой» со всеми вытекающими отсюда оргвыводами. Стоит ли после этого удивляться, что Германия так и не получила атомную бомбу?

После смерти Гитлера Розенберг оказался самым высокопоставленным из действующих партийных лидеров. Одно время он собирался от своего имени издать указ о

ропуске НСДАП, но в конце концов махнул на все рукой. Однажды вдребезги пьяный он заявился в резиденцию нового правительства Германии в Мюрвике, где впоследствии и был арестован союзниками.

Вместе с другими высокопоставленными преступниками рейхслейтер предстал перед Нюрнбергским трибуналом и последовательно отстаивал свои взгляды. Любопытно, что почти все подсудимые, предчувствуя смертный приговор, превратились в верующих и начали регулярно посещать часовню. Исключение составили лишь трое — Розенберг, Гесс и Штрейхер.

Впрочем, учитывая все прегрешения бывшего министра по делам оккупированных восточных территорий, помочь ему не смог бы ни Бог, ни дьявол. Розенберга действительно приговорили к смерти, и 16 октября 1946 г. он был повешен вместе с другими нацистскими преступниками.

Ярославский

Миней Израилевич Губельман родился 19 февраля 1878 г. в Чите в семье мещанина, сосланного в Сибирь за антиправительственную деятельность. Окончив городское училище, мальчик уже в 9 лет начал работать, чтобы помочь родителям хоть как-то свести концы с концами. К 20 годам Миней успел побывать переплетчиком, учеником аптекаря, мальчиком на побегушках в купеческой лавке. Впрочем, напряженная трудовая жизнь не мешала ему заниматься самообразованием и даже познакомиться с марксистской литературой.

В 1901 г., демобилизовавшись из армии, Губельман уехал в Европу, где надеялся продолжить учебу. Однако денег на университет не хватало, и тогда молодой человек нашел для себя новое поле деятельности. Познакомившись с политическими эмигрантами, он вступил в РСДРП и примкнул к сторонникам ленинского крыла — так называемым «твердым искровцам».

На партийные деньги Миней вернулся в Россию, где занялся пропагандистской работой. В годы первой рус-

ской революции 1905–1907 гг. он входил в состав Петербургского и Московского комитетов РСДРП, занимался агитацией в Твери, Нижнем Новгороде, Одессе, Киеве. Но больше всего Губельман гордился организованной им стачкой текстильщиков в Ярославле. В память об этом событии пламенный большевик взял себе псевдоним — Ярославский, а заодно поменял себе и имя с отчеством, превратившись в Емельяна Михайловича.

Знаменитая стачка стоила Губельману-Ярославскому пяти лет тюрьмы и двух лет каторги. В якутском поселке Горном Зерентуе ему пришлось вспомнить все свои трудовые навыки и устроиться в мастерскую художественной мебели.

После Февральской революции бывший ссыльнопоселенец был избран председателем Якутского Совета, однако оставаться в сибирской глуши он, конечно же, не собирался. Летом 1917 г. Емельян Михайлович прибыл в Первопрестольную и вошел в состав большевистской Военной организации.

Во время Октябрьского переворота Ярославский руководил отрядами, бившимися с юнкерами, а после захвата власти стал первым комендантом Кремля и комиссаром Московского военного округа. Но его военная карьера дала сбой, после того как Емельян Михайлович вместе с другими «левыми коммунистами» выступил против заключения Брестского мира.

Ярославского вернули на пропагандистскую работу. Здесь он нашел себя на такой специфической ниве, как борьба с русской православной церковью. Написанные им антирелигиозные статьи заполнили страницы советской печати, вызывая сильное возмущение со стороны верующих. Один из читателей, некий Петров, прислал в «Правду» безграмотное, но искреннее письмо, в котором он писал: «Ярославский он поносит нашу православную веру он хочет чтобы возмутить весь народ он хочет чтобы растащили все церковное и думает из церкви устроить театр он будет трижды АНАФИМА».

Как своеобразное Божье предупреждение в адрес Ярославского можно расценить устроенный анархистами взрыв

в Леонтьевском переулке (25 сентября 1919 г.), после которого он остался в живых буквально чудом. Тем не менее поведение Емельяна Михайловича не изменилось, а тон его статей и выступлений приобрел, пожалуй, даже еще большую агрессивность. Подобная большевистская непримиримость вернула ему расположение Ленина, и в 1919 г. Ярославский стал кандидатом в члены ЦК партии. Через два года он уже был секретарем ЦК, заняв должность, которая в преддверии начинавшейся борьбы за власть имела поистине ключевое значение.

Однако Сталин, метивший стать преемником Ленина, считал Емельяна Михайловича человеком неуправляемым и поспешил провести на его место Молотова. Ярославскому пришлось отправиться на работу в Сибирь, причем перед отъездом он ввалился в кабинет к своему преемнику, закатив ему настоящую истерику.

То, что делать этого не стоило, Емельян Михайлович понял несколько позже. Вернувшись в 1923 г. в Москву, ветеран партии надолго застрял на малозначительной должности секретаря ЦКК (Центральной контрольной комиссии). Постепенно Ярославский постарался своим рвением искупить свою вину перед Сталиным и Молотовым.

Все свои дарования он пустил на борьбу с троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами. Иногда этот оратор использовал и нетрадиционное оружие. Так, на одном из заседаний Емельян Михайлович запустил в Троцкого одним из томов первого пятилетнего плана, в ответ на что Троцкий заметил: «Ну, если вы не можете убедить людей этой книгой, вы можете прихлопнуть их ею!»

И все же, несмотря на подобное верноподданничество, Сталин именовал Ярославского «спортсменом от самокритики, обладающим счастливой способностью — не видеть ничего дальше своего носа». На самом деле проблема заключалась в том, что Емельян Михайлович не очень удачно улавливал всевозможные подводные течения. В 1929 г. он, например, опубликовал в «Правде» материалы о «разложении и зажиме критики» в Ленинградской парторганизации, ударив тем самым по тогдашнему

хозяину Смольного и одному из главных сподвижников Сталина — Кирову.

Тем не менее желание Емельяна Михайловича быть полезным «отец народов», видимо, расценивал одобрительно. И хотя к выработке конкретных политических решений Ярославского не допускали, именно ему зачастую приходилось доносить мнение Сталина до самых широких масс советского населения.

Не имея сколько-нибудь серьезного образования, наш герой развил бурную научную и литературную деятельность. Долгое время он являлся главным редактором журналов «Историк-марксист» и «Исторический журнал», членом редколлегии журнала «Большевик» и газеты «Правда». Чтобы обогатить историческую науку, Емельян Михайлович собирался написать биографию Сталина, но вождь посоветовал ему этого не делать: «Не пришло еще время для биографий». Ярославский, впрочем, не угомонился и в своих указаниях подчиненным подчеркивал, что необходимо «во всех учебниках дать больше о Сталине, о его роли в строительстве партии, в руководстве ею, в разработке ее идеологии, ее организации, ее тактики. Вы знаете, что я над этим работаю, и буду работать, чтобы дать книгу о тов. Сталине. Это крайне необходимо для всех компартий. Учебники по истории партии надо, по возможности, насытить материалом о тов. Сталине не только в период после смерти В. И. Ленина. В особенности же надо показать роль тов. Сталина после смерти В. И. Ленина, — то, что он поднял учение Ленина на новую ступень».

«Вклад» Ярославского в науку не ограничивался одними только историческими изысканиями. В своей работе «Половой вопрос», написанной совместно с Н. Семашко и А. Сольцем, Емельян Михайлович призвал читателей беречь сексуальную энергию для строительства коммунизма. Подобные взгляды, впрочем, не помешали ему обзавестись двумя детьми — дочерью Мариной (которая была замужем сначала за оператором Р. Карменом, а затем — за наркомом А. Розенгольцем) и сыном Владимиром.

Однако подлинным коньком Ярославского стала именно борьба с религией. С 1929 г. Емельян Михайлович был председателем им же и созданного Союза воинствующих безбожников СССР и руководителем Антирелигиозного комитета ЦК ВКП (б). Со страниц журнала «Безбожник» он провозглашал, что «Борьба против религии является борьбой за социализмом», призывая всех, от пионеров до стариков, как можно активнее участвовать в закрытии культовых зданий.

По причине излишней религиозности уничтожению или помещению в спецхран подлежали произведения таких авторов, как И. Кант, В. Соловьев, Л. Толстой, Ф. Достоевский. Одновременно налагался запрет на исполнение духовной музыки Баха, Генделя, Моцарта, Чайковского, Рахманинова. Обосновывалось это тем, что «в данный момент церковная музыка, хотя бы и в лучших ее произведениях, имеет актуально-реакционное значение». Любопытно, что чуть позже те же самые писатели были запрещены и в нацистской Германии. С композиторами, правда, Розенберг и его команда обошлись несколько мягче — они просто затерялись в тени великого Вагнера...

Атеистическое буйство в СССР продолжалось примерно до 1937 г. За это время закрытию подверглись тысячи храмов. Ну, а количество репрессированных священнослужителей даже по самым заниженным оценкам исчисляется десятками тысяч.

В конце концов, в предчувствии будущей войны Сталин решил обратиться к традиционным ценностям. В 1935–1936 гг. вышли в свет книги Ярославского «Сталинская конституция и вопрос о религии» и четырехтомник «Против религии и церкви». А уже следующий, 1937 г., советский народ встречал с новогодней елкой — той самой, которую Емельян Михайлович в свое время объявил «проявлением религиозных предрассудков». И это была лишь первая ласточка (вернее, деревце), сигнализовавшая об изменении курса. В годы Отечественной войны с атеистическими перегибами было покончено и власть даже начала сотрудничать с церковью. Что же касается Союза воин-

ствующих безбожников, то он практически прекратил свое существование.

Сталин, впрочем, не забыл Ярославского. Более того, именно ему «отец народов» поручил подготовку новой партийной библии — «Краткого курса истории ВКП (б)». Чтобы Емельяна Михайловича не слишком заносило, к нему приставили нескольких ученых, благодаря которым работа получила хоть какое-то подобие академичности. Ну и в завершение всего сам Сталин прошелся по книге рукой мастера.

Конечным продуктом вождь остался доволен и в качестве поощрения ввел Ярославского в состав ЦК партии. Тогда же, в 1939 г., его сделали академиком и даже доверили очередной «суперпроект» — подготовку официальной сталинской биографии.

Емельян Михайлович с максимальной ответственностью подошел к новому заданию и очень старательно вымарывал все неудобные для «хозяина» факты. Поскольку он уже достаточно набил руку на фальсификации истории, Сталин и в этот раз остался доволен его работой.

Но после начала германской агрессии все это утратило актуальность. Весь свой пропагандистский талант Ярославский направил на борьбу с новым противником. В устных и печатных выступлениях он призывал биться «за Родину, за Сталина» и не жалеть ради них своей жизни. Правда, когда враг подошел к Москве, жертвенное настроение у Емельяна Михайловича пропало. Сначала он безуспешно пытался добиться эвакуации своего брата, а затем и сам убежал в Куйбышев.

Понять его в данном случае нетрудно. Ненавистник евреев Гитлер знал о существовании такого коммуниста — Губельмана-Ярославского — и даже включил его в список тех советских руководителей, которые подлежали обязательному и немедленному уничтожению.

Когда угроза миновала, Емельян Михайлович вернулся в Москву и возобновил свою пропагандистскую деятельность. Но здоровье его к тому времени уже было подорвано, и 4 декабря 1943 г. он скончался. Полученная

незадолго до смерти Сталинская премия стала для этого атеиста последней радостью.

И Розенберг, и Ярославский были ветеранами своих партий. Более того, на определенном этапе карьеры и тот, и другой занимали должности, с которых открывался прямой путь к самым вершинам власти.

Правда, стать вождями им так и не довелось, и, в сущности, они играли роль лишь идеологических прислужников при своих хозяевах — Гитлере и Сталине.

Однако при этом и антисемит Розенберг, и еврей Ярославский разыгрывали из себя не слуг, а своеобразных апостолов новой веры — с «Мифом XX века» и «Кратким курсом» вместо Библии.

ФРЕЙСЛЕР И ВЫШИНСКИЙ: ПРОКУРОРЫ ОТ ДЬЯВОЛА

Гитлеровский и сталинский режимы имели все необходимые атрибуты правового государства. Однако в реальности ни о каком приоритете законности не могло быть и речи. Статьи конституции и уголовного кодекса либо откровенно нарушались, либо подгонялись под потребности конкретного политического момента. И даже сама наука юриспруденция превратилась в инструмент, при помощи которого служители Фемиды расправлялись с непокорными.

Фрейслер

Роланд Фрейслер родился 30 октября 1893 г. в городе Целле. Отец его был дипломированным юристом, так что семья относилась к разряду обеспеченных. После окончания гимназии Роланд поступил на юридический университет Йенского университета и стал учиться на адвоката.

В августе 1914 г. под влиянием тогдашнего шовинистического угара Фрейслер ушел в армию добровольцем. Незаконченное высшее образование позволило ему сразу же получить звание фаненюнкера. Сражаясь в рядах 1-го Верхнесилезского пехотного полка, он был награжден Железным крестом 2-й степени и, как можно предположить, в ближайшее время рассчитывал превратиться в полноценного офицера.

Но военная карьера так и не задалась. В октябре 1915 г. Фрейслер попал в плен на Восточном фронте. Вместе с товарищами по несчастью его отправили в Сибирь — край, о котором в Европе складывались самые ужасающие легенды. Впрочем, ничего страшного Роланда там не ожидало. Условия в лагере для военнопленных были вполне

сносными, да и местное население относилось к немцам скорее с интересом, нежели с ненавистью.

Фрейслер выучил русский язык, а наведывавшиеся в лагерь большевики обратили его в марксистскую веру. В результате после подписания Брестского мира Роланд отказался ехать в Германию и вступил в Красную Армию.

В хаосе, который представляла из себя Россия, следы Фрейслера несколько затерялись. Сам он впоследствии не любил вспоминать о своем большевистском прошлом. Тем не менее известно, что в интернациональных частях РККА Роланд был далеко не последним человеком. Ему даже довелось комиссарить в нескольких крупных соединениях, а в нагрудном кармане, у самого сердца хранилась заветная книжечка — членский билет Коммунистической партии.

В 1920 г. Роланд вернулся в Германию, и с этого момента начался его стремительный дрейф из «крайне левых» в «крайне правые». Что послужило причиной этой метаморфозы — можно только догадываться. Не исключено, что в Фрейслере пробудились классовые инстинкты: ведь будучи по своему происхождению выходцем из буржуазной семьи, он и сам превратился в представителя среднего класса.

Во всяком случае, доучившись в университете и получив в 1923 г. диплом юриста, бывший комиссар не без успеха занялся адвокатской практикой. Тогда же он дебютировал на политическом поприще и был избран в ландтаг Гессен-Касселя от народно-социалистического блока. В то время практически все правые партии, в той или иной степени, заимствовали марксистскую идеологию. Наиболее удачно это получалось у нацистов, и именно с ними связал свою судьбу Фрейслер.

Вступив в 1925 г. в НСДАП, он почти сразу же стал заместителем гауляйтера (т. е. партийного руководителя) земли Гессен-Нассау. Делами, но большей частью словами наш герой демонстрировал искреннюю преданность идеям нацизма и лично Адольфу Гитлеру. Однако больше, нежели коммунистическое прошлое, карьере Фрейс-

лера мешало отсутствие яркого ораторского дарования, необходимого для каждого настоящего партайгеноссе.

И хотя по сравнению с другими нацистскими лидерами он имел такой козырь, как высшее юридическое образование, даже на этой стезе бесспорное первенство еще долго оставалось за другим «выдающимся знатоком германского права» — Отто фон Тираком.

Тем не менее именно юриспруденция стала тем полем, на котором Фрейслер добился самоутверждения. В 1933 г. новый канцлер Германии Адольф Гитлер назначил его на сравнительно незаметную, но важную должность начальника отдела кадров Прусского министерства юстиции.

Состоявшийся в этом же году процесс о «поджоге Рейхстага» со всей очевидностью продемонстрировал, что старая судебная система никак не вписывается в создаваемое Гитлером государство. «Законники-крючкотворы» так и не смогли осудить людей, чья виновность не была подтверждена уликами и свидетельскими показаниями. Чтобы избежать подобных накладок, фюрер решил реформировать органы суда и прокуратуры. Фрейслер оказался одним из тех, кому было суждено решить эту задачу.

Для начала он вошел в Академию германского права и возглавил работу существовавшего там научного отдела. Кроме того, Фрейслер занимал должность статс-секретаря имперского министерства юстиции по особым поручениям, а также занимался разработкой правовых мер для борьбы с саботажем.

Его стараниями судебные институты всех уровней очищались от тех, кто не хотел или не мог усваивать нацистские истины. Однако вся эта работа носила, что называется, практический характер и, разумеется, нуждалась в соответствующих теоретических обоснованиях.

И тогда на свет появился плод глубоких научных изысканий Фрейслера — работа «Народный судья в новом германском уголовном процессе». Со временем она стала своеобразной настольной книгой для всех юристов Третьего рейха. Впрочем, назвать этих господ юристами мож-

но лишь с очень большой натяжкой. На смену дипломированным правоведам пришли люди, не обремененные университетскими знаниями. По своему социальному происхождению они представляли народ, т. е. самые разные слои общества. Но независимо от того, был ли конкретный «народный судья» рабочим, фермером или учителем, каждый из них являлся членом нацистской партии. И совершенно очевидно, что в своей работе эти люди в первую очередь руководствовались указаниями фюрера, или, на худой конец, указаниями его заместителей по юридической части — Тирака и Фрейслера.

Революция, совершенная в области германского права, самым непосредственным образом отразилась на судьбах миллионов европейцев. Уже с середины 1930-х гг. без особых юридических формальностей немецкие антифашисты отправлялись в концлагеря на «трудовое перевоспитание».

20 января 1940 г. в качестве представителя министерства юстиции Фрейслер участвовал в работе Ванзейского совещания, на котором обсуждались меры по окончательному решению еврейского вопроса. На сей раз приговор выносился даже не мнимым «врагам государства», а целому народу, который фактически обрекался на уничтожение. Бесспорно, что это было новым словом не только в германской, но и в мировой юридической науке — человек автоматически объявлялся преступником на основании одного только национального признака.

После такого «открытия» дальнейшее и вовсе не вызвало никакого удивления. Все меньше беспокоясь о соблюдении формальностей, служители Фемиды с легкостью приговаривали к заключению и смерти мнимых и подлинных врагов нацизма. Нехватка доказательств или даже отсутствие самого факта преступления уже не играли никакой роли.

Для обоснования подобного произвола Фрейслер заявил, что не «действия», а «воля» обвиняемого имеет решающее значение при вынесении приговора. Ну, а решать вопрос о том, какова же в действительности была эта

«воля», «народным судьям» разрешалось на собственное усмотрение...

Подобные «научные откровения» весьма благосклонно встречались фюрером, и в 1942 г. Фрейслер получил повышение, сменив Тирака на посту президента Народной судебной палаты. Из закулисной фигуры наш герой превратился в человека, чья деятельность все более приобретала публичный характер.

Именно с этого времени власти все чаще начинают организовывать показательные процессы, в ходе которых «народный судья» должен был не просто выносить приговоры, но и брать на себя функции прокурора, которому предстояло любой ценой засудить подсудимого. И, надо признать, Фрейслер приложил максимум усилий, чтобы оказаться на высоте положения.

Правда, его выступлениям не хватало красноречия, юмора, эрудиции. Обычно их заменяли грубость и психологическое давление на обвиняемого.

Пожалуй, в наибольшей степени эти методы проявились на процессах по делу об антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. Так, на одном из заседаний перед Фрейслером предстал фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен. Охранники отобрали у престарелого военачальника брючный ремень и вынули у него вставную челюсть. Во время процесса Вицлебен время от времени подтягивал брюки, а Фрейслер делал ему замечания: «Ты, грязный старик! Что ты постоянно дергаешь свои штаны?»

Специально подобранная публика с жеребьячим ржанием приветствовала подобные реплики, а адвокат фельдмаршала говорил о «гнусности» своего подзащитного. Не удивительно, что при такой постановке дела все обвиняемые, независимо от степени участия в заговоре, были приговорены к смерти и повешены на крюках из скотобойни.

И суд и казнь были зафиксированы фашистскими кинооператорами. Однако хроникерам так и не довелось снять финал главного судьи нацистской Германии. Он погиб «на боевом посту», причем возмездие, что называется, обрушилось на него с неба.

3 февраля 1945 г. во время налета на Берлин союзной авиации одна из бомб угодила в здание, где проходил процесс под председательством Фрейслера. Президент Народной судебной палаты погиб под развалинами и тем самым избежал участи хотя бы разок оказаться в шкуре обвиняемого.

Вышинский

Андрей (Анджей) Януарьевич Вышинский родился в Одессе 10 декабря 1883 г. в семье провизора. Хотя мать его была русской, национальность традиционно определяется по отцу, так что в метрических книгах Анджея записали поляком.

Фамилия Вышинских пользовалась в Польше большой известностью, причем один из ее представителей как раз в это время был рукоположен в сан кардинала. Впрочем, одесским Вышинским от этого родственника не было никакой пользы. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, в 1888 г. семья перебралась в Баку, где отец стал работать в Кавказском товариществе торговли аптекарскими товарами.

Дела постепенно пошли в гору, и в скором времени Анджея даже смогли определить в местную классическую гимназию. Бесспорно, юноша демонстрировал неплохие способности, но реализовать их мешала известная живость характера. Еще в 1902 г. он сблизился с революционерами и вскоре угодил в Баилловскую тюрьму, где ему довелось сидеть с другим молодым марксистом — Сталиным.

Оба сокамерника в то время представляли два противоположных крыла социал-демократии: Вышинский был меньшевиком, а его будущий «хозяин» — большевиком-ленинцем. Однако и тот, и другой боролись против общего врага — царизма и, судя по всему, еще не придавали особого значения своим идеологическим расхождениям.

Затем пути молодого поляка и молодого грузина разошлись на долгие годы. Вышинский «взялся за ум» и в 1913 г. окончил юридический факультет Киевского уни-

верситета. Грехи молодости долгое время мешали ему найти подходящую работу, но после Февральской революции то, что раньше было минусом, стало большим плюсом. Дипломированного юриста и борца с самодержавием приняли на работу в министерство юстиции. И здесь ему пришлось превратиться в охотника за своими же бывшими товарищами...

В июле 1917 г. большевики предприняли неудачную попытку переворота. Многие их лидеры (Троцкий, Каменев, Луначарский) были арестованы. Ленину удалось скрыться, однако прокуратура выписала ордер на его задержание. Затем последовала серия распоряжений, подтверждающих необходимость поимки «опасного государственного преступника», причем под одним из этих документов стояла подпись Вышинского.

После Октябрьского переворота все изменилось, и теперь Андрею Январьевичу во избежание неприятностей пришлось на некоторое время исчезнуть из поля зрения. Напомнить о себе он решил только в 1920 г., подав заявление о приеме в партию. Просьбу, как ни странно, удовлетворили довольно быстро, из чего можно сделать вывод, что Вышинский пользовался чьим-то высочайшим покровительством. Не будет большой натяжкой предположить, что этим благодетелем был сам товарищ Сталин, уже тогда пытавшийся сколотить собственную команду. Скомпрометировав себя охотой на Ленина, Андрей Январьевич фактически попал на «крючок» к его преемнику. С тех пор вплоть до самой смерти вождя Вышинский превратился в его верного раба и поверенного...

Карьеру в органах советской прокуратуры наш герой начал с яркого и запоминающегося выступления в Ленинграде в 1924 г. По обвинению в даче и получении взяток на скамью подсудимых попало сорок два человека — нэпманов, адвокатов и что самое скандальное — судебных работников. Весь процесс носил показательный характер, причем публика с большим удовольствием наблюдала за тем, как на чистую воду выводятся не только «буржуи», но и обнаглевшие представители новой номенклатуры. Семнад-

цать из них были приговорены к расстрелу, остальные «отделались» длительными сроками тюремного заключения.

Андрей Януарьевич выступал в качестве обвинителя и буквально разил подсудимых своим красноречием. Публика с удовольствием внимала его доводам и даже присвоила ему шутивное прозвище «Андрей Ягуарьевич».

Здесь, впрочем, следует отметить, что Вышинский свирепствовал только в зале суда или в кругу своих подчиненных. В другой же обстановке он был тише воды, ниже травы. Как писал известный дипломат В. М. Бережков: «Вышинский был известен своей грубостью с подчиненными, способностью наводить страх на окружающих. Но перед высшим начальством держался подобострастно, угодливо. Даже в приемную наркома он входил как воплощение скромности. Видимо, из-за меньшевистского прошлого Вышинский особенно боялся Берии и Деканозова. Последний даже при людях называл его не иначе, как “этот меньшевик”... Тем больший страх испытывал Вышинский в присутствии Сталина и Молотова. Когда те его вызывали, он входил к ним пригнувшись, как-то бочком, с заискивающей ухмылкой, топоршившей его рыжеватые усики».

По сравнению с другими бойцами «сталинской гвардии» Вышинский был действительно образованным человеком. Кроме русского и польского он свободно говорил по-французски, несколько хуже, но тоже неплохо знал английский и немецкий. Юридический диплом он получил не на каком-нибудь «рабфаке», а в одном из лучших университетов Российской империи. Да и в советское время Андрей Януарьевич продолжал вращаться в научной среде и целых три года (1925–1928) был ректором Московского университета.

При этом Вышинский не выставлял свои знания, прекрасно понимая, что Сталин отдает предпочтение не столько «умникам», сколько добросовестным исполнителям. Любое указание он выполнял с максимальным рвением, работая то в «карательных органах», то на ниве просвещения, то на дипломатической службе.

Вернувшись в 1928 г. в прокуратуру, Андрей Януарьевич стал заместителем наркома юстиции РСФСР. Дальнейшие ступени по служебной лестнице он прошел буквально по следам своего непосредственного начальника В. А. Антонова-Овсеенко. Их пути разошлись лишь в 1936 г., когда Антонова-Овсеенко отправили советником в Испанию (по возвращении из которой его расстреляли). Вышинский же стал наркомом юстиции СССР и именно на этом посту снискал громкую и весьма одиозную славу.

Его назначение было одним из этапов на пути к затеянной вождем «большой чистке». Именно Вышинскому вместе с наркомом внутренних дел Ежовым предстояло расправиться с «ленинской гвардией» — старыми большевиками, находившимися в тайной или явной оппозиции Сталину. Ежову в этой игре предстояло ликвидировать врагов, Вышинскому же следовало обеспечить процесс соответствующим юридическим и идеологическим антуражем. О том, кто из них более успешно справился со своей ролью, можно судить по одному простому факту — под занавес репрессий Ежова убрали, а вот Вышинский остался в живых и лишь перешел на другую, чуть менее ответственную работу...

В процессах над «врагами народа» 1936–1938 гг. красноречие Андрея Януарьевича раскрылось во всем блеске. В качестве государственного обвинителя он лично клеймил обвиняемых как «выродков», «перерожденцев», «презренных авантюристов», «проклятых гадов» и т. д. Время от времени этот поток ругани сменялся лирическими пассажами, которые плавно переходили в новые обличительные тирады и завершались панегириками в адрес «хозяина» («Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов... Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей. Всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему светло и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше сол-

нце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед к коммунизму!»).

Вся эта демагогия готовила публику к расправе над обвиняемыми. Однако не раз и не два дело стопорилось из-за отсутствия конкретных доказательств. И тогда Вышинский отверг сам принцип презумпции невиновности. Выбитое под пыткой признание объявлялось «царицей доказательств», ну а в тех случаях, когда пытка не срабатывала, судьи вполне могли вынести приговор, руководствуясь своей «революционной совестью».

Открытия, которыми Вышинский «обогатил» юридическую науку, принесли ему звание академика (1939) и Сталинскую премию 1947-го г. (за монографию «Теория судебных доказательств в советском праве»). И все же сам Сталин понимал, что Андрей Януарьевич больше подходит не для созидательной, а для разрушительной работы. И в 1940 г., когда чистка закончилась, Вышинского перевели на дипломатическую работу.

Отметим, что уже шла Вторая мировая война. Пользуясь тем, что Англия и Германия выясняли отношения друг с другом, Советский Союз под шумок оккупировал Бессарабию и Прибалтику, напал на Финляндию. Все это вызвало протесты европейской общественности, а Вышинский в присущей ему хамской манере «достойно отвечал на враждебные выпады». Однако уже в 1941 г., когда от конфронтации пришлось перейти к сотрудничеству с западными державами, Вышинского отодвинули на второстепенные роли.

На авансцену политики Андрей Януарьевич вернулся только в 1949 г., когда мир уже оказался разделенным «железным занавесом». Его деятельность на посту министра иностранных дел (1949–1953) была связана с «корейским кризисом», едва не поставившим мир на грань ядерной катастрофы.

После смерти Сталина отношения с Западом несколько нормализовались. Вышинского назначили представи-

телем Советского Союза в ООН. В новом качестве он по-прежнему имел возможность «срывать маски с империалистов», но, по крайней мере, не отвечал за политические решения.

Смерть вождя подкосила Андрея Януарьевича. А когда, находясь в Нью-Йорке, он узнал, что в СССР начался процесс реабилитации, его тут же сразил сердечный приступ. Скончался Вышинский 22 ноября 1954 г. В США тело его было кремировано и после доставки на Родину торжественно захоронено в Кремле на Красной площади.

В устах Фрейслера слово «коммунист» было худшим из ругательств. Его коллега Вышинский использовал слово «фашист» в качестве синонима слова «преступник». Однако, несмотря на видимое противостояние между советским и немецким «юристами», они напоминали друг друга в той же степени, в какой зеркальное отражение напоминает своего «хозяина».

И тот, и другой служили не идеологии и даже не своему государству, а всего лишь дьяволу, которому продали свою душу. Страх, эгоизм, тщеславие превратили большевика Фрейслера в ярого гитлеровца. И те же самые пороки сделали из меньшевика Вышинского верного «сталинца». Что же касается расхождений, то они носят внешний второстепенный характер, так как и Фрейслер, и Вышинский, каждый на своем месте, весьма ревностно выполняли миссию «прокуроров от дьявола».

ШИРАХ И КОСАРЕВ: ВОЖДИ МОЛОДЕЖИ

Устраивают революции и затевают войны, как правило, люди зрелые, а вот отдуваться за них приходится молодежи. Грандиозные эксперименты по построению коммунистического и национал-социалистического государства были бы невозможны, если бы в них не поверили миллионы юношей «пылких со взором горящим», — ведь именно на их энтузиазме и самопожертвовании реализовывались самые смелые экономические проекты и одерживались самые невероятные победы на фронте.

И в СССР, и в Германии по образцу правящих партий были созданы молодежные организации с целью направить энергию молодежи в нужное русло. В СССР это был комсомол, возглавляемый Александром Косаревым. В Германии — гитлерюгенд, вождем которого был Бальдур фон Ширах.

Ширах

Бальдур фон Ширах родился 9 марта 1907 г. в Берлине. Отец его, еще будучи офицером, женился на американке, а после выхода в отставку устроился работать директором театра. Все это было, мягко говоря, не очень обычно для кайзеровской Германии. Но еще необычайной вела себя мать нашего героя, которая вместо того чтобы посвятить себя триаде *kinder — kirchen — kuchen* (дети — церковь — кухня), вела, что называется, богемный образ жизни.

Ее сын Бальдур с детства был окружен артистами, музыкантами, литераторами. Не удивительно, что и сам он впоследствии писал стихи, весьма, впрочем, посредственные.

В любом случае, перспектива покорения Парнаса волновала его не так сильно, как надежда сделать политическую карьеру. Вступив в 11 лет в Германский молодежный союз, Ширах довольно быстро разочаровался в умеренной программе этой организации. Душа юноши требовала чего-то более яркого, радикального, революционного, того, к чему всегда стремились молодые поэты.

В 1924 г., переехав в Мюнхен, он начал изучать историю искусств и германистику. Однако окружающая действительность выглядела намного интереснее, нежели научная работа. Совсем недавно в Мюнхене состоялся гитлеровский «пивной путч», и «на мостовых города еще не высохла кровь героев».

Оправившись от поражения, нацистское движение вновь набирало обороты, и Ширах оказался одним из десятков тысяч новых его сторонников.

Еще в 1922 г. при НСДАП был создан гитлерюгенд (первоначальное название «Юнгштурм Адольфа Гитлера»). Союз делился на две возрастные группы, куда входили девушки и юноши: младшую (10–14 лет) и старшую группу (15–21 год).

Особое внимание уделялось молодым пролетариям, служащим, военным.

Ширах активно включился в эту работу и в 1928 г. возглавил Националистический германский союз студентов. Кроме того, дали о себе знать его поэтические наклонности, и тогда же он основал молодежный Боевой союз за германскую культуру.

Все эти достижения обратили на себя внимание Адольфа Гитлера. Два «художника» — несостоявшийся архитектор и поэт-дилетант — быстро нашли взаимопонимание. На какое-то время Ширах вошел в ближайшее окружение фюрера и даже выполнял его конфиденциальные поручения. Одно время о нем говорили как о возможном наследнике Гитлера, хотя речь, разумеется, шла о достаточно отдаленном будущем — лет через 25–30, когда предположительно должны были отойти от дел все старые бойцы национал-социалистического движения.

(Никто тогда и не думал о том, что это произойдет гораздо раньше.)

В октябре 1931 г. Гитлер назначил Шираха имперским руководителем молодежи, а еще через полгода поставил его во главе 100-тысячного гитлерюгенда. Здесь следует отметить, что 100 (а вернее 108) тысяч человек для подобной организации считалось цифрой не очень значительной, и Бальдур активно занялся вербовкой новых членов. Вскоре ему удалось организовать весьма впечатляющее шествие в Потсдаме, продемонстрировавшее, по словам Гитлера, что «молодежь, а следовательно, и будущее за национал-социализмом».

После того как, придя к власти, нацисты ликвидировали все оппозиционные организации, ряды сторонников фюрера начали расти в геометрической прогрессии. К гитлерюгенду перешли средства и имущество Имперского комитета ассоциаций германской молодежи, а вся воспитательная работа среди юношества должна была осуществляться под бдительным присмотром Шираха.

Правда, ситуация осложнялась тем, что номинально гитлерюгенд подчинялся возглавляемому Геббельсом министерству науки, искусств и народного образования. Ширах, конечно же, не смирился с таким ограничением собственной власти и после трех лет аппаратных интриг добился подчинения своей организации непосредственно Гитлеру.

Итак, в 29 лет Бальдур стал рейхслейтером, т. е. представителем высшей партийной номенклатуры, отвечавшим за стратегически важный участок работы. Столь резкий взлет какого-то «юнца» вызвал раздражение «старой гвардии», многие представители которой начали копать под него яму. Впрочем, интриги они вели очень осторожно, и целых четыре года Ширах спокойно наслаждался положением одного из самых влиятельных и популярных политиков гитлеровской Германии. Благодаря проведенной им серии мероприятий каждый представитель подрастающего поколения с 6 лет (момента своего вступления в «Пимфе» — аналог нашего детского сада) и до 18-летне-

го возраста находился под постоянным и неусыпным контролем. Достигнув совершеннолетия, молодые люди отбывали годичную рабочую повинность, а затем вступали в армию. Надо сказать, что в вермахт они приходили уже достаточно подготовленными, поскольку огромное внимание в гитлерюгенде уделялось начальной военной подготовке и всевозможным полевым учениям. Кроме того, согласно договоренности, достигнутой между Ширахом и Гиммлером, ряды СС также пополнялись главным образом через структуры гитлерюгенда.

Следует отметить, что милитаристский уклон был примерно в равной степени присущ не только гитлерюгенду, но и нашему родному советскому комсомолу. ВЛКСМ также уделял огромное внимание начальной военной подготовке, пропускал через Осоавиахим «ворошиловских стрелков», летчиков и парашютистов. И все же определить точно, кто и что у кого заимствовал, просто невозможно. С одной стороны, комсомол появился на свет раньше, чем гитлерюгенд, и раньше стал общегосударственной организацией, а с другой — в Германии всегда существовала мощная система воспитания молодежи в военном духе. Кроме того, и русские, и немцы многое заимствовали из Англии с ее скаутами...

Конечно, в любом коллективе есть свои «паршивые овцы», которые не очень любили вождей и не хотели ходить строем. В Германии вопрос с ними решили намного проще и радикальней, нежели в Советском Союзе. В марте 1939 г. с подачи Шираха появился закон, обязывающий всех молодых людей вступать в гитлерюгенд и предусматривавший административные наказания для их несознательных родителей. Дело шло к мировой войне, и Рейху требовалось высококачественное «пушечное мясо»...

Вскоре после начала боевых действий Ширах добровольцем вступил в элитный полк «Великая Германия», но уже в самом конце французской кампании был отозван согласно специальному распоряжению фюрера (июнь 1940 г.).

Возвращаясь в Берлин, наш герой, видимо, рассчитывал на очередное повышение: все-таки под его руководством численность гитлерюгенда выросла почти в 80 раз, охватив 97 % всей молодежи призывного возраста. Однако новое назначение выглядело скорее понижением: Ширах стал гауляйтером Австрии — не самой захолустной, но и не самой почетной провинции Великого Рейха.

Причиной почетной ссылки стали интриги начальника гитлеровской канцелярии Мартина Бормана. Очень акkuratно и настойчиво этот серый кардинал доводил до сведения фюрера порочащие Шираха истории, касающиеся главным образом его «пристрастия к девичьим спальням». Гитлер, который в вопросах морали выступал то ужасным ханжой, то демонстрировал широту взглядов, решил в данном случае побороться за нравственность и все чаще неодобрительно отзывался о Ширахе. Борман вроде бы пытался найти ему оправдания, но делал это настолько двусмысленно, что еще больше раздражало фюрера...

Собственно говоря, никаких действительно серьезных грехов за Бальдуром не водилось, но и ссылка в Вену оказалась не слишком большим наказанием. В некотором роде, случившееся даже пошло ему на пользу, так как теперь он перестал быть фигурой общегосударственного масштаба, что в свете последующих событий было не так уж плохо.

Вступив в новую должность, Ширах выступил с инициативой превращения Вены в чисто германский город. В протекторат Богемии и Моравии было выслано несколько десятков тысяч чехов, а в оккупированную Польшу — около 60 тыс. евреев. Подобная политика не делала чести новому гауляйтеру, но, следует признать, что многие его коллеги людей не столько депортировали, сколько ликвидировали.

Вплоть до 1945 г. Австрия находилась в глубоком тылу и почти не испытывала связанных с войной тягот. Время от времени спокойствие нарушалось прибытием очередной партии пленных или раненых. Да еще в здешних мес-

тах появились концлагеря с их вечно дымящимися трубами крематориев...

Однако «фабрики смерти» находились в ведомстве Гимлера, и творившиеся в них ужасы Шираха не касались. В свободное от хозяйственных забот время он даже занимался научной и литературной деятельностью в качестве президента Великогерманского общества библиофилов и члена Сената Германской академии.

Тихая жизнь закончилась с приходом Красной Армии. Ширах успел бежать в американскую зону, где и сдался союзникам. В следующем году в числе главных военных преступников бывший руководитель гитлерюгенда предстал перед Нюрнбергским международным трибуналом. И здесь-то его адвокаты весьма удачно сыграли на том, что уже с 1940 г. их подзащитный не играл серьезной политической роли. В конце концов Ширах избежал смерти и отделался 20-летним тюремным заключением. Правда, отсидеть ему пришлось от звонка до звонка, но его все-таки не повесили, и к тому же, выйдя на свободу, он опубликовал результат своих тюремных трудов — книгу «Я верил Гитлеру». Скончался Бальдур фон Ширах 8 августа 1974 г. в Креве (Мозель).

Косарев

Александр Васильевич Косарев родился 1 ноября 1903 г. в Москве в семье рабочего. Все образование мальчика ограничилось двумя классами церковно-приходской школы, после окончания которых в возрасте девяти лет он устроился на завод лудильщиком.

Дальше начались жизненные университеты. В дни Октябрьского переворота Косарев вступил в одну из большевистских молодежных организаций, носившую имя созданного Лениным III Интернационала. В 1918 г. почти все группы левой направленности были либо распущены, либо вошли в состав Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) или, как его чаще называли, комсомола. Косарев воспринял случившееся с одобрением,

так как не сомневался, что только ленинская политика является единственно верной.

Подобная убежденность вкупе с организаторскими способностями превратили 15-летнего паренька в одного из первых молодежных функционеров. В возрасте, когда другие только заканчивают школу, он уже возглавил Лефортовский столичный райком комсомола, а затем отправился в Петроград, где принимал участие в обороне города от Юденича.

В городе на Неве Косарев закончил политшколу, а затем и сам руководил политкурсами при Центральной комсомольской школе. В 1922 г. он вернулся в Москву, где возглавил Бауманский райком ВЛКСМ. Таким образом, Александр Иванович попал в когорту тех аппаратных работников, которых более старшее поколение партийцев готовило себе на смену.

В сущности, весь комсомол и, в первую очередь, его руководящие органы являлись своего рода кадровым резервом партии. Здесь молодым людям прививали марксистско-ленинские истины, а наиболее способных обучали навыкам и нормам поведения, необходимым для представителей советской номенклатуры.

Александр Иванович, судя по всему, оказался отличным учеником: вскоре его ввели в исполком Коммунистического интернационала, а затем назначили секретарем уже не районного, а губернского (Пензенского) комитета комсомола.

Впрочем, в провинции Косарев не засиделся. В 1925 г. сторонники Зиновьева из числа ленинградских комсомольцев в рамках очередной дискуссии начали критиковать теоретические взгляды Бухарина. По сути, это являлось замаскированной атакой на Сталина, так как именно он считался главным покровителем «любимца партии». И тогда генсек ответил на вызов...

Ленинградскую комсомольскую, а заодно и партийную организацию обвинили в «левом уклоне». На берегах Невы появился «сталинский десант», состоявший из наиболее известных и красноречивых партийных ораторов. В подкрепление им придали «молодую гвардию», неофициаль-

ным лидером которой считался Косарев. Вскоре на всех крупных предприятиях города начались собрания, и хотя «зиновьевцы» за словом в карман тоже не лезли, их били не только речами, но и «административным ресурсом».

В эти дни Александр Иванович возглавил Московско-Нарвский райком комсомола и за два месяца «вычистил» его от противников генеральной линии. Вернувшись в Москву, он почти сразу же был назначен сначала заведующим Орграспредотделом, а затем и секретарем ЦК комсомола.

В 1929 г. в СССР началась борьба против «правого уклона». Главным объектом для битвы на сей раз стал тот самый Бухарин, в защиту которого Сталин в свое время вел борьбу против Зиновьева. Теперь конъюнктура изменилась, и хотя блестящий интеллектual «Бухарчик» пользовался огромным авторитетом среди молодежи, в комсомоле его сторонникам устроили такой же разгром, как и в партии. Александр Иванович отличился и в этот раз и в марте 1929 г. был избран генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ.

Покончив с партийными дискуссиями, Сталин и его сторонники выдвинули масштабные программы коллективизации и индустриализации. С целью превращения Советского Союза в экономически развитую державу в рамках пятилетнего плана было запланировано строительство новых промышленных гигантов. Днепрогэс, Кузнецк, Турксиб и т. д. — все эти объекты появились в значительной степени именно благодаря самоотверженному труду комсомольцев. Однако даже в социалистическом государстве осуществить индустриализацию на одном энтузиазме было невозможно. И тогда для изыскания финансовых средств партия решила ограбить крестьянство при помощи коллективизации.

Сельское население насильно загоняли в колхозы, а «излишки» хлеба, как и в 1918 г., изымали практически бесплатно. Крестьяне, разумеется, сопротивлялись, и тогда в самые отдаленные концы государства отправились специальные комиссии «для усиления хлебозаготовок».

В одну из них, посланную на Северный Кавказ во главе с Л. М. Кагановичем, вошел и Косарев. На Кубани этот визит

до сих пор вспоминают с содроганием. Жители станиц Полтавской и Урюпинской полностью были выселены на север, а из примерно 700 секретарей станичных парторганизаций более половины подверглись судебному преследованию как «саботажники с партийными билетами в карманах».

Косарев руководил репрессиями главным образом среди молодежи и нисколько не отставал от старших товарищей. Впрочем, малевать его за это одной только черной краской, видимо, все-таки не стоит: как принято говорить, «время было такое».

Коллективизация и последовавший за ней голод сопровождались массовыми репрессиями, но в то же самое время страна действительно делала гигантский скачок в своем экономическом и культурном развитии. Скачок, без которого выдержать испытания Великой Отечественной войны было бы просто невозможно. Для Александра Ивановича, как и для других руководителей сталинской эпохи, цель бесспорно оправдывала средства. И после того как все испытания индустриализации и коллективизации оказались позади, он имел полное право чувствовать себя победителем. Заслуги комсомольского вожака были по достоинству оценены партией, и в 1933 г. Косарев как «испытанный руководитель Ленинского комсомола, выдающийся организатор комсомольских масс в их борьбе под руководством партии за победу пятилетки» получил орден Ленина...

После разгрома всех уклонистов в партии и государстве имелся всего один безусловный лидер — генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Сталин. Поскольку комсомол считался «младшим братом» партии, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев превратился в своего рода «маленького Сталина» со своим маленьким культиком, копировавшим культ большого «хозяина». Его имя было присвоено Центральному аэроклубу Осоавиахима, горно-разведывательному институту, различным школам и пограничным заставам.

Сам Александр Иванович играл роль своеобразного мекената, основав в 1935 г. первое добровольное спортивное общество «Спартак» и одноименную футбольную команду.

Затем, объединившись с динамовскими покровителями из НКВД, Косарев упорно, хотя и с переменным успехом, пытался отстранить профсоюзы от руководства спортом.

Любопытно, что, хотя ВЛКСМ считался «младшим братом» партии, при самом комсомоле имелись собственный «младший брат» в лице пионерской организации. Воспитание «будущих строителей коммунизма» велось теперь с самого детства, причем формы, в которых это делалось, зачастую озадачивали самого Косарева. Так, в 1936 г., на совещании детских писателей Александр Иванович пожаловался: «Я был в Сокольнической школе на детском собрании и ушел оттуда с тяжелым чувством. Никакого отличия детского собрания от взрослого нет: избирается президиум, потом почетный президиум. Просят занять места, начинаются доклады, затем прения, рапорты, вызовы на соревнования и т.д. Потом посылаются приветствия. Все встают, аплодируют и, наконец, садятся. В том детском собрании не было ничего интересного, образного, самобытного, не было детского языка... С этим нужно бороться. Нельзя давать калечить детей». Между тем сетовать в общем-то было не на что. К 1930-м гг. у власти в Советском Союзе находился уже не народ, и даже не Коммунистическая партия, а именно номенклатура. И воспитание подрастающего поколения велось именно в тех формах, которые требовались представителям новой советской элиты...

Косарев — человек достаточно темпераментный и искренний — сознавал опасность бюрократического переорождения советской системы. Но бороться с подобной опасностью, не выступая против «хозяина», было невозможно. А бороться со Сталиным Александр Иванович вовсе не собирался.

Генсек, видимо, ценил комсомольского лидера за преданность, и поэтому даже репрессии 1937 г. поначалу его не коснулись. Александр Иванович, впрочем, и сам проявил достаточную энергию в разоблачении «врагов народов» и впоследствии подчеркивал, что многие из них были ликвидированы после «наших сигналов» и «наших разбирательств». Однако уже после того как репрессии пошли на

спад, Косарев имел неосторожность весьма нелицеприятно отозваться о новом наркоме госбезопасности Л. П. Берии. И тогда чекисты пустили в ход имевшиеся у них материалы.

Еще в сентябре 1937 г., во время отчетно-выборной комсомольской конференции в Чувашии, инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова голословно объявила «врагами народа» первого секретаря ЦК партии и все комсомольское руководство республики. Косарев отстранил Мишакову от должности, но теперь за обиженную вступились Берия и сам Сталин.

В ноябре 1938 г. на Пленуме ЦК ВЛКСМ Александра Ивановича сняли с должности «за грубое нарушение внутриксомольской демократии, бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой), покровительство морально разложившимся, спившимся, чуждым партии и комсомолу элементам». Дальнейшие события ждать себя не заставили. 29 ноября 1938 г. Косарев был арестован лично Берией. Следствие и приговор заняли меньше трех месяцев, и 23 февраля 1939 г. бывшего генерального секретаря ЦК ВЛКСМ расстреляли «за антисоветскую и террористическую деятельность».

В тоталитарных государствах власть, как правило, пытается поставить знак равенства между любовью к родине и любовью к господствующему режиму. Именно на этой почве возникали и продолжают возникать политизированные детские и юношеские организации, в которых культивируются преданность вождям и правящей партии.

Косарев и Ширах руководили подобными молодежными движениями, делая при этом все возможное, чтобы оправдать доверие старших товарищей. И во многом именно благодаря их усилиям и советская, и немецкая молодежь с такой неистовостью участвовала в великом военном противостоянии.

ЛЕЙ И ШВЕРНИК: СОЛДАТЫ ТРУДА

В разное время и партия большевиков-ленинцев, и нацистская партия Гитлера имели в своих официальных названиях слово «рабочая». В 1930–1940-х гг. в Германии и Советском Союзе на официальном уровне провозглашалось, что пролетариат является главной опорой правящих режимов, а классовая борьба в этих государствах уже отошла в прошлое. Поддерживать подобные утверждения, а также создавать иллюзию социального благополучия приходилось профсоюзам. В Германии их возглавлял Роберт Лей, а в Советском Союзе — Николай Шверник.

Лей

Роберт Лей родился 15 февраля 1890 г. в Нидербрайденбахе (провинция Рейнланд) в семье состоятельного фермера. В юности он изучал химию в Йенском, Мюнстерском и Боннском университетах, но с началом Первой мировой войны, подобно многим другим студентам, добровольцем ушел в армию.

Храбро сражаясь в пехоте, Роберт дослужился до лейтенантского звания, а в начале 1916 г. перевелся в авиацию. В ходе последнего немецкого наступления его самолет был сбит, и пилот оказался в лагере для военнопленных. Только через два года Лей вернулся в Германию и устроился на химический завод «ИГ Фарбен».

Работа на производстве не мешала ему заниматься политической деятельностью. Вскоре инженер-химик стал одним из отцов-основателей национал-социалистической партии, возглавив в качестве гауляйтера провинциальную организацию «Рейнланд-Юг». Влияние Лея было настоль-

ко значительным, что в 1925 г. он даже сумел сорвать со- званную оппонентами Гитлера конференцию партийных руководителей Северной Германии. Этот эпизод сыграл важную роль в политической карьере фюрера, и он до самой своей смерти не забыл оказанной ему услуги, регулярно приглашая Лея на задушевные вечерние беседы.

В конце 1920-х гг. верный соратник Гитлера находился в зените своей славы. Правда, руководство «ИГ Фарбен» уволило его за политическую деятельность, но он тут же был избран депутатом ландтага Пруссии и стал соучредителем газеты «Вестдойче Беобахтер», в которой выступал с антисемитскими статьями.

В 1932 г. Лей занял пост начальника политической организации НСДАП, превратившись, по сути, во второго человека в партийной иерархии. Гитлер, бесспорно, очень хотел видеть в этой роли преданного человека, но довольно быстро выяснилось, что никаких других достоинств, кроме преданности, у его друга попросту не было: он весьма слабо разбирался в политике, оказался неважным организатором и, главное, слишком злоупотреблял алкоголем.

После прихода нацистов к власти вся аппаратная работа оказалась сосредоточена в руках Гесса и Бормана, а бедняге Лею пришлось удовольствоваться относительно скромной должностью президента прусского Государственного совета. Он, правда, попытался взять под контроль хотя бы эту самую почетную из провинций Германии, но и здесь получил «щелчок по носу» от премьер-министра Пруссии Геринга. Ситуация, когда столь заслуженный боец оказался не при делах, явно не устраивала фюрера, и тогда он нашел Лею новое поле деятельности...

В мае 1933 г. специальным указом все старые профессиональные союзы (коммунистические, социал-демократические, христианские) были распущены, а их руководители арестованы. Деньги и вся собственность (санатории, клубы, круизные суда) перешли в ведение «Комитета по защите германского труда», возглавляемого Леем. Он же возглавил и новый «общенародный» профессиональный союз — «Германский Трудовой фронт» (ГТФ).

По своей структуре ГТФ являлся своеобразной ассоциацией и делился на Производственные организации, Торговые и ремесленные организации, Сельскохозяйственные подразделения и т. д. Собственные организации имели врачи, юристы, учителя и другие представители интеллигентских профессий. Высшим органом «Трудового фронта» являлось Центральное бюро. На ступень ниже находились аналогичные провинциальные и окружные органы. Тем, в свою очередь, подчинялись местные группы на уровне заводских ячеек.

Если в организационном плане ГТФ копировал национал-социалистическую партию, то сращивание с государственными органами обеспечивалось через так называемые имперские палаты и имперских руководителей, ведавших той или иной сферой профессиональной деятельности. Эти представители фюрера следили за тем, чтобы отстаивание интересов определенной профессиональной группы никогда не доходило до открытой конфронтации с властями и представителями капитала.

Вскоре после вступления в руководство «Трудовым фронтом» Лей выступил со своеобразным программным заявлением: «Я сам сын бедных крестьян и знаю, что такое нищета. Я клянусь вам, что мы не только сохраним все, что вы имеете, мы расширим права рабочего человека, чтобы он смог войти в новое национал-социалистическое государство как равноправный и уважаемый член нации».

Насчет своих родителей, бедных крестьян, Лей, мягко говоря, преувеличил, но кое-что из его обещаний действительно было исполнено. Толстосумов, что называется, заставили поделиться с государством и «Трудовым фронтом». И хотя доходы рабочих выросли не очень значительно, иллюзия, будто государство заботится о пролетариате, успешно поддерживалась благодаря таким движениям, как «Сила через радость». В рамках этой социальной программы огромное внимание стало уделяться заботе об отдыхе и досуге трудящихся. Представим себе, например, рабочего, который целый год работает на своем предпри-

яти и живет в скромной квартирке от зарплаты до зарплаты. Вдобавок часть своего заработка он отчисляет в ГТФ, а тот в свою очередь делится с государством. Какая-то доля этих отчислений расходуется государством на военные нужды, какая-то — проедается бюрократией «Трудового фронта», но кое-что действительно остается. И вот перед отпуском бедный рабочий при помощи ГТФ всего за каких-нибудь 50–60 марок приобретает билет на роскошный океанский лайнер с отдельной каютой, бассейном, солиариумом и прочими удобствами. В течение двух недель он участвует в морском круизе, видит новые города и страны и, разумеется, не очень задумывается о том, что это путешествие он скорее всего уже не один раз отработал.

Подобные технологии помогали сглаживать социальные противоречия, и когда в 1935 г. Лей объявил, что в Германии классовая борьба отсутствует, в какой-то степени это утверждение соответствовало реальности. Конечно, к тому времени большинство оппозиционеров уже стали жертвами политических репрессий, но, следует признать, что если бы положение рабочих при нацистах действительно не улучшилось, то на смену выбывшим неизменно пришли бы новые лидеры. Но они так и не появились...

Лей, подобно многим другим нацистским бонзам, стремился преуспеть не только на общественном поприще, но и попытался оставить след в науке и в 1933 г. стал доктором философии. Кроме того, он активно пропагандировал идею классового мира, издав брошюры «Мы все помагаем фюреру» (1937) и «Солдаты труда» (1938).

Руководимый им «Трудовой фронт» процветал, и к 1939 г. за счет отчислений от работников и работодателей в закромах ГТФ находилось более полумиллиарда марок. Располагая такими средствами, Лей выдвинул новую масштабную программу «народного автомобиля». Теперь многие рабочие еженедельно перечисляли в ГТФ по 5 марок, а через несколько лет должны были стать владельцами новенького «фольксвагена». Однако догнать и перегнать Америку с ее «фордами» так и не получилось.

Вскоре большинство машиностроительных заводов перешли на военную продукцию, и с народным автомобилем было покончено.

Провал этого и других амбициозных проектов, по-видимому, сделал Лея пессимистом. Он потерял хватку и с началом войны на пост лидеров рабочего движения стали претендовать другие руководители: Константин Хирль (имперский комиссар Добровольной рабочей службы) и Фридрих Заукель (генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы). Лей запил еще больше и, фактически устранившись от руководства «Трудовым фронтом», занялся своим «образцовым» именем.

Его замыслы в отношении фермерского хозяйства носили порой трагикомический характер. Так, министр вооружений Шпеер вспоминал, что в 1942 г. Лей очень настойчиво требовал от него продолжать строительство нового свинарника, так как это, по его мнению, помогло бы кардинально улучшить ситуацию с продовольствием. Язвительный Шпеер не отказал себе в удовольствии написать послание, которое начиналось словами: «Рейхслейтеру по организационным вопросам НСДАП и руководителю “Германского Трудового фронта”. Относительно строительства Вашего свинарника!».

Судя по всему, лишь в 1944 г. Лей осознал, что Германия находится на пороге катастрофы. И тогда свою близость к Гитлеру он начал использовать для того, чтобы настаивать на продолжении войны любыми средствами. Окончательно оторвавшись от реальности, лидер «Трудового фронта» надеялся на пресловутое «чудо-оружие» и всевозможные сомнительные изобретения. Так, уже весной 1945 г., увидев Шпеера, он бросился к нему с криками: «Изобрели лучи смерти! Для их применения не нужно ничего особенного! Мы такие аппараты в любом количестве изготовим! Я тщательно изучил всю техническую документацию, нет сомнения — они решат исход войны!» Немного отдышавшись, Лей продолжил: «Но, конечно же, в вашем министерстве указали изобретателю на дверь. К счастью, он обратился ко мне. Теперь вы просто обяза-

ны заняться этим делом, и немедленно. В данный момент нет ничего более важного!» Чтобы отвязаться, Шпеер назначил его «уполномоченным по созданию лучей смерти» и предложил использовать для опытов кроликов из «образцового» имения. Через неделю в министерство вооружений поступил заказ на комплект необходимого оборудования, причем в заявке были указаны электрические детали, которые сняли с производства еще в начале XX века. В результате «лучи смерти» так и не были созданы, но Рейх рухнул, разумеется, не из-за этого...

Лей попал в плен к союзникам и вместе с другими нацистскими руководителями должен был предстать перед международным трибуналом. В тюрьме он начал возвращаться к реальности. Следует отметить, что, по-видимому, Лей действительно не очень представлял себе всю масштабность нацистских злодеяний. Ну, а те грехи, которые и вправду были на его совести, до определенного момента, видимо, не казались ему слишком значительными. И вот, ознакомившись с обвинительным заключением, Лей испытал самый настоящий шок. Четыре дня он пытался переварить все случившееся, а осмыслив, сам вынес себе высшую меру наказания...

24 октября 1945 г. бывший руководитель «Германского Трудового фронта» повесился в Нюрнберге в тюремной камере.

Шверник

Несмотря на свою не совсем обычную фамилию, Николай Михайлович Шверник был коренным русским и родился в Санкт-Петербурге в семье рабочего 19 мая 1888 г. В 14-летнем возрасте токарем он устроился на электромеханический завод «Дюфлон и Константинович», где и сблизился с революционерами-нелегалами. В 1905 г. Николай примкнул к большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, т. е. к той самой группе, из которой впоследствии выросла другая партия — коммунистическая.

Следующие два года молодой большевик вел подпольную работу в Санкт-Петербурге, Туле, Николаеве, Самаре. Правда, после поражения первой русской революции 1905–1907 гг. Швернику пришлось вспомнить о своих прежних навыках и вернуться к профессии токаря. В годы Первой мировой войны, трудясь на одном из оборонных заводов, он получил «бронь», и даже поступил в Самарское городское училище, которое закончил вскоре после Февральской революции.

В 1917 г. Шверник возглавил рабочий комитет крупнейшего в городе предприятия — Трубочного завода, а также вошел в состав Самарского совета. Постепенно судьба выводила его на большую жизненную дорогу, и как раз накануне Октябрьского переворота он стал председателем Всероссийского комитета рабочих артиллерийских заводов. Именно в этом качестве он вернулся в Петроград для участия во Втором Всероссийском съезде советов, который открывался как раз на фоне взятия Зимнего.

Вернувшись в Самару, Николай Михайлович, возглавил городской совет и почти сразу же оказался в эпицентре событий, едва не поставивших крест на существовании большевистского режима. В начале июня 1918 г. мятежные части Чехословацкого корпуса двинулись на Самару, причем одна только весть об их приближении вызвала контрреволюционное восстание в самом городе и в прилегающих районах Поволжья.

После напряженных боев большевистские отряды были разгромлены, а их остатки подверглись переформированию. Николай Михайлович стал военным комиссаром 2-го Симбирского стрелкового полка, вместе с которым участвовал в контрнаступлении красных. Затем, после освобождения города, он вторично возглавил Самарский совет и вошел в состав губернского комитета партии.

Но уже осенью 1919 г. Гражданская война вступила в свою самую напряженную и решающую фазу. Шверника отозвали из Поволжья и назначили заместителем чрезвычайного уполномоченного по снабжению Кавказского

фронта. Судя по всему, именно тогда он и попал в поле зрения Сталина, который довольно пристально следил за событиями на Кавказе.

Будущий диктатор усиленно подбирал людей как для своего ближайшего аппарата, так и для работы в различных ведомствах и местных организациях. Одной из структур, где ему требовалось иметь своего человека, были профессиональные союзы.

Данный участок был тем более важным, что как раз в 1921 г. так называемая «рабочая оппозиция» выдвинула предложение передать профсоюзам всю экономическую власть в государстве. Надо сказать, что логика большевиков была железная: если уж в России существует диктатура пролетариата, а все фабрики принадлежат рабочим, то почему бы именно рабочим и не осуществлять непосредственное управление этими фабриками через свои профессиональные союзы? А партия пусть себе занимается идеологическими и теоретическими вопросами и не лезет в практическую деятельность.

Но Ленин и компания, разумеется, не собирались отказываться от возможности «поручить» экономикой. «Рабочую оппозицию» осудили, а профсоюзы «оздоровили» за счет притока свежих кадров. Одним из таких кадров и был Шверник — профессиональный революционер и профессиональный рабочий, да еще из Питера — «колыбели революции».

Но известно, что власть портит человека, и за время своей руководящей работы Шверник перестал быть пролетарием. В некотором роде Николай Михайлович оказался идеальным бюрократом — трудолюбивым, дисциплинированным и, конечно же, оторванным от жизни. Он никогда не лез без приглашения в высокую политику, зато тщательно занимался второстепенными вопросами, вроде вынесения взысканий, повышения и снижения зарплат своим сотрудникам.

Все это, впрочем, не противоречило принципам сталинской кадровой политики, в соответствии с которыми работников требовалось подбирать так, «чтобы на постах

стояли люди, умеющие осуществлять директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». Здесь на Николая Михайловича можно было положиться: генеральную линию он проводил строго и неукоснительно.

В 1923 г. Шверник возглавил созданную при Политбюро «постоянно действующую Комиссию для борьбы с самогоном, кокаином, пивными и азартными играми». Несколько позже он стал наркомом рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и членом ЦК партии.

Его способности «пресекать и контролировать» были поистине выдающимися, и в 1925 г. нашего героя послали в Ленинград приглядывать за главным соперником Сталина — Зиновьевым. Николай Михайлович вовремя просигналил «хозяину» об угрозе создания так называемой «новой оппозиции» и в награду за бдительность стал секретарем ЦК партии. Но его возвращение в Москву было недолгим, и когда потребовалось, чтобы Уральскую парторганизацию возглавил надежный товарищ, именно Шверника сочли подходящей кандидатурой.

Самара, Урал, Ленинград — все эти регионы считались промышленными, и когда в 1930 г. Сталин отстранил от руководства профсоюзами еще одного своего оппонента — Томского, вполне естественно, что замена ему нашлась довольно быстро. Благо, и в профсоюзах Николай Михайлович уже имел достаточный опыт работы.

Целых 14 лет Николай Михайлович занимал кресло первого секретаря ВЦСПС. За это время Советский Союз превратился из государства «диктатуры пролетариата» в «общенародное государство», где рабочий, крестьянин и интеллигент считались абсолютно равными членами общества. Тем не менее пролетариат по-прежнему считался «классом-гегемоном» и главной опорой коммунистической партии.

Профсоюзы, как и в гитлеровской Германии, служили своеобразной «прокладкой», смягчающей трения между трудящимися и правящей верхушкой, причем здесь следует уточнить, что немцы в этом отношении всего лишь повторяли советский опыт.

Дешевые санатории и туристические поездки (только не за границу — упаси, Боже), дома культуры и дополнительные материальные выплаты — все это впервые было опробовано именно на нашей почве. И так же, как в Германии, рабочие действительно чувствовали себя «равноправными и уважаемыми членами нации». Пожалуй, даже чуть более уважаемыми, нежели крестьяне и «гнилые интеллигенты»...

Западу демонстрировали наши достижения и, разумеется, умалчивали о недостатках, так что значительная часть иностранной общественности действительно считала советские профсоюзы некоей самостоятельной и весьма внушительной силой. Так, в 1942 г. формально без всякого вмешательства правительств СССР и Великобритании был создан независимый англо-советский комитет, ставивший своей целью объединение усилий рабочих двух стран для совместной победы над Германией.

Впрочем, во время Второй мировой войны Швернику приходилось заниматься не только руководством профсоюзов, но и многими другими видами деятельности. Так, в июле-декабре 1941 г. он был председателем Совета по эвакуации, внося огромный вклад в переброску и развертывание на востоке крупнейших промышленных предприятий из европейской России.

После того как ситуация на фронте изменилась, Николай Михайлович возглавил Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. И, наконец, в 1944 г. он стал Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, что согласно тогдашней конституции равнялось должности «президента» России.

Но и этот пост не был вершиной карьеры Шверника. В 1946 г., после смерти Калинина, он превратился в «президента» (Председателя Президиума Верховного Совета) всего Советского Союза. Правда, в отличие от «дедушки» Калинина, Николай Михайлович почти не принимал посетителей, не заигрывал с массами и не пользовался среди них никакой популярностью.

Вплоть до 1953 г. верный соратник Сталина всего лишь послушно выполнял его распоряжения: подписывал указы об отмене (1948) и восстановлении (1950) смертной казни, возглавлял комиссию по подготовке к празднованию 70-летия «хозяина», устраивал абсолютно безрезультатную кампанию по повышению роли Советов на местах и т. д.

Все другие соратники вождя искренне считали Шверника твердолобым, упертым сталинистом. В результате в день смерти «хозяина» Николай Михайлович был снят с должности Председателя Президиума ВС СССР и фактически оказался отстраненным от выработки нового политического курса. Однако как опытный аппаратчик он довольно быстро сориентировался в ситуации и примкнул к более сильной группировке.

Уже в декабре 1953 г. Шверник принимал участие в осуждении Берии, а затем вошел в специальную комиссию ЦК КПСС по расследованию сталинских репрессий. В 1956 г. Николай Михайлович возглавил Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС и серьезно помог Хрущеву в его борьбе с «антипартийной группировкой» Молотова, Маленкова, Кагановича. В общем даже в период оттепели «старый конь борозды не портит», очень добросовестно делая то, что требовал от него новый «хозяин».

Другое дело, что в глубине души Шверник, видимо, все-таки тосковал по Сталину. В 1961 г. он возглавил Комиссию по перезахоронению генералиссимуса. Рассказывают, что, когда переложенное в деревянный гроб тело «отца народов» опускали в могилу, Николай Михайлович буквально заходился в рыданиях. Правда, за пару часов до этого любовь к Сталину не помешала ему отдать приказ снять с мундира генералиссимуса Звезду Героя и заменить золотые пуговицы на латунные...

На пенсию Шверника отправили в 76-летнем возрасте, уже при Брежневе. Скончался Николай Михайлович в Москве 24 декабря 1970 г. Урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене, неподалеку от могилы Сталина.

*Во все времена политики прикрывали свои цели рас-
суждениями о благе сограждан. Советский и немец-
кий профсоюзные боссы всего лишь следовали этой тра-
диции, работая на одном, достаточно ограниченном,
участке идеологического фронта. Вождь «Трудового
фронта» Лей несколько лучше владел демагогией, а
Шверник оказался более талантливым аппаратчиком,
однако и тот, и другой никак не относились к числу
выдающихся деятелей. Тем более, что лицо эпохи оп-
ределяли не «солдаты труда», а просто солдаты.*

РИББЕНТРОП И МОЛОТОВ: ВМЕСТЕ В ИСТОРИИ

Даже граждане, не сведущие в истории, что-нибудь да слышали о пакте Молотова — Риббентропа. Название этого документа стало своеобразным символом наглой и недалёковидной политики — политики, при которой великие тоталитарные империи «делили мир», не считаясь с интересами малых народов.

Однако сегодня нас интересует не столько сам этот пакт, сколько те деятели, в честь которых он назван. И хотя в истории имена Иоахима Риббентропа и Вячеслава Молотова просто обречены стоять рядом, судьбы этих людей сложились очень и очень по-разному.

Карьера 1. Риббентроп

Иоахим Риббентроп родился 30 апреля 1893 г. в Везельна-Рейне в семье офицера. Получив очень приличное домашнее образование, он еще в юности лишился родителей и был вынужден самостоятельно пробиваться в жизни. Уехав в Лондон, Иоахим поселился у одного своего дальнего родственника. Однако кормить задаром его никто не собирался, и тогда Риббентропу пришлось подумать о том, чтобы подыскать себе какую-нибудь специальность. В 1910 г., получив несколько рекомендательных писем, он уехал в Америку, где за короткое время успел поработать железнодорожником, журналистом, виноторговцем. Правда, ни в одной из профессий успеха Иоахим так и не добился. Не удивительно, что в 1914 г. молодой человек с легким сердцем уехал из Америки и вернулся в Германию. Здесь он вступил в армию и вместе с 12-м гусарским полком отправился на фронт сражаться с французами.

Через год Риббентроп уже имел два Железных креста и чин обер-лейтенанта. В 1915 г. он был прикомандирован к специальной миссии генерала фон Секта и остаток войны провел в Турции в качестве военного советника.

После демобилизации Риббентроп основал собственную фирму по продаже шампанского. Сначала дела шли неважно, но все изменилось после того, как он женился на дочери крупнейшего торговца шампанским О. Хенкеля — Аннелиз. Благодаря помощи тестя к 1925 г. Иоахим сумел подмять под себя весь импорт спиртных напитков, идущих из Великобритании. Тогда же от умершей тетушки он унаследовал дворянский титул и приставку «фон» к своей фамилии. По делам фирмы Риббентроп часто бывал в Англии и даже обзавелся связями в британском высшем обществе. Впрочем, в германском высшем обществе его связи были не меньшими...

Герой войны, преуспевающий бизнесмен, дворянин, светский лев... Казалось, что сама судьба толкала Риббентропа к публичной политике. И он в конце концов решил попробовать.

В августе 1932 г. после встречи с Гитлером Иоахим подал заявление в НСДАП. Его связи оказались очень полезными при установлении контактов между нацистами и финансово-промышленными кругами Германии. Благодаря этим контактам Гитлер избавился от репутации «сумасшедшего ефрейтора» и в конце концов получил предложение возглавить новое немецкое правительство.

Мастерство, с которым бывший коммерсант улаживал все спорные вопросы, произвело на фюрера огромное впечатление. Внутри партии было образовано так называемое «бюро Риббентропа». Его руководитель с личного разрешения Гитлера и в обход министерства иностранных дел стал устанавливать неофициальные контакты с западными державами. Подобная «подковерная дипломатия» оказалась довольно эффективной. Во всяком случае в 1935 г. Риббентроп смог добиться выгодного англо-германского морского соглашения. День подписания этого договора Гитлер назвал «счастливейшим днем в своей жизни».

Фюрер в этот период добивался союза с Англией и вполне естественно, что именно англофила Риббентропа Гитлер назначил послом в Великобритании. Союз, впрочем, так и не получился, но на его карьере это не отразилось. В 1938 г. он все-таки возглавил министерство иностранных дел Германии. Правда, «дипломаты старой школы» крайне неодобрительно воспринимали своего нового шефа. Как писал советник немецкого посольства в Москве Густав Хильгер: «То был человек, занимавший пост, для которого он не имел ни надлежащего образования, ни дипломатического чутья и такта. Вследствие этого он страдал комплексом неполноценности, который стремился прикрыть претенциозными манерами, порой совершенно невыносимыми для окружающих... Риббентроп беспрестанно старался удержать благосклонность Гитлера и давать ему свидетельства своей мнимой незаменимости. Один из применявшихся им способов заключался в том, что он имел при Гитлере своего доверенного человека, который был обязан постоянно сообщать ему, какие идеи и мнения высказывал фюрер в самом узком кругу приближенных, особенно во время ночных бесед с ними. Из этих высказываний Гитлера Риббентроп делал выводы о его намерениях и помыслах и при первой же оказии выдавал их ему за свои. Гитлер часто попадался на эту уловку Риббентропа и неоднократно превозносил его «феноменальную интуицию» и «прозорливость».

Возможно, именно благодаря своей «интуиции» он вовремя уловил желание Гитлера сблизиться со Сталиным. Тем не менее сам Риббентроп в своих записках утверждал, что «искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей».

Карьера 2. Молотов

Вячеслав Михайлович Скрябин родился 9 марта 1890 г. в слободе Кукарка Нолинского уезда Вятской губернии (ныне город Советск Кировской области) в семье приказчика. Отец явно мечтал сделать из него еще одного приказчика, и потому отдал мальчика в Казанское реальное

училище. Однако в большом городе Вячеслав не только заразился марксистскими идеями, но и принял участие в событиях первой русской революции 1905–1907 гг. В 16 лет он уже вступил в большевистскую партию, а в 18 — отправился в первую ссылку. Отец, правда, пытался урезонить непутевого сына, и в 1911 г., явно под его влиянием, «бывший ссыльнопоселенец» стал студентом Петербургского политехнического института. Но в плане наличия «вредных идей» атмосфера здесь была не лучше, нежели в Казани. Теперь Вячеслав не только читал запрещенную литературу, но и публиковался в марксистских изданиях. При этом фамилию Скрябин он поменял на пролетарский литературный псевдоним — Молотов.

Вячеслав Михайлович стал одним из создателей газеты «Правда», несколько раз подвергался арестам, а в 1915 г. за антивоенную деятельность был вторично приговорен к ссылке на поселение. Февральская революция застала его в Петрограде, где он находился на нелегальном положении.

Вместе с несколькими другими большевиками Молотов был выбран депутатом Петросовета. Затем в качестве члена Военно-революционного комитета Вячеслав Михайлович принимал участие в свержении Временного правительства. После он был председателем Совнархоза Северной области, председателем Нижегородского губисполкома, секретарем Донецкого губкома и, наконец, руководителем всей партийной организации Украины. В 1921 г. Молотова отозвали в Москву, сделав его кандидатом в члены Политбюро и ответственным секретарем ЦК партии.

В смутное время Гражданской войны его массивная, крепко сбитая фигура словно воплощала в себе одно из определяющих явлений российской действительности — бюрократию. Трудно понять, почему бывший революционер превратился в образцового чиновника (возможно, напомнил о себе папа-приказчик?), но факт остается фактом: сам «демон революции» Троцкий называл Молотова символом «бюрократического перерождения партии», а современники наградили его прозвищем «Железная задница».

Как и положено бюрократу, Вячеслав Михайлович нуждался в «хозяине». До 1921 г. он был верным ленинцем, но после болезни Ильича начал сближаться с генеральным секретарем партии Сталиным. Именно Молотов помог ему сориентироваться в тонкостях канцелярской работы, и именно при помощи Молотова будущий «вождь» проводил в ЦК все новых и новых своих сторонников.

Аппаратная борьба завершилась полным разгромом всех сталинских соперников (Троцкого, Зиновьева, Бухарина). Вячеслав Михайлович как один из главных виновников этого успеха получил свою долю наград: в 1926 г. он стал членом Политбюро, а в 1930 г. сменил Рыкова в должности председателя Совнаркома СССР (говоря по-современному — премьер-министра). Правда, хозяйственные достижения Молотова были весьма спорны: политика форсированной индустриализации имела не только свои плюсы, но и минусы. Что же касается коллективизация, то она и вовсе привела к голоду, который можно считать одним из самых страшных преступлений сталинского режима.

Гораздо больших успехов Вячеслав Михайлович добился в области дипломатии. 3 мая 1939 г., оставаясь председателем Совнаркома, он сменил Литвинова на посту народного комиссара иностранных дел. Предшественник Молотова был евреем и уже в силу этого обстоятельства не пользовался любовью в Германии. Кроме того, Литвинов действительно выступал за сближение СССР с Англией и Францией, так что с его уходом в Берлине вздохнули с облегчением. На Молотова Гитлер и Риббентроп возлагали большие надежды. И эти надежды действительно оправдались.

«Мы этого не заслужили»

Летом 1939 г. союз с Россией требовался Германии как воздух. Готовясь к нападению на Польшу, Гитлер не исключал, что это приведет к войне с Англией и Францией. Позиция Кремля в таком случае приобретала решающее значение. По опыту Первой мировой войны Гитлер пони-

мал, что борьбы на два фронта его стране не выдержать. Утешало лишь то, что Париж и Лондон заключать союз с Москвой явно не спешили.

И тогда немцы сыграли на опережение. В начале августа Риббентроп уведомил Молотова о своей готовности прилететь в Москву для того, чтобы урегулировать все спорные вопросы. Советская сторона выразила согласие, причем, узнав об этом, Гитлер буквально сошел с ума от радости. Вождь Рейха начал лупить кулаками по стене и кричать: «Ну, теперь весь мир — у меня в кармане!»

На исторических переговорах в Кремле 23 августа 1939 г. присутствовали Сталин, Молотов, Риббентроп и Шуленбург (германский посол в СССР). Согласно протоколу первым должен был говорить председатель Совнаркома Молотов, однако Вячеслав Михайлович предпочел уступить слово Сталину. «Кремлевский горец» сразу взял быка за рога: «Хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли договориться». Присутствующие пришли в восторг, и дальше дело пошло как по маслу.

Первым делом участники переговоров поделили сферы влияния. Советский Союз получал свободу действий в Эстонии, Латвии и Финляндии, а также возможность вернуть Бессарабию (оккупированную Румынией). Сталин, в свою очередь, пообещал немцам, что не будет препятствовать их планам в отношении Польши. Правда, на случай германо-польской войны Молотов предложил установить демаркационную линию между вермахтом и Красной Армией. Тем самым советская сторона давала понять, что тоже собирается претендовать на часть «польского наследства». Риббентропу это не понравилось, однако торг в данной ситуации был неуместен...

Все тайные договоренности были зафиксированы в секретных протоколах и, разумеется, не подлежали публикации. Миру предъявили один лишь советско-германский пакт о ненападении, который, собственно, и получил название «пакта Молотова — Риббентропа». И хотя ничего, кроме заявлений о советско-германской дружбе, в нем

не содержалось, даже непосвященные почувствовали, что речь шла о чем-то гораздо большем...

О чем именно, все стали догадываться уже через неделю, когда Сталин и Гитлер приступили к реализации тайных договоренностей. Еще через месяц германские части разгромили польскую армию и на берегах Буга встретились с советскими войсками.

27 сентября 1939 г. Риббентроп вторично вылетел в Москву, чтобы урегулировать вопрос о границе между СССР и Германией. Из Берлина он уезжал в приподнятом настроении и даже похвастался Гитлеру, что «чувствует себя в Москве среди большевиков так же, как среди своих старых партийных товарищей».

Правда, в Кремле настроение у него испортилось. Между делом Молотов попросил включить Литву в советскую сферу влияния. Растерявшийся Риббентроп тут же побежал звонить фюреру. Гитлер после некоторых колебаний согласился, добавив, что взамен хотел бы установить с Кремлем «совсем тесные отношения» (узнав об этом, Сталин заметил: «Гитлер свой гешефт понимает»). В конце концов стороны подписали договор о границах, причем при проведении пограничной линии Сталин уступил немцам кусочек Беловежской Пущи, оговорившись, что дарит эти леса под охотничьи угодья для Риббентропа.

В этот же вечер участники переговоров отправились в театр смотреть «Лебединое озеро». Сидя в ложе, Молотов и Риббентроп общались как старые товарищи, и не удивительно, что вскоре начали гулять слухи, будто они знают друг друга еще по Петербургскому политехническому институту, в котором якобы вместе учились. Рассказывали даже, будто в память о старой дружбе германский министр заступился за поэтессу Анну Ахматову, которую незадолго до этого «пропесочили» в советской печати.

На самом деле подобные слухи не имели под собой почвы, а вся дружба Молотова и Риббентропа объяснялась исключительно общностью политических интересов. И не удивительно, что вскоре после того как Риббентроп покинул Москву, эта дружба дала трещину...

В 1939–1940 гг. Сталин включил в состав СССР прибалтийские республики, Бессарабию и часть Финляндии. Тогда же войска вермахта разгромили и оккупировали Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Голландию, Францию. «Головокружение от успехов», а также стремление не допустить дальнейшего усиления своего восточного соседа заставили Гитлера «отложить на некоторое время» высадку в Англии и приступить к разработке плана нападения на Россию.

Смутно почувствовав угрозу, Сталин направил в Берлин Молотова (ноябрь 1940 г.). Однако его миссия закончилась безрезультатно. Стремление немцев привлечь СССР к совместной борьбе против Англии наталкивалось, как правило, на встречные требования «учитывать советские интересы на Балканах». К тому же как раз в день переговоров британская авиация совершила очередную бомбардировку Берлина. Спустившись в убежище и оставшись наедине с Молотовым, Риббентроп обратился к нему, потирая руки: «Ну, вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?» «А что скажет Англия? — спросил Молотов. «С Англией покончено, — ответил Риббентроп. — Она больше не является великой державой». «А в таком случае, — сказал Молотов, — зачем мы сидим в этом убежище, и чьи это бомбы падают?»

Упорно не желая понимать, кто в Европе хозяин, советские дипломаты пытались противодействовать германской экспансии на Балканах, а советские войска (как казалось Гитлеру) только и ждали момента, когда вермахт истечет кровью в борьбе с Англией. И тогда фюрер решил разом разрубить этот «гордиев узел»...

Впоследствии в своих мемуарах Риббентроп утверждал, что он «предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России», однако предостерегал, надо понимать, не очень настойчиво. Во всяком случае, когда подготовка к агрессии уже шла полным ходом, Риббентроп делал все, чтобы усыпить бдительность нашей дипломатии. И в общем-то получилось у него это неплохо.

Во всяком случае нападение Германии стало для советских руководителей страшным потрясением. Когда немецкий посол граф фон Шуленбург от имени своего правительства официально объявил Молотову о начале военных действий, Вячеслав Михайлович настолько смешался, что промямлил лишь жалкое: «Мы этого не заслужили». Шуленбургу ничего не оставалось, как развести на эти слова руками...

Впрочем, и Риббентроп, несколькими часами ранее «объяснявшийся» с советским послом в Берлине Деканозовым, отнюдь не чувствовал себя победителем. Перед приемом наших представителей он основательно принял на грудь, так что его обвинительная речь в адрес СССР прозвучала абсолютно не убедительно. Более того, перед выходом Деканозов успел бросить: «Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь...» И здесь произошло нечто невероятное. Риббентроп, семена, догнал Деканозова у самой двери и горячо зашептал: «Передайте в Москве, что я был против нападения. Фюрер меня не слушал...»

Риббентроп.

Путь на виселицу

К концу 1941 г. все более или менее заметные страны либо примкнули к антигитлеровской коалиции, либо послушно следовали в фарватере германской политики. И судьбы мира теперь зависели не от дипломатии, а от силы оружия.

Оставшись фактически без работы, Риббентроп занялся собственным пиаром. Министр иностранных дел постоянно разъезжал по фронтам и фотографировался в окопах с солдатами. Кроме того, время от времени он нажимал на страны-сателлиты с требованиями ужесточить антиеврейскую политику.

Удивительно, но практически все нацистские бонзы считали Риббентропа «тупицей» и «болваном». И тем

не менее этот болван по-прежнему пользовался авторитетом у Гитлера. В 1943 г. 50-летие Риббентропа с большой помпой отмечалось в Германии. Некоторые из подчиненных подарили ему выложенную полудрагоценными камнями шкатулку, которую поначалу предполагалось заполнить фотокопиями со всех заключенных Риббентропом договоров и соглашений. Но, когда поздравители захотели наполнить шкатулку, у них возникли большие трудности, так как к этому времени почти не осталось договоров, которые немцы не успели бы нарушить. У Гитлера, когда он узнал о подобном казусе, по свидетельству Шпеера, «от смеха даже слезы на глазах выступили».

Удивительно, что в 1943 г. подобные вещи еще веселили фюрера. Ведь именно наплевательское отношение к письменным договоренностям как раз и привело к тому, что ни СССР, ни западные союзники так и не пошли на сепаратный мир с Германией. Между тем усилия в этом направлении предпринимались неоднократно. Так, весной 1945 г. Риббентроп попытался установить контакты с союзниками. Если верить дневнику Геббельса: «Результаты были довольно убийственными. Наиболее эффективным оказался зондаж в отношении Советского Союза. Однако тот требует Восточную Пруссию, что, ясное дело, является требованием невыполнимым. Министерство иностранных дел оперировало на этих переговорах довольно неуклюже. Оно пользовалось средствами рутинной дипломатии, которые совершенно непригодны для того, чтобы разьяснять вражескому лагерю национал-социалистическую позицию».

Странные люди! Перед ними уже маячил призрак виселицы, а они собирались разьяснять национал-социалистическую позицию и рассуждали о невозможности уступить Восточную Пруссию. Впрочем, после крушения Рейха все их терзания закончились. Кто-то покончил жизнь самоубийством, кто-то лег на дно, а кто-то (и их было большинство) попал на скамью подсудимых. Риббентропа американцы арестовали в Гамбурге, где он безуспешно

пытался «пролезть» в правительство преемника Гитлера — Деница. Вскоре экс-министр предстал перед судом Нюрнбергского международного трибунала и по его приговору был казнен 16 октября 1946 г. в числе десяти наиболее видных нацистских преступников.

Молотов. Взлеты и падения

Еще с 1930 г. и по должности, и по своему политическому положению Молотов был вторым человеком в государстве. И хотя еще в мае 1941 г. пост председателя Совнаркома занял Сталин, Вячеслав Михайлович оставался его первым заместителем. Он же был первым заместителем Сталина и в сформированном после начала войны Государственном комитете обороны. Здесь в обязанности Молотова по-прежнему входило курирование всей внешней политики, однако друзья у него были теперь совсем другие.

Новый партнер Молотова британский премьер У. Черчилль характеризовал его как «...человеческое существо, которое больше всего подходило бы под современное представление об автомате». И только один раз (в ноябре 1942 г.), когда Молотов посетил Лондон для подписания англо-советского союзного договора, Черчилль, по его словам, добился от него естественной человеческой реакции. «У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе».

Но как только вопрос о гибели утратил свою актуальность, Вячеслав Михайлович вновь превратился в человека-автомата. Упорство, с которым он вытягивал из союзников все новые и новые уступки, порой доводило их до истерики.

Во многом именно благодаря Молотову Сталин сумел добиться включения в сферу советского влияния фактически всей Восточной Европы. И все же противоречия между бывшими союзниками оказались так глубоки, что после разгрома Германии мир вновь оказался расколотым на два лагеря — капиталистический и социалистический. На смену «горячей» войне пришла война «холодная». Вячеслав Михайлович тоже приложил к ней руку, однако, начиная с 1949 г. его собственное положение настолько ухудшилось, что ему стало уже не до внешней политики.

Решив окружить себя новой командой, Сталин начал избавляться от «старой гвардии». Жену Молотова — Полину Жемчужину (бывшего наркома и руководителя парфюмерной промышленности) — посадили в тюрьму за связь с сионистами. Самого Молотова сняли с должности министра иностранных дел, и только кончина «хозяйна» избавила его от более серьезных неприятностей.

При дележе власти, начавшемся после смерти Сталина, Вячеслав Михайлович потребовал только одного, — чтобы ему вернули его жену. Просьбу не только уважили, но и вдобавок вернули Молотову руководство внешнеполитическим ведомством. Видимо, дело здесь заключалось в том, что все тогдашние претенденты на лидерство (Берия, Маленков, Хрущев) стремились иметь в союзниках подобного политического тяжеловеса. Однако, по мере того как на первую роль выдвигался Хрущев, позиции Молотова все больше слабели. В 1956 г. его передвинули на второстепенный пост министра Госконтроля СССР. И тогда Вячеслав Михайлович объединился с другими «обиженными» — Маленковым, Кагановичем, Ворошиловым. В 1957 г. они предприняли отчаянную попытку отстранить Хрущева от власти и потерпели поражение. Вместе с другими участниками антипартийной группы Молотова исключили из ЦК и сослали послом в Монголию. Позже (в 1960-1962 гг.) он возглавлял советское представительство в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) в Вене.

На XXII съезде (1962 г.) Хрущев решил окончательно добить соперника. Молотова вообще исключили из КПСС и отправили на пенсию (любопытно, что при этом за ним сохранили все льготы, которыми пользовались бывшие партийные руководители). Вячеслав Михайлович с этим не смирился и засыпал инстанции требованиями о восстановлении в партии. Правда, цели своей он добился только в 1984 г. в конце эпохи застоя. Для Молотова эта весть была одной из последних из его больших радостей. Скончался Вячеслав Михайлович 8 ноября 1986 г. и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

История пакта, увековечившего Молотова и Риббентропа, великолепно иллюстрирует тезис о том, что «в политике нет постоянных друзей, есть постоянные интересы». В момент подписания этот документ расценивался как успех кремлевской дипломатии, однако не прошло и двух лет, как этот же документ едва не привел СССР на грань катастрофы. Затем прошло еще четыре года, и со всей очевидностью выяснилось, что пакт стал важнейшей ступенью на пути к краху гитлеровской Германии и обретению Советским Союзом статуса супердержавы.

Видимо, исходя из подобных парадоксов, следует оценивать и профессиональные качества Молотова и Риббентропа. В сущности, все успехи германского дипломата объяснялись не столько его талантами, сколько успехами немецкого оружия. А вот насчет способностей Молотова достаточно емко выразился все тот же друг большевистской России У. Черчилль: «Сюлли, Талейран и Меттерних с радостью примут его в свою компанию, если только есть такой загробный мир, куда большевики разрешают себе доступ».

ЗЕЙДЛИЦ И ВЛАСОВ: ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИЛИ ПРОЗРЕНИЕ?

Советский генерал Власов и немецкий генерал Зейдлиц... Что в России, что в Германии к этим людям намертво приросло клеймо предателей. Кадровые военные с великолепной репутацией и безукоризненным послужным списком, попав в плен, они вступили на путь сотрудничества с противником. Что двигало ими — эгоистические расчеты или стремление освободить свои страны от тиранических режимов? Вопрос сложный, тем более, что люди, вставшие на путь измены, частенько прикрывают корыстные расчеты рассуждениями о неких более высоких побуждениях. И порой даже сами начинают в это верить...

Зейдлиц

Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах родился 22 августа 1888 г. в старинной прусской дворянской семье. Один из его предков был фельдмаршалом Фридриха Великого и считался лучшим кавалерийским военачальником той эпохи. Другой, уже более близкий предок, генерал-майор Флориан фон Зейдлиц вместе с отдельным прусским корпусом генерал-лейтенанта фон Йорка в 1812 г. принимал участие в походе на Россию. После того как кампания с треском провалилась, Йорк и Зейдлиц без санкции своего короля заключили перемирие с русским командованием. Боясь гнева Наполеона, перепуганный прусский монарх поначалу объявил их государственными изменниками. Однако уже через пару недель Россия и Пруссия создали союз против Франции, а Йорк и его помощник Зейдлиц превратились в национальных героев. Пример этого предка оказался в какой-то степени знаковым для нашего героя...

Имея такую родословную, Вальтер фон Зейдлиц не колебался в выборе карьеры. Пройдя шестимесячные начальные курсы и девятимесячные курсы в Военной академии, он 27 января 1910 г. получил младший офицерский чин и назначение в 36-й полк полевой артиллерии.

К началу Первой мировой войны его часть размещалась в Восточной Пруссии. Здесь немногочисленным германским частям пришлось сдерживать натиск двух русских армий. Корпус, в котором служил Зейдлиц, потерпел поражение около Гумбинена, а сам он был трижды ранен и потерял указательный палец левой руки.

При Танненберге пруссаки взяли реванш, но молодой офицер в это время отлеживался в госпитале. В январе 1915 г. Зейдлиц вернулся в строй и был произведен в оберлейтенанты. Через полгода он вновь угодил в госпиталь, а затем его часть перебросили на Западный фронт.

Первую мировую войну Вальтер закончил в звании гауптмана, имея Железные кресты обоих классов, орден Дома Гогенцоллернов, Ганзейский крест и серебряный знак за ранения.

В 1919 г. Зейдлиц был назначен командиром батареи, которая размещалась сначала в Данциге, а затем (после отхода города к Польше) в Шверине. Некоторое время он служил под началом будущего главнокомандующего сухопутными войсками Вернера фон Фрича, к которому относился с большим уважением. В 34 года Вальтер женился на Ингеборг Барт, от брака с которой имел четырех дочерей.

К моменту захвата власти нацистами Зейдлиц был майором. Видимо, не без протекции своего бывшего начальника фон Фрича через четыре года он стал полковником. Однако тут Гитлер решил избавиться от излишне самостоятельного главкома, и фон Фрича сняли с его поста после скандала, связанного с обвинением в гомосексуализме. Карьера Зейдлица из-за этих событий могла вновь застопориться, но тут началась Вторая мировая война, и внутренние разборки внутри вермахта на какое-то время отошли на второй план.

Во главе 12-й Мекленбургской пехотной дивизии Зейдлиц участвовал в прорыве «линии Мажино» и был награжден Рыцарским крестом. Дубовые листья к этому кресту он получил уже за кампанию в России, причем награду ему вручал сам Адольф Гитлер. Тем не менее до 1942 г. личность нашего героя ничем не выделялась среди плеяды других германских военачальников. Подлинно широкая известность пришла к нему в апреле 1942 г. Создав «кулак» из трех пехотных дивизий, Зейдлиц сумел прорваться к окруженному в районе Демянска 2-му корпусу генерала Брокдорфа фон Аллефельда. Не будь этой операции, и 100-тыс. немецкую группировку могла бы постичь та же участь, которая годом позже постигла бойцов 6-й армии, в том числе и самого Зейдлица...

Но до Сталинграда было еще далеко, а тогда весной 1942 г. потомок прусского фельдмаршала был популярен в Германии не меньше, чем его знаменитый предок. Не удивительно, что фюрер отправил его на юг, туда, где готовился удар, который должен был окончательно сокрушить Страну Советов.

Зейдлицу доверили самое мощное соединение в 6-й армии Паулюса (если пять остальных корпусов этой армии насчитывали десять дивизий, то 51-й корпус Зейдлица — целых девять). Победы, которые он одерживал, следовали одна за другой. В мае-июне Красная Армия понесла ужасающие потери в битве под Харьковом. Как и в первые недели войны, вермахт стремительно двинулся на восток, и уже 21 августа пехотинцы 51-го корпуса форсировали Дон на надувных лодках. Однако по мере продвижения к Волге быстрые темпы наступления начали замедляться.

К сентябрю войска Зейдлица добрались до Сталинграда и 13-го числа заняли Мамаев курган. Затем целая неделя понадобилась на то, чтобы пройти несколько сот метров до Волги и разрезать надвое защищавшую город 62-ю армию. А дальше началась страшная мясорубка.

Для обеих сторон город, носящий имя Сталина, стал своеобразным символом. Сходясь лоб в лоб, русские и

немцы бились за каждую кучку кирпичей, каждую воронку от снаряда. Зейдлиц в этих боях проявлял не меньше упорство, чем его противники, и Гитлер, видимо, оценив эту черту, даже подумывал отозвать его в Берлин, чтобы назначить начальником штаба верховного командования вермахта. Но по зрелом размышлении фюрер отложил все до лучших времен, а вместо новой ответственной должности Зейдлица ожидали большие неприятности.

19-20 ноября в результате советского контрудара 6-я армия попала в окружение. Через два дня Зейдлиц приказал двум своим дивизиям взорвать склады и покинуть позиции в северной части города. Звуки взрывов привлекли внимание русских, которые тут же ринулись в атаку и почти полностью разбили одну из дивизий в районе Спартановки. Паулюс собирался привлечь Зейдлица к суду, но в дело вмешался фюрер, который решил подчинить 51-й корпус верховному командованию вермахта, т. е. себе лично. Последующие недели в руководстве 6-й армии сложилась парадоксальная ситуация: выполняя приказ, Паулюс и его начальник штаба Шмидт упорно держали оборону в Сталинградском котле, и в это же время любимец Гитлера Зейдлиц делал все, чтобы заставить их пойти на прорыв и нарушить тем самым указание фюрера. Дилемма разрешилась только через два месяца.

25 января 1943 г. командующий 51-м корпусом разрешил своим подчиненным сдаваться в случае невозможности дальнейшего сопротивления. Узнав об этом, Паулюс сначала хотел арестовать Зейдлица, но затем ограничился тем, что подчинил его генералу Гейтцу (командующему 8-м корпусом), который тут же издал приказ прямо противоположного содержания, грозивший смертью всем, кто вступит в переговоры с противником. Спустя несколько дней в одном из уличных боев генерал-лейтенант Зейдлиц был взят в плен. Любопытно, что его соперник Гейтц сдался в плен добровольно и безо всякого сопротивления...

Практически все офицеры и генералы 6-й армии были отправлены в лагерь Войково под Смоленском. Самая крупная военная катастрофа в истории Германии стала для

всех них тяжелым потрясением. Но если часть пленных всего лишь оплакивала поражение немецкого оружия, то кое-кто в своих выводах шел гораздо дальше.

О причинах, заставивших Зейдлица пойти на сотрудничество с советским командованием, можно лишь догадываться. Не трудно предположить, что он, кадровый военный и потомственный аристократ, не мог одобрять ни расправы над военнопленными, ни геноцид славян, евреев и прочих «недочеловеков». Однако все эти вещи самого Вальтера Зейдлица никак не касались. Изгнание же из вермахта Фрича и других неугодных генералов фюреру вполне можно было простить за то, что он вел Германию к славе и величию...

Но после Сталинграда о славе и величии можно было забыть. Для Зейдлица как непосредственного участника событий стало очевидным, что Вторую мировую войну его страна уже проиграла. Требовалось заключить мир, однако сделать это при живом Гитлере было невозможно. И, следовательно, от Гитлера необходимо было избавиться.

Так, или примерно так, мог рассуждать Вальтер фон Зейдлиц. Есть, правда, еще одна версия, объясняющая его измену, но о ней чуть позже...

Летом 1943 г. в Советском Союзе из немецких эмигрантов был создан «Национальный комитет по освобождению Германии» во главе с коммунистом Эрихом Вайнертом. 19 августа трое пленных генералов, Зейдлиц, Латманн и Корфес, были переведены из Войково в специальный «центр переподготовки» в местечке Жуково. Там начались их «консультации» с представителями НКВД и «Национального комитета». Оставшиеся в Войкове не догадывались о причинах отъезда своих товарищей, и поэтому, когда в ночь с 11-12 сентября Зейдлиц, Латманн и Корфес вернулись обратно, их появление вызвало всеобщее возбуждение. Как писал американский историк Э. Бивор: «Поскольку дело происходило ночью, все генералы явились в общую комнату в пижамах, им не терпелось узнать, что происходит. Зейдлиц вышел вперед и торже-

ственно заявил, что пришел решающий день. Он попытался убедить генералов присоединиться к ним и немедленно начать подготовку плана по свержению нацистского режима. Первым с импровизированного собрания ушел Штрекер. За ним потянулись Роденбург и Пфейффер. Однако Зейдлицу все же удалось переманить на свою сторону генералов Эдлера фон Даниэльса, Дреббера и Шлемера».

Добавим от себя: число тех, кого удалось «переманить», было гораздо большим. В созданный под председательством Зейдлица «Союз германских офицеров» вошло 94 немецких генерала и офицера. Спустя 5 дней глава Союза представил своему куратору из НКВД генерал-майору Мельникову план создания 30-тысячного корпуса из германских военнопленных.

Однако, когда 22 сентября Зейдлица, Латманна и Корфеса принимали в Кремле, речь шла уже о двухкорпусной армии со следующим штатным составом — 7 генералов, 1,5 тыс. офицеров и 42 тыс. солдат. Эту армию Зейдлиц предлагал при помощи советской авиации перебросить в район Берлина с тем, чтобы она попыталась поднять в стране общенациональное восстание. Когда присутствовавший на встрече офицер НКВД указал на техническую сложность подобного предприятия, Зейдлиц уверенно бросил: «Проработать детали — это задача советского командования».

Однако «прорабатывать детали» рискованного предприятия в советской Ставке явно не собирались. Дело ограничилось тем, что вместо перевоспитанных солдат вермахта над немецкими позициями стали разбрасывать антифашистские листовки, подписанные Зейдлицем и его компаньонами. И хотя реальный эффект подобных мероприятий был минимальным, на Гитлера все происшедшее произвело большое впечатление. Вызвав к себе Гиммлера и других генералов, фюрер заставил их подписать «декларацию верности». Жenu и четырех дочерей Зейдлица отправили в концлагерь, откуда они, впрочем, довольно быстро выбрались благодаря помощи влиятельных покровителей.

У самого Зейдлица тем временем дела шли неважно. Двое членов «Союза офицеров» (капитан Штольц и лейтенант Виллимзиг) после допросов на Лубянке признались, что состоят в тайной фашистской организации военнопленных. В связи с этим у следователей НКВД возникли подозрения, что все планы Зейдлица являются не более, чем провокацией. И надо признать, что в их доводах имелись свои резоны...

Сталин, в принципе, ничего не имел против того, чтобы будущая Германия являлась нейтральной державой. Однако факт создания на территории СССР прокоммунистической немецкой армии неизбежно должен был вызвать у союзников подозрения, что Кремль собирается при ее помощи включить Германию в орбиту своего влияния. А это, в свою очередь, должно было привести к раздорам внутри антигитлеровской коалиции. И, наконец, серьезные подозрения вызывала искренность самого фон Зейдлица.

Даже если бы спроектированная им армия была бы создана и даже если бы эту армию удалось перебросить по воздуху в район Берлина, что она бы смогла там сделать? К 1943–1944 гг. советское командование уже четко понимало, что рассчитывать на антифашистское восстание немецких трудящихся никак не приходится. Правда, определенная оппозиция Гитлеру все-таки существовала (и она даже проявила себя 20 июля 1944 г.), но надеяться на то, что она захочет и успеет оказать помощь свалившимся с неба бойцам Зейдлица, было также по меньшей мере наивно.

С гораздо большей долей вероятности можно предположить, что высадившаяся в районе Берлина «Германская Красная Армия» была бы сразу блокирована превосходящими силами вермахта и сдалась бы после символического сопротивления. Или вообще без сопротивления. И кто знает, не входило ли это в планы самого Зейдлица, настоящая цель которого заключалась лишь в одном — любой ценой вырваться из советского плена?..

В общем, доверие к Зейдлицу у советской стороны пропало. «Союз офицеров» тихо прекратил свое существова-

ние. После окончания войны другие генералы (вроде Латманна и Корфеса) заняли видные посты в Германской Демократической республике, Зейдлица же обвинили в несовершенных им военных преступлениях и приговорили к 25-летнему тюремному заключению. Тяжелые условия содержания и постоянное психологическое давление в конце концов привели к нервному срыву, после которого генерала перевели в Москву в Бутырку. На родину он вернулся в 1955 г. с одной из последних партий военнопленных. Однако в ФРГ «его появление общественность встретила угрюмым, неодобрительным молчанием». Подавляющее большинство немцев осуждало его за измену присяге, что же касается людей левых убеждений, то они, напротив, видели в нем одного из гитлеровских прислужников. В конце концов, как и во времена «Союза офицеров», Зейдлиц остался в одиночестве. Скончался он 28 апреля 1976 г. в преклонном 87-летнем возрасте.

Власов

Андрей Андреевич Власов родился 1 сентября 1900 г. в селе Ломакино Нижегородской губернии в крестьянской семье. Отец его всю жизнь пахал на земле и время от времени подрабатывал портняжным делом. Глава семьи, хотя и считался кулаком, мечтал обеспечить своим детям нечто более лучшее, нежели нелегкая крестьянская доля. Своего сына Андрея он отправил в духовную семинарию учиться на священника. Однако тут к власти пришли большевики, и смекалистый юноша быстро понял, что перспектива стать лицом духовного звания не сулит ему ничего, кроме неприятностей, а возможно, и гибели. Впрочем, как можно было догадаться по крестьянской политике большевиков, положение в деревне также было не очень-то радужным.

Между тем Власову очень хотелось выбиться в люди. В смутное время Гражданской войны быстрее всего карьеру можно было сделать в армии. В белой ли, в красной ли — все равно. Поскольку белогвардейцы до Нижнего

Новгорода так и не дошли, выбрать молодому человеку не пришлось. В мае 1920 г. он стал красноармейцем и достаточно энергично взялся осваивать не только военное ремесло, но и азы большевистской политической грамоты. Вскоре Власов попал на командирские курсы, после окончания которых успел повоевать в Крыму против Врангеля.

Остался он в армии и после разгрома контрреволюции. С крестьянской основательностью Власов штудировал уставы, осваивал оружие и составлял конспекты на политзанятиях. За восемь лет он прошел все должности от командира взвода до начальника штаба полка, сумев обогнать многих менее старательных сверстников.

В 1928 г. перспективный красный командир был направлен в подмосковный Солнечногорск на высшие военнотактические курсы «Выстрел», а после их окончания в 1930 г. вступил в партию. Затем Власов преподавал в Ленинграде в Военной школе, служил в Ленинградском и Киевском военных округах. Бесспорно, что с точки зрения вышестоящего начальства он соответствовал всем требованиям, предъявляемым к офицеру Красной Армии, — умен, образован, дисциплинирован, политически грамотен. Как сыну крестьянина и бывшему семинаристу Власову вряд ли могли импонировать коллективизация и гонения на церковь, однако свое мнение он держал при себе, ибо в обмен на послушание и соблюдение некоторых ритуальных требований (вроде зубрежки работ Маркса-Ленина-Сталина) Советская власть давала ему самое необходимое — шанс выбиться в люди.

Для этого Власов не просто изучал военное дело (что само по себе очень похвально), но и предпринимал дополнительные усилия. Например, доносил на товарищей. В сущности, это тоже было одним из ритуалов, необходимых для успешной карьеры, и, видимо, в качестве поощрения за усердие осенью 1938 г. Андрей Андреевич получил должность начальника 27-й стрелковой дивизии.

Затем около года Власов был военным советником при штабе маршала Чан Кайши, чья армия в это время вела

бои с японскими агрессорами. Сам факт присутствия в китайском лагере советских советников тщательно скрывался, а потому Андрей Андреевич приказал своему шоферу пристрелить его в случае, если возникнет реальная угроза попасть в руки японцев. Как видим, и мужество у Власова тоже присутствовало.

К счастью или к несчастью, но выполнять данный приказ шоферу не пришлось. В ноябре 1939 г. Андрей Андреевич вернулся на Родину, привезя с собой самые лестные аттестации маршала Чан Кайши, а также орден Золотого дракона. Став командиром 99-й стрелковой дивизии, он быстро превратил ее в лучшее соединение округа и в качестве поощрения получил взамен сданной в Гохран китайской награды высший советский орден — орден Ленина.

Отечественную войну Власов встретил в должности командира 4-го механизированного корпуса. Уже 24 июня его соединение вместе с 9-м механизированным корпусом Рокоссовского действовало против 1-й германской танковой группы. Приказ «нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группировки противника, уничтожить ее и восстановить положение» выполнить не удалось. Тем не менее на фоне общей катастрофы Андрей Андреевич действовал довольно удачно и в сентябре был назначен командующим 37-й армией. Правда, из-за просчетов Ставки его армия тут же угодила в киевский котел и была полностью разгромлена. Раненого командарма солдаты вынесли из окружения на руках. После недельных блужданий с группой штабистов Власов добрался до своих.

Реабилитироваться он сумел во время московской битвы. Возглавляемая им 20-я армия выбила врага из Солнечногорска и наряду с другими населенными пунктами овладела знаменитой Ясной Поляной. Андрей Андреевич стал всесоюзной знаменитостью и даже был представлен английским журналистам, на которых произвел очень хорошее впечатление. Сталин явно ему покровительствовал, причем, чувствуя поддержку «хозяина», Власов позволял себе многое. Он мог, например, послать по матери своего непосредственного начальника — Жукова. Жу-

ков, разумеется, в долгу не оставался, и можно предположить, что последующие похождения генерала Власова доставили ему большое удовольствие...

В начале 1942 г. 2-я ударная армия Волховского фронта и 54-я армия Ленинградского фронта встречными ударами попытались прорвать кольцо блокады вокруг Ленинграда. Однако после фланговых контрударов противника 2-я ударная армия сама оказалась в котле, и Власова отравили спасти ситуацию.

Сделать ему удалось немного. Небольшая часть окруженцев сумела прорваться к своим. Сам Власов с группой бойцов некоторое время укрывался в лесах. Постепенно отряд таял, и в июне 1942 г. командарм вместе со своим поваром Марией Вороновой добрались до глухой, затерявшейся в лесах деревушки. Здесь они были схвачены бойцами местной самообороны и направлены в немецкий штаб на станции Сиверской. Андрей Андреевич пытался выдать себя за учителя, но после того, как ему показали газету с его же портретом, он прекратил заpirationства. А еще через несколько недель Власов выразил готовность сотрудничать с германским командованием...

Итак, что же толкнуло его на этот поступок? До момента пленения все интересы Власова были сосредоточены на собственной карьере. О судьбах страны и о справедливости того режима, которому он служил, Андрей Андреевич предпочитал не думать. Подобные размышления стали посещать его лишь в плену, и вот тогда-то у Власова вдруг открылись глаза и на отсутствие в стране демократии, и на тяжелое положение крестьянства, и на страдания православной церкви. В сущности, ничто не мешало Власову прозреть раньше, но тогда это могло бы стоить ему карьеры и даже жизни. А тут прозрение пришло весьма кстати.

Судя по выступлениям, Андрей Андреевич искренне проникся своими новыми взглядами. Однако над неизбежно возникавшими неудобными вопросами генерал предпочитал не задумываться. Как, например, он собирался совмещать нацистские расовые теории с планами возрож-

дения России? И как он вообще мог поверить, что нацизм несет России освобождение, если сами нацисты даже не пытались утверждать ничего подобного?

С сентября 1942 г. Власов начал работать в Отделе восточной пропаганды германского верховного командования. Организовав «Русский освободительный комитет», он совершал многочисленные поездки, выступая то перед военнопленными, то перед германскими фронтовыми частями. Одна из таких речей вызвала ярость фюрера, однако, вопреки утверждениям некоторых историков, ничего патриотичного в ней не содержалось. Выступая перед фельдмаршалом Кюхлером и офицерами его штаба, Андрей Андреевич сказал: «Война закончится. Мы освободимся от большевизма и будем принимать немцев как самых дорогих гостей у себя в Ленинграде, которому будет возвращено его историческое название». Власов попросту не знал о планах Гитлера превратить Ленинград в болото, и фюреру эта речь страшно не понравилась. Он распорядился отправить всю власовскую компанию обратно в лагерь, однако германские штабисты положили приказ «под сукно», а самого генерала убрали с глаз долой.

В сентябре 1944 г., когда ситуация на фронте стала для немцев совсем скверной, Власова вновь извлекли на свет Божий и поручили ему сформировать «Русскую освободительную армию» (РОА). Постепенно в ее состав влились все другие соединения, ранее созданные фашистами из белоэмигрантов, а также советских военнопленных и перебежчиков. Кроме того, в ноябре 1944 г. был создан так называемый «Комитет освобождения народов России» (КОНР), целью которого провозглашалось свержение сталинской тирании, заключение мира с Германией и «создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров».

Власов стал одновременно председателем КОНР и главнокомандующим РОА. В борьбе за лидерство ему пришлось столкнуться со многими влиятельными эмигрантами (например, с бывшим казачьим генералом П. Н. Красновым), но к началу 1945 г. никто из них уже не мог составить ему конкуренцию.

РОА состояла из двух дивизий (600-й и 650-й), имела собственные ВВС (из 16 самолетов) и даже получила от немцев статус «армии союзной державы». Поскольку поражение Германии стало вопросом ближайших недель, Власов предпочел проигнорировать приказ Гиммлера о выдвигении армии на фронт и вместо этого отвел ее в тыл — в Чехию. В мае 1945 г. его войска поддержали антифашистское восстание в Праге, однако после подхода к городу советских войск части РОА отошли в американскую зону оккупации.

Впоследствии большинство власовцев были выданы советскому командованию. Сам Власов был арестован 12 мая 1945 г. группой советских разведчиков во главе с капитаном Якушевым при молчаливом одобрении союзников. Уже через три дня вместе с двенадцатью своими ближайшими соратниками он оказался в следственной тюрьме на Лубянке. Сначала суд над ними хотели сделать открытым, но затем из опасений, что «подсудимые будут излагать свои взгляды, которые объективно могут совпасть с настроениями определенной части населения, недовольной советской властью», от этой затеи пришлось отказаться.

Суд проходил в Москве 30 и 31 июля 1946 г. Постановлением Военной коллегии все обвиняемые были приговорены к смертной казни и повешены.

При том, что биографии Власова и Зейдлица тщательно изучены, вопрос о подлинных мотивах их предательства остается открытым. С известной долей вероятности можно лишь констатировать, что в случае с Власовым речь шла о предательстве, которое прикрывалось красивой фразеологией. Все-таки не мог он, человек явно неглупый, не понимать того, что его сотрудничество с немцами носит характер сделки с дьяволом. А сделка с дьяволом, как известно, всегда оборачивается проигрышем.

Что же касается Зейдлица, то узнать правду можно было бы лишь заглянув к нему в душу. Но, как гласит пословица, которую частенько приводили его кураторы из НКВД: «Чужая душа — потемки».

ШЕРНЕР И МЕХЛИС: ДВА КОМИССАРА

В 1944 г., когда тень поражения уже нависла над Германией, фюрер все чаще стал обращаться к советскому опыту. Вождь Рейха призывал учиться у большевиков тому, как надо вести «революционную войну», — войну, в которой недостаток ресурсов должен компенсироваться идеологическими лозунгами.

Для более успешного усвоения опыта в вермахте даже создали аналог существовавшего в Красной Армии института комиссаров. Возглавил работу «по национал-социалистическому воспитанию в войсках» известный своей жестокостью генерал Фердинанд Шернер. Что же касается используемых им методов, то они во многом копировали методы его советского «коллеги» — Льва Мехлиса.

Шернер

Фердинанд Шернер родился 12 июня 1892 г. в Мюнхене в семье офицера полиции. В юности он посещал университеты Лозанны, Мюнхена и Гренобля, затем проходил срочную службу в армии и к 1914 г. получил звание младшего лейтенанта запаса. Любопытно, что в это время Фердинанд мечтал стать учителем младших классов. Однако начавшаяся Первая мировая война смешала все планы.

Шернер попал в ряды знаменитых «альпийских стрелков», и, таким образом, дети избавились от сурового преподавателя. Зато их отцы получили командира, которого трудно было назвать «подарком».

Впрочем, при всех отрицательных качествах Шернера ему трудно было отказать и в мужестве, и в профессиона-

лизме. Он побывал в «верденской мясорубке», сражался в Карпатах — против русских, на Балканах — против сербов и, разумеется, в Альпах — против итальянцев. Однако война кончилась, и в Германии начались революция, безработица, кризис. Армейская служба по крайней мере гарантировала кусок хлеба, но мест не хватало даже для кадровых военных из среды аристократии. Сыну полицейского Шернеру, казалось, вообще ничего не светило. И все-таки он пробился...

В 1919 г. в составе добровольческого корпуса Эппа ему довелось воевать с германскими красными в Баварии и в Рейнской области. После этого заслуженного и «патриотично настроенного офицера» зачислили в рейхсвер. В 1920 г. Шернер познакомился с Гитлером, что, впрочем, не помешало ему через три года принять участие в подавлении «Пивного путча». И все-таки, даже стреляя в нацистов, сердцем наш герой был с ними. С фюрером его сближали не только ненависть к большевикам и евреям, но и неприязнь к собственным коллегам-аристократам, которые третировали его как мелкобуржуазного выскочку.

Именно они перекрыли ему дорогу на высшие должности, и до 1933 г. карьера Шернера практически стояла на месте. Однако как только нацисты оказались у власти, все изменилось. Как писал С. Митчем: «С самого начала сочетание в нем нацистского фанатизма с жестокостью произвело на Гитлера весьма благоприятное впечатление, и Шернер стал довольно быстро продвигаться вверх по иерархической лестнице». В 1934 г. ему присвоили чин майора и перевели в Генеральный штаб. Еще через три года вместе с очередным званием он получил должность командира горно-гренадерского полка.

После начала Второй мировой войны вместе со своей частью Шернер отличился при взятии Львова. Затем были Бельгия и Франция. Но эффективней всего выглядели его действия в Греции. Здесь, уже во главе дивизии, Шернер перевалил через считавшийся неприступным снежный перевал и прорвал оборонительную линию противника.

Затем гренадеры двинулись на Афины и первыми из солдат вермахта промаршировали у стен Акрополя...

Осенью 1941 г. дивизия отправилась в Россию. Во время боев на мурманском направлении все попытки советских войск перейти в наступление были отбиты, причем зачастую Шернер увлекал солдат собственным примером и даже принимал участие в рукопашных схватках.

В награду за хабрость и упорство фюрер присвоил ему звание генерал-лейтенанта и назначил командующим горно-гренадерским корпусом «Норвегия». Осенью 1942 г. Шернера перебросили на центральный участок и доверили ему сначала танковый корпус, а затем целую войсковую группу, оборонявшуюся на Никопольском плацдарме.

В общем-то, именно тогда начала проявляться знаменитая шернеровская жестокость. Жестокость, жертвами которой становились не только советские военнопленные и мирные жители, но и его собственные подчиненные.

Хотя удержать Левобережье Днепра Шернеру так и не удалось, он все-таки сумел спасти свои части от возможного окружения. Решительными мерами ему удалось сохранить дисциплину и пресечь панику, которая охватила войска во время отступления...

В снегу и грязи, ругаясь и паля из пистолета в бегущих солдат, встречал Шернер весну 1944 г. Не лучше встречал ее и Гитлер. Восточный фронт трещал по всем швам, на Западе союзники готовились к высадке в Нормандии. Волей-неволей фюрер вспоминал 1941 г., когда Советский Союз находился в аналогичной и даже еще более скверной ситуации. Что именно помогло русским выйти из кризиса? По мнению Гитлера, причина заключалась в массовой пропаганде, основанной на слепой вере в партию и ее лидера. Такая пропаганда годилась и для Германии, с той лишь разницей, что ВКП(б) следовало заменить НСДАП, а Сталина — Гитлером.

То, что фюрер знал о событиях под Никополем, казалось, подтверждало, что Шернер является волевым и преданным фюреру командиром. И не удивительно, что имен-

но его Гитлер назначил начальником штаба по национал-социалистическому воспитанию.

Проблема заключалась в том, что возглавляемая Шернером структура существовала скорее на бумаге, нежели в действительности. Да и сам институт «офицеров по национал-социалистическому воспитанию» с большим трудом приживался во фронтовых частях. Кадровые армейцы очень не любили партийных товарищей, которые не только зудели о «дорогом фюрере», но и норовили вмешаться в вопросы командования. Обиднее же всего немецким офицерам было то, что их главные враги — русские, напротив, возвращались к принципам единоначалия. Не случайно советские политуки образца 1944 г. гораздо в большей степени являлись профессиональными военными, чем партийными комиссарами...

Тайный и явный саботаж так и не позволил Шернеру наладить национал-социалистическую работу. В сущности, все его полуторамесячное пребывание на должности главного нацистского политука свелось к противостоянию с Борманом, который при назначении «офицеров по национал-социалистическому воспитанию» отдавал предпочтение партийцам, одевшим военную форму. Шернер же, хотя и был убежденным нацистом, напротив, выдвигал на «комиссарские» должности профессиональных военных, большинство из которых сравнительно поздно примкнуло к гитлеровскому движению.

Аппаратная борьба Шернера и Бормана закончилась тем, что Шернера вновь отправили на фронт командовать группой армий «Южная Украина». Правда, особых лавров ему здесь не досталось. Так, при обороне Крыма он приказал расстреливать на месте солдат, покинувших поле сражения. Одновременно Шернер приказал давать трехнедельный отпуск каждому, кто сумел уничтожить хотя бы по одному советскому танку. Поскольку «героям 17-й армии» такой отпуск представлялся единственным шансом на спасение, потери наших войск в танках резко возросли. Все это лишь ненадолго задержало падение Крыма и Севастополя, однако Шернеру удалось

свалить вину на своего подчиненного — командующего 17-й армией Йенеке...

Удивительно, но, как бы скверно ни развивалась ситуация, фюрер всегда безгранично верил в полководческие таланты своего любимца. Так, например, возглавив в июле 1944 г. группу «Север», Шернер не успел вовремя вывести войска из Прибалтики. В результате две крупных группировки оказались блокированы в так называемом Курляндском котле и в районе Клайпеды. Будучи прижатыми к морю и чувствуя за спиной «теплый» «ласковый» взгляд «любимого» командующего, войска намертво вгрызлись в землю, продержавшись здесь до самой капитуляции Германии. Конечно, с одной стороны, они оттянули на себя крупные силы Красной Армии, но с другой — бесспорно, что дивизии, блокированные в Курляндском котле, гораздо больше пригодились бы немцам под Берлином. Любого другого генерала фюрер за такой «успех» отправил бы в отставку. Шернер же оказался «молодчиной»...

Спору нет, он умел заставить солдат сражаться экстренными мерами. Один из мемуаристов вспоминал, что «Шернер ежедневно разъезжал по какому-либо участку своего фронта, большей частью по тылу. За ним следовал автобус или грузовая машина, служившая для погрузки “преступников”. Все солдаты, обратившие на себя его внимание каким-либо нарушением дисциплины, правил движения на дорогах или имевшие при себе неправильно оформленные документы, немедленно задерживались, и он, “по собственным законам”, лично приговаривал их к тяжелым наказаниям, часто к смерти, якобы за трусость перед противником. “Я не нуждаюсь в суде, я сам у себя судья”, — часто говорил Шернер».

Решительность решительностью, но в случаях, когда приходилось маневрировать, а не обороняться, Шернер оказывался бесполезен. В январе 1945 г. он возглавил группу армий «А» и через три месяца был оттеснен в Чехословакию. Попытки Шернера прорваться на помощь Берлину не увенчались успехом, но фюрер, во всяком слу-

чае, оценил усердие и (последнему из военачальников) присвоил ему звание фельдмаршала. Более того, перед самоубийством Гитлер назначил его своим преемником по командованию сухопутными войсками.

Другое дело, что Шернеру такое «счастье» было совсем не нужно. 7 мая 1945 г., когда его войска были окружены союзниками, он переделся в штатское платье и, прихватив чемоданчик с деньгами, вылетел на самолете в сторону Баварских Альп. Фельдмаршал рассчитывал отсидеться в горах, в маленьком укромном домике. Но самолет совершил вынужденную посадку, и кто-то из местных жителей выдал Шернера американцам...

Хотя с просьбой о выдаче этого военного преступника обращались Польша, Чехословакия, Греция и Бельгия, судить его довелось в Советском Союзе. Он получил 25 лет лагерей, но в 1955 г., после того как ФРГ настояла на возврате всех своих выживших военнопленных, Шернера досрочно отпустили на родину. Однако и в Германии его встретили не с цветами. За многочисленные казни своих подчиненных экс-фельдмаршал получил еще четыре с половиной года. На сей раз срок был хотя и меньшим, но отсидеть его пришлось от звонка до звонка. Выйдя на свободу, Шернер поселился в Мюнхене, где и скончался 6 июля 1973 г.

Мехлис

Лев Захарович Мехлис родился в Одессе в 1889 г. Какие-либо точные сведения о его семье отсутствуют, но, судя по косвенным данным, можно предположить, что родители его относились либо к служащим, либо к мелкой буржуазии. Немногим больше известно о юношеских годах самого Льва Мехлиса. Согласно заполненной уже в советское время анкете, в юности он работал конторщиком и занимался репетиторством. Бесспорно и то, что молодой человек увлекался политикой, однако, отвечая на вопрос той же анкеты: «Подвергался ли преследованиям за революционную деятельность», товарищ Мехлис

счел нужным сослаться лишь на один факт: «В 1907 г. в городе Одессе арестован и избит в Херсонском участке». При этом он не упомянул о своем членстве в одной из полумарксистских-полусионистских организаций «По-алей-Цион» («Рабочие Сиона»). Для человека, который, будучи одним из соратников Сталина, любил повторять: «Я не еврей, я — коммунист», в такой забывчивости нет ничего удивительного...

В 1911 г. Мехлиса забрали в армию. Служебные его обязанности заключались в уходе за лошадьми в конно-артиллерийской бригаде. В боях же он, видимо, не участвовал, но за усердие все-таки получил звание ефрейтора.

Едва грянула революция — и скромный дисциплинированный солдат превратился в пламенного трибуна. Солслуживцы избрали его членом солдатского комитета, и хотя полк вскоре распустили, Мехлис уже почувствовал вкус к публичной политике. В 1918 г. он вступил в РКП (б) и отправился на фронт по партийной мобилизации.

В мае 1919 г. при штурме Екатеринослава бандами атамана Григорьева вместе с несколькими бойцами комиссар Мехлис пробился из города и, встретив прибывшее пополнение, вернулся обратно. В одной из уличных стычек он был ранен, причем медсестра, делавшая ему перевязку, впоследствии стала его супругой.

Командование отметило Льва Захаровича и перевело его в 46-ю дивизию. Именно там Мехлис окончательно сформировался как комиссар. Начальники и сослуживцы единодушно отмечали как его положительные, так и отрицательные качества. Из положительных — энергию, храбрость, готовность увлечь личным примером. Из отрицательных — упрямство, неумение и нежелание выслушивать чужое мнение, склонность к бессудным расправам и абсолютно безразличное отношение к жизням красноармейцев...

В рядах 46-й дивизии Мехлис сражался под Каховкой и на Перекопе. И лишь в 1920 г. Лев Захарович недолго поработал в штабе Юго-Западного фронта. Однако эта недолгая командировка стоила многого, поскольку имен-

но тогда Мехлис познакомился и обратил на себя внимание Сталина.

Тот еще не был вождем партии, но уже пользовался заметным влиянием. И уже начал расставлять своих людей на ключевые должности. С Мехлисом он нашел общий язык и, видимо, считал его своим человеком. Во всяком случае именно с подачи Сталина в 1921 г. Льва Захаровича отозвали в Москву и назначили начальником канцелярии Совнаркома. Затем (наряду с Бажановым, Товстухой и Каннером) Мехлис стал одним из четырех секретарей самого Сталина, но «хозяин», видимо, решил, что его потенциал разумнее использовать для более масштабных деяний.

И тогда Лев Захарович отправился учиться в Институт красной профессуры. Как писал Ю. Рубцов, «здесь он получил богатую практику полемики с идейными противниками вождя, а поскольку обладал куда меньшими, чем они, способностями к творчеству, то интуитивно культивировал “сильные” стороны своего мышления и поведения — склонность к догматизму и трескучей демагогии, умение в случае затруднений с аргументами обрушить на оппонента политические обвинения».

Отлично проявив себя в борьбе с «правыми и левыми уклонистами», Мехлис заработал очередное повышение — стал главным редактором газеты «Правда». В этом качестве Лев Захарович сыграл поистине выдающуюся роль в разоблачении затаившихся «врагов народа»...

Массовые репрессии 1937 г. начались, как известно, с дела Тухачевского. Среди поделщиков маршала был застрелившийся еще до ареста начальник Политического управления РККА Я. Б. Гамарник. Его преемник П. А. Смирнов не оправдал доверия вождя, и тогда пост главного комиссара Красной Армии достался Мехлису. Одновременно Лев Захарович занял должность заместителя наркома обороны и приложил максимум усилий для того, чтобы очистить свое ведомство от тех, кто, по тем или иным причинам, не устраивал «хозяина». И еще он усиленно насаждал в войсках культ его личности. Во всяком

случае еще с 1938 г., со времен боев на Хасане, все чаще стали появляться сообщения о том, что советские бойцы идут в бой с криками «За Родину! За Сталина!»...

Что же касается отношений Мехлиса со своим непосредственным шефом Ворошиловым, то они отнюдь не были теплыми. В 1940 г., после того как закончилась не слишком удачная война с Финляндией, Лев Захарович подверг наркома обороны суровой и во многом справедливой критике. Однако место Ворошилова занял Тимошенко, а Мехлиса как источник смуты передвинули по горизонтали, сделав народным комиссаром Государственного контроля.

Но в 1941 г. грянула Великая Отечественная война, и Лев Захарович снова вернулся на пост главного армейского комиссара. В этот период диапазон должностных обязанностей Мехлиса был поистине безграничным. Так, в обстановке, когда немцы наносили советским войскам одно поражение за другим и партийному руководству требовалось найти «крайних», Лев Захарович подвел под расстрел нескольких генералов, которые впоследствии были реабилитированы.

Кроме того, Мехлис периодически появлялся на фронтах в качестве представителя Ставки. Реальной пользы от таких поездок не было, так как в военном деле он не разбирался, а его прибытие лишь нервировало командующих. К высокому гостю они относились как к человеку, конфликты с которым могут закончиться разжалованием или даже смертным приговором. И хотя советы Льва Захаровича отнюдь не отличались мудростью, спорить с ним не решались, что, в свою очередь, приводило к печальным результатам.

Наиболее показательной в этом отношении является история крымско-феодосийской операции. В декабре 1941 г. советские войска захватили под Керчью важный в стратегическом отношении плацдарм, на базе которого был организован так называемый Крымский фронт. Перед командовавшим здесь генерал-лейтенантом Д. Т. Козловым Сталин поставил задачу прорваться к Севастопо-

лю, а затем и вовсе очистить Крымский полуостров от неприятеля. Мехлиса прикрепили к Козлову в качестве представителя Ставки. И, разумеется, Лев Захарович довольно быстро подмял под себя командующего.

Благодаря бездарному и некомпетентному командованию Мехлиса, широко задуманное наступление обернулось позорнейшим поражением (май 1942 г.). И это при том, что, как писал К. Симонов, «три армии стояли на фронте 16 километров, дивизия занимала по фронту 600–700 метров, нигде и никогда потом я не видел такой насыщенности войсками. Все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал безумец». То, что сам Лев Захарович бежал в атаку с автоматом наперевес, никак не помогло спасти ситуацию.

Сталин устроил разбор полетов, и Мехлиса разжаловали из армейских комиссаров 1-го ранга в корпусные комиссары (т. е. понизили на две ступени). Кто знает, возможно, его даже и расстреляли ли бы, но существует легенда, будто сразу же после возвращения из Крыма Лев Захарович устремился в Кремль и добился приема у Сталина. Едва войдя в кабинет, он упал и пополз на коленях к своему хозяину...

Возможно, такая преданность подкупила Иосифа Виссарионовича. Мехлис не остался без дела и в дальнейшем входил в Военные Советы различных фронтов и армий. Однако самостоятельный участок работы ему уже не доверяли. Да и сами командующие стали меньше считаться с его мнением. Тем не менее Лев Захарович постепенно реабилитировался и даже закончил войну в достаточно высоком для партийного работника звании генерал-полковника.

После победы Мехлис вернулся на должность наркома (с 1946 г. — министра) Госконтроля. И здесь следует признать, что возглавляемое им ведомство превратилось в настоящее пугало для бюрократов и взяточников. Не раз и не два Лев Захарович переходил дорогу очень «крутым» людям, не раз и не два нарывался на неприятности и все

же с редким упорством продолжал бороться за чистоту партийных и государственных органов.

В конце концов напряженная работа отразилась на его здоровье. В декабре 1949 г. Мехлис слег с инсультом — отнялись правая нога и рука, нарушилась речь. А когда к инсульту добавился еще и инфаркт, Льву Захаровичу пришлось фактически уйти с политической арены. Скончался он 13 февраля 1953 г., всего за три недели до кончины Сталина. Тело Мехлиса было кремировано, а урну с его прахом замуровали на Красной площади в Кремлевскую стену.

Будучи профаном в военном деле, Мехлис тем не менее достиг довольно высоких ступеней в военной иерархии. Полное отсутствие полководческих способностей компенсировалось у него готовностью лечь костьми ради выполнения приказа. Именно за эту преданность и ценил его Сталин, ну а то, что ложиться костьми обычно приходилось рядовым красноармейцам, было делом вторичным.

Подобная черта имелаась и у Шернера, однако, в отличие от Мехлиса, немецкий генерал гораздо лучше разбирался в военных вопросах. Он не проявил себя мастером больших наступлений, но на завершающем этапе войны, когда вермахту оставалось лишь обороняться и ждать чуда, именно «умение держать удар» способствовало его выдвижению на первые роли.

Главное же, что сближало двух «комиссаров», — это любовь к своему «хозяину» и постоянно декларируемая преданность официальной идеологии. Впрочем, если бы при жизни кто-нибудь указал бы еврею Мехлису и арийцу Шернеру, насколько они похожи, и тот, и другой очень обиделись бы.

РИФЕНШТАЛЬ И КАРМЕН: ГЛАВНЫЙ ФИЛЬМ ЖИЗНИ

Едва ли не каждый правитель пытается окружить себя собственными, «прикормленными» представителями творческой интеллигенции. Античные тираны любили покровительствовать историкам, средневековые государи — поэтам, монархи Нового времени — ученым-энциклопедистам. В XX веке, когда важнейшим и самым массовым из искусств стало кино, в придворной свите диктаторов нашлось место и режиссерам.

Рифеншталь

Лени Рифеншталь родилась в 1902 г. в семье состоятельного берлинского коммерсанта. Отец собирался передать ей свой бизнес и для начала пытался приучить дочь к секретарской работе. Однако после скандалов с родителем Лени все-таки настояла на своем и стала танцовщицей. Подражая легендарной Айседоре Дункан, она выступала на сцене босиком и в античной одежде. Публика приняла ее «на ура», а известный в то время режиссер Арнольд Франк пригласил красавицу сыграть в одной из своих картин.

Лента относилась к жанру так называемого «горного» фильма, а ее действие разворачивалось на фоне роскошных альпийских пейзажей. Юная дебютантка лично исполняла все трюки, завоевав не только восхищение, но и любовь со стороны мужской части съемочной группы.

Картина «Белый ад Пиц Палю» с успехом прошла по экранам Европы и Советской России. Рифеншталь превратилась в начинающую звезду и обратила на себя внимание другого не менее известного мэтра кинематографа

Джозефа фон Штернберга. Как раз в это время он начал снимать свой наиболее известный шедевр «Голубой ангел». Главную роль играла Марлен Дитрих, что же касается Рифеншталь, то ей выделили лишь небольшую эпизодическую роль. И все же стоило Лени появиться на площадке, как Марлен тут же увидела в ней конкурентку и стала закатывать скандалы.

Сыграть в «Голубом ангеле» Рифеншталь так и не удалось. Зато в 1932 г. Лени не только снялась, но и поставила в качестве режиссера фильм «Голубой свет» (названный так, видимо, в пику фон Штернбергу). Никто не учил ее тонкостям постановки, и все же опыт работы у Франка не прошел даром. Картина вполне соответствовала всем канонам «горного кинематографа». Главная героиня страдала от предательства любимого и в финале, разумеется, падала в пропасть, сентиментальная немецкая публика рыдала над этой сценой. Среди всплакнувших был и Адольф Гитлер.

Работа Лени произвела на него такое впечатление, что он предложил ей снять документальный фильм о собственной предвыборной кампании. Правда, «Триумф веры» оказался вполне стандартным произведением, но Гитлер и Геббельс дали Рифеншталь еще один шанс. И тогда на свет появился «Триумф воли»...

Картина рассказывала о партийном съезде в Нюрнберге, причем подготовка к этому мероприятию шла параллельно с подготовительными работами к самому фильму. Публике собирались продемонстрировать не только ход партийного форума, но и архитектурную декорацию съезда, а также сопровождавшие его шествия и парады. Для большего динамизма Рифеншталь решила снимать одни и те же события сразу с нескольких точек. Да и сами операторы не стояли на месте, а находились в движении, то разъезжая на роликовых коньках, то поднимаясь на подъемнике.

И, наконец, кроме всех этих технических наворотов, главный акцент Лени сделала на новаторском, по тем временам — художественном приеме. В момент, когда шло

выступление Гитлера, фильм достигал своей кульминации: камера попеременно выхватывала из толпы то одно, то другое лицо, а затем возвращалась к фигуре оратора. Любому непонятливому зрителю сразу же становилась ясна главная идея — вот народ, а вот вождь, воплощающий его волю...

На Венецианском фестивале работа Рифеншталь удостоилась Главного приза. В общем-то ничего удивительного в этом нет, поскольку фестиваль проходил в дружественной фашистской Италии. Однако и в далеко не дружественном немцам Париже «Триумф воли» был награжден Гран-при и золотой медалью.

Теперь Лени могла диктовать свои условия. Она очень хотела снимать собственное кино, и нацистские руководители пообещали ей создать идеальные условия для работы. Однако для этого следовало еще разок послужить Германии — снять фильм об Олимпиаде в Мюнхене.

Рифеншталь вновь взялась исполнять очередной заказ своих покровителей, и это не стоило ей большого труда. Она увлеклась спортом, а ее любовники были сплошь стройными мускулистыми красавцами. В картине «Олимпия» восхищение мужской силой становится доминирующей темой. В принципе это удачно накладывалось на пропагандировавшуюся нацистами идею сверхчеловека. И все же Гитлер и Геббельс встретили фильм кисло. Возможно, дело заключалось в том, что и тот, и другой не очень напоминали античных красавцев. А может быть, «Олимпии», на их взгляд, попросту не хватало конкретики: ведь вместо воспевания германской команды им предложили величественную фреску о спорте и воле к победе.

Но даже если недовольство имело место быть, то оно не высказывалось. «Олимпия» была признана лучшим фильмом Германии 1937–1938 гг., получила несколько международных призов и даже вошла в составленную американскими критиками десятку лучших фильмов всех времен и народов.

Однако, когда Рифеншталь лично приехала в США, вместо оваций тамошняя общественность потребовала от

нее выступить с осуждением еврейских погромов. Лени пыталась отговориться незнанием и тогда ей устроили обструкцию. При этом наиболее резкие нападки последовали со стороны ее старой соперницы — Марлен Дитрих. Как писал по поводу их взаимной неприязни один из российских критиков: «Марленхен и Ленхен, берлинка и берлинка, светленькая и темненькая, глупенькая и умненькая, шлюшка и принцессочка, любовница элитарных семитов и подруга родословных антисемитов, артистка и режиссерка, суперстарша и зечка, “предательница” и “патриотка” — врагини навечно!»

В отличие от Дитрих Рифеншталь, не осталась в Америке. Она вернулась в Германию, однако дальнейшие отношения с нацистской верхушкой у нее явно не складывались. С началом Второй мировой войны Лени отправили в Польшу воспевать «подвиги» вермахта. Увидев, что это за «подвиги» (Рифеншталь довелось стать свидетельницей издевательств над мирными жителями), она возмутилась, и после скандала ее отозвали с фронта и наконец-то предоставили возможность работать над собственным проектом.

В Чехословакии Лени снимала фильм «Долина» о том, как маркиз соблазняет и бросает цыганку Марту, Марта пытается покончить с собой, но ее спасает влюбленный в нее пастух. Скажем откровенно, сюжет был не оригинален, а тема не очень актуальна для того времени.

Военные реалии между тем постоянно мешали кино съемкам. В Чехословакии активизировались подпольщики, и тогда группа переехала в Баварские Альпы. Здесь Лени попросила выпустить для участия в массовке несколько сот цыган из ближайшего концлагеря. Возможно, работа в фильме спасла жизнь этим несчастным. Но, когда край был оккупирован французскими войсками, Рифеншталь тут же обвинили в использовании труда заключенных.

Не оставили без внимания и ее фильмы, которые в свете последних событий приобрели совершенно иное звучание. Если раньше «Триумф воли» и «Олимпию» хвали-

ли за высокие художественные достоинства, то теперь их рассматривали исключительно как пропагандистские материалы. В течение семи лет Рифеншталь подвергалась судебным преследованиям. В конце концов ее признали «попутчицей», т. е. лицом, которое достойно не уголовного наказания, а морального осуждения. Но и оно стоило Рифеншталь дорогого.

На долгие годы путь в кинематограф оказался для нее закрытым. Без особого успеха она пыталась оправдаться перед общественностью: «Ну я сожалею, сожалею, что сняла эти два фильма, пропади они пропадом! Но ведь первый фильм был снят в 1934 г., а тогда еще ничего не было — ни еврейских погромов, ни войны, ни концлагерей! Я вообще никогда в жизни ни слова не сказала против евреев! И откуда я могла тогда знать, кто такой этот Гитлер?! Да я бы и про Черчилля сняла, и про Сталина, если бы они меня позвали! Они ж тогда все одинаковые были! Ну, в чем тут моя вина-то?! А второй фильм — он же был вообще про спорт, про Олимпийские игры, и там не было никакой политики!.. И к тому же: у нас ведь были чисто документальные съемки, мы ничего не имитировали в студии, и профессиональных артистов у нас тоже не было, а потому и разыгранной потом “по сценарию партии” пропаганды — тоже! Ну я сожалею, сожалею, что сняла эти фильмы! Но виновата-то я, лично я — в чём? Что вообще тогда жила в этой стране?!»

Все было тщетно. С клеймом нацистской «попутчицы» найти средств на новые фильмы было практически невозможно. Чтобы реабилитироваться, Лени решила вложить собственные деньги и снять картину, которая могла бы удовлетворить любого гуманиста.

Темой «Черного груза» стала торговля рабами в Кении. Но работа не шла, материал оказывался неудачным, и вдобавок сама режиссер угодила в автомобильную катастрофу. В конце концов Рифеншталь махнула рукой и отправилась в соседний Судан. Своих новых героев она нашла в одном из местных туземных племен, которое считалось потомками древнего народа нубийцев. Правда,

средств на полноценный документальный фильм уже не хватало, и тогда Лени выпустила фотоальбом «Последние из нубийцев».

Книга имела огромный успех, причем с политкорректностью, на первый взгляд, все тоже было нормально. Чернокожее племя на лоне природы: какие, собственно говоря, могут быть претензии?

Однако один из влиятельных критиков тут же написал рецензию, в которой доказывал, что, воспевая в своих фотографиях физическую красоту нубийцев, Рифеншталь пропагандирует те же ценности, которые она пропагандировала во времена «Триумфа воли» и «Олимпии».

После такой отповеди Лени решила сменить поле деятельности и освоить подводные съемки. Видимо, она исходила из того, что разглядеть «пропаганду сверхчеловека» в фотографиях морского ежа или даже акулы не удалось бы ни одному самому пристрастно настроенному критику...

Работа под водой стала последним профессиональным триумфом Рифеншталь. В 72 года она получила удостоверение аквалангистки и вошла в книгу рекордов Гиннеса. Снятые Лени фотографии были изданы в виде альбома «Коралловые сады». Более того, именно в этот период ее спутником жизни стал 30-летний Хорст Кеттнер, с которым она прожила свои последние и, возможно, самые счастливые годы...

Вообще личная жизнь Рифеншталь всегда была окутана тайной. Ей часто приписывали связь с Гитлером или Геббельсом, но и о том, и о другом она всегда отзывалась с пренебрежением. Не ясно вообще, была ли Лени замужем и есть ли у нее дети. Более или менее известны лишь имена некоторых из ее любовников. Все они считались красавцами, но ни один не имел репутации умного или волевого человека. Ума и воли у самой Рифеншталь было достаточно...

До последнего дня Лени оставалась на редкость деятельной особой. В 1999 г. она едва не погибла в авиакатастрофе, когда решила навестить своих суданских знако-

мых. В 2000 г. издала книгу мемуаров. В 2002 г. выпустила на экран фильм об Индийском океане «Впечатления под водой» и тогда же посетила Петербург и Москву, где ей, конечно же, пришлось отбиваться от уже ставших привычными обвинений в сотрудничестве с нацистами. Заметим, в это время ей как раз исполнилось сто лет...

Скончалась Рифеншталь от последствий простуды. Это произошло 8 сентября 2003 г. в ее роскошном доме в баварском городе Пеккинге.

Кармен

Роман Лазаревич Кармен родился в 1906 г. в Одессе. Отец его был довольно известным журналистом и писателем. Еще в 1905 г. один из его рассказов был опубликован в большевистском издательстве в той же серии, в которой публиковались произведения Ленина, Троцкого, Луначарского. Не удивительно, что, когда в 1919 г. в Одессу вошли белые, Лазаря Кармена арестовали как «сочувствующего большевикам элемента». В деникинской контрразведке его не убили, но, выйдя из тюрьмы с обострившимся туберкулезом, он умер весной 1920 г.

Хоронить своего любимца пришли несколько тысяч одесситов. Однако при всей популярности покойного его семья оказалась в бедственном положении. И в 1922 г., когда издательство «Красная новь» выпустило сборник рассказов Кармена-старшего, на причитающийся гонорар вдова писателя решила перебраться в Москву, где, как считалось, прокормиться было гораздо легче.

Роман тут же отправился на биржу труда и, получив направление, устроился в городской ломбард оценщиком. Однако для юноши с творческой родословной такая работа, конечно же, была в тягость. Как раз в это время стараниями Михаила Кольцова вновь начал издаваться закрытый в 1918 г. за «контрреволюционность» журнал «Огонек». Мать Кармена время от времени подрабатывала там корректором и именно она познакомила сына с редактором.

На пробу Роман принес несколько своих любительских снимков. Кольцов и его заместитель Зозуля были вполне удовлетворены и тут же выписали юноше удостоверение штатного фотокорреспондента.

Работа в «Огоньке» была для Кармена отличной школой. Именно здесь он стал настоящим мастером репортажа — быстрым, энергичным, напористым и немного нагловатым. Последнюю черту отмечали даже друзья Романа Лазаревича, тут же, впрочем, оговариваясь, что пролезать во все дырки он стремился вовсе не в поисках сенсаций (как на гнилом Западе), а для того, чтобы быть «в гуще событий» и достойно освещать строительство социалистического общества.

С 1930 г. Кармен переключился на кинохронику, сняв на Украине небольшой очерк «Фабрика-кухня». Затем было еще несколько небольших работ, однако все изменилось в 1933 г., после того как Роман принял участие и зафиксировал на киноленту автопробег Москва — Каракумы — Москва. Масштабная и очень качественная работа, осуществленная в достаточно сложных климатических условиях, впервые принесла ему признание у профессионалов. Пока, правда, только на родине. А вот в других странах оператора Кармена узнали чуть позже, после того как в 1936 г. начали поступать его репортажи из Испании.

Именно там, на Пиренейском полуострове, проявилась еще одна симпатичная черта Кармена. Ради эффектных кадров он не боялся рискнуть жизнью: снимал и под пулями, и под бомбами, и даже находясь в гуще рукопашной схватки.

Снятые им сцены бомбежек испанских городов впервые продемонстрировали публике, насколько ужасной может быть тотальная война против мирного населения. Дальнейшие ужасы это, впрочем, не остановило, но отваге режиссера следует отдать должное...

Из Испании Кармен вернулся вместе с Кольцовым. Однако если редактора «Огонька» вскоре расстреляли как «врага народа», то его бывшего подчиненного репрессии

никак не коснулись. Произошло это благодаря тому, что первой женой Романа Лазаревича была Мария Губельман — дочь одного из соратников Сталина, более известного под псевдонимом Ярославский.

В 1938 г. Кармен вступил в партию, а спустя год на основе отснятых им и Борисом Макасеевым материалов Эсфирь Шуб смонтировала документальный фильм «Испания». Роман Лазаревич выступил здесь всего лишь в роли своеобразного чернорабочего, однако в последующих своих работах он пытался быть не только оператором, но и сценаристом, режиссером, директором.

Затем была еще одна командировка, в которой Кармену вновь пришлось освещать военные действия. В фильмах «Китай в борьбе» (1939) и «В Китае» (1941) речь шла о противостоянии китайцев японской агрессии, нашем союзнике Чан Кайши и возглавляемой Мао Цзэдуном китайской Красной Армии. Оба фильма были ничем не хуже «Испании», но их прокатная судьба не сложилась. Сначала ленты лежали «на полке» потому что ими боялись дразнить японцев, затем — из-за очередной ссоры с Чан Кайши и, наконец, из-за того, что о них просто забыли. Ну а когда о фильмах все-таки вспомнили, то к тому времени успели поссориться уже и с Мао Цзэдуном...

В общем, политическая конъюнктура сыграла с Карменом злую шутку. Но на его профессиональном и карьерном росте это не отразилось. Более того, именно Кармену вместе с М. Слуцким доверили проект, который должен был стать достойным ответом «ихним» «Триумфам» и «Олимпиям»...

Идею картины «День нового мира» в свое время предложил еще Максим Горький. В один из августовских дней 1940 г. сразу 97 операторов начали фиксировать события, происходившие в разных концах Советского Союза. Авторы и зрители вместе с солнцем как бы совершали путешествие по «стране победившего социализма». Правда, в окончательный вариант фильма вошла лишь часть отснятого материала: отлет и прилет самолета на Кавказ,

премьера балета в Большом театре, награждения, новоселья, свадьбы и, наконец, один из гвоздей политического сезона 1940 г. — открытие «народных» парламентов в «добровольно присоединившихся» прибалтийских республиках.

По всем раскладам авторам столь эпохального фильма полагалась Сталинская премия. Однако начавшаяся Отечественная война смешала все планы.

И вновь в первые самые страшные и трагические дни боевых действий Роман Лазаревич действовал намного удачнее других хроникеров. На вопросы коллег, не страшно ли ему было соваться в самое пекло, Кармен обычно давал следующее пояснение: «Страшновато, конечно, а что поделаешь! Ведь вот такая штука: солдат-то лежит, головы не может поднять, прострелят, а я-то ведь должен стоять и сбоку, и сверху, а то и спереди зайти. Когда очень нужно это сделать, то страх отступает, на какие-то мгновенья забываешь обо всем, чтобы добыть несколько хороших кадров».

Сталин как человек равнодушный не только к художественному, но и к документальному кино, запомнил фамилию «Кармен» еще со времен Испании. Ну а с 1941 г. Роман Лазаревич стал, пожалуй, наиболее доверенным среди кинохроникеров «хозяином». Вместе с поэтом Симоновым и писателем Эренбургом он входил в творческую команду, которую в Кремле называли «Резервом Главного командования». Едва Ставка начинала готовить очередное наступление, как на этом участке тут же появлялась неразлучная тройца, чтобы произвести съемки, написать стихи и репортажи...

1942 г. сложился для режиссера вполне удачно. Он возглавлял киногруппы на Центральном и Западном фронтах, выпустил свою первую военную картину «25-й Октябрь». Многие из снятых Карменом материалов вошли в фильмы «Разгром немецких войск под Москвой» и «Ленинград в борьбе». При этом «Разгром немецких войск под Москвой» стал первым документальным фильмом, удостоенным высшей награды американской киноакадемии «Оскар».

Сам Роман Лазаревич удостоился Сталинской премии. В ноябре вместе со своей второй женой красавицей Ниной Орловой Кармен получил от сына вождя приглашение посетить одну из дружеских вечеринок в подмосковном Зубалове.

Гуляние закончилось тем, что у Светланы Аллилуевой начался роман с драматургом Алексеем Каплером, а жена Кармена и вовсе ушла жить к Василию Сталину. Каплера поспешили отправить в Сибирь, а вот на жалобе, написанной Романом Лазаревичем, вождь начертал резолюцию: «Верните эту дуру Кармену. Полковника Сталина арестовать на 15 суток». Начальник охраны генерал Властик добросовестно исполнил приказание, и в семье Карменов восстановились мир и согласие.

Роман Лазаревич вновь вернулся к работе и возглавил киногруппу 2-го Украинского фронта. Здесь ему удалось набрать материалов еще для трех документальных фильмов: «Орловская битва» (1943), «Майданек» (1944), «Берлин» (1945).

Во время штурма столицы Германии произошел один любопытный и малоизвестный эпизод. В пустующей квартире Кармен и его товарищи обнаружили работающий телефон. И тогда у Романа Лазаревича возникла идея дозвониться до руководителя обороны Берлина — Геббельса. Тут же, через справочную службу, дозвонились до его канцелярии. Геббельс лично поднял трубку и услышал: «С вами говорит русский офицер. Я хотел бы задать вам пару вопросов». Что именно ответил на это рейхсминистр, точно неизвестно. Поскольку Кармен также не очень вдавался в подробности, можно предположить, что это была какая-нибудь грубость. А еще через сорок восемь часов Геббельс закончил жизнь самоубийством...

В 1946 г. Кармен работал на Нюрнбергском процессе. По дороге самолет, в котором находилась делегация советских деятелей культуры, едва не разбился. В один из наиболее драматичных моментов полета общее напряжение сняла брошенная Карменом шутка. Оглядев длинный ряд кресел, в которых сидели такие известные люди, как Лео-

нид Леонов, Всеволод Вишнеvский, Всеволод Иванов и т. д., Роман Лазаревич произнес тоном газетчика, раздобывшего интересный материал, — «Какой шикарный некролог!».

К счастью, некролог пришлось писать не на советскую делегацию, а на главных фигурантов Нюрнбергского процесса. В своем фильме «Суд народов» Кармен не скрывал ненависти к подсудимым, и полностью одобряя это «святое чувство», товарищ Сталин счел возможным наградить режиссера еще одной премией собственного имени. Третью Сталинскую премию Кармен получил в 1952 г. А затем пришло время иных фильмов...

Поставив задачу «догнать и перегнать Америку», товарищ Хрущев предложил сконцентрироваться на воспевании мирного, созидательного труда советских граждан. Так, на свет появились «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря».

Во внешней политике акцент делался на помощи народам Азии и Африки в их борьбе против колониализма. И как только СССР обзаводился очередным союзником, в соответствующую страну тут же отправлялся Кармен со своей киногруппой. Дружба Кремля с бирманским диктатором Не Вином, премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и индонезийским президентом Сукарно породили такие фильмы, как «На гостеприимной земле Бирмы», «Утро Индии» и «Наш друг Индонезия». Чуть позже, в 1960-1970-х гг., Роман Лазаревич начал специализироваться на Латинской Америке («Пылающий остров», «Пылающий континент», «Чили: время тревог и надежд», «Сердце Корволана» и т. д.).

И все это время, несмотря на множество новых впечатлений, Роман Лазаревич вынашивал главный замысел всей своей жизни. В 1965 г. в качестве своеобразного эскиза был снят полнометражный документальный фильм «Великая Отечественная». Однако полноценная работа над проектом началась только через 10 лет, когда американская компания «Эр Тайм Интернейшнл» заказала более масштабный 20-серийный вариант этой картины. Кармен от начала и до конца курировал весь замысел и сам снял

первую и последнюю серии фильма «22 июня 1941 г.» и «Неизвестный солдат».

«Великая Отечественная» с триумфом прошла по экранам. В Америке лента называлась «Неизвестная война» и получила Гран-при фестиваля документальных фильмов в Нью-Йорке. Читавший текст знаменитый голливудский киноактер Берт Ланкастер в одном из интервью отметил: «Я считаю для себя честью участие в создании этой программы. Быть может, это самая важная работа в моей жизни».

В том, что это была самая важная работа в жизни Кармена, сомневаться не приходится. Он скончался в 1978 г. сразу же после того, как завершил озвучивание последней серии...

Любой художник мечтает о творческой свободе, славе и материальном благополучии. Послужив власти всего тремя фильмами, Лени Рифеншталь получила славу и богатство. Однако свободной она так и не стала, ибо все ее последующее творчество определялось одним стремлением — избавиться от клейма нацистской «попутчицы».

Роман Кармен был человеком более трезвомыслящим и потому, работая в условиях тоталитарного государства, возвел творческую несвободу в своеобразный принцип. Не случайно в одном из своих интервью он заявлял: «Документальный фильм активен и революционен по самой своей природе. Он не может не быть пропагандистским искусством. Скажу больше — идеология, тенденция лежат в самой основе документального кино».

Режиссер Кармен служил власти не как профессионал, а как подданный. И взамен, хотя и на склоне лет, он все-таки получил возможность снять главный фильм своей жизни — «Великую Отечественную». Что же касается Лени Рифеншталь, то для нее такими главными фильмами так и остались сделанные исключительно на заказ «Триумф воли» и «Олимпия».

Литература

- Абрамов А. У* Кремлевской стены. М., 1978.
- Александров П.* Расколотый щит // Родина. 1995. №12.
- Алещенко Н. М.* Долг и подвиг. М., 1981.
- Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. М., 1990.
- Амброз С.* Эйзенхауэр — солдат и президент. М., 1993.
- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
- Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003.
- Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб., Хельсинки. 2002.
- Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.
- Безыменский Л.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1961.
- Бережков В. С.* Дипломатической миссией в Берлин. М., 1966.
- Бивор Э.* Сталинград. Смоленск, 1999.
- Бланк А. С.* Адвокаты фашизма. М., 1974.
- Борзенко С.* По дорогам войны. М., 1978.
- Борисенок Ю., Горелов Н.* Крыса в пасти удава // Родина. 2003. №2
- Борщев С. Н.* От Невы до Эльбы. Л., 1970.
- Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. М., 1990.
- В боях за Белоруссию. Минск, 1974.
- Василевский А. М.* Дело всей жизни. Том 1–2. М., 1988.
- Видрашку Ф.* Петру Гроза. М., 1976.
- Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л., 1980.
- Винцер Б.* Солдат трех армий. М., 1971.
- Вихавайнен Т.* Чудо Зимней войны // Родина. 1995. №12
- Военные моряки и подводники XX века. Минск, 1998.
- Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне. Минск, 1998.
- Война и победа. М., 1976.

- Вокруг Сталина. СПб., 2000.
- Волгонов Д. А.* Сталин. Том 1–2. М., 1990.
- Воуз Д.* Подводный ас. М., 2001.
- Вышельский Л.* Мадрид. М., 2003.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Том 1–3. М., 1968–1971.
- Геббельс Й.* Дневник 1945 г. Смоленск, 1993.
- Гладков Т.* Медведев. М., 1985.
- Гот Г.* Танковые операции. М., 1961.
- Градоначальники. Петербург — Петроград — Ленинград. СПб., 2003.
- Гречко А. А.* Годы войны. М., 1976.
- Гротов Г.* Герман Геринг — маршал Рейха. М., 1998.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954.
- Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1998.
- Дениц К.* Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. М., 1964.
- Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1990.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969.
- За родной Севастополь. М., 1975.
- Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000.
- Залесский К. А.* Империя Сталина. М., 2000.
- Застольные речи Сталина. СПб., 2003.
- История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.
- Каберов И.* В прицеле свастика. Л., 1975.
- Кавалеры ордена «Победа». М., 2000.
- Казаков К. П.* Всегда с пехотой, всегда с танками. М., 1973.
- Карпов В.* Маршал Жуков. М., 1999.
- Карпов В.* Полководец. М., 1988.
- Карпов В.* Расстрелянные маршалы. М., 2000.
- Командиры Второй мировой. Том 1–2. Минск, 1998.
- Комаров А.* Капитуляция ради престижа // Родина. 1995. №12.
- Крысин М. Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004.
- Кто был кто в Третьем Рейхе. М., 2003.
- Кудряшов С.* Красноармейцы в немецком плену // Родина. 2004. №7.
- Куманев Г.* Он повернул ход истории в пользу СССР // Родина. 1996. №12.

- Куприянов Г. К.* От Баренцова моря до Ладоги. Л., 1972.
Легендами овеванная. Л., 1975.
Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944 гг. СПб., 1994.
Ленинград в осаде. СПб., 1995.
Ленинградское дело. СПб., 1990.
Ленинградцы в Испании. Л., 1973.
Люди бессмертного подвига. Том 1–2. М., 1975.
Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999.
Маршалы и адмиралы. Минск, 1997.
Мелин Я, Юханссон А, Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.
Мелентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999.
Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. М., 2001.
Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.
Митчем С., Мюллер Д. Командиры Третьего Рейха. Смоленск, 1997.
Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.
Митюрин Д. В. Апостолы новой веры // Секретные материалы. 2004. №19.
Митюрин Д. В. Атаки века // Секретные материалы. 2004. №24.
Митюрин Д. В. Баллада о двух комиссарах // Секретные материалы. 2004. №9.
Митюрин Д. В. Битва за Крым // Секретные материалы. 2004. №9.
Митюрин Д. В. Бои на фронте, сражения в штабе // Секретные материалы. 2005. №1.
Митюрин Д. В. Броня крепка... // Секретные материалы. 2004. №6.
Митюрин Д. В. В дипломатической ссылке // Секретные материалы. 2004. №20.
Митюрин Д. В. В лесах Карелии // Секретные материалы. 2004. №12.
Митюрин Д. В. В обороне и в наступлении // Секретные материалы. 2004. №25.
Митюрин Д. В. Война в тиши кабинетов // Секретные материалы. 2004. №7.
Митюрин Д. В. Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр? // Секретные материалы. 2004. №8.
Митюрин Д. В. Вырезанные из разного дерева // Секретные материалы. 2004. №14.
Митюрин Д. В. Горшок с орденами // Секретные материалы. 2004. №26.

Митюрин Д. В. Главный фильм жизни // Секретные материалы. 2004. №10.

Митюрин Д. В. Джиу-джитсу для рейхскомиссара // Секретные материалы. 2004. №23.

Митюрин Д. В. Дубовые листья и Золотые Звезды // Секретные материалы. 2004. №20.

Митюрин Д. В. Крылатая пехота // Секретные материалы. 2004. №11.

Митюрин Д. В. Люди из свиты // Секретные материалы. 2004. №18.

Митюрин Д. В. Маленькие вожди // Секретные материалы. 2004. №21.

Митюрин Д. В. Морские стратеги // Секретные материалы. 2004. №17.

Митюрин Д. В. На «ты» с вождями // Секретные материалы. 2004. №17.

Митюрин Д. В. Орден Победы для короля Румынии // Секретные материалы. 2004. №15.

Митюрин Д. В. Парадокс Молотова–Риббентропа // Секретные материалы. 2004. №16.

Митюрин Д. В. Полководцы в тени диктаторов // Секретные материалы. 2004. №11.

Митюрин Д. В. Предательство или прозрение? // Секретные материалы. 2004. №6.

Митюрин Д. В. Прокуроры от дьявола // Секретные материалы. 2004. №12.

Митюрин Д. В. Разорванное кольцо // Секретные материалы. 2004. №5.

Митюрин Д. В. Свои и чужие // Секретные материалы. 2004. №22.

Митюрин Д. В. Солдаты труда // Секретные материалы. 2004. №23.

Митюрин Д. В. Сталинградский котел // Секретные материалы. 2004. №18.

Митюрин Д. В. «Сталинские соколы» против «экспертов» из люфтваффе // Секретные материалы. 2004. №24.

Митюрин Д. В. Старые знакомые // Секретные материалы. 2004. №13.

Митюрин Д. В. Союзники // Секретные материалы. 2004. №14.

Митюрин Д. В. Тост за победителей // Секретные материалы. 2004. №7.

Митюрин Д. В. Триумф побежденного // Секретные материалы. 2004. №19.

Митюрин Д. В. У каждого своя Украина // Секретные материалы. 2004. №25.

Митюрин Д. В. У самого Черного моря // Секретные материалы. 2004. №8.

Можейко И. В. Западный ветер — ясная погода. М., 2001.

Московская пролетарская. М., 1978.

Муратов Х. Боевая семья. М., 1975.

Мы из Кронштадта. Л., 1975.

Начало. Том 1–2. М., 1995.

На дороге жизни. Л., 1975 г.

Непокоренная земля Псковская. Л., 1976.

Одземовский Я. Нарвик. М., 2003.

Ополченцы. Л., 1975.

Оружие славы. М., 1975.

Пережогин В. А. Солдаты партизанского фронта. М., 2001.

Печенкин А. И ордена, и тюрьма // Родина. 1996. №6.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979.

Поппель Н. К. Вперед Берлин! М., 1970.

Русначенко А. Народ збурений. Київ, 2002.

Рябов В. С. Путь мужества и славы. М., 1977.

Сахаров В. В застенках Маутхаузена. М., 1962.

Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970.

Семичастный В. И. Беспокойное сердце. М., 2002.

Смирнов А. Большие маневры // Родина. 2000. №4.

Смирнов А. История со дна моря. Стокгольм, 2002.

Смирнов С. Рассказы о неизвестных героях. М., 1985.

Смирнов С. Брестская крепость. М., 1965.

Солдат храбр и усерден, но... // Родина. 1995. №8.

Солсбери Г. Девятьсот дней. М., 1994.

Соколов Б. Тайны Финской войны. М., 2000.

Спик М. Асы люфтваффе. Смоленск, 1999.

Спик М. Асы союзников. Смоленск, 2000.

СС в действии. М., 1968.

Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004.

Суворов В. Ледокол. М., 1992.

- Суворов В.* День—М. М., 1994.
- Теплицын В.* Отто Скорцени, или командос — опасное ремесло. Смоленск, 2000.
- Теплицын В. Л.* Пылающий Китай. М., 2003.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1991.
- Уваров П. В.* На ходовом мостике. Киев, 1980.
- Устинов Д. Ф.* Во имя Победы. М., 1988.
- Уэст. Р.* Иосип Броз Тито. Власть силы. Смоленск, 1997.
- Форпост героев. Хабаровск, 1973.
- Чертова дюжина асов люфтваффе. Минск, 2000.
- Черчилль У.* Вторая мировая война. Том 1–3. М., 1991.
- Чухрай Г.* Если дорог тебе твой дом // Родина. 1995. №9.
- Шарипов А.* Черняховский. М., 1980.
- Шелленберг В.* Лабиринт. М., 1991.
- Ширер У.* Крах нацистской империи. Смоленск, 1998.
- Широкопад А. Б.* Русско-турецкие войны. М., 2000.
- Широкопад А. Б.* Северные войны России. М., 2001.
- Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1998.
- Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1998.
- Экштут С.* Адмирал и Хозяин // Родина. 2004. №7.
- Юутилайнен А.* Другой чести нам не надо // Родина. 1995. №12.

Об авторе

Дмитрий Митюрин родился в 1970 году. Окончил Санкт-Петербургский университет культуры. Преподает в Российской христианской гуманитарной академии.

Печатается в журналах «Родина», «Всемирный следопыт», «Конкуренция и рынок», «Мир авионики», газетах «Невское время» и «Секретные материалы». Автор книг «Градоначальники. Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград — Санкт-Петербург» и «Гражданская война в России: белые и красные».

Некоторые из вошедших в эту книгу статей публиковались в рубрике «Противостояние» (газета «Секретные материалы») и в 2004 году были отмечены премией на организованном ВГТРК РФ конкурсе «Патриот России».

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Часть первая

ПОЛКОВОДЦЫ	7
------------------	---

Браухич против Тимошенко:

полководцы в тени диктаторов	8
<i>Карьера 1. Браухич .....</i>	<i>8</i>
<i>Карьера 2. Тимошенко .....</i>	<i>10</i>
<i>1941-й. Выиграть время .....</i>	<i>13</i>
<i>Браухич. Финал .....</i>	<i>16</i>
<i>Тимошенко. Изменчивость славы .....</i>	<i>16</i>

Гальдер против Шапошникова:

война в тиши кабинетов	18
<i>Карьера 1. Гальдер .....</i>	<i>18</i>
<i>Карьера 2. Шапошников .....</i>	<i>20</i>
<i>Гадание на картах: Север? Юг? Центр?.....</i>	<i>23</i>
<i>Гальдер. Отставка, концлагерь, медали .....</i>	<i>25</i>
<i>Шапошников. Под грохот салюта .....</i>	<i>26</i>

Бок против Конева:

триумф побежденного	29
<i>Карьера 1. Федор фон Бок .....</i>	<i>29</i>
<i>Карьера 2. Иван Конев .....</i>	<i>31</i>
<i>Битва за Москву .....</i>	<i>33</i>
<i>Бок. Крах «Тайфуна» и крах карьеры .....</i>	<i>36</i>
<i>Конев. Солдаты звали его «братом» .....</i>	<i>38</i>

Талвела против Гореленко: в лесах Карелии	41
<i>Карьера 1. Талвела</i>	41
<i>Карьера 2. Гореленко</i>	43
<i>Талвела и Гореленко. Первая встреча</i>	45
<i>Враг выдыхается</i>	47
<i>Талвела и Гореленко. Встреча вторая</i>	48
<i>Вместо эпилога. Генералы в отставке</i>	49

Клюге против Рокоссовского:

вырезанные из разного дерева	52
<i>Карьера 1. Клюге</i>	52
<i>Карьера 2. Рокоссовский</i>	54
<i>Год 1941-й</i>	55
<i>Год 1942-й</i>	56
<i>Год 1943-й</i>	57
<i>Клюге. Год 1944-й</i>	58
<i>Рокоссовский. Дважды маршал</i>	60

Манштейн против Петрова:

у самого Черного моря	63
<i>Карьера 1. Манштейн</i>	63
<i>Карьера 2. Петров</i>	65
<i>Битва за Севастополь</i>	67
<i>Манштейн. Не виноватый в поражениях</i>	70
<i>Петров. Не ставший маршалом</i>	72

Вейхс против Ватутина:

искусство делать котлы	75
<i>Карьера 1. Вейхс</i>	75
<i>Карьера 2. Ватутин</i>	77
<i>Котел</i>	79
<i>Вейхс. Лебединая песня на Балканах</i>	81
<i>Ватутин. Освобождение Украины</i>	83

Кюхлер против Говорова: разорванное кольцо	85
<i>Карьера 1. Кюхлер</i>	85
<i>Карьера 2. Говоров</i>	88
<i>Место противостояния — Ленинград</i>	91
<i>Два полководца: побежденный и победитель</i>	93
<i>Два полководца — два человека</i>	95

Гот против Ротмистрова:

броня крепка, и танки наши быстры...	98
<i>Карьера 1. Гот</i>	98
<i>Карьера 2. Ротмистров</i>	100
<i>Курская дуга</i>	103
<i>Танковая мясорубка</i>	104
<i>Герман Гот. Последние битвы</i>	106
<i>Павел Ротмистров. Дорога в маршалы</i>	108

Йенеке против Толбухина:

освобождение Крыма	111
<i>Карьера 1. Йенеке</i>	111
<i>Карьера 2. Толбухин</i>	113
<i>«Последняя крепость готов»</i>	114
<i>Штурм цитадели</i>	117
<i>Эпилог 1. Йенеке</i>	119
<i>Эпилог 2. Толбухин</i>	120

Хейнрикс против Мерецкова: старые знакомые ....

<i>Карьера 1. Хейнрикс</i>	121
<i>Карьера 2. Мерецков</i>	122
<i>1939–1940 гг. Выборг</i>	124
<i>1941 год. Карелия</i>	125
<i>1944 год. И снова Карелия</i>	127
<i>В одном окопе</i>	129

Модель против Черняховского:	
в обороне и в наступлении	131
<i>Модель .....</i>	<i>131</i>
<i>Черняховский .....</i>	<i>136</i>
Клейст и Еременко: рогами против хозяина	143
<i>Клейст .....</i>	<i>143</i>
<i>Еременко .....</i>	<i>148</i>
Дитрих против Малиновского:	
горшок с орденами	154
<i>Карьера 1. Дитрих .....</i>	<i>154</i>
<i>Карьера 2. Малиновский .....</i>	<i>156</i>
<i>1941-й. От Прута до Ростова .....</i>	<i>158</i>
<i>Дитрих. От командира корпуса до</i>	
<i>командующего армией .....</i>	<i>160</i>
<i>Малиновский. От Кавказа до Дуная .....</i>	<i>161</i>
<i>Медаль за город Будапешт .....</i>	<i>162</i>
<i>Эпilog. Ордена в горшке и на подушечках .....</i>	<i>164</i>
Панвиц и Плиев: казачья слава	166
<i>Панвиц .....</i>	<i>166</i>
<i>Плиев .....</i>	<i>171</i>
Гудериан против Антонова:	
отличный полководец против штабного гения	178
<i>Гудериан .....</i>	<i>178</i>
<i>Антонов .....</i>	<i>183</i>
Редер против Кузнецова:	
морские стратеги	189
<i>Редер .....</i>	<i>189</i>
<i>Кузнецов .....</i>	<i>194</i>

Кейтель против Жукова: момент истины	202
<i>Кейтель</i>	202
<i>Жуков</i>	208

Ямада против Василевского:

последний акт	215
<i>Карьера 1. Ямада</i>	215
<i>Карьера 2. Василевский</i>	217
<i>Большая дальневосточная политика</i>	220
<i>Тройной удар</i>	222
<i>Все как по маслу</i>	223
<i>Эпилог</i>	225

Часть вторая

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ	227
-------------------------------	-----

Рейтч и Гризодубова:

все выше и выше, и выше	228
<i>Рейтч</i>	228
<i>Гризодубова</i>	233

Штудент и Маргелов: солдаты высокого класса ... 238

<i>Штудент</i>	238
<i>Маргелов</i>	243

Мельдерс и Покрышкин:

«соколы» против «экспертов»	251
<i>Мельдерс</i>	251
<i>Покрышкин</i>	256

Прин и Маринеско: атаки века .....
 263 |

<i>Прин</i>	263
<i>Маринеско</i>	268

Рудель и Челноков: смертельная штурмовка	275
<i>Рудель</i>	275
<i>Челноков</i>	280

Колобанов и Баркманн:

танковые асы	287
<i>В списке героев не значится</i>	287
<i>«Угол Баркманна»</i>	293

Часть третья

ВДАЛИ ОТ ФРОНТА	299
------------------------------	-----

Шпеер и Устинов: поединок технократов	300
<i>Карьера 1. Шпеер</i>	300
<i>Карьера 2. Устинов</i>	302
<i>Шпеер. Борьба обреченного</i>	304
<i>Устинов. Все для фронта</i>	306
<i>Эпилог</i>	309

Папен и Коллонтай:

в дипломатической ссылке	311
<i>Папен</i>	311
<i>Коллонтай</i>	316

Кох и Пономаренко:

джиу-джитсу для рейхскомиссара	323
<i>Карьера 1. Кох</i>	323
<i>Карьера 2. Пономаренко</i>	325
<i>«Новый порядок»</i>	327
<i>Борцы с «новым порядком»</i>	328
<i>«Народные мстители»</i>	330
<i>Пожизненное заключение</i> <i>и персональная пенсия</i>	332

Скорцени и Медведев: гост за победителей	334
<i>Скорцени</i>	334
<i>Медведев</i>	339
Отряд Сабурова: «свои» и «чужие»	345
<i>Партизаны</i>	345
«Свои»	346
«Чужие»	350
<i>Дороги</i>	353
«Советские» и «самостийники»	355
<i>Карьера 1. Бандера</i>	355
<i>Карьера 2. Хрущев</i>	357
<i>Украинская держава</i>	359
<i>Партизаны и бандеровцы</i>	361
<i>Война после войны</i>	363
<i>Украинец в Москве и украинец в Мюнхене</i>	365

Часть четвертая

ПАРАЛЛЕЛИ	367
Геринг и Димитров: Обвинение обвинителя	368
<i>Герман Геринг на земле и в воздухе</i>	368
<i>Георгий Димитров. Путь в «поджигатели»</i> ...	371
<i>Пожар</i>	373
<i>Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?</i>	375
<i>Геринг. Эпилог</i>	376
<i>Димитров. Эпилог</i>	378
Рем и Киров: на «ты» с вождями	380
<i>Рем</i>	380
<i>Киров</i>	385

Ганфштенгль и Бажанов: люди из свиты	392
<i>Ганфштенгль</i>	392
<i>Бажанов</i>	397
Геббельс и Жданов:	
воинственные идеологи	402
<i>Геббельс</i>	402
<i>Жданов</i>	408
Розенберг и Ярославский:	
апостолы новой веры	416
<i>Розенберг</i>	416
<i>Ярославский</i>	421
Фрейслер и Вышинский:	
прокуроры от дьявола	428
<i>Фрейслер</i>	428
<i>Вышинский</i>	433
Ширах и Косарев: вожди молодежи	439
<i>Ширах</i>	439
<i>Косарев</i>	444
Лей и Шверник: солдаты труда	450
<i>Лей</i>	450
<i>Шверник</i>	455
Риббентроп и Молотов: вместе в истории	462
<i>Карьера 1. Риббентроп</i>	462
<i>Карьера 2. Молотов</i>	464
<i>«Мы этого не заслужили»</i>	466
<i>Риббентроп. Путь на виселицу</i>	470
<i>Молотов. Взлеты и падения</i>	472

Зейдлиц и Власов:	
предательство или прозрение?	475
<i>Зейдлиц</i>	475
<i>Власов</i>	482
Шернер и Мехлис: два комиссара	488
<i>Шернер</i>	488
<i>Мехлис</i>	493
Рифеншталь и Кармен: главный фильм жизни	499
<i>Рифеншталь</i>	499
<i>Кармен</i>	505
ЛИТЕРАТУРА.....	512
ОБ АВТОРЕ.....	518

Научно-популярное издание

Митюрин Д. В.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ**

Главный редактор *Н. Л. Волковский.*

Редактор *А. П. Чеботарева.*

Корректор *М. Г. Крашенникова.*

Компьютерная верстка *Ю. А. Федоровой.*

Компьютерная графика *Ю. В. Поздняковой.*

Подписано в печать 20.04.2005. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Физ. печ. л. 16,5. Усл. печ. л. 27,72.

Тираж 5000 экз. Зак. № .

ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел./факс: 542-91-12.

E-mail: polygon@rol.ru